

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

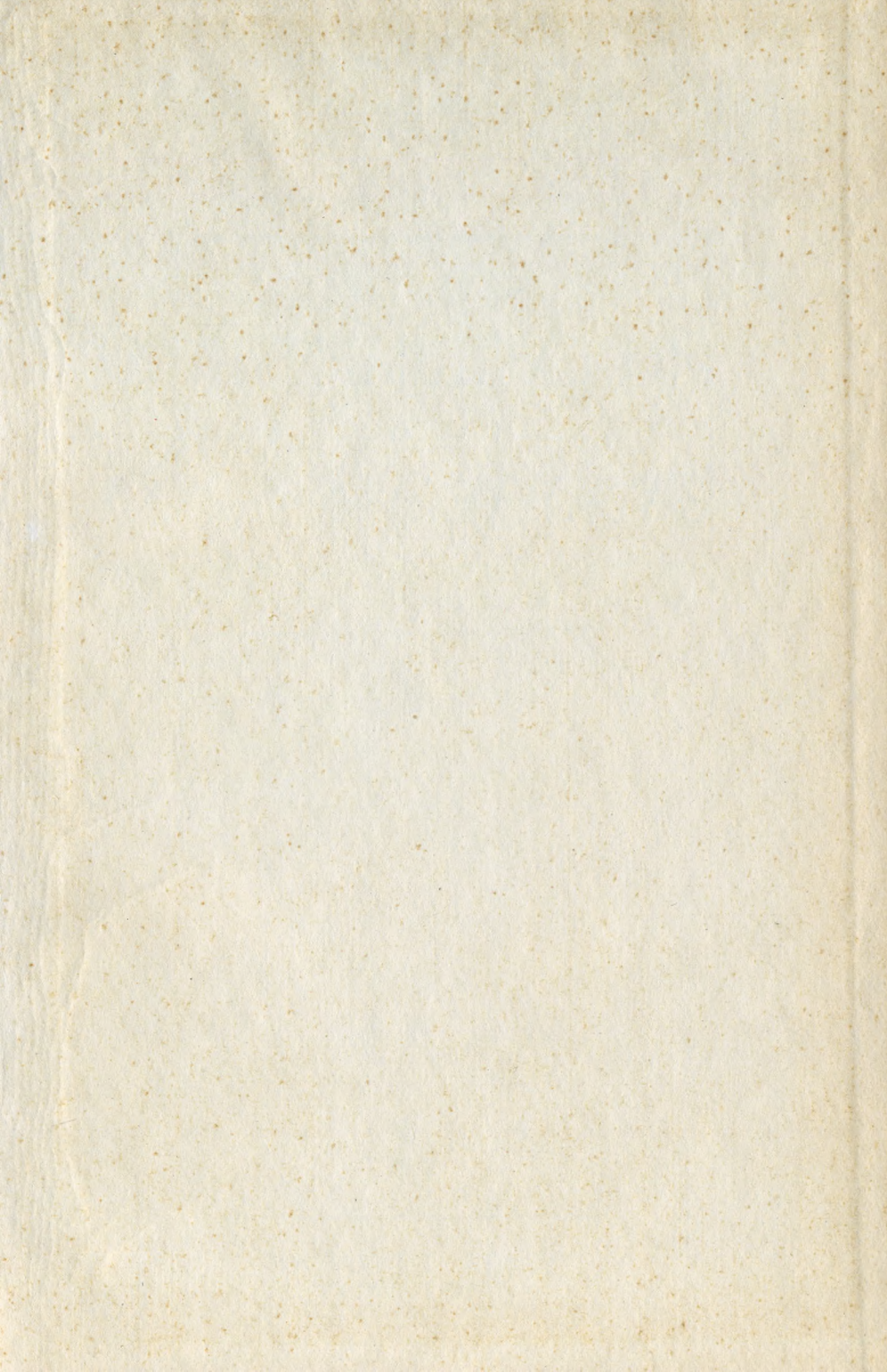

и
СОВРЕМЕННОСТЬ

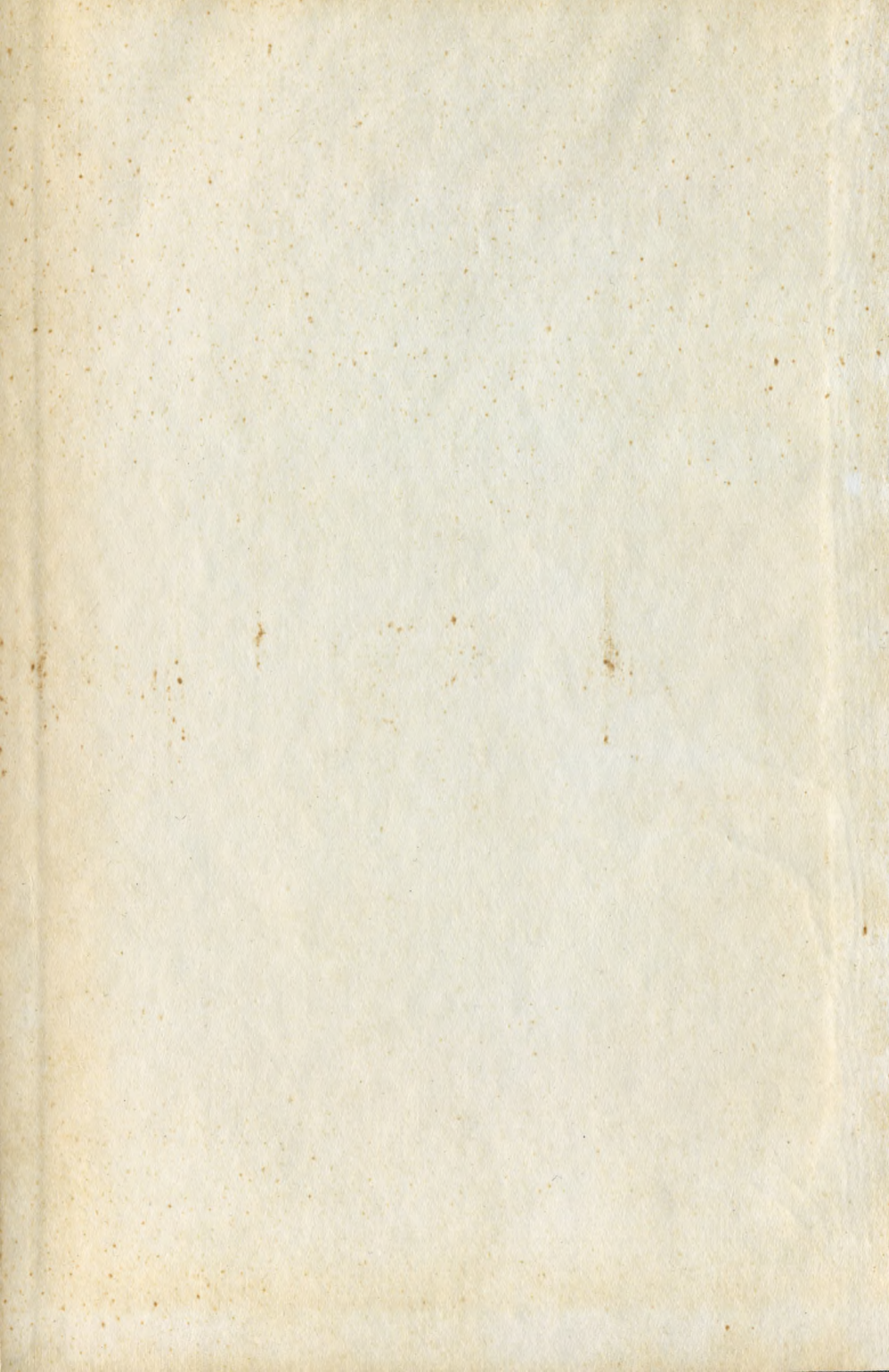
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
и
СОВРЕМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

В работе анализируются различные стороны теоретического наследия и деятельности великого революционера-демократа. Освещаются политическая программа и разработка вопросов революционной тактики, материалистическая философия, социально-экономические и государственно-правовые воззрения Чернышевского, этические взгляды, а также его утопический социализм. Большое внимание уделено актуальности теоретического и литературного наследия Чернышевского, критике буржуазных фальсификаций его жизни и творчества.

Редакционная коллегия:

М. Т. ИОВЧУК (ответственный редактор),

А. Л. АНДРЕЕВ, В. Е. ЕВГРАФОВ,

Г. Б. КОСОВ, А. Ф. СМИРНОВ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В июле 1978 г. исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского мыслителя и революционера, ученого-энциклопедиста, крупного деятеля отечественной демократической культуры, одного из предшественников пролетарского революционного движения в России — Н. Г. Чернышевского. Этот юбилей стал крупным событием в культурной жизни страны. В Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание, посвященное знаменательной дате, на котором с докладом «Н. Г. Чернышевский — великий русский мыслитель и революционер» выступил Председатель Всесоюзного юбилейного оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев. На торжественном заседании выступили также первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, первый секретарь Саратовского обкома КПСС В. К. Гусев, академик АН УССР В. И. Шинкарук.

В Москве, Ленинграде, Киеве, Саратове, Якутске и других городах состоялись научные конференции и заседания, посвященные 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Выступившие на них ученые подводили итоги работы по изучению жизни и деятельности великого революционера-демократа, изложили результаты проведенных научных исследований, наметили перспективы их дальнейшего развития.

150-летие Н. Г. Чернышевского стало значительной вехой в изучении его наследия, в исследовании истории революционного движения и передовой общественной мысли России. Комплексный, многосторонний характер исследований творчества Н. Г. Чернышевского, его политической программы и деятельности, его философских, экономических, этических и эстетических взглядов, его теоретического и литературно-критического наследия, их значения для современности помог воссоздать целостный образ одного из наиболее ярких деятелей истории нашей Родины. Публикация материалов, подытоживающих результаты исследований и обсуждений на научных конференциях, посвященных 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, представляет значительный интерес.

Данная коллективная работа рассматривает круг идейно-политических и научных проблем, получивших освещение в докладах и выступлениях на торжественном заседании в Большом театре СССР, состоявшемся в связи с празднованием юбилея великого русского революционера-демократа, а также результаты исследований, изложенных в докладах и сообщениях на Всесоюзной научной конференции «Теоретическое и литературное наследие Н. Г. Чернышевского и современность», организованной Академией наук СССР, Министерством культуры СССР и Союзом писателей СССР в мае 1978 г. в Ленинграде.

При отборе материала редакционная коллегия книги исходила из стремления создать внутренне единый труд, задача которого состоит прежде всего в том, чтобы осветить наиболее важные стороны мировоззрения и деятельности Чернышевского. В предлагаемой нами вниманию читателей книге не охвачены некоторые вопросы, касающиеся исследований влияния идей Чернышевского на развитие философской и общественной мысли народов СССР и зарубежных стран. Ряд материалов, посвященных этой проблематике, образует самостоятельное тематическое единство и публикуется в книгах «Н. Г. Чернышевский в философской и общественной мысли народов СССР» и «Н. Г. Чернышевский в философской и общественной мысли народов зарубежных стран», подготовленных к печати Институтом философии АН СССР. Итоги новых исследований, посвященных анализу литературной и литературно-критической деятельности Чернышевского, изложенные в ряде докладов на Всесоюзной научной конференции, проведенной в Ленинграде, и на других научных сессиях, включены в книгу «Н. Г. Чернышевский. Эстетика, литература, критика», подготовленную в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР и выпущенную в 1979 г. издательством «Наука».

Названные книги вместе с настоящим трудом дают представление о целом облике великого русского мыслителя-революционера Н. Г. Чернышевского.

* * *

Редакционная коллегия выражает благодарность руководителям секций Всесоюзной научной конференции в Ленинграде академику А. С. Бушмину, члену-корреспонденту АН СССР В. А. Виноградову, доктору исторических наук Н. Е. Носову, а также доктору филологических наук А. Н. Иезуитову, доктору исторических наук Е. Л. Рудницкой, докторам философских наук С. Н. Смирнову, Э. В. Смирновой, Н. Ф. Уткиной и другим сотрудникам сектора истории философии народов СССР института философии АН СССР и кандидату филологических наук В. С. Барахову, оказавшим ценную помощь в рецензировании и подготовке к печати материалов, включенных в книгу.

Организационную и научно-вспомогательную работу по книге вела А. Ю. Кобзева.

П. Н. Федосеев

**Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ —
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ
И РЕВОЛЮЦИОНЕР**

В нашу эпоху революционного обновления мира героическое прошлое народов как никогда сближается с современностью, оживает в сознании и деяниях строителей нового общества. Советские люди, воспитанные Коммунистической партией на идеях марксизма-ленинизма, высоко ценят унаследованные прогрессивные традиции, извлекают надлежащие уроки из исторического опыта, усваивают и умножают духовные богатства, созданные нашими предшественниками.

В истории освободительного движения и передовой общественной мысли запечатлены имена выдающихся деятелей, идейное наследие и благородный образ которых живут и будут жить в веках, духовно возвышая и нравственно обогащая новые поколения. Каждая революционная эпоха рождает своих героев и мыслителей, которые наиболее верно и полно выражают назревшие потребности общественного прогресса, настроения и интересы широких народных масс. С чувством глубокого уважения и преклонения чтим мы властителей народных дум, вдохновителей и знаменосцев освободительной борьбы, высоко ценим плоды их исторической деятельности, поучительный пример их жизненного пути. Отмечая столетие со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского, мы выражаем заслуженное признание великому революционному демократу и мыслителю, замечательному писателю и талантливому критику, мужественному и последовательному борцу с царизмом и крепостничеством, идейному вдохновителю и воспитателю многих революционеров.

Многое в мире изменилось с середины XIX в. когда в российском освободительном движении сформировалась и яркой звездой взошла на общественной арене обаятельная личность Чернышевского, вызывающая и поныне, у людей XX столетия, восхищение величием своего гражданского и человеческого подвига, своей легендарной и трагической судьбой, поистине титаническим напряжением ума и воли, неутомимостью духовных поисков революционной теории и решительностью в борьбе за ее практическое применение.

Оценивая заслуги Чернышевского в развитии российского революционного движения, в разработке и пропаганде социалистических идей, в воспитании и сплочении мужественных борцов против крепостничества и царского самодержавия, Ленин называл его великим русским революционером-демократом и социалистом.

Чувство глубочайшего уважения и неизменной симпатии питал Владимир Ильич к нему как ближайшему предшественнику марксизма. К произведениям, идеям и делам Чернышевского Ленин постоянно обращался на протяжении всей своей жизни, опираясь на них в решении многих вопросов революционной борьбы. На высокий авторитет Чернышевского он часто ссылался в полемике с идейными противниками и в подтверждение своих взглядов.

Целая эпоха величайших исторических событий, коренным образом изменивших историю человечества, пролегла между нами и тем уже далеким временем, когда жил, боролся и творил Чернышевский. Россия, родина Чернышевского, разорвав душившие ее в прошлом цепи социального и политического гнета, встала на путь глубочайших революционных преобразований, превратилась из экономически отсталой, феодально-крепостнической страны, какой она была при его жизни, в могущественную страну развитого социализма, оплот демократии и социального прогресса, мира и безопасности народов, населяющих нашу планету.

И сегодня мы отдаем Чернышевскому дань глубокого уважения и признательности, так как в осуществлении этих великих целей, в достижении знаменательных исторических рубежей есть немалая доля его неутомимого труда, творческого гения и дерзания, мужества и целеустремленности, отданных без остатка делу освобождения нашей Родины во имя ее светлого будущего.

С исторической дистанции в сто с лишним лет, с высоты всего завоеванного нашим великим народом под руководством Коммунистической партии, в особенности за последние 60 героических лет, все ярче раскрывается величие совершенного Чернышевским подвига, становится все более очевидным, что многие начала и животворные истоки нашей духовной жизни, науки и литературы в той или иной мере восходят к его бесценному творческому наследию.

Это боевое, наступательное, революционное по своему духу идейно-теоретическое и художественное наследие подготовило благодатную почву для распространения марксизма в России на рубеже XIX—XX вв., помогало формированию революционных кадров, политическому просвещению передовых слоев общества и тем самым способствовало победе Великой Октябрьской социалистической революции, осуществившей вековые чаяния трудящихся масс. Не искусной рукой летописца, а самой реальной историей протянута связующая нить от Чернышевского к современности. Сменялись поколения революционных борцов, изменя-

лись формы и методы освободительной борьбы, но сохранялась преемственность передовых идей и революционных действий, продолжались героические традиции самоотверженной борьбы за социалистические идеалы. Характеризуя передовую общественную мысль России, Л. И. Брежнев назвал Чернышевского в ряду выдающихся деятелей, которые содействовали духовному пробуждению страны, формированию революционного сознания народов нашей Родины. «Их деятельность в конечном счете помогла подготовить почву для великого подвига ленинского гения, для создания революционной партии рабочих и крестьян, для победы Великого Октября»¹.

Коммунистическая партия и весь советский народ высоко ценят Николая Гавриловича Чернышевского, великого предшественника научного социализма в России, и тот вклад, который он внес в историю революционного обновления нашей Родины. В ознаменование столетия со дня рождения Чернышевского намечается соорудить ему памятник в столице Союза Советских Социалистических Республик Москве.

Имя Чернышевского является источником национальной гордости русского народа. Вместе с тем все народы Советского Союза чтут память Чернышевского, неутомимо боровшегося против социального и национального угнетения и оказавшего плодотворное влияние на развитие передовой демократической культуры всех наций нашей страны.

Своей революционной борьбой против эксплуататорского строя, своими выдающимися научными трудами и пламенными публицистическими обличениями угнетателей народа Чернышевский заслужил признательность всего прогрессивного человечества. Дерзновенная мысль Чернышевского, перешагнувшая через целые десятилетия, намного опередила его время, и этим прежде всего определяется то важное место, которое он занял в истории развития международного революционного движения. Интернациональное значение всей героической жизни, всего того, что он создал как смелый революционер и крупный ученый, в том и состоит, что он обогатил социальное и духовное развитие человечества новыми идеями, всемирно-историческим опытом передовой русской общественной мысли, обратив на себя внимание самых выдающихся умов зарубежной науки и культуры.

Маркс, внимательно изучавший и высоко ценивший произведения Чернышевского, глубоко интересовавшийся его деятельностью и судьбой, назвал Чернышевского великим русским ученым и критиком, учителем и вождем русской революционной молодежи середины XIX в., выразив тем самым уважение и признательность социалистов всех стран русскому самоотверженному борцу за освобождение народных масс.

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 362.

Русские марксисты сохранили и развили все лучшее, что было в наследстве русских революционных демократов. Народники, объявлявшие себя «хранителями наследства», на самом деле порвали с традициями революционных демократов. Они порвали с материализмом Чернышевского, отреклись от идеи классовой борьбы с угнетателями народа.

Идеи Чернышевского имеют непреходящее значение, ибо это идеи борьбы за освобождение всего человечества от экономического и духовного рабства, а идеи борьбы за свободу не умирают, как не угасает сама эта борьба за утверждение таких общественных порядков, которые исключают всякую возможность эксплуатации человека человеком во всем мире.

* * *

Революционная деятельность Чернышевского развернулась в годы подготовки и проведения так называемой крестьянской реформы, в период разворачивания революционной ситуации 1859—1861 гг. Поражение царской России в Крымской войне 1854—1856 гг. показало всю гнилость общественно-политического и экономического строя тогдашней России, основанного на крепостничестве, представлявшем, по определению Чернышевского, основное зло общественной жизни и главнейший источник множества всевозможных пороков. Борьба крепостных крестьян за свое освобождение в эти годы приняла небывалый размах. Крестьянские восстания волной разливались по всей стране. Между крестьянами и помещиками, по выражению Маркса, шла партизанская война². Революционное брожение охватило широкие круги учащейся молодежи и передовой интеллигенции. Волновалась и городская беднота, тесно связанная с деревней и возбужденная толками о «реформе». Разгоревшееся тогда же польское восстание ослабляло позиции царизма и усиливало общероссийский демократический лагерь. В России назревала революционная буря.

Царское правительство, видя невозможность сохранения крепостного права и испытывая смертельный страх перед угрозой крестьянской революции, само вынуждено было заговорить о реформе, предпочитая совершить ее сверху, нежели ожидать, когда крестьяне освободят себя снизу. Эту реформу по отмене крепостного права царское правительство проводило руками самих крепостников, которые не преминули воспользоваться всеми уловками и ухищрениями, чтобы ограбить крестьян и оставить их в кабале у помещиков.

В этих условиях проблема «революция или реформа» стала наиболее острым вопросом общественной жизни и общественной мысли.

---

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 429.

Образ своих мыслей Чернышевский кратко сформулировал следующими словами: «Неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее». И он не только ожидал, но и готовился непременно участвовать в ней. Сознвая, какой тернистый путь ему предстоит, он заранее высказал свое кредо: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока»³.

Переехавший в 1853 г. из Саратова в Петербург Чернышевский становится глашатаем крестьянской революции, ее главным идеологом, вдохновителем и собирателем всех прогрессивных сил, которые стремились к радикальным переменам в общественном устройстве России для того, чтобы покончить с монархией и крепостничеством. Именно здесь, в Петербурге, на страницах журнала «Современник», куда Чернышевский был приглашен Некрасовым, вспыхнула, как яркий факел, бесстрашная мысль выдающегося ученого и пламенного революционера, сумевшего в условиях цензурной печати дать ответы на многие коренные вопросы русской социальной действительности того времени и вдохнуть новые силы в растущие ряды освободительного движения. Благодаря руководящему участию Чернышевского журнал стал идейным центром и политической трибуной прогрессивных сил русского общества 60-х годов. Активнейшими участниками журнала были Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие видные деятели, обличавшие в своих произведениях пороки самодержавно-крепостнического строя и ярко отразившие зреющую в народе ненависть к угнетателям.

Вокруг Чернышевского сплотились видные организаторы революционной борьбы: братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. В. Шелгунов, Н. Н. Обручев, М. И. Михайлов и другие борцы против царизма.

Как опытный руководитель Чернышевский понимал, что намеченная им политическая программа может быть выполнена только при условии объединения распыленных революционных сил в единую боевую организацию, и поэтому уделял в своей деятельности большое внимание вопросам революционно-практической работы. В умелом сочетании легальных форм борьбы (журнал «Современник») с нелегальными несгибаемый революционер и гибкий тактик видел важную задачу своей деятельности по созданию сплоченной организации, способной возглавить революционные массы в борьбе против царского самодержавия.

Направляемые и воодушевляемые Чернышевским, его ближайшие сподвижники разработали и осуществляли план издания и распространения революционных прокламаций, которые были обращены не только к крестьянам, но и к солдатам, студенче-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 193.

ству и другим социальным группам общества того времени. Особое внимание уделялось усилению непосредственных контактов с армией, где в это время нарастания революционной ситуации было немало верных единомышленников и сторонников Чернышевского, людей одаренных и энергичных, преданных делу освобождения народа. Через С. Сераковского осуществлялось влияние на революционно настроенных польских офицеров, из среды которых впоследствии вышли активные участники польского национально-освободительного движения. Постоянные связи поддерживались также с московской группой революционеров «Молодая Россия», среди которых было много друзей и единомышленников Чернышевского. Прочные нити личных контактов связывали также Чернышевского со многими городами Поволжья, Украины и Закавказья.

Чернышевский был идейным вдохновителем тайной организации «Земля и воля», одна из главных целей которой состояла в революционной пропаганде среди крестьянства. В написанной им прокламации «К барским крестьянам» он подводил крестьян к выводу о необходимости свержения самодержавия.

Крепостники-помещики и возглавлявшая их царская клика боялись и ненавидели Чернышевского, как вождя революционной демократии, и учинили над ним жестокую расправу. В 1862 г. он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

В общей сложности Чернышевский провел в тюрьмах, на каторге и в ссылке под надзором полиции двадцать семь лет своей жизни, отданной великому делу освобождения трудового народа от царизма и крепостничества.

Только несокрушимая вера в народ, в революцию, пламенная любовь к Родине помогли Чернышевскому преодолеть неслыханные страдания и гнусные издевательства царизма. Обладая исключительной силой воли и духа, он смог в Петропавловской крепости написать свой знаменитый роман «Что делать?» и много ярких статей, проникнутых твердой уверенностью в неминуемое приближение революционной бури.

В жизни и деятельности Чернышевского с необычайной яркостью отразилась величайшая революционная энергия миллионов масс закрепощенного крестьянства, их вековая ненависть к своим угнетателям, их воля и стремление к социальному освобождению.

Из всех социалистов домарковского периода Чернышевский ближе всех подошел к научному социализму, вплотную приблизился к пониманию закономерности социалистического переустройства общества. Будучи, однако, утопическим социалистом, он в условиях отсталой российской действительности не смог подняться до понимания исторической роли пролетариата как той ведущей силы, которая может осуществить социалистическое преобразование общества. Но Чернышевский был боевым революционным демократом, от произведений которого, по меткому выражению

Ленина, «веет духом классовой борьбы». В отличие от утопических социалистов, мечтавших осуществить социализм путем мирной проповеди, Чернышевский понимал, что без народной революции невозможен путь к социализму, и поэтому он со свойственной ему последовательностью отстаивал идею крестьянской революции в России.

Взгляд на революцию как на основной двигатель общественного прогресса сложился у русского мыслителя не только на основе учета революционной ситуации в России, но и в результате анализа опыта антифеодальных революций на Западе, в особенности революционных событий 1848—1849 гг., которые оказали большое влияние на формирование его политических взглядов.

Он внимательно изучал историю народных движений, прослеживал их влияние на ход последующих исторических событий. Развитие политической борьбы во Франции, историю освободительной борьбы итальянского народа против чужеземного гнета, основные вопросы гражданской войны в Америке, политическую историю европейских стран в новое время Чернышевский освещает с позиций революционного мыслителя, умеющего видеть под поверхностью явлений глубокие социальные процессы.

В революционном движении XIX в. Чернышевский заметил, как на смену основному антагонизму между буржуазией и феодалами пришла непримиримая борьба между «работниками» и владельцами капитала.

В социальных конфликтах европейского общества своего времени он уже сумел разглядеть самую суть социальных противоречий капитализма. Если в феодальном обществе он констатировал совместную оппозицию «среднего класса и простого народа» сословию, «которому выделяется рента», т. е. классу помещиков, то в победившем буржуазном обществе он ясно видел противоположность «интереса прибыли — интересу рабочей платы». «Как только одерживают в своем союзе верх над получившим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, — писал он, — история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом»⁴. Чернышевский пронизательно видел, что «среднее сословие и работники издавна держат себя, уже и в Англии, как две разные партии, требования которых различны. Открытая ненависть между простолюдными и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм»⁵.

В середине XIX в. в освободительном движении наиболее острым стал вопрос о соотношении мирных и насильственных форм борьбы. Одни из социалистов внушали рабочим, что насилем они ничего не выиграют и должны надеяться только на мирные средства, избрать путь убеждения и законных выборов.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 516.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 39.

Другие же, в частности бланкисты, придерживались заговорщической тактики, делали ставку на революционный путь.

Чернышевский считал односторонними оба эти течения, на конкретных фактах истории показал их бесплодность, обрисовал тот ущерб, который они причинили революционному движению.

Он упрекал французских республиканцев и социалистов в том, что они в ходе революции не только не прибегали к решительным мерам для завоевания власти, но все усилия направляли к удержанию масс от применения насилия. Высшие и средние классы воспрянули, когда они увидели, что низший класс покорно ожидает улучшения своей участи от закона, не прибегает к насилию, а его предводители «не захватывают силою диктатуру в свои руки»⁶.

Некоторые оторванные от масс группы, как отмечал Чернышевский, возбужденные интриганам, увлеченными вслед за собой опрометчивых фанатиков, дали реакционерам повод выставить всех противников старого режима опасными для общественного спокойствия.

Важное значение для понимания Чернышевским проблем революционной тактики имеют его суждения о решающей роли народных масс в периоды революционных приливов, благодаря широкому участию которых в социальных переворотах, по его мнению, «совершается девять десятых частей того, в чем состоит прогресс»⁷. Оригинальный мыслитель, опирающийся в своих теоретических построениях на глубокий анализ опыта революционных движений, по-своему сформулировал мысль об определяющей роли народа в истории, когда с присущей ему дальновидностью предугадывал, что «густые колонны» «главной массы» приближаются к полю исторической деятельности, чтобы осуществить победоносную народную революцию⁸.

Известно, что домарксистский социализм на Западе не имел научно обоснованной тактики революционной борьбы и теории новой государственной власти. Идея революционной диктатуры пролетариата как главного оружия социалистической революции и как государства переходного периода от капитализма к социализму была выдвинута Марксом и представляет его фундаментальный вклад в революционную теорию.

Чернышевский не видел так ясно классовую природу новой государственной власти и историческую миссию рабочего класса, но он стоял намного выше западных утопистов в понимании процессов классовой борьбы. Главное в том, что он увидел в истории и предвидел в будущем бешеное сопротивление эксплуататорских классов революционным преобразованиям и неустанно внушал революционерам необходимость осознания этой истины,

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 22.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 13.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 666.

вселяя в них дух бесстрашия и решимости в борьбе с силами реакции.

«Исторический путь, — образно говорил он, — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»⁹.

Ленину глубоко созвучно было это образное изречение, и он часто ссылался на него, как на выражение большой революционной мудрости, которую должны усваивать коммунисты. Воспроизводя и комментируя это изречение применительно к задачам социалистической революции, Ленин писал: «Кто „допускает“ революцию пролетариата лишь „под условием“, чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, „отсиживаться в осажденной крепости“ или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантизма буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры»¹⁰.

Вновь и вновь повторяя истину, высказанную нашим великим предшественником, Ленин указывал, что русские революционеры со времени Чернышевского «неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины». И он настоятельно призывал добиваться того, чтобы коммунисты и все преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки «не так дорого заплатили за усвоение этой истины. . .»¹¹.

Существенное место в политической программе Чернышевского занимал вопрос о воспитании революционного сознания и хорошо подготовленных кадров профессиональных революционеров. Поэтому он настойчиво искал в европейской истории образ подлинного революционера, изучал его, выявлял типичные черты «новых людей» России. Проблема формирования профессиональных революционеров была непосредственно связана в творчестве Чернышевского с проблемами воспитания масс для революционного действия и выяснения взаимоотношений между массами народа и «цветом лучших людей», «двигателями двигателей», «солью соли земли», руководителями народной революции. «Мало их, но ими расцветает жизнь всех, — писал Чернышевский, — без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 923.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 57.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

дышать, без них люди задохнулись бы»¹². Под влиянием Чернышевского в России вырабатывается тот тип нестигаемого революционера, живым воплощением которого был он сам и следовавшая за ним замечательная плеяда революционеров-шестидесятников, сыгравшая важную роль в истории развития русского освободительного движения.

Отстаивая революционный путь развития России, Чернышевский подверг резкой критике политическую теорию и практику буржуазно-помещичьего либерализма, стремившегося к половинчатым реформам с соизволения царского самодержавия.

«... Он умел, — указывал Ленин, — влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через: препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку»¹³.

Либералы были по существу союзниками крепостнической партии и спорили с крепостниками лишь о размере своей доли в ограблении крестьянства. Это был конфликт внутри господствующих классов, противостоящих трудящимся массам. Чернышевский страстно разоблачал боязнь либералов перед революцией, перед народными массами, их бесхарактерность и холопство перед самодержавием и правящими кругами.

И здесь Чернышевский предстает перед нами как бесстрашный мыслитель и испытанный историей народный вождь, непоколебимо убежденный в необходимости доведения революции до победного конца и озабоченный тем, чтобы сохранить революционные завоевания народа от возможных попыток реставрации старого режима. «... Известно, что не может ковать железа тот, кто боится потревожить сонных людей стуком, — писал он. — Только энергия может вести к успеху, хотя бы к половинному, если полного успеха почти никогда не дает история; а энергия состоит в том, чтобы не колеблясь принимать такие меры, какие нужны для успеха... Кто не хочет волновать народ, ... тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкою которого может служить только одушевление массы»¹⁴.

Сам Чернышевский и являл собой пример несокрушимой веры в творческие возможности народных масс, воодушевление которых во время революционного подъема делало его нестигаемым и бескомпромиссным в борьбе с теми либералами и реформистами, которые ценой соглашательских уступок, идейной капитуляции пытались обезглавить освободительное движение в Рос-

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 210.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 417—418.

сии, направить его по спокойному руслу и тем самым лишить революционного пачала.

Чернышевский неустанно разоблачал либералов как врагов народного дела. Либерал, говорил он, — это человек дряннее отъявленного негодяя. Когда народные массы борются за свое освобождение, либералы путаются под ногами, мешают движению и своим вмешательством портят все дело.

Либералы, находящиеся у власти, доказывал Чернышевский, столь же враждебны интересам народных масс, сколь и свергнутые революцией старые власти. Робкие, нерешительные в борьбе с отжившими реакционными силами, либералы проявляют беспощадную жестокость в подавлении революционных сил. На страницах «Современника» Чернышевский нарисовал картину зверства и жестокостей, которые проявили французские либералы при подавлении июльского восстания парижских рабочих 1848 г. Военный министр либералов генерал Кавеньяк расстреливал из артиллерии тысячи рабочих.

Чернышевский видел, что либералы везде одинаковы — и в Западной Европе, и в Америке, и в России. Он понимал, что, когда дело доходит до прямых битв трудящейся бедноты с имущими классами, либералы сбрасывают маску благопристойности и становятся палачами, как Кавеньяк.

Разоблачением либерализма как идеологии и тактики, враждебной интересам трудящихся, Чернышевский оказал огромную услугу революционному движению. Борьба революционеров против либеральных реформистов составляет характерную черту освободительного движения нового времени.

Вся последующая история либеральной и реформистской идеологии и политики, особенно в XX столетии, полностью подтвердила проницательные суждения Чернышевского. Современные реформисты, будь то апологеты так называемого «неолиберализма» или постиндустриального общества, равно как и сторонники «демократического социализма», намного хитрее и изворотливее тех либералов, с которыми в свое время полемизировал Чернышевский, но существо их позиции, несмотря на длительную эволюцию, остается явно антинародным, ибо обнаруживает себя в защите господства магнатов собственности в рамках «усовершенствованного» капитализма. Поэтому, как и много лет назад, проницательность Чернышевского учит распознавать реформистскую сущность, тактику двурушничества даже там, где она, маскируясь самой модной терминологией, пытается выхолостить из марксизма самое главное, подменить идею классовой борьбы либеральной проповедью о якобы неизбежном примирении классов и автоматическом стирании социальных различий.

До сих пор не утратили свое значение боевые выступления Чернышевского по разоблачению «свобод и прав», как их понимали и размалевывали теоретики и публицисты буржуазного либерализма еще в середине прошлого века, ибо такое понимание

и в наши дни стараются навязать всем народам современные либералы разного толка. Идеологи антикоммунизма и антисоветизма, безудержно восхваляющие буржуазный образ жизни и буржуазный образ мыслей, ведут шумную пропагандистскую кампанию в защиту «прав человека», якобы нарушаемых в СССР и в других странах социализма. В своей последовательной и аргументированной критике буржуазного либерализма Чернышевский еще в те годы понял и убедительно показал, что само понятие «свобода» в странах, где власть принадлежит господствующему меньшинству, отличается крайней иллюзорностью, ибо не подкрепляется реально гарантированными правами для неимущего, а поэтому и бесправного большинства. Можно только поражаться тому, что строки, опубликованные Чернышевским более ста лет назад, воспринимаются нами точно написанные только сегодня о формальном характере буржуазной демократии, об истинной «ценности» буржуазной свободы, превозносимой апологетами капитализма. «Не люблю я этих господ, — писал Чернышевский, — которые говорят свобода, свобода — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа — рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»¹⁵.

В ряде своих статей Чернышевский показал фальшь буржуазной демократии, доказывая, что права граждан только тогда перестают быть фикцией, когда человек материально независим. «Мало того, чтобы сказать: „ты имеешь право“; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»¹⁶, — писал он.

Главный критерий демократии Чернышевский видел в заботе о благе народа, а не в декларациях об отвлеченных правах. Но даже само понятие о благе народа было чуждо либералам того времени, как и нынешним ревнителям формальной демократии.

Развенчивая само понятие «свобода» в условиях буржуазного государства, Чернышевский показал, что независимо от существующих в них форм правления, будь то «беззамеренный» парламентаризм при монархии или демократическая республика, положение личности остается везде одинаково бесправным. Чернышевского не обольстил раскрашенный фасад английской парламентской системы, которую буржуазные законодатели выдавали за последнее слово «настоящей» демократии, так как за ним он увидел «великолепный спектакль парламентского правления», представляющего, по его словам, «чистую комедию»¹⁷.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 110.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 303.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 9.

Проницательный и последовательный критик либерализма, Чернышевский основательно вскрывал социальные корни этого идейного и политического направления привилегированного класса. «С теоретической стороны, — замечал он, — либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбою от материальной пужды...»¹⁸ Баловни счастливой судьбы поэтому склонны понимать свободу по очень узкому формальному образцу. Свобода состоит для либерала «в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, — писал Н. Г. Чернышевский, — не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средства для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нисколько не дорожу своим правом иметь золотой сервиз»¹⁹.

Боевая публицистика Чернышевского, метко разящая врагов освободительного движения, зло и едко бичующая либеральствующих политиканов, ныне не менее злободневна, чем сто лет тому назад.

Борьба за демократию в эпоху Чернышевского сливалась с борьбой за социализм. Именно социалистическое переустройство общества согласно убеждениям революционных демократов было целью революционного переворота. Решая вопросы своего времени, Чернышевский умел смотреть далеко вперед, видеть перспективу революционного обновления России.

Верный сын русского народа, Н. Г. Чернышевский был горячим патриотом, любил Родину всей силой страстной души и ненавидел самодержавие и крепостничество, угнетавших и позоривших русский народ. Борьбе за освобождение родной страны от рабства, за свободу и счастье своего народа он отдал всю свою жизнь.

Патриотизм Чернышевского был свободен от националистических предрассудков. Он неустанно разъяснял единство интересов трудящихся разных наций и противоположность этих интересов интересам богатых классов всех наций. Всероссийский демократ был поборником развития национальной культуры не только русского народа, но и всех народов России.

Чернышевский понимал, что освобождение русского народа невозможно без раскрепощения других народов России. Он резко осуждал политику разжигания национальной розни. На реальных фактах истории он показал, что реакционерам выгодно раздувать вражду народностей, чтобы держать каждую из них в угнетении

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 217.

¹⁹ Там же.

силой другой народности. Эта последовательная демократическая позиция в национальном вопросе снискала ему глубокое уважение всех народов нашей страны.

Борьбу за счастье и свободу своего народа Чернышевский не отделял от борьбы за прогрессивное развитие человечества. «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и возжеленнее этого?»²⁰ — восклицал он.

Известно, с каким гневом Чернышевский обличал тогдашних сочинителей «расовой теории», с какой глубокой пронизательностью он вскрыл классовую подоплеку этой «теории». Рабовладельцы, говорил Чернышевский, были люди белой расы, невольники — негры, потому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории о коренном различии между разными расами людей.

Русские революционные демократы единодушно и решительно осуждали расизм, как идеологию и практику порабощения человека, настойчиво разоблачали расистские изуверства американских плантаторов-рабовладельцев, устроителей «суда Линча» как тягчайшее преступление перед совестью и законом. «Современник» регулярно с глубоким сочувствием публиковал материалы о движении за освобождение негров в США.

Нельзя не напомнить мысли Чернышевского о неизбежном крахе всех шовинистических попыток господствующих классов тех или иных наций поработить народы мира. «... Всегда оказывается, — говорил Чернышевский, — что нация губит сама себя, порабощая человечество». Монголы Чингис-хана, пришедшие для завоевания Европы, наполовину погибли при завоевании России, а остальные были разбиты оправившимися русскими. Германцы мало выиграли от завоевания Римской империи: многие из германских племен погибли. Испанцы, опустошившие в свое время Европу, сами разорились, впали в рабство и наполовину вымерли от голода. Французы, опустошив Европу при Наполеоне I, сами подверглись завоеванию и разорению в 1814—1815 гг.²¹

К этим историческим примерам, приведенным Чернышевским, можно было бы добавить позорное банкротство планов мирового господства, которые пыталась осуществить гитлеровская Германия, разгромленная Советской Армией при поддержке войск союзников по антигитлеровской коалиции. А кому исторический урок не пошел впрок, кто помышляет вновь испытать судьбу на путях Чингис-хана или Гитлера, тот пусть пеняет на себя. История не прощает забвения ее уроков, сурово карает нарушителей ее законов.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 48.

²¹ Там же, т. VII, с. 287—288.

С позиций интересов трудящихся Чернышевский последовательно и резко осуждал захватнические, грабительские войны. Он учил, что законна только та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества. А захватнические войны выгодны только эксплуататорским классам, трудящимся же они несут жертвы и разорение. Войны наносят обществу не только громадный материальный, но и неисчислимый моральный ущерб. Так, разбирая причины войн, которые велись Англией, Чернышевский указывал: «Для нации война убыточна, но для того класса людей, который управляет Англией, она очень выгодна»²². Чернышевский считал, что вооруженные конфликты между странами неизбежны до тех пор, пока государствами управляют нетрудовые классы. Всякая их возможность исчезнет, когда власть во всех государствах перейдет в руки трудящихся.

В современных условиях, когда благодаря миролюбивым усилиям Советского Союза и других социалистических стран растет и ширится борьба за мир, безопасность народов, эти высказывания Чернышевского приобретают как нельзя более актуальное значение. Советским людям, как и миллионам простых тружеников других стран, особенно близка и понятна его мысль о возможности полного искоренения войны из жизни нашей планеты при условии перехода власти к народным правительствам.

Вся история нашего социалистического государства, от ленинского декрета о мире до новой Конституции СССР, в которой пропаганда войны запрещается и объявляется вне закона, доказывает глубокую справедливость этого суждения неутомимого борборника дружбы и сотрудничества между народами, убежденного в возможности на земле прочного и нерушимого мира.

Чернышевский был цельным и последовательным революционером и поэтому умел вносить воинствующий дух революционности во все области идейной жизни — философию, науку и литературу, стремился поставить их на службу делу революции, делу социализма. Примечательная особенность Чернышевского как ученого заключалась в том, что он был энциклопедистом-новатором, т. е. не просто широко эрудированным мыслителем, который занимался философией и историей, политической экономией и социологией, эстетикой и критикой, теорией и историей литературы, а в каждой из этих областей сумел сказать новое и весомое слово. С полным правом он мог заявить, что считает себя «имеющим силу содействовать переработке некоторых отделов науки».

Созданное Чернышевским философское учение, явившееся вершиной материалистической философии домарксовской эпохи, свидетельствовало о том, что он вплотную подошел к диалектическому материализму, хотя в силу своеобразных исторических условий тогдашней России он не смог подняться до историче-

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 488.

ского материализма, не сумел понять решающей роли производства в общественной жизни и складывающихся в процессе производства соответствующих общественных отношений. Придавая важное значение экономической жизни в истории человечества, Чернышевский все же при объяснении общих причин развития общества главную роль отводил умственному развитию людей, видя в нем основу исторического прогресса.

Однако в основных философских вопросах он прочно стоял на материалистических позициях, решительно объявил себя сторонником крупнейшего немецкого материалиста Людвига Фейербаха. Антропологический принцип в философии при расплывчатом характере самого этого термина был для него синонимом материализма.

Вслед за Герценом и Белинским Чернышевский явился самым ярким выразителем той «солидной материалистической традиции в России», о которой говорил В. И. Ленин в знаменитой работе «О значении воинствующего материализма». Отвергнув идеализм и консервативные политические выводы Гегеля, он разглядел ценные стороны разработанного немецким мыслителем диалектического метода и использовал диалектику для обоснования революционных идей.

Синтезируя в области философии все лучшее, что было создано до него, Чернышевский сделал огромный шаг вперед в развитии материалистической философии. Дело не только в том, что он в отличие от французских материалистов и Фейербаха, которые в основном были метафизиками, высоко оценивал диалектику и широко пользовался диалектическим методом в своих исследованиях, но прежде всего в том, что Чернышевский как революционер соединил свой материализм с идеей революции в общественной жизни.

По поводу книги Плеханова о Чернышевском Ленин заметил, что Плеханов из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взглядов на историю просмотрел практически политическое и классовое различие либерала и демократа. Нельзя понять философские взгляды Чернышевского вне связи с его революционной практикой, с его борьбой за революционное преобразование общества.

Чернышевский продолжил и развил в социальной философии то революционное истолкование и применение диалектики, начало которому положили в России Белинский и Герцен. Диалектическое понимание развития как необходимого движения от низших форм к высшим служило философским основанием глубокого революционного оптимизма, непоколебимой веры в победу над темными силами реакции, в торжество социалистических идеалов. Подлинным гимном социальному прогрессу прозвучал сформулированный русским мыслителем основной закон истории: «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие

усиления того же стремления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие!... он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: „Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!“²³.

Историческая заслуга Чернышевского как крупнейшего философа своего времени заключалась в том, что он, продолжая традиции Белинского и Герцена, сделал существенный шаг в развитии диалектических взглядов на природу и общество и сумел, как никто из его предшественников, применять их в своем подходе к анализу явлений современной ему действительности. Поэтому, оценив по достоинству диалектический метод Гегеля, он вместе с тем показал его непоследовательность и при этом раскрыл классовую природу его идеализма. В равной степени для Чернышевского, «мужидкого демократа», вождя революционного движения в России 60-х годов, был неприемлем и созерцательный, пассивный характер антропологической философии, который уводил в область абстрактного просветительства. Глубокий мыслитель и одновременно человек революционного дела, Чернышевский стремился соединить в своей философии пафос анализирующей, критической мысли с пафосом действенно-преобразующего отношения к окружающей его действительности. Поэтому таким естественным, неотъемлемым правом человека-деятеля, человека-борца он считал право изменять, переделывать внешний мир, действительность сообразно поставленным целям и задачам. К этой весьма существенной для всей системы его общественно-философских взглядов мысли Чернышевский постоянно возвращается во всех своих работах — исторических, философских, литературно-критических и художественных, — ибо она служит для него научным обоснованием, отправным пунктом для последовательного развития материалистического взгляда на действительность.

Разработанное Чернышевским учение о действительности как сфере проявления социальной деятельности человека помогло ему преодолеть отвлеченный характер антропологической философии, дало возможность приблизиться к научной постановке кардинальных проблем теории познания. Опираясь в своих философских взглядах на новейшие достижения и успехи современного ему естествознания, Чернышевский с закономерной неизбежностью пришел к существенному для истории материалистической философии выводу об основополагающей роли практики в теории познания. Практика для него является критерием истинности и достоверности человеческого знания, полученного через ощущения и восприятия действительного мира. С почти афористической точ-

---

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 391.

ностью и яркостью он напоминал своим современникам: «практика — это непреложный пробный камень всякой теории», «приговор дает сам человек своей жизнью», возвращая их тем самым на позиции активного, революционного понимания действительности, побуждая к действию, порыву.

Особо Чернышевский подчеркивал огромное значение практики для развития современной ему науки. «Практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли, — писал он. — Потому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. Что подлежит спору в теории, начистоту решается практикою действительной жизни»²⁴.

Подобное понимание практики не ограничивалось для Чернышевского рамками теории познания, оно распространялось им и на область социальных явлений, область истории как преобразующей деятельности человека.

Таким образом, мы можем говорить о крупном творческом вкладе Чернышевского в развитие материалистической философии. Нельзя в этой связи не вспомнить замечательного высказывания Ленина о последовательной философской позиции Чернышевского, о его роли в борьбе против различных направлений буржуазной философии. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, — подчеркивал Ленин, — который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантовцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»²⁵.

Чернышевский высмеивал тех философов, которые уверяли, что философия должна стоять над обществом и разрабатывать свои принципы вне связи с общественной жизнью. Впервые в истории домарксистской мысли он ясно сказал, что в области философии как в прошлом, так и в настоящем происходила и происходит борьба партий. За различными философскими течениями он видел интересы определенных сословий, определенных партий и близко подошел к пониманию классового существа философских направлений²⁶.

Истинная философия должна быть «теорией трудящихся», отвечать интересам и потребностям народных масс — «простолодинов».

В то же время он подчеркивал: чтобы стать подлинно научной системой, философия должна опираться на все достижения естественных наук. Обращение к науке было продиктовано его глубоким убеждением в том, что всей своей сущностью наука доказывает правильность материалистического мировоззрения.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 102—103.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 224.

Важнейшей наукой Чернышевский считал науку о человеке, а главным элементом «человеческой природы» признавал труд. Жизнь есть движение, а движение в человеческой жизни есть труд. Отсутствие движения, говорит один из героев романа «Что делать?», есть отсутствие труда, потому что труд представляется коренной формой движения, дающей основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; без предшествующего труда они не имеют реальности.

Ставя и решая проблему личности, Чернышевский выступал решительным противником образования и воспитания в духе индивидуализма. Он явился провозвестником новых, благородных принципов морали, основным требованием которой является служение народу. В своем знаменитом романе «Что делать?» Чернышевский обрисовал новых людей, ставящих служение общему делу выше своих личных интересов. Главное в воспитании человека — сознание неразрывности личных интересов с общественными. «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах»²⁷. Развитым человеком можно считать того, кто не только приобрел много знаний, но и привык мыслить об общем благе, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление. К этому должно быть направлено образование, нравственное и эстетическое воспитание.

Живой интерес к проблемам экономического быта, стремление осмыслить их в русле тех исторических задач, которые стояли перед современным ему обществом, глубокий аналитический ум сделали Чернышевского крупнейшим ученым-экономистом своего времени. Как известно, экономические произведения Чернышевского получили высокую оценку Маркса, который назвал его работы превосходными. Особенно Маркс ценил талантливого русского экономиста за то, что он показал в своих произведениях ограниченность и банкротство буржуазной политической экономии и противопоставил ей систему своих оригинальных выводов и аргументов. В ряде статей Чернышевский убедительно доказал, что с развитием классовой борьбы в условиях быстрого развития капиталистического производства буржуазная политэкономия неизбежно теряет свой научный характер. Острие его сокрушительной критики было направлено не столько против таких представителей так называемой классической школы, как Адам Смит и Давид Рикардо, сколько против их вулгарных интерпретаторов, превратившихся в апологетов эксплуататорских классов.

Буржуазные экономисты признавали, что стоимость товаров создается трудом, но они, как едко обличал их Чернышевский, закрывали глаза на ту вопиющую несправедливость, что все ценности достаются не их создателям, не людям труда, а тем, кто не трудится. Глубоко понимая классовый характер политэконо-

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 169.

миц, он стремился создать и противопоставить буржуазной экономической теории такую экономическую науку, которая бы выражала коренные интересы трудящихся масс. Эту науку русский экономист назвал «политической экономией трудящихся», ибо сумел в ней убедительно доказать, что если ценности создаются трудом, то они и должны принадлежать людям труда.

Чернышевский был достаточно проницателен, чтобы увидеть противоречия и анархию капиталистического хозяйства, преходящий характер капитализма и неизбежность его гибели. Его критика капитализма звучит злободневно и в наши дни. Производство капиталиста, писал Чернышевский, подвержено непрерывным застоям, а весь экономический порядок подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам, из которых каждый состоит в утере миллионов и десятков миллионов рабочих дней. Он постоянно подчеркивал, что при капитализме большая часть народного труда присваивается немногочисленной кучкой богачей, которые живут чужим трудом.

С возмущением и ненавистью говорил Чернышевский о паразитизме эксплуататорских классов, предрекая им неизбежную гибель. «Недаром, — писал он, — сравнивают с пиявками людей сословия, обогащающегося во вред своей нации; но вспомним, какая судьба ждет пиявок, наслаждающихся сосанием человеческой крови; редкая из них не губит себя этим наслаждением, почти все онидохнут»²⁸.

Чернышевский был решительным противником не только крепостничества, но и идущего ему на смену капиталистического строя. Он был, как указывал Ленин, «замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»²⁹.

В статье «Капитал и труд», где большое место отводится анализу противоречий капитализма, он сформулировал идею коллективного социалистического хозяйства. «Товарищество — есть единственная форма, — писал он, — при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности, и поэтому говорю, что производство должно иметь форму производства трудящихся»³⁰.

Чернышевский никогда не сомневался в том, что основная причина экономической отсталости России, препятствующая ее дальнейшему развитию и делающая ее одной из самых отсталых стран Европы, была связана с сохранением самодержавно-крепостнического режима, основанного на ничем не ограниченной власти помещиков. Поэтому основная задача, которая стояла перед ним как ученым-экономистом на первом этапе его общественной и научной деятельности, заключалась в том, чтобы подвергнуть

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 288.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 54.

всестороннему анализу социальную структуру самодержавно-крепостного строя и выявить движущие силы антикрепостнической революции. С этой нелегкой задачей он блестяще справился, показав антинародный характер пресловутой реформы 19 февраля 1861 г. и дав великолепные образцы анализа экономических отношений накануне и во время проведения этой «освободительной» реформы. Чернышевский сумел правильно раскрыть классовую структуру российского общества и показать классовую борьбу вокруг реформы. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершенства крестьянской реформы . . . понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер. . .»³¹

Не менее новаторским по своему научному существу, глубине предвидения и ясности аргументации было решение и второй задачи выдвинутой Чернышевским экономической программы, в которой обосновывалась и развивалась мысль о социалистическом переустройстве России. Антифеодальная борьба, таким образом, в отстаиваемой Чернышевским концепции общественно-политического развития России в дальнейшем превращалась в борьбу за утверждение социалистической системы отношений.

Не исключая возможности развития России по капиталистическому пути, Чернышевский, однако, считал, что только народная революция в России и переход всей власти в руки трудящихся масс создают условия для социалистического преобразования общества. При этом он полагал, что только народная власть способна проводить политику постепенного ограничения капитализма чисто экономическим путем, чтобы затем, по мере развития и усовершенствования общинного землевладения, совсем его устранить в коллективном хозяйстве. Важная роль в осуществлении этой политики ограничения капитализма отводилась новому государству, его вмешательству в экономическую жизнь страны, его постоянной заботе о крестьянах.

Хотя основной формой перехода к социалистическому обществу Чернышевский считал крестьянскую общину, он не идеализировал ее и считал ее не конечной целью своей экономической программы, а только средством перехода к коллективному «товарищескому», как он называл, строю общества. Он был страстным пропагандистом свободного коллективного труда, неутомимо доказывал, что только коллективный труд в промышленности и в сельском хозяйстве выведет человечество на дорогу счастья и обеспечит развитие всех творческих способностей людей.

Переоценивая социалистические возможности крестьянской общины, он все же никогда не сводил социализм к общинным порядкам, не отождествлял его с идеализированным обществом мелких производителей, как это делали представители мелкобуржуазного социализма. Будучи непримиримым критиком капита-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 291.

лизма, он в то же время считал необходимым усвоить его достижения в области техники и культуры. Грядущее осуществление социалистических идеалов и принципов Чернышевский связывал с объективным ходом истории, обращая важное внимание на материальные, экономические условия социалистического устройства. Вследствие этого с полным основанием можно сделать вывод, что он близко подошел к научному пониманию социализма. Прозорливое видение Чернышевским светлого будущего человечества сочеталось с реализмом подлинного революционера, отдающего себе отчет в возможности отступлений и жертв, создающего длительность и сложность перехода общества к социализму.

В связи с этим для нас бесспорный интерес представляют размышления Чернышевского о «переходном состоянии» от современной ему экономики к социалистическому обществу, свидетельствующие не только о пронизательности его ума, но и о том, насколько последовательно и плодотворно он развивал диалектический метод во многих важных вопросах развития общества. Характеризуя этот, с его точки зрения, весьма существенный период в развитии России и других народов мира, он писал: «Не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переход в эту будущность из настоящего состояния возможен скоро, и возможен без переходного состояния. Таких скачков никогда не делали народы, и мы не можем сделать»³²⁻³³. Поэтому бесосновательны упреки в адрес Чернышевского, будто он проповедовал упрощенные взгляды о возможности непосредственного и немедленного воцарения социализма на основе крестьянской общины. Мыслитель-реалист сознавал, какая громадного исторического масштаба работа предстоит по созданию экономических условий социализма и по социалистическому перевоспитанию людей, чтобы превратить частного собственника в коллективиста.

Как последовательный диалектик, он сознавал, что «новый порядок будет иметь свою историю, свой прогресс»³⁴. Удивительнее всего то, что он, хотя и в виде догадки, предположения, высказывал гениальную мысль о двух эпохах будущего общественного устройства — социалистической и коммунистической. «...Эпоха коммунистических форм жизни, — писал он, — вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма»³⁵.

В первой из этих эпох экономический быт будет устроен на основе общей собственности с правом пользования жизненными благами по личным заслугам каждого. Вторая эпоха наступит тогда, когда средства к удовлетворению потребностей возрастут до такой степени, что они уравниваются с самими потребностями, устранится несоразмерность между ними. Тогда производство и

³²⁻³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 151.

³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 661.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 831.

распределение средств потребления не будут регламентироваться какими-либо нормами и законами. «...Труд из тяжелой необходимости, — заключал русский социалист, — обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных: как вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принуждению, а просто потому, что это для вас занимательно и что было бы для вас скучно не посвящать чтению каждый день известное время; так некогда наши потомки будут заниматься материальным трудом. Тогда, конечно, производство ценностей точно так же обойдется без всяких законов, как теперь обходится для них прогулка, еда, игра в карты и другие способы приятного препровождения времени. Каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта и все-таки останется за потреблением излишек средств удовлетворения; тогда, конечно, никто не будет спорить и ссориться за эти средства и распределение их вообще будет обходиться без всяких особенных законов, как ныне обходится без особенных законов пользование водами океана: плыви, кто хочет, — места всем достанет»³⁶.

Но для этого потребуется не только высокий уровень экономического развития, но и преобразование духовного склада людей. Чернышевский отдавал себе отчет и разъяснял в своих трудах, что «нравы, обычаи, понятия, нужные для коммунистического быта, чрезвычайно далеки от понятий, обычаев, нравов нынешних людей»³⁷.

Решение задач коммунистического общественного устройства займет, по его убеждению, длительное время, вероятно, не менее столетия. Исторический оптимизм сочетался в воззрениях Чернышевского с трезвой оценкой всех трудностей и противоречий общественного прогресса.

Чернышевский, как известно, был убежденным сторонником теории некапиталистического пути развития, полагавшим, что существующее в России общинное владение землей может при благоприятных условиях явиться исходным пунктом социалистического переустройства. По отношению к России Герцен затронул эту проблему раньше Чернышевского, однако Чернышевский облек ее в форму общей теории исторического развития и тем самым придал ей как бы законченный вид.

Идея некапиталистического развития России, выдвинутая русскими революционерами-демократами, привлекла пристальное внимание Маркса и Энгельса. Они разделяли убеждение Чернышевского в том, что свержение самодержавия послужило бы могучим толчком для прогрессивного развития России. Разъясняя несостоятельность иллюзий о самобытности русской общины и ее социалистической природе, Маркс полагал, что в случае победы

³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 832.

носной пролетарской революции на Западе и при ее помощи в России сложилась бы возможность прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития или существенно сократив ее.

Время отсеяло иллюзии относительно особого пути развития России, русской общины, русской деревни, как и всякие вообще другие умозрительные представления об исключительности развития каких-либо стран. Но постановка проблемы некапиталистического развития, разработанная Марксом и Энгельсом, а затем всесторонне обоснованная и конкретизированная Лениным, заняла важное место в теории и практике социализма. Марксистско-ленинское положение о возможности в определенных условиях перехода к социализму, минуя капитализм, было успешно решено в СССР под руководством и при поддержке русского рабочего класса народами ранее отсталых окраин. Опираясь на достижения реального социализма, народы многих стран мира сбросили господство колонизаторов, смогли миновать капиталистическую стадию развития, добиться огромных успехов в создании развитой экономики, культуры, в просвещении народных масс.

В общей форме Чернышевский высказал убеждение, что отставшие в своем развитии народы могут миновать некоторые исторические этапы, которые уже прошли более развитые народы. Общий вывод об ускорении общественного развития через сближение отставшего народа с передовым он сформулировал следующим образом: «Это ускорение состоит в том, что у отставшего народа развитие известного общественного явления благодаря влиянию передового народа прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени»³⁸.

Чернышевский не дошел до понимания закономерностей смены общественно-экономических формаций, и его соображения о некапиталистическом пути развития не имели экономического обоснования. Он еще не видел, что реальной предпосылкой перехода отсталых стран на некапиталистический путь и ускорения социального прогресса на этом пути может быть лишь победа социалистической революции пролетариата в более развитых странах. Эти реальные возможности указали Маркс и Энгельс, а Ленин развил их предположения в стройную теорию, и победившая под его руководством первая в мире социалистическая революция практически стала осуществлять эту теорию.

Современный опыт мирового социализма убедительно показал возможность ускоренного общественного развития на некапиталистическом пути, продемонстрировал методы широкого социально-экономического, политического и культурного взаимодействия народов социалистических стран, восполняющих совместными координированными усилиями исторически возникшее отставание некоторых из них. Ныне проблема некапиталистического

³⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 388.

пути развития как способа ускорения экономического и социального развития является одной из центральных проблем теории и практики социально-экономического развития молодых национальных государств.

В своей революционной деятельности, в научном и художественном творчестве Чернышевский соединил воедино идейно-политические взгляды, эстетические и этические идеалы. Он явился провозвестником новых, благородных принципов морали, основным требованием которой является служение народу. Поистине огромным и непреходящим по своему значению является его вклад в развитие художественной культуры, в особенности в области литературы, эстетики и литературной критики. Нам трудно себе теперь представить нашу классическую литературу без замечательного романа «Что делать?», как невозможно себе представить развитие эстетической мысли и литературной критики без его выдающегося труда «Эстетические отношения искусства к действительности», без всего того, что он написал о Пушкине, Гоголе и Тургеневе, Салтыкове-Щедрине, Островском, Некрасове и Толстом.

Центральная идея Чернышевского об активном отношении искусства к действительности, получившая свое наиболее яркое отражение в выдвинутом им тезисе «прекрасное есть жизнь», оказала и продолжает оказывать огромное оплодотворяющее воздействие на развитие прогрессивной художественной литературы, эстетики и литературной критики.

Революционная эстетика Чернышевского не только вооружила эстетическую мысль его времени точными ориентирами в борьбе со всякого рода идеалистическими воззрениями на искусство, не только активно способствовала становлению и дальнейшему развитию и обогащению реалистического метода в русской литературе, но и создала исторические предпосылки для возникновения искусства социалистического реализма.

Вместе с Чернышевским мы больше всего ценим в литературе ее общественное призвание, ее неразрывную связь с передовыми идеями века, с социализмом, актуальными проблемами общественного развития. Литература, — писал он, — есть выражение общества», так как она является «служительницей того или другого направления идей», «выполняет свое назначение в той мере, в какой она ставит самые важные для общества вопросы. Не только ставит, но и объясняет их»³⁹.

Вера в высокое общественное назначение искусства, взгляд на литературу как на «учебник жизни», который не только отражает и объясняет факты действительности, но и выносит им приговор, позволили Чернышевскому высоко поднять значение и авторитет художественных произведений в борьбе за передовые идеалы своего времени, сделать их действенным средством пре-

³⁹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 301.

образования действительности, воспитания общественного сознания и вкуса.

Громадная заслуга Чернышевского состояла в его неутомимой и последовательной борьбе за высокоидейное искусство, связанное неразрывно с жизнью народа, его думами, чаяниями, его борьбой за лучшее будущее. Поэтому с такой непримиримостью он относился к сторонникам теории искусства для искусства, ко всем тем, кто пытается лишить литературу ее общественного призвания, сделать ее игрушкой для эстетствующих сибаритов и дилетантов. В служении народу, в приближении того дня, когда он освободится от деспотизма самодержавия и помещичьего гнета, великий писатель и выдающийся теоретик литературы видел высшую цель искусства и всеми силами своего ума и таланта содействовал решению этой исторически важной задачи.

Решительно выступая против апологетов безыдейного искусства, Чернышевский учил, что литература не может не быть служительницей того или другого направления идей. Она не в силах отказаться от этого назначения, если бы она и хотела отказаться. «Последователи теории чистого искусства, выдаваемого нам за нечто долженствующее быть чуждым житейских дел, обманываются или притворяются: слова „искусство должно быть независимо от жизни“ всегда служили только прикрытием для борьбы против не нравившихся этим людям направлений литературы, с целью сделать ее служительницей другого направления, которое более приходилось этим людям по вкусу»⁴⁰.

В проповедниках теории искусства для искусства Чернышевский видел тех же либералов, которые в области политики проповедают конституцию ради конституции. Он глубоко усмотрел связь между либерализмом в политике и в эстетике, антинародную сущность его в той и другой областях.

Чернышевский беспощадно бичевал формализм и антинародные тенденции в искусстве. Вслед за Белинским он учил, что искусство есть воспроизведение жизни, что искусство имеет огромное общественное значение. Художник должен быть, с точки зрения Чернышевского, поэтом не только формы, но и идеи. Литература должна быть выразительницей идей своего века. Только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вялым, бледным и ничтожным. Тесная связь с жизнью, серьезное значение для жизни — высочайшее качество художественного сознания, говорил Чернышевский.

Глубокое понимание общественно-преобразующей функции литературы, ее органической связи с народом, с назревающей ре-

---

⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 301.

волюцией помогло Чернышевскому стать во главе литературного движения своего времени, взять на себя роль идейного руководителя и организатора прогрессивных творческих сил русской литературы 60-х годов прошлого века. В условиях обострившейся общественно-литературной борьбы и резкого размежевания общественных сил он вместе с Добролюбовым и Некрасовым сумел объединить и сплотить революционно-демократический лагерь писателей, для того чтобы направить развитие литературы в соответствии с возросшими потребностями жизни и задачами освободительного движения. Поддерживая все то лучшее, передовое, что было в русской литературе его времени, и прежде всего Гоголя, Тургенева, Лермонтова, Некрасова и Толстого, Чернышевский стремился сблизить литературу с социальной действительностью, углубить и развить в ней критическое начало, реализм и народность.

Большую ценность для современного художественного развития представляют литературно-критические работы Чернышевского, помогающие не только познать в полной мере идейное богатство, народность и мастерство корифеев русской литературы, но и понять то большое значение, какое он придавал критике в формировании общественного мнения.

Образцом честной, прямой, искренней критики и публицистики Чернышевский постоянно представлял творчество Белинского. Чернышевский считал беспочвенными и нелепыми домыслы противников Белинского, будто великий русский критик был неумерен в своих требованиях. «Он писал так, как думал, заботясь только о правде и употребляя именно те слова, которые точнее выражали его мысль. Дурное он прямо называл дурным, не прикрывая своего суждения дипломатическими оговорками и двусмысленными намеками. Потому людям, которым всякое правдивое слово кажется жестким, как бы ни было оно умеренно, мнения Белинского казались резкими: что делать, многие прямому считают всегда резкостью»⁴¹.

Продолжая и углубляя традиции Белинского в новых исторических условиях, Чернышевский видел назначение критики в том, чтобы «служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе»⁴², т. е. выражать и пропагандировать передовые общественные идеи своего времени, ибо критика для него, как и для его предшественника, была трибуной, с которой он отстаивал и популяризировал свои революционные убеждения. При этом Чернышевский исходил из того, что критика должна быть не только принципиальной и объективной, но и подходить к анализу отдельных литературных фактов и явлений с точки зрения передо-

---

⁴¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 234.

⁴² Там же, с. 254.

вого мировоззрения, рассматривать их в широком социально-философском и историческом аспекте, для того чтобы выявить «общую идею» того или иного произведения.

Это качество критики и литературоведения приобретает особо важное значение в наше время, в эпоху обострения идеологической борьбы на мировой арене, когда от критика или историка литературы требуется идеологическая ясность позиции, масштабность мышления с учетом тех достижений, которые характеризуют современное общественное и научное развитие. Поэтому заветы революционно-демократической критики имеют большое значение для развития современного эстетического сознания, стремящегося познать явления художественного мира во всей разносторонности их связей и отношений с окружающей социальной действительностью, способствуют решению многих актуальных и важных проблем теории и методологии критики и литературоведения.

Весь жизненный и творческий опыт Чернышевского свидетельствует о том, что только научное, передовое мировоззрение дает писателю, литературоведу и критику глубокое представление о тех жизненных явлениях и процессах, которые они делают в своей творческой практике предметом изображения или анализа, только оно дает возможность понять ведущие тенденции и определяющие черты общественного развития данной эпохи.

Поэтому всякое обращение к сокровищнице беспримерного по своему идейно-теоретическому и художественному значению опыта Чернышевского воодушевляет деятелей литературы на создание произведений, достойных нашей социалистической действительности, является стимулом в их творческой деятельности, направленной на служение советскому народу, идеалам коммунизма, способствует решению тех задач, которые были определены в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

На историческом примере Чернышевского наши писатели, литературоведы и критики учатся быть на уровне великих задач своей социалистической эпохи, учатся идейности и партийности искусства, учатся быть в авангарде борьбы за социальный прогресс, демократию, мир и безопасность народов.

К творчеству Чернышевского, великого революционера, основоположника материалистической эстетики, писателя и литературного критика, несомненно, восходят самые главные и прочные традиции, связывающие наше современное искусство с замечательным наследием революционеров-демократов. Именно Чернышевский начал в русской литературе настойчиво и последовательно отстаивать принципы нового искусства, для которого характерно непосредственное обращение к политической жизни, к революции и освободительной борьбе. Именно он настойчиво, с большой силой утверждал, что настоящее искусство не может жить без политики, не может не отразить те идеи и чувства, ко-

торые овладевают массами в эпоху их освободительной борьбы с царизмом и крепостничеством.

Одним из наиболее ярких тому свидетельств является созданный им роман «Что делать?», бесспорно относящийся к лучшим произведениям не только русской, но и мировой литературы, ибо в нем впервые в истории развития художественной литературы были поставлены и решены многие социально-эстетические и этические проблемы, связанные с созданием образов настоящих, «особенных», как называл их автор, людей.

Историческое значение романа в том и выразилось, что он дал ответ на основной вопрос, который волновал людей середины прошлого столетия: что необходимо делать всем тем, кто не хотел жить по-старому, отвергал жизнь, основанную на насилии и произволе, стремился к иной жизни и мог пожертвовать собой ради приближения прекрасного будущего. По существу это была целая программа для решительного действия, подготовленная создателем романа для всех, кто ненавидел старый мир и готов был принять участие в строительстве новой жизни, в которой должны были восторжествовать разум и социальная справедливость. Книга эта стала настоящим «учебником жизни» для революционной молодежи. Духовное и нравственное превосходство революционеров над представителями самодержавно-крепостнического строя и их либеральными союзниками показано и в другом романе писателя — «Прологе», где изображается политическая борьба в период назревания революционной ситуации 60-х годов.

Оба произведения Чернышевского, получившие высокую оценку Ленина, сыграли важную роль в становлении и развитии революционного сознания в России, в пропаганде и распространении прогрессивных идей и тенденций, которые составляют отличительную особенность русской классической литературы прошлого столетия.

В образах созданных им революционеров, особенно Рахметова, Чернышевский воспроизводил то новое, что только зарождалось в русской действительности и чему еще предстояло развиваться и пройти длительную эволюцию, чтобы воплотиться в образах героев советской литературы, наследующих лучшие черты героев романа «Что делать?».

Отображая духовную красоту своих героев, показывая их мужество, самопожертвование ради общего дела, во имя революции, Чернышевский тем самым утверждал духовное богатство и нравственную красоту людей нового мира, мира социализма.

Имя Чернышевского стало знаменем для революционных бойцов и всех передовых сил пореформенной России. Под влиянием идей, деятельности и жизненного примера Чернышевского формировались и боролись за права и интересы людей труда такие выдающиеся общественные деятели и писатели, как Тарас Шев-

ченко, Микаэл Налбандян, Илья Чавчавадзе, Константин Калиповский, Мирза Фатали Ахундов, Чокан Валиханов и многие другие верные сыны своих народов.

Имя Чернышевского, автора романа «Что делать?», стало символом нерушимой веры в торжество социальной справедливости, разума, духовной красоты, в непобедимую силу революционных идеалов и для прогрессивных зарубежных деятелей западноевропейских и славянских литератур, таких, как Христо Ботев, Любен Каравелов, Васо Пелагич, Светозар Маркович, и многих других, испытавших на себе в полной мере неотразимое влияние его личности и творчества. О силе этого воздействия свидетельствует хотя бы такой факт, что Христо Ботев, Любен Каравелов и Васо Пелагич, побывав в России и познакомившись с сочинениями Чернышевского, возвращаясь на родину духовно окрыленными, становились во главе национально-освободительных движений, разрабатывали основы революционно-демократической идеологии в области философии, социологии, эстетики и литературной критики в своих странах.

Не менее значительным было воздействие идей Чернышевского и на видных деятелей международного рабочего и социалистического движения А. Бебеля, Ф. Меринга, Ж. Геда, каждый из которых в той или иной степени ощутил благотворное влияние произведений великого русского революционного демократа и социалиста. Известно, например, что роман «Что делать?» оказал огромное воздействие на формирование революционного мировоззрения выдающегося деятеля рабочего движения, вождя болгарского народа Георгия Димитрова, который, вспоминая об этом, писал, что на протяжении месяцев он буквально жил с героями Чернышевского. «Моим любимцем, — говорил он, — был, в особенности, Рахметов. Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, неустрашимым, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса»⁴³.

Чествуя Чернышевского, мы убеждаемся в том, что вся его подвижническая и неутомимая творческая деятельность не принадлежит только прошлому, не является только достоянием истории, ибо его непреходящие идеи, прошедшие испытание временем, продолжают работать на социализм, а своей самоотверженной борьбой за народное счастье он показал высокий образец служения Родине, революции, интересам трудящихся. Созданные им произведения, которые заключают в себе неисчерпаемое богатство глубоких мыслей и ярких образов, входят в качестве неотъемлемого духовного капитала в современное общественное сознание, являются лучшим достижением нашей национальной культуры. Поэтому мы можем без преувеличения сказать, что

---

⁴³ Димитров Георгий. К молодому читателю. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1935, с. 10.

Чернышевский — это и наш предшественник, и наш современник, верный соратник в борьбе за те идейные и нравственные ценности, которые вдохновляют строителей коммунистического будущего. И вместе с ним, его словами мы говорим: «...будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести»⁴⁴.

Высокие социалистические идеалы, за претворение которых в жизнь великий мыслитель и революционер отдал так много своих сил, стали зримой реальностью сегодняшнего дня, нашли свое яркое и всестороннее воплощение в обществе развитого социализма.

Достижение того светлого и прекрасного будущего, о котором мечтал Чернышевский, явилось результатом исторической деятельности ведущей силы мирового революционного процесса — рабочего класса, который под руководством Коммунистической партии в тесном союзе с колхозным крестьянством и трудовой интеллигенцией успешно осуществляет строительство коммунистического общества. В том, что наша страна сегодня находится в авангарде борьбы за социальный прогресс, демократию, всеобщий мир и безопасность народов, в том, что она занимает передовые позиции в развитии науки и культуры, вносит свой огромный вклад в развитие мировой цивилизации, в том, что она прокладывает новые пути в коммунистическое будущее, есть заслуга и наших предшественников, великих революционеров-демократов, которые своей самоотверженной деятельностью приблизили наше настоящее.

Каждая эпоха выдвигает перед революционными деятелями и организациями вопрос: что делать? Чернышевский дал наиболее верный ответ на запросы своего времени с позиций революционного демократа, идеолога крестьянской революции. В последующую эпоху В. И. Ленин, творчески развивая учение Маркса и Энгельса, опираясь на наследие предшественников научного социализма в России, в своей знаменитой книге «Что делать?», во всех своих гениальных трудах всесторонне обосновал задачи рабочего класса и его революционной партии в борьбе за победу социалистической революции и построение социализма. Ныне в программных документах и решениях ленинской партии содержится исчерпывающий, научно обоснованный ответ на вопрос, что делать в условиях развитого социалистического общества и непосредственного строительства коммунизма, в эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. В концентрированном виде теоретические выводы и политические установки КПСС выражены в работах Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», в сборниках его статей и речей, освещающих коренные проблемы коммунистического строительства и вопросы мирового

⁴⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 283—284.

развития. Выдающимся событием в духовной жизни советского общества и передовой мировой общественности явился выход в свет книг Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», в живой и яркой форме, правдиво повествующих о жизни, героических трудовых и ратных подвигах советских людей на ответственных этапах истории. На идеях ленинской партии, на впечатляющих примерах, на конкретных делах, на незабываемых образцах служения Родине, делу коммунизма каждый советский человек учится находить для себя ответ на вопрос, что делать и как жить по-коммунистически.

Юбилейные торжества в честь Чернышевского совпали с работой Пленума Центрального Комитета КПСС, рассмотревшего вопросы дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства. Из доклада Л. И. Брежнева и всех материалов Пленума мы видим, какими историческими успехами увенчалась ленинская политика союза рабочего класса и крестьянства, ленинская аграрная политика КПСС, как обновилась и поднялась деревня, которую Чернышевский мечтал выволить из-под гнета крепостничества, из беспроектной нужды и темноты.

Советские люди законно гордятся тем, что наша страна сегодня находится в авангарде борьбы за социальный прогресс, демократию, всеобщий мир и безопасность народов, занимает передовые позиции в развитии науки и культуры, вносит огромный вклад в развитие мировой цивилизации.

И всегда, вспоминая о тех, кто отдал свою жизнь борьбе за счастье трудового народа, отдавая должное заслугам наших предшественников, великих революционеров-демократов, мы будем с любовью и благодарностью произносить дорогое сердцу каждого советского человека имя Николая Гавриловича Чернышевского.

Г. М. Марков

ЖИВУТ ТРАДИЦИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

XIX век поставил русскую литературу в число самых значительных литератур мира. Плеяда выдающихся поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, публицистов, деятелей других сфер искусства подняла духовную жизнь России на доселе невиданную высоту. Николай Гаврилович Чернышевский в этом ярком созвездии могучих талантов России занимает особое место.

Общеизвестно, что потомки в отношении к прошлому взыскательны, требовательны и неподкупны. Они выбирают в качестве своих учителей и наставников только таких деятелей прошлого, которые дороги им по духу своих деяний и близки по представлениям о будущем. Чернышевский, бесспорно, то имя, которое было созвучно пафосу революционной борьбы ряда поколений, созвучно и ныне поколению, строящему в нашей стране коммунистическое общество. Ясность революционной мысли, неукротимость воли, мужество, непримиримость и ненависть к врагам социального прогресса, пламенная вера в счастливое будущее родного народа, владевшие Чернышевским, вызывают в сердцах наших изумление и гордость.

Чернышевский как художник и исследователь стоял на самом революционном фланге русской литературы XIX столетия. Один из самых деятельных представителей критического реализма, он был наиболее последовательным в своих взглядах, бескомпромиссно отвергал самодержавный строй, убежденно верил в неизбежность ближайших революционных потрясений.

Литературно-теоретические взгляды Чернышевского, сыгравшие в развитии общественной мысли в России громадную роль, и поныне не утратили своей значительности. В своих знаменитых трудах «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и других Чернышевский решительно отстаивал позиции критического реализма, открыл перед ним новые горизонты, разработал важнейшие вопросы о народности литературы, о роли писателя в формировании общественного сознания.

Теоретическое здание социалистического реализма в немалой степени опирается на краеугольные камни, заложенные Чернышевским и другими революционными демократами. Чернышев-

ский не дожид до эпохи, когда рабочий класс России вышел на историческую арену, но, веря в разум народа, в духовное богатство трудящегося большинства, он отдал всю свою жизнь без остатка приходу новых социальных сил, победе нового общественного уклада.

Огромную теоретическую работу в области литературы он сумел великолепно соединить с непосредственной художественной практикой. Его романы «Что делать?», «Пролог», пьесы выдвинули его в ряд крупнейших художников России. Он воссоздал такие человеческие характеры и типы, которые отображали глубинные жизненные процессы в развитии страны, недоступные другим писателям, ввел в русскую литературу образы профессиональных революционеров с их величайшей готовностью к любым испытаниям в борьбе, с их безотчетной отвагой перед печеловеческими трудностями, стоящими на избранном пути.

Проникновенно, взором истинного провидца Чернышевский рассмотрел коллективистические побуждения в людях. Не имея реального прообраза социалистической действительности, он своей творческой фантазией конструирует эту действительность, тщательно отыскивает своих героев — носителей новых принципов и качеств — и с упоением поет гимн человеку, его разуму, его высокому назначению на земле, видя в справедливости и равенстве людей основы будущего общества.

Художественные произведения Чернышевского обладали большой эмоциональной силой, и не случайно В. И. Ленин и многие выдающиеся революционеры черпали в них заряд энергии для своей деятельности, оказывались долгие годы под обаянием сильного и своеобразного таланта Чернышевского.

Под прямым и непосредственным воздействием Белинского и Чернышевского в русской литературе сформировалось народно-демократическое крыло, ставшее предшественником писателей пролетариата. Славные имена Некрасова и Добролюбова не исчерпывают этот список. Даже в тех случаях, когда те или иные писатели не принимали взгляды Чернышевского или принимали их с теми или иными оговорками, они по объективному ходу развития не могли не испытывать его влияния как мыслителя и художника. Чернышевский своими примерами создал в русской литературе новый тип писателя — писателя-борца, стоящего на самой передовой линии борьбы за социалистические идеалы.

Празднование в нашей стране 150-летия со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского с новой силой всколыхнуло общественный интерес к его творчеству и жизни. В публикациях в печати, на состоявшихся научных конференциях писатели и литературоведы всесторонне показали, что советская многонациональная литература — достойная наследница Чернышевского, верная продолжательница традиций революционных демократов.

Для многих выдающихся представителей литератур братских народов нашей страны имя Чернышевского было вдохновляющим.

Т. Шевченко и И. Франко — на Украине, М. Налбандян — в Армении, А. Церетели и И. Чавчавадзе — в Грузии, Абай Купанбаев — в Казахстане, М. Ахундов — в Азербайджане, К. Хетагуров — в Осетии и многие другие не только отдали дань своего восхищения Чернышевским, но и стремились на деле осуществить его идеи, пробуждая в своих народах чувство социальной справедливости и национального достоинства.

Сегодня, когда советская литература превратилась в великую духовную силу нашего общества и создается на 76 языках наций и народностей страны, советские писатели чувствуют бесконечную признательность ко всей прекрасной многонациональной когорте революционных демократов, идейно возглавлявшейся выдающимся сыном русского народа Николаем Гавриловичем Чернышевским. По справедливости мы можем сказать: именно они, революционные демократы, во главе с великим социалистом Н. Г. Чернышевским стояли у истоков нашей дружбы, превратившейся по предначертанию Ленина в результате социалистической революции в оплот подлинного интернационального братства.

Н. Г. Чернышевский создал величайшие образцы революционного слова. Он великолепно понимал значение журнального дела для развития свободной и правдивой литературы. Его сотрудничество в лучших журналах России, в том числе и в журнале Некрасова, оставило нам яркие и поучительные уроки использования печати в интересах задач освободительной борьбы.

Николай Гаврилович Чернышевский пылко мечтал о литературе, которая могла бы воссоздать и воспеть прекрасное. Прекрасным же он убежденно называл жизнь. Мечта Чернышевского сбылась. Его Родина, которую он любил горячо и самоотверженно, осуществила самые смелые надежды великого революционера и мыслителя. Она построила действительно прекрасную жизнь, создала действительно великую литературу и великое искусство.

Масштабы влияния литературной печати в нашей стране благодаря заботам Коммунистической партии подняты на уровень народного значения. Только Союз писателей издает около 100 толстых литературно-художественных и общественно-политических журналов. Вместе с литературными газетами эти издания выходят одновременно тиражом в двенадцать с половиной миллионов экземпляров, и наши писатели имеют счастливую возможность разговаривать с десятками миллионов своих читателей по самым разнообразным общественным вопросам.

Выражением большого доверия партии к советской литературе стала публикация ярких и мудрых книг товарища Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» в журнале Союза писателей «Новый мир».

Советская многонациональная литература неуклонно продолжает лучшие традиции, идущие от демократической культуры прошлого — традиции воспитания в человеке благородных чувств и идеалов служения народу, борьбы за светлое будущее Родины.

В. К. Гусев

НАША СЛАВА И ГОРДОСТЬ

Наша Родина богата замечательными людьми. История страны бережно хранит много прекрасных имен, составляющих славу и гордость не только нашего народа, но и всего прогрессивного человечества. К таким выдающимся людям относится и Н. Г. Чернышевский — мужественный революционер, великий ученый, философ, экономист, историк, критик, писатель.

К. Маркс, знавший многие труды Н. Г. Чернышевского, давал им высокую оценку, отзывался о нем как о великом ученом. Он считал, что труды Н. Г. Чернышевского делают честь России, и изучал русский язык в значительной мере для того, чтобы познакомиться «с превосходными экономическими работами Чернышевского».

«..Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью..» — писал Н. Г. Чернышевский своей жене. И писать так он имел все основания.

С Саратовским краем связаны многие славные страницы жизни, борьбы и труда Николая Гавриловича Чернышевского. Здесь, на берегу широкой Волги, которую он полюбил на всю жизнь, прошли его детские и юношеские годы. Здесь формировались его характер и мировоззрение.

«..Будущее светло и прекрасно», — писал Чернышевский и страстно звал к борьбе за него.

Отмечая юбилей Н. Г. Чернышевского, мы воочию видим, что волею Коммунистической партии и советского народа революционные мечты великого демократа стали реальностью, коренным образом преобразовалась наша Родина. Это ярко видно и на примере Саратовской области.

Глухое захолустье, отсталый аграрный район — такой была Саратовская губерния в середине XIX столетия. Сам губернский центр долгое время был синонимом провинциальной глуши.

Ныне Саратовская область располагает мощной промышленностью, высокоразвитым сельским хозяйством, крупными научными и учебными учреждениями.

В папораму Саратова и области органично вписались сотни индустриальных гигантов — предприятий электроэнергетики, ма-

широкого строительства, электротехники и электроники, химии и нефтехимии, строительных материалов. Многие изделия саратовских предприятий известны не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сельское хозяйство области является высокомеханизированной отраслью экономики. Колхозы и совхозы оснащены современной техникой. Из года в год растет производство продукции полей и ферм. За успехи в развитии экономики и прежде всего сельского хозяйства Саратовская область дважды удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина.

Степное Заволжье считали краем без будущего. Бичом края были засухи. Выгорали посевы. Эти проблемы волновали лучшие умы России, волновали они и Чернышевского. В последний год жизни он работал над статьей «Мысли о будущности Саратова», в которой хотел показать влияние Волги на экономику края.

Ныне в степи вырастают новые поселки, распаханна целина. На карту нашей области с каждым годом наносится все больше голубых жилок. Это по новым рукотворным руслам идет в степь волжская вода.

Состоявшийся в июле 1978 года Пленум ЦК КПСС, доклад на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева о дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР, принятые решения открывают новые большие перспективы развития сельского хозяйства страны и области.

В прошлом заолустный Саратов, имевший во времена Чернышевского лишь духовную семинарию и несколько школ, стал одним из крупных научных центров Поволжья.

В 12 вузах и 48 техникумах области обучаются 116 тыс. юношей и девушек. В научно-исследовательских институтах трудятся тысячи ученых. Каждый пятый работающий саратовец — дипломированный специалист.

Одна библиотека, один театр, одна газета — таковы очаги культуры Саратова при жизни Николая Гавриловича Чернышевского. Теперь в области 7 театров, в том числе академические театры оперы и балета и драматический, 41 газета, много дворцов культуры, клубов и библиотек.

Из Петропавловской крепости на всю Россию прозвучало страстное слово Чернышевского о новых людях русского общества — носителях идеологии будущего. Находясь под неусыпным наблюдением жандармов, лишенный возможности активной деятельности, Чернышевский мечтал о партии, о вожде, которые поведут народ к революции. Конечно, он не знал, что семнадцатилетний Владимир Ульянов прочитал его роман «Что делать?». Позже Владимир Ильич создал партию коммунистов, которая повела рабочий класс, революционные массы на борьбу с самодержавием, на штурм старого мира.

В. И. Ленин глубоко уважал Н. Г. Чернышевского. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала: «Вряд ли кого другого

Владимир Ильич так любил, как любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал непосредственную близость и уважал его в чрезвычайной мере».

Н. Г. Чернышевский страстно мечтал о людях, для которых понятие счастья, прекрасной жизни было бы неразрывно связано с неутомимой деятельностью на благо народа, а их личные интересы сливались бы с общественными. В своем романе «Что делать?» он создал яркие образы новых людей будущего.

Мечта Николая Гавриловича Чернышевского о новых людях стала реальностью. Это о них говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде КПСС: «... Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»¹.

Советские люди свято берегут память о великом сыне Родины. Многое сделано и по увековечению имени и дел Чернышевского на саратовской земле.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 17 (25) сентября 1920 г. подписанным В. И. Лениным, дом на берегу Волги в Саратове, в котором родился Н. Г. Чернышевский, объявлен народным достоянием, музеем. Имя Николая Гавриловича Чернышевского присвоено Саратовскому государственному университету, который является одним из ведущих научных центров по изучению жизни и деятельности великого революционера-демократа.

Имя своего великого земляка носят крупнейший совхоз, два колхоза, Академический театр оперы и балета, ряд школ, площадей и улиц городов и сел области. В центре Саратова высится величественный памятник Н. Г. Чернышевскому.

Отмечая славную годовщину Николая Гавриловича Чернышевского, мы можем с полным правом сказать: Чернышевский — наш современник. В духовной жизни советских людей ему принадлежит почетное место. Нам близок его светлый и смелый ум, весь его мужественный облик, его любовь к Родине и к своему народу.

Чернышевский вложил свой труд в великое дело борьбы за социализм. Вечным памятником славному сыну России является наша прекрасная Отчизна, дружная семья советского народа, строящего под руководством Коммунистической партии светлое здание коммунизма.

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1976, т. 5, с. 548—549.

В. И. Шинкарук

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
И АНТИФЕОДАЛЬНОЕ НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Николай Гаврилович Чернышевский принадлежит к числу тех выдающихся представителей русского народа, которые много сделали, чтобы еще в середине прошлого века с великим именем России связывалась не Россия царя и помещиков, самодержавного деспотизма и национального гнета, не «тюрьма народов», а страна могучего подъема передовой демократической культуры и интернационального единения национально-освободительных движений и демократических национальных культур вокруг русского освободительного движения и русской демократической культуры. Эта Россия благодаря таким людям, как Чернышевский, уже в те времена была не полем разобщения, а становилась колыбелью братской дружбы наших народов.

Именно Чернышевский, его соратники, предшественники и последователи, русские революционные демократы XIX столетия, высоко подняли знамя интернациональной борьбы против самодержавия и крепостничества, за социальное и национальное освобождение всех народов царской России. Возможность объединения поработанных царизмом народов вокруг русского народа они видели только в их совместной борьбе против царского самодержавия. И в этом сплочении на общую борьбу они усматривали историческое призвание русского народа. Как писал Николай Платонович Огарев: «В настоящее время от Днепра и до Тихого океана другого племени нет, около которого могли бы собраться остальные племена. Но союз не значит подчинение, а только союз. Только на самобытности каждой части может быть основана сила и свобода целого. Без этого, еще раз повторяем, мы будем осуждены на общее рабство перед самодержавием»¹.

Пламенная защита интересов угнетенных трудящихся масс всех наций и народностей, населявших Россию, позволила русским революционным демократам сплотить вокруг себя все передовые, революционные силы страны. Могучая революционная проповедь Чернышевского объединяла и вдохновляла Илью Чавчавадзе и Тараса Шевченко, Константина Калиновского и Ми-

---

¹ *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. 1, с. 637.

газла Налбандяна, Зигмунда Сераковского и Чокана Валиханова и многих других революционных деятелей России середины XIX столетия. И не только в этот период. Как отмечал один из выдающихся последователей Чернышевского на Украине во второй половине XIX и начале XX столетия — И. Я. Франко, имя великого русского революционера «творит целую эпоху в общественно-революционной пропаганде», оно «стало для грядущих поколений символом борьбы, потрясающей основы царского абсолютизма»².

Характеризуя роль и значение романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», И. Я. Франко в 1889 г. писал: «Наверное, и в нашем молодом поколении нет человека, который бы сам не читал или хотя бы не слышал о программном романе Н. Г. Чернышевского, который вот уже десятилетия занимает русскую молодежь, роман, который обошел вокруг света, не оставляя равнодушным самые разнообразные революционные круги Запада... Во всей мировой литературе нет произведения, которое имело бы более глубокое воздействие, чем произведение этого „тенденциозного“ писателя, политического агитатора... Посев Чернышевского ширится и поныне, хотя и приглушенный, он живет и оплодотворяет молодежь всей России»³.

По выражению В. И. Ленина, Н. Г. Чернышевский выступал как «всероссийский демократ-революционер»⁴. Отстаивая общие интересы революционной борьбы против самодержавия и крепостничества, он внимательно следил за развитием освободительного движения в национальных окраинах царской России, теоретически освещал его социальные причины, неизменно проводя при этом принцип классового подхода. Так, в известной статье «Национальная бестактность», посвященной освободительному движению на Украине, великий русский мыслитель-революционер показал, что социальные корни этого движения находятся не в национальных, а в классовых отношениях, что действительным врагом украинских крестьян являются не поляки вообще, как то пытались утверждать тогдашние украинские националисты из львовского «Слова», а польские и украинские помещики. При этом Николай Гаврилович ссылаясь на авторитет своего друга и соратника великого украинского поэта и революционера Тараса Григорьевича Шевченко, который, по его словам, «окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она.

В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещи-

² Франко И. Твори. В 20-ти т. Киев, 1955, т. 18, с. 64—66.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

ками. Большинство помещиков там — поляки, потому недоверие простолюдинов к полякам — просто недоверие к помещикам. Когда малороссы говорят о панах, они только забывают прибавлять, что в числе панов есть и малороссы, потому что этих панов малороссов гораздо меньше, чем поляков. Но к этим панам их отношение точно таково же, как и к польскому большинству панов. Различие национальностей не делает тут никакой разницы. О чувствах и поступках польских панов относительно поселян разных племен надобно сказать точно то же, что о чувствах малорусских поселян к панам разных племен: различие национальностей и тут не производит никакой разницы в отношениях. От польского поселянина польский пан требовал нисколько не меньше, чем от малорусского поселянина; ни в одном из тех облегчений, какие он сделал или соглашается сделать польскому поселянину, он и не думает отказывать малорусскому поселянину. Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы, малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу, если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна: насколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно настолько же и для другого».

И дальше: «... никакие голословные возражения не поколеблют нашего мнения, опирающегося на такой авторитет, как Шевченко. Не опровергать наши слова мы советуем друзьям малорусского народа, а призадуматься над ними и проверить фактами. Факты подтвердят их, мы в том уверены, потому что Шевченко чрезвычайно хорошо знал быт малорусского народа. Опираясь на этот непоколебимый авторитет, мы твердо говорим, что те, которые захотели бы говорить противное, ослеплены предрассудком и что малорусский народ ничего, кроме вреда, не может ждать себе от них»⁵.

Эти слова не утратили своей актуальности и поныне, когда современные идеологи украинского буржуазного национализма, находящиеся на содержании империалистических служб, продолжают распространять обветшалые идеи о якобы внеклассовости, безбуржуазности украинской нации, чуждости ее интересов интересам других народов, и прежде всего русского народа, о мнимой неприемлемости для народа Украины всего того, что шло от передовой революционной мысли России. Но это гнуснейшая ложь. Именно революционные традиции русского народа, воплотившиеся в середине XIX столетия в деятельности русских революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским, и создали ту общественно-политическую и идейную почву, которая не разъединяла, а, наоборот, объединяла вокруг русского освободи-

---

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 792—793.

тельшого движения все передовые силы угнетенных народов царской России, в том числе и украинского народа.

Ярчайшим примером этого могут служить идейные устремления творчества и деятельности Т. Г. Шевченко. Отданный царским самодержавием в солдатскую каторгу, он по возвращении из ссылки опять включился в общую с русской революционной демократией борьбу против крепостничества и царизма. Как писал М. Т. Рильский: «Могучий и несокрушимый Шевченко в результате долготелней ссылки не только не упал духом, не смирился, а, наоборот, вырос, возмужал, углубил и закалил свое революционное мировоззрение. И не удивительно, что по возвращении из ссылки потянулся он сердцем и разумом не к Кулишу, а к Чернышевскому, не к «праздно болтающим» либералам и буржуазным националистам, все более явственно раскрывавшим свое лицо, а к родным ему по мировоззрению, по мировосприимчивости, по любви к народу революционерам-демократам, людям революционного слова и революционного дела»⁶.

Проповедуемые Чернышевским и его соратниками — русскими революционерами-демократами — идеи единства всех народов России в борьбе против самодержавия и крепостничества отражали действительные национальные интересы и национальное самосознание великого русского народа. И это прекрасно понимали их сподвижники по революционной борьбе — представители других народов. «Народ московский, — писал выдающийся белорусский революционер Константин Калиновский, — возмущается при мысли о нашей вековой кривде, он свободным братом нашим, а не угнетателем жаждет быть и ответственность за нашу неволю решительно возлагает на царизм, обрекая его на гибель»⁷.

Вот эта Россия — Россия Чернышевского и Константина Калиновского, Россия Некрасова и Шевченко, Добролюбова и Ильи Чавчавадзе, М. Налбандяна и М. Ф. Ахундова, Россия интернационального единения всех освободительных движений, — породив самый революционный в мире пролетариат, смогла стать родиной ленинизма, свергнуть самодержавный деспотизм, совершить первую в мире социалистическую революцию и превратиться в могучий Советский Союз — социалистическую Родину многонационального советского народа.

И мы все воздаем глубокую дань уважения гениальному сыну великого русского народа Николаю Гавриловичу Чернышевскому за его вклад в становление этой России, в развитие всей ее духовной культуры.

⁶ Рильский М. Література і народна творчість. Киев, 1956, с. 88.

⁷ Цит. по кн.: История философии народов СССР. М., 1968, т. 3, с. 516.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

М. Т. Иовчук

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТИЗМ И НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, ЕГО НАСЛЕДИЕ И СОВЕТСКАЯ НАУКА

Коммунистическая партия, советский народ высоко чтят, продолжают и развивают лучшие традиции российского и международного революционного движения, бережно хранят, изучают и разрабатывают наследие передовых ученых, деятелей отечественной и мировой культуры.

Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном юбилейном заседании, посвященном 250-летию Академии наук СССР, 7 октября 1975 г. сказал, что «в неразрывной связи с общим потоком развития науки и культуры происходил могучий взлет гуманитарных наук, передовой общественной мысли в России. А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, В. Г. Белинский и А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, пионер марксистской мысли в России Г. В. Плеханов — все они содействовали духовному пробуждению России, формированию революционного сознания народов нашей родины. Их деятельность в конечном счете помогла подготовить почву для великого подвига ленинского гения, для создания революционной партии рабочих и крестьян, для победы Великого Октября»¹.

Празднование 150-летия со дня рождения Чернышевского — это не только благодарная дань памяти великого корифея мысли, освободительной борьбы и передовой культуры России, но и крупная веха на славном пути истории нашей Родины, ее науки и культуры, знаменующая дальнейшее продолжение и развитие па-

¹ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1976, т. 5, с. 362.

родами Советского Союза славных традиций пионеров революционной борьбы и демократической культуры в нашей стране.

Советский народ — законный наследник передовой науки и общественной мысли России — следует интернационалистским принципам марксизма-ленинизма, исходит из тех высоких оценок русской революционной мысли и российского освободительного движения, которые даны Марксом, Энгельсом, Лениным. Классики марксизма-ленинизма особенно подчеркивали выдающуюся роль идейного вождя российской революционной демократии 50—70-х годов XIX в., великого русского ученого-энциклопедиста, философа и писателя Николая Гавриловича Чернышевского в истории освободительного движения, в развитии революционной теоретической мысли и демократической культуры.

К. Маркс, считавший экономические работы Чернышевского превосходными, писал в послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала», что великий русский мыслитель мастерски показал в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» банкротство буржуазной политической экономии.

Энгельс, оценивая Чернышевского и Добролюбова как «социалистических Лессингов», подчеркивал тем самым их огромное влияние на литературу и общественную мысль, на освободительное движение.

В советской философской литературе уже отмечалось идейное родство между теми оценками коренных противоречий немецкой классической философии, в частности системы Гегеля, которые даны в статье Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842) и в сочинении Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы (1855—1856)».

Энгельс был знаком с вышедшим в 1890 г. на немецком языке трудом Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», в первых изданиях которого (публикация в нелегальном русском обозрении «Социал-демократ» и в книге, изданной в Германии) было дано глубокое и разностороннее освещение мировоззрения Чернышевского, показано, что он был не только утопистом-социалистом, но и революционером-демократом, раскрыто историческое место его учения и отличие его от учения Маркса².

В. И. Ленин с юных лет глубоко изучал произведения Чернышевского и восторгался ими; в своих беседах и воспоминаниях о годах юности он говорил, что своими сочинениями еще в 80-х—начале 90-х годов Чернышевский «глубоко перепахал» его, молодого Владимира Ульянова³.

² Через 20 лет, в 1909 г., Плеханов, ставший меньшевиком, в новом издании своей книги опустил ряд важных положений, характеризующих непримиримую борьбу Чернышевского против либерализма, и, как заметил в связи с этим В. И. Ленин, «из-за теоретического различия ид(еалистического) и мат(ериалистического) взгляда на историю Плеханов просмотрел прак(тический) полит(ическое) классовое различие либерала и демократа» (Ленинский сборник XXV, с. 231).

³ См. об этом: «Вопросы литературы», 1957, № 8 (публикация Б. С. Рюрикova).

Именно В. И. Ленину принадлежит заслуга глубокого раскрытия классовой сущности «эпохи Чернышевского» — второго, различинско-демократического этапа, следовавшего за первым этапом — «дворянской революционности» — в российском освободительном движении. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал Ленин в 1911 г., — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»⁴.

В своих сочинениях Ленин всесторонне показал отношение революционного марксизма к деятельности Чернышевского и его материалистическому мировоззрению. Ленин увидел то, чего не увидел еще в полной мере Плеханов, — последовательный и боевой крестьянский демократизм Чернышевского, все более пронизывавший его утопически-социалистические воззрения, связанные с надеждами на социалистическое будущее крестьянской общины. Сравнивая Чернышевского с Герценом, Ленин писал: «Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачения измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и либералам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»⁵. Ленину принадлежит высокая оценка «солидной материалистической традиции» в русской философии, которая шла от Чернышевского в 80-х—90-х годах к Плеханову, к диалектико-материалистическому мировоззрению российских марксистов.

Следуя марксистской методологии и продолжая дело В. И. Ленина, его соратники и ученики В. В. Воровский, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, П. И. Лебедев-Полянский, Е. М. Ярославский и другие в своих работах раскрывали идейно-воспитательное значение революционных социально-политических, философских, эстетических и этических убеждений Чернышевского, его наследия.

В борьбе за победу ленинизма в науке и перестройку общественно-научной мысли на основе ленинской методологии в послеоктябрьский период были преодолены некоторые односторонние и ошибочные трактовки деятельности и мировоззрения Чернышевского, сводившиеся в прошлом, с одной стороны, к попыткам идеализировать революционное народничество и отождествить мировоззрение Чернышевского с народническими утопиями, а с другой — вели к неправомерному сближению его революционного демократизма с марксизмом (это нашло свое отражение, в частности, в ценных, но содержавших ошибки работах Ю. М. Стеклова о Чернышевском).

Анализ трудов и революционной деятельности Н. Г. Чернышевского занимает значительное место, в исследованиях советских

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

литературоведов, историков, философов, экономистов и других наших ученых-марксистов. Фундаментальную работу по изучению эпохи Чернышевского и его деятельности, особенно в период революционной ситуации 1859—1861 гг., провела исследовательская группа, созданная в Институте истории СССР АН СССР, возглавляемая академиком М. В. Нечкиной. Плодотворно потрудились над исследованием эпохи Чернышевского, его мировоззрения и деятельности старый большевик Н. А. Алексеев, академики Н. М. Дружинин и А. М. Пашкратова, Б. П. Козьмин и другие; проблема отношений Маркса и Энгельса к Чернышевскому исследована в работах Р. П. Конюшей. Анализ творчества Чернышевского и его роль в истории русской литературы, эстетической, литературно-критической деятельности русских революционных демократов и писателей школы «критического реализма», их влияние на русскую и мировую культуру занимает достойное место в трудах советских литературоведов, ведущих в течение многих лет глубокие научные исследования в Пушкинском доме — Институте русской литературы и в Институте мировой литературы АН СССР (М. П. Алексеев, В. Г. Базанов, Н. Ф. Бельчиков, Б. И. Бурсов, А. С. Бушмин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина и другие ученые).

Большую роль в исследовании и популяризации жизненного подвига, революционной деятельности и литературного творчества, в подготовке к изданию сочинений великого русского мыслителя и писателя сыграли Саратовский Дом-музей Н. Г. Чернышевского, его покойный директор Н. М. Чернышевская, видные саратовские ученые Е. И. Покусаев, А. П. Скафтымов и др. Вилуйский период в жизни, деятельности и творчестве Чернышевского исследован в работах И. М. Романова и других ученых Якутии.

Экономические воззрения Чернышевского, его критика реакционной и буржуазно-либеральной политической экономики получили свое научное освещение в работах советских ученых-экономистов И. Д. Удальцова, А. И. Пашкова, А. Реуэля, Н. А. Цаголова и др.

Исследование философских основ мировоззрения Н. Г. Чернышевского и его последователей, их роли в развитии материалистической философии и революционной общественной мысли, раскрывающее роль Чернышевского и его школы в истории материализма и диалектики, в идейной борьбе против реакции, либерализма и идеализма, начиная с 30-х годов вели П. Н. Федосеев, В. Е. Евграфов, М. Т. Иовчук, В. С. Кружков, М. М. Розенталь, Б. А. Чагин и другие советские философы.

Следует отметить также посвященные жизни и деятельности Чернышевского работы Н. В. Богословского, А. И. Володина, С. С. Волка, М. М. Григорьяна, В. Я. Зевина, А. Н. Иезуитова, Б. С. Итенберга, А. Н. Маслина, В. А. Малинина, Ю. С. Мелентьева, П. А. Николаева, Н. Н. Новиковой, И. К. Паитина,

Б. С. Рюрикова, Е. Л. Рудницкой, А. Ф. Смирнова, З. В. Смирновой и других советских ученых.

Благодаря постоянной заботе КПСС и Советского государства о сохранении, изучении и преумножении великого духовного наследия отечественной и мировой науки труды Чернышевского, и прежде всего такие эпохальные произведения, как роман «Что делать?», трактат «Эстетические отношения искусства к действительности», и другие эстетические работы, его избранные философские, экономические, педагогические сочинения изданы массовыми тиражами и стали достоянием широких слоев населения, глубоко изучаются в средних школах и высших учебных заведениях, популяризируются печатью и другими средствами массовой информации. Идеино-политическое, научно-философское и литературно-критическое наследие Чернышевского, вошедшее в золотой фонд русской науки и литературы, служит ценным средством патриотического и интернационалистского, нравственного и эстетического воспитания, формирования научно-материалистического, атеистического мировоззрения новых поколений в СССР и других странах социализма, содействует делу познания революционной России — родины ленинизма, одним из предшественников которого в России был Николай Гаврилович Чернышевский.

* * *

Н. Г. Чернышевский за 61 год своей жизни прошел тяжелый, полный самоотверженного труда и беззаветных исканий, смелой борьбы с царизмом, реакцией и либерализмом, славный и поучительный путь. По окончании Петербургского университета, после нескольких лет преподавания в Саратовской гимназии он вел свыше 5 лет огромную и плодотворную литературно-критическую и идейно-политическую работу в журнале «Современник», которая была главным революционным делом Чернышевского; идейно подготовил и создал революционную нелегальную организацию — первую «Землю и волю». Вождь русской революционной демократии 50—60-х годов в 1862 г., в 34-летнем возрасте, был арестован царскими властями и как «государственный преступник» пробыл свыше 21 года в тюрьме, на каторге и в ссылке.

Революционный и идейно-теоретический путь Чернышевского начался еще в университетские годы под могучим воздействием революционных событий в Западной Европе в 1848 г. и нарастания стихийных крестьянских движений в России. Под влиянием идей Герцена, петрашевцев и особенно Белинского, сочинений западноевропейских республиканцев-демократов, утопистов-социалистов, философов-материалистов и диалектиков молодой Чернышевский уже в 1848—1849 гг. формирует свои революционно-демократические убеждения и свое научное, в основе материалистическое, мировоззрение. Уже тогда он писал: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда

ее... без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»⁶. Чернышевский, от сочинений которого веет духом классовой борьбы, окончательно пришел к боевому крестьянскому революционному демократизму.

В 50-е годы в результате подъема освободительных движений в России и на Западе и прежде всего революционной ситуации, сложившейся в российском обществе в 1859—1861 гг., Чернышевский, его соратники Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Л. Михайлов, братья Серно-Соловьевичи и другие последовательные революционеры-демократы стремились побудить к более решительной и бескомпромиссной революционной борьбе организаторов вольной русской прессы за рубежом, руководителей «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которые в 50-х годах переходили к революционному демократизму, но порой, в частности Герцен, допускали либеральные иллюзии.

В 1860 г. в «Колоколе» было опубликовано письмо за подписью «Русский человек», выражавшее позицию Чернышевского и Добролюбова, которое требовало отказаться от веры «в добрые намерения» царей и помещиков и провозглашало: «К топору зовите Русь». Журнал «Современник», главными руководителями которого были Чернышевский и Добролюбов, на своих страницах, обходя препоны и рогатки цензуры, вел последовательную непримиримую критику реакции, капитализма, помещичье-буржуазного либерализма, воспитывал и подцензурными статьями настоящих революционеров. Ленин отмечал, что в своих статьях перед крепостнической реформой (1861 г.) и после нее Чернышевский «проклинал ее, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»⁷.

Чернышевский и его соратники в период реформы 1861 г. и вскоре после нее подготовили революционные прокламации — обращения «Барским крестьянам...», «К солдатам», «К молодому поколению» и другие, в которых призывали готовиться к всероссийскому народному восстанию; однако большинство этих прокламаций не дошло до народных масс, а некоторые попали в руки царских властей.

«Нужна была гениальность Чернышевского, — писал В. И. Ленин, — чтобы тогда в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском обществе и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывавшего наши антагонистические общественные отношения, является

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 356—357.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся»⁸.

Выражая интересы и чаяния трудящихся классов, русские демократы-революционеры во главе с Чернышевским учили, что эксплуататорские феодальные порядки должны быть заменены социалистическим строем, а не строем капитализма, который порождает конкуренцию, соперничество, превращает трудящихся в пролетариев, приводит к концентрации богатств в одних руках. «Зачем, — писал он, — оставаться в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа — земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково»⁹.

В своих произведениях «Капитал и труд», «Очерки из политической экономии (по Миллю)», «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» и во многих других статьях, опубликованных в «Современнике», Чернышевский выступает как поборник социализма, критикует консервативные воззрения российских либералов — сторонников буржуазных реформ, вульгарную буржуазную политическую экономию Запада, которая выражает взгляды и интересы капиталистов, проникнутых снисходительностью к побеждаемому врагу, феодальному словию, которое оказывается их союзником в вопросе о распределении ценностей.

Бесстрашный народный заступник Чернышевский стремился слить свою веру в крестьянскую революцию, которая, по его ошибочному убеждению, должна быть социалистической, с надеждой на то, что новый общественный строй приведет к общему владению землей, средствами производства, богатством, созданным трудом «простолюдинов», трудящихся масс. Но если в критическом плане Чернышевскому удается разоблачить эксплуататорский экономический строй — капитализм, политику буржуазии, ослепленной ненавистью к трудящимся массам, социализму, ее апологетические «теории», то в своих работах периода реформы 1861 г., в романе «Что делать?», созданном в 1862 г. в Петропавловской крепости, в сочинениях, написанных в далекой Сибири, Чернышевский еще не мог в полукрепостнической России, где еще только складывался пролетариат, выработать научно обоснованный и действенный социалистический идеал. Он до конца своих дней оставался крестьянским революционером-демократом и утопистом-социалистом, рассчитывал на установление социализма в результате крестьянской революции и не выделял рабочего класса из общей массы «простолюдинов».

Не идеализируя сельскую крестьянскую общину и понимая, что она исчезнет и в России, Чернышевский связывал свои взгляды на приход социализма с развитием «цивилизации», т. е. промышленности, техники, науки, с переходом власти и всех богатств в руки трудящихся. И хотя Чернышевский не мог под-

⁸ Там же, с. 291.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 727.

пяться до научного социализма Маркса и Энгельса, он близко подходил к их гениальной идее некапиталистического развития экономически отсталых стран при условии соединения крестьянской революции в этих странах с победой революции пролетариата в странах, ушедших вперед в своем экономическом развитии. Однако реальных условий для соединения крестьянской революции в странах, ранее экономически отсталых, с научными и техническими достижениями передовых капиталистических стран, если бы власть в них перешла к рабочему классу, в эпоху Чернышевского в России не было, эта возможность была Россией в XIX в. упущена. Возможность некапиталистического развития стран, ранее экономически отсталых, могла превратиться в действительность только после победы пролетарской революции в России, которая привела к превращению нашей Родины в могучую индустриальную державу, оказывающую всестороннее содействие народам, находившимся в состоянии экономической отсталости, помогающую им миновать стадию капиталистического развития и успешно развиваться по пути социализма.

Советскими учеными, исследующими общественно-политические события периода первой революционной ситуации в России, доказано, что Чернышевский и шедшие за ним революционеры-разночинцы не только идейно готовили передовых людей России к восстанию; они организовали революционные кружки, выпускали в России в 1861 г. нелегальную революционную газету «Великорус», прокламации и иные революционные воззвания. В 1861 г. Чернышевским было создано тайное революционное общество с центром в Петербурге, известное ныне в научной литературе как первая «Земля и воля».

Стремясь воспитывать своими подцензурными статьями в «Современнике» и другими сочинениями настоящих революционеров, Чернышевский мог в то время реально рассчитывать на активное участие в освободительной борьбе только передовых слоев разночинной интеллигенции, студенческой молодежи, офицерства и т. д., которые, как он надеялся, смогут поднять крестьянство, народные массы на восстание против царизма.

Народы России, сотни лет бывшие в рабстве у помещиков и царизма, в тот период не могли еще подняться на широкую, открытую революционную борьбу за свободу. Но после падения крепостного строя в 60—80-е годы в значительной мере благодаря огромному влиянию деятельности Чернышевского и других революционеров-демократов появились, как указывал Ленин, разночинец как главный массовый деятель и освободительное движение вообще и демократическая, бесцензурная печать в частности¹⁰.

Идейно-теоретическая и практически-революционная деятельность Чернышевского и его соратников активно способствовала

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

тому, что в России в 60-х годах шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. Но, как пронизательно замечал Ленин в статье «Памяти Герцена», это не была еще сама буря. Буря — это движение самих масс. Только пролетариат, единственный последовательно революционный класс, поднялся во главе масс и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

Высоко оценивая героическую деятельность революционеров 60—70-х годов, их бесстрашную борьбу против царизма, было бы неправомерно и антиисторично преувеличивать и идеализировать конспиративно-организаторскую работу революционеров-народников, которая не могла при всем ее историческом значении увенчаться успехом в России того времени, и только эту конспиративную, нелегальную работу рассматривать как революционно-практическую деятельность.

Напомним, что В. И. Ленин не раз выступал против недооценки роли теории и идейно-теоретической борьбы как важных форм практической революционной деятельности. Он писал: «...вульгарный революционаризм не понимает, что слово это тоже есть дело; это положение, бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет»¹¹. Это ленинское положение полностью применимо к оценке эпохи Чернышевского, т. е. к концу 50-х и 60—70-м годам. И ныне, следуя Ленину и обращая ретроспективный взгляд в наше революционное прошлое, советские коммунисты с полным основанием считают, как отметил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Гениальность Чернышевского, его идейно-политическое влияние ярко воплотились в том, что действовавший в условиях крепостной России великий заступник и патриот русского народа не ограничивался только интересами его трудящихся масс, а был всероссийским демократом, революционером, который защищал интересы трудящихся масс всей страны, обращал свои революционные призывы ко всем народам, населяющим Российскую империю, вдохновлял и горячо поддерживал освободительную борьбу польского, украинского и других народов, вдохновлял их на общую борьбу против царизма и реакции. Вместе с тем Чернышевский обращал свой мысленный взор к судьбам народов других стран мира, страстно желал победы революции и осуществления демократических и социалистических преобразований в странах Европы и на других континентах. В опубликованных в «Современнике» статьях Чернышевского, особенно о событиях во Франции, Италии и в других европейских странах, настойчиво пропагандировалась революционная идея о том, что всюду, как показывают западноевропейские революции, «мирное», «тихое»

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

развитие невозможно и без революций не может быть ни одного крупного шага в истории. В лице Чернышевского русское революционное движение выдвинуло выдающегося демократа-интернационалиста, который умом и сердцем рвался к установлению единства идей и действий с революционерами всех народов России и других стран мира.

Чернышевский пробуждал у передовых людей России надежду на то, что, хотя развитие на Западе и в России идет различными путями, народы всех стран придут к социализму и затем к коммунизму. «... Эпоха коммунистических форм жизни, — писал он, — вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма»¹². Чернышевский был непоколебимо убежден в том, что только социализм выражает кровные интересы трудящихся масс. Он предвидел, что массы трудящихся уже поднимаются к активной исторической деятельности и им принадлежит будущее. «Сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые придерживаются массы народа»¹³. В этих идеях ярко воплотился революционный демократизм Чернышевского, его вера в победу социалистических идеалов.

* * *

Революционно-демократическая идеология, последовательно развиваемая Чернышевским с 50-х годов прошлого столетия, его литературное творчество, на котором воспитывалось в революционном духе целое поколение «новых людей» России, прочно базировались на почве научного, материалистического мировоззрения. В. И. Ленин в специально написанном дополнении к книге «Материализм и эмпириокритицизм» подчеркнул: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантовцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹⁴.

Чернышевский был в России до 80-х годов XIX в. самой влиятельной и крупной фигурой и в философско-теоретическом плане. Он творчески воспринял, продолжил и развил материалистическую линию в философии, идущую с древности от Левкиппа, Демокрита, Лукреция Кара и ярко воплощенную в материализме XVII—XIX вв., особенно в системах Спинозы, Фейер-

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 831.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 217.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

баха. Он воспринимал и стремился по-своему, с материалистических позиций, выражая интересы трудящихся масс, «простолюдинов», проводить в философии линию диалектическую, которая нашла свое классическое выражение в диалектике Гегеля, ограничиваемой его идеалистической системой. Чернышевский обогатил новыми выводами и положениями ту дальнейшую разработку материализма и диалектики, становившейся «алгеброй революции», которую уже в 40-х годах XIX в. начали осуществлять выдающиеся представители русской революционной демократии В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев.

Не лишены основания высказываемые ныне советскими философами предположения о том, что в труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» идея о противопоставлении линий Демокрита и Платона в истории философии в известной мере могла быть навеяна сочинениями Чернышевского, особенно его «Антропологическим принципом в философии». В этом знаменитом подцензурном сочинении, относящемся к 1860 г., Чернышевский подчеркивал тесную связь борьбы партий в философии с борьбой политических партий, указывая, что политические партии, да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежал тот или иной мыслитель. «Каждый философ, — писал Чернышевский, — бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом»¹⁵.

Материалистическое философское учение Чернышевского, его диалектическая методология, представляющая собой «алгебру» демократической революции, его социологические, эстетические и этические взгляды, особенно в последней четверти века, интенсивно исследовались советскими учеными и получили сравнительно широкое, более или менее систематическое изложение в ряде научных работ¹⁶.

Рассматривая философское наследие Чернышевского как преемственное продолжение лучших традиций материалистических и диалектических традиций западноевропейской и русской философии, мы вправе на основании многолетних и убедительных исследований советских ученых выделить главные черты той качественно новой ступени в истории домарксистской философии, которая связана с именем Чернышевского и его школой.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 223.

¹⁶ См. главы в коллективных монографиях: главу В. Е. Евграфова в книге «Из истории русской философии» (М., 1951) и его же главу в «Очерках истории общественно-политической мысли народов СССР», т. II (М., 1956) и в «Истории философии в СССР», т. III (М., 1968); главу М. Т. Иовчука в т. II шеститомной «Истории философии» (М., 1957); вступительные статьи М. М. Григорьяна к «Избранным философским сочинениям», Ю. С. Мелентьева к 5-томнику «Избранных сочинений» Чернышевского и многие монографии указанных выше исследователей мировоззрения Чернышевского.

Чем поучительна эта система научно-философского мировоззрения не только для «новых людей» в России, но и для «во след идущих» поколений во многих странах, какую ценность она представляет для современности? По нашему убеждению, эти качественно новые характерные для философских учений русской революционной демократии XIX в. (Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского и его последователей Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева и др.) черты научно-философского мировоззрения состоят в том, во-первых, что это цельный материализм в понимании природы, жизни человека, его познания и деятельности (хотя здесь, как и в ряде других вопросов, проявлялась непоследовательность, в частности в понимании общественного развития, и порой односторонность). Сознательно проводимый Чернышевским и его школой материализм «снизу» опирался на достижения предшествовавшего и современного естествознания. Но если ряд выдающихся преобразователей естествознания, открытия которых Чернышевский высоко ценил (Лаплас, Лайель, Ламарк, Дарвин и др.), были еще в большинстве своем стихийными и порой непоследовательными материалистами, то И. М. Сеченов и другие ученые — последователи Чернышевского — становились сознательными и воинствующими материалистами.

Находясь сначала в ссылке в Вилуйске, затем в Астрахани, в конце 70-х—начале 80-х годов, Чернышевский в своих письмах и публикациях, в особенности в статье «Характер человеческого знания» (1885), подвергает критике скептицизм и агностицизм буржуазных философов-иллюзионистов», которые пытаются прикрыть свое «схоластическое пустословие» учением об относительности человеческого знания, тогда как оно — основная истина науки¹⁷. Обращая внимание на новейшие достижения естествознания и исторических наук, которые видоизменяют наши знания, обогащают их, освобождают от некоторых былых односторонних и ошибочных сведений, Чернышевский доказывает, что в составе наших знаний есть такие знания, достоверность которых непоколебима, и подвергать их сомнению нельзя, не отрываясь от разума. Он осуждал как «лицемерных» и «трусливых» мыслителей, которые «искали не истины, а поддержки своим предубеждениям... без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ... гораздо лучше беспристрастной правды»¹⁸. В своих сочинениях Чернышевский, следуя духу материалистической философии и естествознания, не только исходил из принципов материальности мира и его познаваемости, но и убедительно раскрывал единство материального мира, включая человека, всеобщность законов материальной действительности. «Весь мир, — писал он, — как одно целое стоит под законом, необходимо связывающим все части его»¹⁹.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 721.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 207.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 165.

В познании мира человеком, в его взаимодействии с природой Чернышевский отводит решающую роль практике жизни, высказывая гениальную догадку о практике как критерии истины. Хорошо известно ставшее крылатым его мудрое изречение: «Практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также и в делах чувства, мысли. Потому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. Что принадлежит спору в теории, пачистоту решается практикою действительной жизни»²⁰. Он связывал с практической деятельностью не только возможность познания мира, что нередко не отрицали и метафизические материалисты, но и принципиальную способность человека изменять действительность в интересах людей. «Человек, — писал он, — для спокойствия и счастья своей жизни должен во многом изменять объективную действительность, чтобы приспособить ее к потребностям своей практической жизни»²¹.

Во-вторых, новое в философском учении Чернышевского состоит в классовом подходе к явлениям социальной жизни, к назначению и характеру самой философии в защите интересов и мировоззрения трудящихся. В противоположность идеализму реакционеров и либералов, который Чернышевский справедливо рассматривал как систему понятий, разделяемых имущими классами и выгодных им, в отличие от просветительских иллюзий большинства материалистов домарксовской эпохи, которые еще не видели противоречий капиталистического строя и ошибочно считали свои философские учения общечеловеческими, всеобщими, Чернышевский в материалистической философии распознал теоретическую систему взглядов и понятий, соответствующих в последнем счете интересам трудящихся масс, «простолюдинов». Обращаясь не без умысла в «Антропологическом принципе в философии» к вопросу об отношении различных классов западноевропейского общества к философии, Чернышевский доказывает, что «благодаря своей здоровой натуре, благодаря своей суровой житейской опытности, западноевропейский простолюдин в сущности понимает вещи несравненно лучше. . . чем люди более счастливых классов. Но до него не дошли еще те научные понятия, которые наиболее соответствуют его положению, наклонностям, потребностям и [как нам кажется, наиболее соответствуют истине, а во всяком случае] сообразны с нынешним положением знаний»²².

В-третьих, новое в философском мировоззрении Чернышевского и его ближайших соратников (Добролюбова, Шелгунова и др.) заключается и в том, что они, пробуждая передовых людей России на борьбу за демократическую революцию и отводя ма-

²⁰ Там же, с. 102—103.

²¹ Там же, с. 116—117.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 238.

териалистической философии роль идейного вдохновителя, развивали воинствующий материализм, решительно и непримиримо сражались с философским идеализмом, находившимся тогда на службе реакции и либерализма.

Н. Г. Чернышевский выступил в подцензурной печати с критикой не только философских оруженосцев российской самодержавно-православной реакции (П. Юркевич, М. Катков, С. Гогоцкий, О. Новицкий), правых славянофилов, «почвенников и других, но и идеалистических социально-философских и эстетических концепций либералов — российских (таких, как К. Кавелин, Б. Чичерин, А. Дружинин, С. Дудышкин и т. п.) и западноевропейских (неокаптянского «иллюзионизма», позитивистского «эволюционизма», неомальтузианства и т. п.). До конца своих дней, используя все доступные ему средства и возможности, Чернышевский бесстрашно боролся против идеалистического «поветрия» в науке и философско-общественной мысли, подвергая убедительной критике эклектические ошибки и идеалистические отступления от истины, допускаемые порой и прогрессивными деятелями освободительного движения (такова, например, уважительная, но бескомпромиссная критика Чернышевским П. Лаврова в «Антропологическом принципе в философии»). «Чернышевский, — пишет Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», — называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма»²³.

Воинствующий, цельный материализм Чернышевского оказал плодотворное влияние на этические и эстетические воззрения, литературное творчество ряда деятелей освободительного демократического движения, передовых ученых-естествоиспытателей, писателей и критиков демократического направления. Самое же главное состояло в том, что своей непримиримой борьбой против либерального реформизма, идеализма в философии и эстетике Чернышевский ослаблял силу и разлагающее влияние идеализма в либеральной идеологии на общество, науку и культуру в России, объективно проложил путь к распространению нового, последовательно научного, марксистского мировоззрения. Тем самым до 80-х годов XIX в. он выступал в России предшественником научного социализма, диалектического материализма, революционной социал-демократической идеологии рабочего класса.

Далее, в-четвертых, и это особенно важно, научное мировоззрение Чернышевского, лежащий в основе ее философский материализм все более освобождались от былой метафизической ограниченности домарксистских учений, включая в себя диалектику, и шли по пути соединения с диалектикой в единую философскую систему. Чернышевский являлся, как отметил В. И. Ленин, великим русским гегельянцем и материалистом. Он изучал труды

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 383.

Гегеля по философии, логике, эстетике, воспринимая гегелевскую философию уже в молодости в том звучании, которое придавали ему революционно-демократические мыслители в Германии и в России 30—40-х годов. Он распознал за внешней, весьма туманной «оболочкой» идеалистической системы «изумительно сильную диалектику», находящуюся в конфликте с абсолютным идеализмом, с «трансцендентальными понятиями», которые были связаны с консервативными социально-политическими устремлениями немецкого идеализма. В 1855 г. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал об этом противоречии в философских системах немецкого идеализма:

«Выводы, делаемые ими из полагаемых ими принципов (имеются в виду принципы диалектического метода. — *М. И.*), совершенно не соответствуют принципам. Общие идеи у них глубоки, плодотворны, величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты»²⁴.

Там же он говорил, что «противники гегелевской системы», ее консервативных выводов могли победить Гегеля только его собственным оружием, т. е. диалектикой, поэтому они критически приступили к глубокому изучению философии немецкого мыслителя, опираясь на богатый опыт жизни, накопленный в различных столкновениях, на самостоятельность мышления.

В золотой фонд истории философии и общественной мысли вошла классическая формула Чернышевского, данная в «Критике философских предубеждений против общинного владения»: «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие... Он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: „Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!“»²⁵.

Это вечное, повсеместное и бесконечное диалектическое развитие, как явствует из сочинений Чернышевского, отнюдь не ограничивается частными и количественными изменениями, ибо, как он утверждает, 9/10 частей того, в чем состоит процесс, совершается во время скачков («кратких периодов усиленной работы»); история движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком. Тем самым Чернышевский стремится обосновать закономерность смены количественных изменений скачкообразными, перехода от постепенности и реформ к быстрым и решительным революционным переменам. Он учит, что исторический путь не тротуар Невского проспекта, он идет

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 210.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 391.

через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри.

Ярким образцом диалектического подхода к действительности — природе, жизни человека, истории общества, например к войнам, к человеческому познанию в различных его формах — в науке, философии, литературе, искусстве и т. д. — был конкретно-исторический метод Чернышевского, исходивший из убеждения, что истина всегда конкретна, что все зависит от обстоятельств, условий времени и места. Источник движения, развития в природе, общественной жизни, теоретической мысли, который Чернышевский нередко называл «поляризацией», — это борьба противоположных сил, «раздвоение силы, стремящейся по противоположным направлениям», без чего не было бы жизни. Все это не означало, однако, что у Чернышевского было уже выработано ясное и научное понимание единства, взаимопроникновения и борьбы противоположностей как основы всего развития. Но было бы антиисторизмом требовать этого от мыслителя, жившего в условиях крепостной России и более чем на четверть века отстраненного царизмом от научного и литературного творчества, от новых достижений мировой теоретической мысли.

Таким образом, важнейшие, принципиальные стороны диалектического метода, воспринятые Чернышевским из системы Гегеля и истолкованные Герценом и другими революционными мыслителями как «алгебра революции», освобожденная от односторонности и консервативности выводов немецкого идеализма, легли в основу диалектического подхода великого русского гегельянца и материалиста к коренным проблемам бытия и познания. И есть основание согласиться с утверждением Плеханова, что в учении Чернышевского содержался жизнеспособный элемент материалистической диалектики.

Таким образом, Чернышевский и другие материалисты — революционные демократы формировали (хотя этот процесс остался незавершенным) новый вид домарксовского материализма, опирающегося на диалектику, исходящую в конечном итоге от Гегеля, но освобождаемую от идеалистической ограниченности. Вместе с тем переход философов русской революционной демократии XIX в. к новой ступени развития домарксовского материализма не означал и не мог означать коренного революционного переворота в философии, качественного изменения формы материализма, т. е. перехода к материализму диалектическому. Эту задачу, как известно, решили еще в 40-х годах XIX в. Маркс и Энгельс, но их философское учение, их диалектический метод и тогда, и до 80-х годов по ряду причин не стали прочным достоянием русских революционных мыслителей. Диалектика, истолковываемая последними с революционно-демократических позиций, не была и еще не могла быть последовательно соединена с их философским материализмом. Общественная жизнь нередко трактовалась школой Чернышевского в духе узкого «антропологического прин-

ципа» Фейербаха и Чернышевского, который был, как и натурализм, лишь неточным, слабым «описанием материализма»²⁶. Задача органического сочетания, слияния воедино научного материалистического учения и диалектического метода в одной философской системе была решена марксизмом-ленинизмом.

Гениальность и величие Николая Чернышевского как энциклопедического мыслителя-философа и революционера состоят в том, что он возвысил российское освободительное движение, русскую революционную мысль до уровня цельного и воинствующего материализма, на идеях и традициях которого воспитывалось целое поколение русских революционеров, показал миру вдохновляющий и самоотверженный пример поисков и развития революционной теории, которые так высоко оценил В. И. Ленин в своей книге «Что делать?».

* * *

В центре мировоззрения и всей деятельности Чернышевского стояла проблема человека, его места в мире. Основой гуманистической направленности его творчества стала философская позиция антропологического материализма. При всей своей неполноте и исторической ограниченности она была для эпохи Чернышевского прогрессивной и плодотворной. Антропологический материализм революционной демократии в России острием своим был направлен против отвлеченного идеализма, равнодушного к жизни человека, к его интересам и нуждам. Он противостоял и либеральным, маниловским химерам, уводившим человека от реальной действительности с ее кричащими противоречиями, от активного действия к религиозным, иллюзорным надеждам. И в этом случае антропологический материализм в трактовке идеологов революционной демократии был значительным шагом вперед в развитии философской мысли.

Чернышевский рассматривал человека как единую «натуру», в которой нераздельно соединены и материальная сторона жизни человека, и его чувства, ум, воля, духовная жизнь. Отбрасывая идеалистические и дуалистические концепции о двух «субстанциях» человека, из которых главной объявляется дух, осуждая вульгарно-материалистические представления о человеке только со стороны физиологических отправлениях его жизни, Чернышевский последовательно проводил научные материалистические идеи единства природы человека и «единства человеческого рода». «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами, — писал он, — служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма... Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают что никакого дуализма в человеке

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 72.

не видно»²⁷. Чернышевский не останавливается на этой в основе своей верной, но ограниченной точке зрения; он высказывает материалистические догадки о том, что у человека «умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни», что успехи знания «преимущественно обуславливались развитием и трудовой жизни и средств материального существования»²⁸.

У Чернышевского человек в обществе не только «человек вообще» и не просто лишь отдельный, изолированный индивидуум, а «представитель того класса, к которому принадлежит в политическом, или... в социальном, в общественном отношении»²⁹. Но этим не ограничивается Чернышевский. Для него человек — это прежде всего «простолюдин» — человек труда, человек, создавший богатства и часто лишенный права владеть ими.

Эта «трудовая» концепция человека Чернышевского тесно связана с его социалистической теорией. Человек социалистического «настоящего» и «будущего» в понимании Чернышевского — это прежде всего человек труда, любящий труд и получающий удовлетворение от процесса труда и владения его плодами. Русский социалист-демократ выражал светлую надежду на то, что в результате перемен в характере производительных процессов непременно изменится характер труда, что свободный от эксплуатации и угнетения труд человека «из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных»³⁰.

Настоящий человек для Чернышевского — это демократический борец, выступающий против «несправедливого общественного устройства», всех и всяких форм социального, национального, религиозного гнета, обладающий острым чувством социальной справедливости, стремящейся сделать свободу и счастье достоянием всех людей и народов. «То, чего хочет масса, гораздо обширнее реформ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себе образованные сословия, — говорил Чернышевский... Масса хочет коренных изменений в своем материальном быте»³¹.

Человек, с точки зрения Чернышевского, — это преобразователь природы и всей действительности, в том числе и условий своего существования и развития.

Поборник равенства и интернационального братства народов, Чернышевский решительно осуждает колонизаторов и поработителей других народов, выступает за свободу, независимость и самостоятельное развитие угнетенных в то время наций и народностей — поляков, южных славян, венгров, итальянцев, амери-

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 441.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 672.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 374.

капских негров и т. д. «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноплеменное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно...»³².

Главной и определяющей идеей Чернышевского выступала защита коренных интересов человечества, в составе которого преобладают трудящиеся массы. «Общечеловеческий интерес, — писал он, — выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного»³³.

Таким образом, в трактовке Чернышевским проблемы человека обнаруживаются сильные зачатки революционно-демократической, интернациональной солидарности, направленной на преодоление межнациональной розни, на установление дружбы между народами.

Для Чернышевского не только идеал человека, но и реальность, заключенная в действительной жизни людей труда, состоит в том, чтобы деятельно любить природу, Родину и человечество, любить жизнь и все прекрасное в жизни, все то, что украшает мир, не ограничиваться пассивным созерцанием действительности, и не уходить от нее «в дали туманные». Начиная со своей магистерской диссертации и до конца своей жизни Чернышевский пробуждал у лучших представителей российского общества чувства человеколюбия, гражданский пафос, гуманную и оптимистическую веру в неодолимую победу народа, в социалистическое будущее. В этом заключена непреходящая сила и воспитательная роль философских, эстетических и нравственных идеалов великого русского революционера и ученого.

* * *

150-летний юбилей гениального русского ученого-революционера, снискавшего мировую известность и славу, отмеченный в 1978 г., должен, по нашему мнению, послужить новым рубежом в дальнейшем развитии научных знаний о жизни, деятельности и мировоззрении Чернышевского, о литературном наследии великого мыслителя и его современном значении.

Было бы весьма желательно совместными усилиями литературоведов и историков, философов и экономистов и других советских обществоведов осуществить подготовку нового научного издания Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, ибо предшествующее издание (ставшее к тому же библиографической редкостью), первые тома которого были подготовлены в конце 30-х годов, а все издание завершилось 25 лет назад, не могло еще включить в себя некоторые, в то время не разысканные ма-

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 105.

³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 286.

териалы и документы. Вводные статьи и комментарии в томах этого собрания не могли еще отразить результаты проведенных за последние 25—40 лет новейших и плодотворных научных исследований революционной практической и теоретической деятельности Чернышевского, его многогранного творчества.

Все более ощущается необходимость в создании научной биографии Н. Г. Чернышевского, в которой были бы всесторонне, ярко и убедительно воспроизведены цельный духовный облик революционного борца и мыслителя, его самоотверженные искания правильной революционной теории, огромный творческий вклад в философию и гуманитарные науки, его незабываемый революционный подвиг, непреходящее значение его художественного и литературно-критического творчества, огромная воспитательная роль его нравственных и эстетических идеалов, сохраняющаяся и в современную эпоху.

Жизненно важно создание и новых исследовательских трудов и новых популярных книг, особенно для молодежи, раскрывающих воспитательное значение сочинений Чернышевского, его наследия для современности. Требуется также продолжить на еще более высоком уровне, чем это порой делалось до сих пор, исследование идейных взаимосвязей между Чернышевским и переломными деятелями освободительных движений и демократической культуры народов СССР и зарубежных стран.

Исследуя и популяризируя идейно-творческое и литературное наследие Чернышевского, всей русской революционной демократии, советская наука в условиях сложной и острой идеологической борьбы на мировой арене призвана подвергать критике фальсификации и искажения освободительного движения, революционной и теоретической мысли России, в том числе и в эпоху Чернышевского, используемые противниками коммунизма для того, чтобы разорвать преемственные нити, связывающие современное рабочее и коммунистическое движение с революционно-демократическим, опозлить и оклеветать как материализм и демократизм наших славных предшественников, так и особенно марксизм-ленинизм.

Мы не имеем возможности здесь анализировать современные живые концепции реакционно-религиозных, буржуазных и ревизионистских идеологов за рубежом, которые в своих многочисленных «опусах» фальсифицируют учение и деятельность русской революционной демократии, духовный и нравственный облик Чернышевского. Среди них известные беглые отщепенцы — протоиерей В. Зеньковский и буржуазный публицист М. Лазерсон, бывший эсер, а ныне «специалист» по славянской литературе М. Слопим, белоэмигрант-меньшевик Н. Валентинов и им подобные, сочиняющие побасенки о том, что учение Чернышевского и марксизм, особенно в 80—90-х годах, стали тождественными, а марксисты «перевозвооружились» при помощи народнической идеологии и практики.

Появляются в буржуазной марксологии и «русистике» новые, более или менее заметные «фигуры», претендующие на «новое слово» в науке об истории нашего народа, его революционного движения и культуры. Среди них — реакционный политический деятель США историк Р. Пайпс, американский журналист-биограф Г. Коц, французский троцкист, специализирующийся на извращении истории марксизма, М. Рюбель, американские и западногерманские буржуазные литературоведы Х. Краузе, Б. Кнюперс, Т. Проктор, Н. Перейра и др. Многие из них пытаются развенчать взгляды Чернышевского и его творчество, представить их схоластическими и педантичными, сухими и элементарными, изобретают лживые мифы об «эстетической глухоте и слепоте» Чернышевского, изображают его то позитивистом и «утилитаристом», то плоским эволюционистом, чуждым диалектике, то волюнтаристом, игнорирующим реальную действительность; при этом они пытаются лживо изобразить ленинизм «русифицированным марксизмом», якобы взятым от Чернышевского, и т. п.

Все эти и другие непрекращающиеся фальсификации учения и деятельности революционеров России XIX—начала XX в. при всей их несостоятельности и лживости не должны оставаться без научно аргументированного критического разбора, без ответа, который должен быть адресован зарубежным читателям. Долг советских ученых-обществоведов, особенно тех, кто специально занимается зарубежными идеологическими течениями, состоит наряду с решением других актуальных задач в опровержении фальсификаций российского освободительного движения и революционной теоретической мысли. По наиболее важным и актуальным проблемам наследия революционной России советские ученые призваны противопоставить буржуазным извращениям обоснованную подлинной наукой правду истории, раскрыть неоспоримое превосходство марксизма-ленинизма, унаследованных и развитых им традиций русской революционной мысли, науки и культуры над буржуазным, антинаучным мировоззрением.

Отметив 150-летие со дня рождения Н. Г. Чернышевского, деятели советской науки и культуры, вся советская общественность, следуя принципам научного коммунизма, ленинским оценкам наследия великого революционера, ученого, философа и писателя, его соратников, стремятся продолжать и развивать их славные, вечно живые традиции.

живо и ясно было выражено в творчестве таких замечательных сынов русской нации, как Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь и Белинский. У последнего, по словам Чернышевского, любовь к высшему благу Родины была единственной страстью и руководящей мыслью всей его деятельности. В беззаветном служении Отечеству Николай Гаврилович видел тайну могущества Белинского. В этом же сегодня и мы, его соотечественники, видим истоки, пафос его собственного творчества и тайну его непреходящего влияния на умы.

Статьи Н. Г. Чернышевского, как и статьи его соратника Н. А. Добролюбова, дали такую оценку русской литературе, ее классикам, которая выдержала испытание временем и поныне лежит в основе нашего понимания их. Чернышевский и его соратники рассматривали литературу, журналистику, охватывавшую все явления общественной жизни (именно тогда возник тот вид «толстого» общественно-политического и литературного журнала, который мы видим и сегодня), как важнейшее средство политического воспитания, просвещения своего народа. Он неоднократно указывал, что просвещение масс надо начинать с простых, понятных нации проблем и постепенно вести читателя к важнейшим вопросам политического устройства общества, его социально-экономической структуры и высоким идеалам гуманизма, братства наций и подлинного народовластия. Так он и поступал, так и вел «Современник».

Центральным вопросом жизни и воззрений Чернышевского был вопрос о крепостничестве, о земле и воле. Для раскрытия и правильного, глубокого понимания его позиции по аграрно-крестьянскому вопросу, его политической программы необходимо не только брать все его статьи в «Современнике» с учетом конкретной ситуации их вызвавшей, но непременно сопоставлять их с действиями «революционеров 61-го года», с программой, опубликованной в прокламациях, в послании к «Барским крестьянам...», в «Великорусе» и в «Письмах без адреса». Необходимо также учесть мысли, высказанные в «Прологе», хотя это и опозитизированное воспроизведение эпохи, но сам автор романа-хроники придавал ему огромное значение и прямо указывал на историческую достоверность героев, характеров, сцен, суждений. Именно в «Прологе» по живым следам только что отзвучавших битв воссозданы атмосфера первого демократического натиска на царизм, действия «партии Чернышевского», «приверженцев «Великоруса», очерчена их программа, их тактика. Здесь революционные демократы (Волгин — Чернышевский, Соколовский — Сераковский) требуют от либералов (Савелов — Кавелин и др.) конкретных действий против плацаторов (типа Чаплина — Муравьева), дают либералам уроки политической борьбы, они демонстрируют не только угрозу топора, но и готовность заключить с «умеренной партией» конституционалистов политический союз, компромисс на определенных, четко обозначенных условиях. Не случайно В. И. Ленин

так высоко оценил позицию Чернышевского, зафиксированную в романе, и, ссылаясь на «Пролог», назвал его анализ реформы гениальным².

На протяжении ряда лет с 1859 г. в «Современнике» печатается цикл статей Чернышевского по аграрно-крестьянскому вопросу. Уже в первой из них — «О новых условиях сельского быта» — Чернышевский выступает против основ всей правительственной политики, обнажая ее политическую суть, начиная от екатерининской Жалованной грамоты дворянству до alexсандровских рескриптов 1857 г., намечавших антикрестьянские основы аграрной реформы. Он определяет крепостное право как «первую величайшую несправедливость», отравляющую все части государственного организма, как полнейшее беззаконие, доказывает, что помещики не имели никаких прав ни на землю, а тем более на выкуп за личную свободу крестьян. В последующих статьях («Материалы для решения крестьянского вопроса», «Труден ли выкуп земли?» и др.) эти коренные принципы получили развитие и дополнительную аргументацию, раскрывающую антинародную суть разрабатываемой под общим руководством самого царя и на основании им лично одобренных принципов «великой реформы». Чернышевский развеял миф о «царе-освободителе», вызвав бешенство самодержца, до конца дней ему мстившего.

Когда весной 1861 г. царь утвердил пресловутые «Положения» 19 февраля и вся либеральная печать славословила «царя-освободителя», редактор «Современника» демонстративно «не заметил» этого документа. Умолчав о «Положениях» 19 февраля, Чернышевский тогда же в февральской книжке «Современника» высказался против основ крепостничества. В статье «Наши кредитные дела», открывавшей журнал, он заявил, что оздоровление страны, ее экономики, финансов невозможно без ликвидации дворянско-помещичьей собственности на землю, сословных привилегий, резкого сокращения военщины и бюрократизма, введения гражданского равноправия, прогрессивных налогов, без ликвидации беззакония, политического бесправия и национального гнета. В этом же номере «Современника» в статье, посвященной украинскому журналу «Слово», Чернышевский четко формулирует право всех угнетенных царизмом народов обрести полную независимость и свободу, строить свою жизнь по собственной воле. Решение национальной проблемы он неразрывно связывал с обеспечением политических свобод, с разрешением аграрного вопроса в интересах крестьян.

Критика Н. Г. Чернышевским правительственной политики являлась одновременно обоснованием курса демократического лагеря («революционеров 61-го года» по оценке В. И. Ленина) на аграрно-крестьянскую революцию. Эта стратегическая линия имела хорошо продуманную программу.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

Решающая роль в ее разработке и теоретическом обосновании принадлежит Чернышевскому. В апреле 1860 г. выходит в свет «Антропологический принцип в философии». Эта работа и другие выступления Н. Г. Чернышевского по вопросам философии (например, статья «Критика философских предубеждений против общинного владения») явились сокрушительным ударом по реакции, по религиозно-идеалистической идеологии, сыграли великую роль философского обоснования революционного демократизма, укрепления позиций сторонников научно-материалистического мировоззрения. В ту эпоху вопросы борьбы с поповщиной, идеализмом ставились не только в историко-философском или гносеологическом плане, они рассматривались и решались в неразрывной связи с насущными задачами идейно-политической борьбы, потребностями революционной пропаганды. Они были частью громадной задачи политического просвещения масс, освобождения их от религиозного дурмана, от веры в божественность царя, упований на добрые намерения этого «миропомазанника Христова». Материализм, атеизм были необходимы и для раскрытия связи религии и казенной церкви со всей структурой и идеологией царской России. Атеизм органически завершал доказательства того, что духовенство — это также одно из привилегированных сословий, крупный землевладелец и собственник, что религия и церковь всегда выступают на стороне помещиков, чиновников, деспотов. Вопросы атеизма ставились и решались Чернышевским, его соратниками в организационной связи и с разработкой положительного идеала, программы освободительного движения, входя органической частью в требование политических свобод, прежде всего свободы мысли и совести.

Для воззрений Чернышевского характерно единство, слияние, взаимопроникновение политического и социального радикализма, республиканских лозунгов, требований социальной справедливости, равенства, братства. Его революционная мысль, выдвигая программу глубоких социально-экономических и политических преобразований, находит их теоретическое обоснование в философском материализме. Это чрезвычайно важный момент истории русской общественной мысли, это одна из крупнейших заслуг Чернышевского, роль которого в утверждении материалистических традиций, свойственных передовым направлениям русской общественной мысли, была высоко оценена В. И. Лениным.

В 1860—1861 гг. Чернышевский продолжая обоснование своей политической программы, публикует цикл работ, посвященных острейшим проблемам экономической науки. Это статьи «Капитал и труд», «Основания политической экономии Д. С. Милля», «Очерки из политической экономии (по Миллю)». Чернышевский подчеркнул, что в западноевропейских странах меньшая, богатая часть общества живет чужим трудом и благоденствует за чужой счет, обрекая на нужду трудящиеся массы, составляющие подавляющую часть любой нации. Поэтому простой народ заинтересо-

ван в том, «чтобы изменилось нынешнее положение и трудящийся человек пользовался плодами своего труда и не видел их достающимися в чужие руки»³. Труд, развивает свою мысль автор, не следует быть товаром, человек работает с полной успешностью лишь тогда, когда работает на себя, а не на другого. Освобождение труда возможно посредством товарищества в производстве⁴. Чернышевский высказывал воистину гениальные догадки о роли машинного производства и его социальных последствий, отметил, что машина не терпит подле себя рабского труда, что в Западной Европе разветвляется великая борьба между трудом и капиталом, растут и ширятся выступления класса наемных работников, создаются «„колоссальные“ союзы наемных работников»⁵.

Чернышевский отчетливо видел пороки существующих в мире социально-экономических и политических систем в Старом и Новом свете, как в вековых монархиях, так и во вновь рожденных республиках, и подчеркивал, что ни одна из существующих политических систем не обеспечивает счастья, всеобщего благоденствия, более того, не создает даже сколь-либо сносных условий жизни для подавляющей трудовой части населения. Вместе с тем Чернышевский сумел правильно оценить парламентарные, конституционные формы политической жизни с учетом их классовой ограниченности и стремился использовать этот опыт в интересах российского освободительного движения. Эти теоретические искания привели его к социалистическому идеалу. В России, по его мнению, подлинное народоправие возможно лишь в условиях социализма. Это было великое завоевание русской теоретической мысли. Оно ставило Чернышевского выше представителей домарковского социализма, отрывающих друг от друга демократию, революцию, социализм, сторонившихся политической борьбы, не веривших в массы, возлагавших все свои упования на сильных мира сего, на коронованных и финансовых владык.

Верное решение Чернышевским проблем о сочетании демократии и социализма свидетельствует о его политическом реализме, его исторической проицательности.

Программа революционно-демократических преобразований России имела солидное историко-теоретическое обоснование, являясь результатом глубокого критического изучения российской и всемирной истории, оригинальной и плодотворной попытки оценить весь ход истории с позиций трудящихся классов («простолудинов»). По мнению Чернышевского, идеалы гуманизма, народовластия, братства народов, социализма как великие социально-философские идеи современности были выработаны всем ходом общественного развития и потому они верны и непобедимы.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 337.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 643.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 477—486.

Мысль Чернышевского, всецело подчиненная благу народному, постоянно и настойчиво билась над решением проблемы, едва ли не самой острой, наболевшей, и не только для века минувшего: как обеспечить сочетание повседневных насущных нужд, забот о работе, куске хлеба, крове и таких коренных политических прав, как свобода мысли и слова, уважение личности, ее творчества, как обеспечить подлинное народовластие. Он никогда не разделял эти две стороны единого жизненного потока и тем паче никогда не противопоставлял их друг другу; искал основы и истоки их связи, взаимодействия, конкретные политические формы их сочетания и методы достижения. Видел он хорошо внутреннюю, глубинную связь социально-экономической и политической сторон борьбы за социализм, за народное счастье. Настойчиво искал Чернышевский в истории и в живой жизни причины утраты «простолюдинами» своих коренных прав, их неумения обрести и закрепить свою свободу в критические, как он любил говорить, периоды истории, когда небывало ярко вспыхивает народное творчество; вновь и вновь обращался к крестьянским восстаниям на Руси, к ранним буржуазно-демократическим движениям на Западе, порожденным ими идеям гуманизма и вольнолюбия, к первым парламентским хартиям. Он отчетливо понимал, что их истоки, появление их на свет всецело связаны пусть с кратковременными, но далеко не безрезультативными всплывками народной инициативы, свободолюбия «простолудинов», их стремлением к подлинной вольности, к обеспечению все-народного благоденствия.

В поисках идеала подлинного народовластия и социальной справедливости штудировал он и в университете, и в крепостном каземате русскую историю, изучая и просеивая отечественный опыт в изложении, интерпретации современников — литераторов и государственных мужей вроде Сперанского (которого по достоинству ценил), но еще более по источникам — от летописей и «Русской правды» до конституционных набросков декабристов, идейных исканий петрашевцев, молодого Герцена. Его внимание привлекли глубинные истоки русского свободомыслия, народовластия, мирского самоуправления; вечевой строй городов-республик, их противоборство (противоречивое, но небесплодное) великокняжеской централизации, так скоро переросшей в царский деспотизм.

Вслед за Радищевым и декабристами Чернышевский считал, что «палладиум России» не самодержавие, а республиканские, общинные традиции и символ их — вечевой колокол, который лишь и способен разбудить, поднять Русь. В «мудрое самодержавие», пропагандируемое Карамзиным и его последователями, Чернышевский никогда не верил и подобные побасенки безжалостно высмеивал и разрушал.

Единство и величие России Чернышевский видел не в концепции единодержавия великих князей и царей, как облыжно уве-

ряла официальная историография, а в действиях масс народных, осознававших свое единство, отстаивавших его в напряженной борьбе с княжеской усобицей, боярским эгоизмом, «диким Полем» и «цивилизованными» крестоносцами; размышляли, почему после этих побед, после подвига ратников «гражданина Минина и князя Пожарского», когда простой люд, казалось, так властно и так весомо вмешивался в решение судеб родной земли, он скоро вновь терял отвоеванные позиции и всякое влияние, низводился до положения бесправных холопов и вновь, как встарь, от имени его, но против его кровных интересов, его понимания величия, славы Отечества судили и рядили, попирали его права бояре, воеводы, князья и цари. Но так, полагал он, было «до грозы 12-го года», и так впредь не будет: пробуждение, если и неполное, незавершенное, то уж во всяком случае вспять необратимое, народных сил, начавшись в 1812 г., продолжало нарастать и вновь ярко проявилось во время защиты Севастополя, в этой героической схватке с иноземными врагами и теперь неотвратимо обернется, не может не обратиться, к внутренним вопросам.

Трудовой простой народ, считал Чернышевский, уже дал доказательства своего активного участия в решении своих исторических судеб. Эта активность народа в решении экономических вопросов, в борьбе с крепостничеством обязательно должна быть столь же деятельной, непобедимой, непобежденной, как и на поле брани. Активное участие трудовых масс великорусов и всех вообще россиян в жизни страны будет возрастать с каждым годом, с каждым десятилетием. Доказательства тому он видел в героизме матросов и солдат, в непрерывных бунтах, в том упрямстве и остервенении, с которым мужики с дубьем шли против дикого барства. По его мнению, это были формы проявления, конкретные доказательства исторической инициативы, предприимчивости простого люда. Дело было за тем, чтобы направить его, организовать, закрепить. Сомнения не выдерживали осады фактов, казались просто неуместными, когда решался вопрос, столь близко затрагивающий коренные вопросы русской жизни, кровные интересы русского народа, — быть или не быть крепостничеству. Так борьба классов рождала и питала идеологию демократического революционного движения.

Именно здесь источник исторического оптимизма и огромной энергии, развитой Чернышевским в годы общенационального революционного кризиса, когда все силы его разума, вся его воля были подчинены решению исполинской задачи, как в масштабах столь огромной страны сплотить, просветить разноязычную массу крестьян, подчинить единой воле, достижению заветной цели. Организаторов народных сил он видел в передовой молодежи, в студенчестве, в лучшей, просвещенной части офицерского корпуса — прямых наследниках декабристов. Об этом он прямо писал, достаточно вспомнить его статью «Научились ли?», не го-

вора о прокламациях. Он любил молодежь, верил в нее, защищал от полицейщины. Студенты, передовые офицеры со своей стороны понимали, любили Чернышевского, чтили его, по свидетельству современников, как полубога.

Залог успеха он видел также и в том повороте мыслей и чувств передовой интеллигенции к судьбам народным. Передовая общественная мысль, литература под влиянием Чернышевского и «Современника» все более ясно осознавала важную роль крестьян, «сеятелей и хранителей», и не только осознавала, но и начинала воспроизводить, все более правдиво отражать эту роль простолюдинов, начинала отстаивать ее в идейной борьбе, настойчиво искать формы жизни, обеспечивающие удовлетворение народных интересов, прав, создающих условия для полного развития национальных сил. Лучшие представители освободительного движения приходили к выводу, что освобождать народ вопреки его воле, его пониманию свободы, игнорируя веками выработанные условия жизни, потом и кровью политые, — дело неразумное и несбыточное, что коренные условия народного быта, выраженные в краткой форме «земля и воля», по сути своей и есть коренные условия национального развития, фундамент будущих социальных преобразований.

Видя мощь сил реакции, Чернышевский отчетливо понимал, что без решающей схватки двух лагерей не обойтись. В 1861—1862 гг. он всецело сосредоточился на подготовке всероссийского революционного выступления.

Анализ русской и западноевропейской действительности подводил Чернышевского к выводу о неизбежности нового общеевропейского революционного кризиса, в котором активную роль сыграют такие освободительные потоки, как борьба крестьянских масс против феодальных пережитков, выступления угнетенных народов против чужеземного ига, борьба демократической общественности за политические свободы, за республику. Составной и важной частью этого общедемократического движения он считал и борьбу рабочего класса («наемных работников») против капиталистической эксплуатации («наемного рабства»). Общеевропейский революционный взрыв, по его убеждению, неминуемо должен был произойти к 1861—1862 гг., слившись с аграрно-крестьянской революцией в России.

Для всей политической деятельности Чернышевского характерно неразрывное слияние слова и дела. Он не только выдвинул и обосновал программу глубоких социально-экономических и политических преобразований страны, но и настойчиво боролся за ее воплощение в жизнь. Как мыслитель и вдохновитель революционных сил он стремился сокрушить крепостничество, помещичье землевладение, частную собственность и «наемное рабство». Он предвидел наступление социально однородного общества, когда воцарятся между людьми отношения братства, товарищества, когда отдельные классы наемных работников и панимателей

«исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»⁶.

В борьбе за сплочение всех демократических сил страны Чернышевский постоянно выдвигал вперед, подчеркивал первоочередность общедемократических задач (свержение царизма, завоевание политических свобод, их конституционное закрепление, ликвидация национального угнетения и т. д.). Только решение этих первоочередных задач, своего рода программы минимум, учил великий мыслитель и революционный стратег, расчистит почву для последующего движения к торжеству социалистического идеала.

В этом отношении особо показательны произведения 1861—1862 гг. — подлинная вершина его творческого гения. Статьи, если судить прямолинейно, по их заголовкам, посвящались, казалось бы, австро-венгерским делам, движению против рабства в США и даже далеким античным сюжетам (например, знаменитая статья «О причинах падения Рима»), а на самом деле они посвящались злободневнейшим российским делам. Николай Гаврилович был превосходным мастером той «эзоповской речи», которую выработала мыслящая Россия в борьбе с «голубыми мундирами». Не случайно, передав Н. А. Добролюбову ведение литературно-критических дел в «Современнике», он оставил за собой отдел политики. В мировых событиях всегда можно было найти сюжеты, удивительнейшим образом напоминающие злободневные отечественные дела, и высказаться по ним. Достаточно было заменить название страны и фамилии деятелей, чтобы читатель получил глубокий теоретический анализ русской жизни, мог понять смысл действий революционной партии. Таковы статьи 1861—1862 гг., начатые «Предисловием к нынешним «австро-венгерским делам»» (как раз накануне опубликования «Положений» 19 февраля), которые просто нельзя понять вне учета нелегальных действий революционеров.

Выступления Н. Г. Чернышевского в легальной печати образовали целый цикл, посвященный пропаганде, обоснованию, отстаиванию той революционно-демократической программы, которая в сжатой форме, доступной пониманию широких масс, излагалась в нелегальных прокламациях. Только взятая в единстве, легальная и нелегальная деятельность Чернышевского позволяет во всем объеме понять величие поставленных им задач, глубину их аргументации, гибкость, мастерство использования форм и средств борьбы. Он умел, по глубокому определению В. И. Ленина, и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционных борцов.

Царское правительство, приступив к реализации «крестьянской реформы», сумело привлечь на свою сторону часть либеральной оппозиции, как-то оживить веру в добрые намерения

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 487.

царя и перейти в наступление против революционных сил. Один за другим следовали расстрелы крестьянских «бунтов», польских манифестантов, кровавое подавление студенческих демонстраций, расстрелы офицеров за пропаганду среди солдат, многочисленные аресты активных противников царизма.

«Революционеры 61-го года», как назвал В. И. Ленин сторонников Чернышевского, ответили на правительственный приказ ускоренной подготовкой к общероссийскому выступлению. Был разработан план выпуска серии прокламаций, обращенных к различным слоям населения с призывом к восстанию. В работу включается «Колокол», активно способствуя обсуждению, разработке и пропаганде программы выступления. Крупную роль в реализации этого играли ближайшие соратники Чернышевского. Зnamenательно, что вокруг Чернышевского сплачиваются революционные деятели, представители различных народов и стран, по объединенные общностью революционно-демократических убеждений. Они совместно создавали общероссийский фронт освободительного движения, боролись за объединение демократических сил в масштабе всей страны.

В начале 1861 г. Н. Г. Чернышевский пишет прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон и грамота» — один из важнейших программных документов революционной партии эпохи падения крепостничества. Прокламация по существу адресовалась не только барским крестьянам. Автор обращался прямо и непосредственно также к крестьянам государственным и удельным, к солдатам и «офицерам добрым», учитывал их интересы, звал их к объединению. Она, таким образом, имела общенациональную значимость, излагала программу всенародных революционных действий. В ней Чернышевский раскрыл грабительский характер «крестьянской реформы», развенчал мужицкую наивно-патриархальную веру в добрые намерения царя, показал неразрывную связь самодержавия с помещиками. В прокламации был изложен план организованного восстания, движущими силами которого должны были стать крестьяне, солдаты и офицеры — последним отводилась организующая роль. Уже в этом документе изложена суть замысла военно-крестьянского восстания, занявшая затем столь важное место в конспиративных и агитационных документах землевольцев. Прокламация указывала, что в стране существует тайная, широко разветвленная организация народных заступников, обладающая хорошей информированностью, от нее должен исходить сигнал к выступлению.

Наконец, прокламация четко, в доступной форме излагала программу действий, указывая цель борьбы, намечала контуры грядущего общежития свободного народа. Это прежде всего — решение аграрного вопроса в соответствии с интересами крестьян, т. е. ликвидация помещичьего землевладения, безвозмездная передача всей земли в собственность крестьян. Громадная работа, сделанная до этого и изложенная на страницах «Современника»,

здесь фокусировалась в четких революционных лозунгах: вся земля мужикам, выкупа никакого. В неразрывной связи с решением аграрного вопроса в прокламации рассматривается и проблема будущего политического строя. Демократический конституционный строй рисуется как распространение на все государственное управление принципов крестьянской мирской власти, мужицкого самоуправления. Когда во главе государства не царь, а «народный староста», тогда воля есть, «тогда народу лучше бывает жить», «народ богаче бывает».

Вторая половина 1861 г.—начало 1862 г. ознаменовались натиском революционных сил: продолжались крестьянские выступления, манифестации в западных районах страны, студенческие демонстрации в столицах; произошло также оживление оппозиционных дворянских кругов, требовавших конституции; в печати появились протесты больших групп офицеров против крепостнических палочных порядков в армии, резко обострилось политическое положение в Царстве Польском и Литве, где царизму пришлось ввести «военное положение». Именно в это время (во второй половине 1861 г.) появились прокламации «Великорус», выпущенные Н. Г. Чернышевским и его соратниками. «Великорус» был задуман как дискуссионная трибуна для пропаганды программы и разработки путей демократического обновления страны. В трех номерах «Великоруса» (первый вышел в июне, последующие — в сентябре—октябре 1861 г.) было подчеркнуто, что решение аграрно-крестьянского вопроса, оздоровление финансов и всей экономики страны, провозглашение политических свобод, их конституционное закрепление, развязка национальной проблемы путем признания за польским, украинским и другими нерусскими народами полного равенства с великороссами — это назревшие, острейшие проблемы жизни, требующие безотлагательного решения, что ни один из них не может быть решен в отрыве от других. «Великорус» широко распространялся, печатался в «Колоколе», о нем спорили, его пропагандировали передовые офицеры (видная роль принадлежит братьям Николаю и Владимиру Обручевым и Зигмунту Сераковскому), журналисты, демократически настроенные профессора, студенческая молодежь.

В подготовке обсуждения программы «Великоруса» приняли активное участие самые ближайшие соратники Чернышевского. Важной составной частью обсуждения этой программы, ее пропаганды и детализации явились статьи в «Колоколе»: «Ответ „Великорусу“» Н. Серно-Соловьевича и «Ответ на ответ „Великорусу“», написанный Н. П. Огаревым.

Революционные деятели применили хорошо продуманную гибкую тактику. Позже, в «Прологе», Чернышевский назвал ее гениальной. В «Великорусе» было обрисовано два возможных пути разрешения назревших проблем: первый путь — крестьянская революция, осуществление знаменитого лозунга «К топору!»,

революционное уничтожение монархии и помещичьего землевладения, сословных привилегий. Но не исключался и другой путь, осуществление своего рода программы-минимум: безвозмездное наделение крестьян землей, без всяких отрезков и выкупа по принципу «как есть межа», с немедленным прекращением временно обремененного состояния крестьян (тут явно учитывались крестьянские требования, заявленные в те дни), немедленным провозглашением свободы Польши и других угнетенных наций, безотлагательное провозглашение политических свобод, их конституционное закрепление.

При этом указывалось, что для решения этих вопросов, политического освобождения страны и немедленного пересмотра грабительской реформы нужны согласованные действия общественных сил, их организация в общенациональном масштабе, ибо правительство добровольно на эти существенные уступки не пойдет. С этой целью и предлагается просить адреса на высочайшее имя. Сбор подписей под адресом был задуман как форма сплочения сторонников конституции, их организационного объединения вокруг комитета «Великорус». Здесь все было учтено, вплоть до формы объединения сторонников политической свободы, ведь подача адресов на «высочайшее имя» уже широко практиковалась в оппозиционных либерально-конституционных кругах. Идея созыва Земского собора выдвигалась редакцией «Колокола», она принималась во внимание и общественными деятелями, сторонниками конституции, не разделявшими революционных методов (например, И. С. Тургеневым, группой тверских деятелей во главе с А. И. Унковским и др.). Много в решении этой альтернативы зависело от позиции «образованных классов», русской интеллигенции, в значительной части придерживавшейся либерально-опозиционных воззрений. Как правильно замечает М. В. Нечкина⁷, «Великорус» был обращен к «образованным классам», был важной частью общего прокламационного плана. В нем Чернышевский приглашал либеральную интеллигенцию к активному включению в разработку демократических преобразований, к содействию действиям во имя конституции.

И, что особенно важно, «Современник» поддержал выдвинутые в «Великорусе» программу и тактику действий. Чернышевский, мастерски обходя цензуру, прямо заявлял на страницах журнала, что революционные силы («крайние либералы») готовы пойти на существенные уступки «умеренной партии», если последняя решительно потребует от правительства конституционных свобод и пересмотра условий освобождения крестьян, поддержит требование немедленного освобождения Польши.

Однако либеральная оппозиция не приняла этой тактики, не пошла на союз с революционной демократией, готовой сделать ей серьезные уступки в целях достижения разумного компро-

⁷ Нечкина М. В. Подвиг Чернышевского. — Коммунист, 1978, № 2.

мисса и взаимоприемлемого политического соглашения. Как заметил позже Н. Г. Чернышевский, среди либералов не нашлось людей государственного ума. Тем не менее акция «Великоруса» не была напрасной. Она помогла развенчать либерализм, преодолеть либеральные иллюзии и явилась составной частью процесса консолидации демократических сил страны. «Великорус», борьба вокруг его программы — это теоретическое размежевание демократизма и либерализма. После «Великоруса» и отказа либералов от совместных действий с революционерами-демократами во главе с Чернышевским в повестку дня был поставлен вопрос о непосредственной подготовке общероссийского революционного выступления.

Закипела пропагандистская и организационная работа. Важная роль в выступлении отводилась революционно настроенным офицерам, многие из которых служили в частях, сосредоточенных в районах, охваченных национально-освободительным и аграрно-крестьянским движением (Царство Польское, Литва, Белоруссия, Украина, а также Поволжье). В основу действия был положен план «военно-крестьянского восстания» «со всех периферий разом». Но и реакция приняла свои меры. Н. Г. Чернышевский и ряд виднейших ближайших его соратников (Н. А. Серно-Соловьевич, М. И. Михайлов, Н. В. Шелгунов, а также большая группа революционных студентов и офицеров) были арестованы в начальной стадии подготовки смелого и хорошо задуманного замысла. Это был тяжелый удар по руководству готовящегося выступления. Революционный лагерь по существу был обезглавлен; это стало одной из причин того, что последующие действия революционных сил (крупнейшим из них было восстание 1863 г., охватившее Царство Польское, Литву и ряд районов Белоруссии и Украины, а также попытка восстания в Поволжье) не привели к единству аграрно-крестьянского и национально-освободительного движения, не охватили они широко и армейские части, одним словом, не переросли в общероссийскую революцию. Сказались в этой неудаче политическая неразвитость крестьян, их раздробленность, отсутствие в те годы рабочего класса. Восстание в Польше и Литве было подавлено царизмом. В нем погибли многие соратники Н. Г. Чернышевского, в том числе З. Сераковский, К. Калининский, А. Потебня и др.

Вождем всероссийской революционной демократии был предан суду Сената — высшей судебной инстанции царской России. Никакими уликами для вынесения обвинительного приговора власти не располагали. Все уловки и фальшивки следователей были им разоблачены и отбиты. Но по прямому указанию Александра II суд и долгий, и неправый приговорил Чернышевского к каторжным работам с последующим лишением политических прав и поселением в Сибири. Его имя было запрещено употреблять в подцензурной печати. Все попытки облегчить его положение грубо пресекались царскими сатрапами. И нет ничего удивитель-

ного, что после истечения срока каторжных работ царизм водворил на «свободное поселение» Чернышевского в Вилуйский острог.

Советские ученые убедительно вскрыли полную несостоятельность заявлений об угасании Чернышевского, его творческом бесплодии, апатии в период после 1862 г. Они мобилизовали огромный документальный материал, проследили с фактами в руках день за днем жизнь узника: Н. Г. Чернышевский не только стойко выдержал неравную, изнурительную борьбу, но и вышел из нее победителем; он нашел в себе силы с достоинством отбросить лицемерные предложения о помиловании, разгадав подлинный их смысл; он сумел сохранить силу логики, ясность разума, способность теоретически мыслить. В этом по внешнему виду кабинетном ученом, даже неловком в жизненном обиходе, таилась рахметовская сила воли. Он знал, что в смертельном поединке с царем защищает честь, знамя революции. Даже в условиях одиночного заключения в крепости, на каторге, в остроге он изыскивал и находил средства борьбы с врагом. В Петропавловской крепости им был создан роман, воспитавший несколько поколений революционеров. На каторге Чернышевский написал «Пролог» — эту сжатую и правдивую историю собственной борьбы и своих соратников за свободу. В письмах к родным, в беседах с товарищами по изгнанию он высказал замечательные суждения о реформах 60-х годов (не только «крестьянской», но и судебной, земской и др.), о причинах неудачи первого демократического подъема и поражения восстания 1863 г. (отметил, в частности, его изолированность, оторванность от общерусского движения, но подчеркнул его историческую значимость). В этих высказываниях он вплотную подошел к правильному, научному пониманию соотношения революции и реформ, последовательно проводя мысль, что все уступки были не «дарованы» царем, а силой вырваны у него. К сожалению, эти вопросы еще не получили надлежащей разработки в нашей литературе и не всегда принимаются во внимание при общей оценке деятельности Н. Г. Чернышевского.

Как-то повелось и стало едва ли не традиционным считать, что образ Рахметова не навеян непосредственно эпохой 60-х годов, что он всецело устремлен в грядущее, что это — гениальное предвидение тех черт революционера-профессионала, которые сложились позже, но отсутствовали во времена Чернышевского, и возникли под сильным влиянием именно романа, его героев. Что касается второй части формулы, то обратная связь романа с жизнью не подлежит сомнению. Громадное влияние Рахметова на революционных борцов засвидетельствовано ими самими, современниками, жандармами, подтверждено массой разнообразнейших источников. Но что касается жизненных корней романа, прототипов его героев, то тут, очевидно, дело не только в даре исторического предвидения, которым, несомненно, обладал автор, но

и в его опыте, в прямом воздействии на его творчество эпохи, жизненного пути и облика близких ему лиц.

Принято считать, что 60-е годы — это-де не время непосредственных действий, прямых обращений с революционной проповедью к народу, что это произошло позже («хождение в народ» — начало 70-х годов, но никак не ранее), и потому Рахметов в пору создания романа не имел реального, жизненного прототипа. Но неужто Чернышевский не видел вокруг себя недюжинных характеров? Неужто общенациональный революционный кризис не выдвинул их из толщи народной? Ну, а как быть с Андреем Потебней (еще юнкером слушавшим Чернышевского), с десятками его друзей-однодумцев, погибших в литовских, белорусских, польских пущах, ведя в атаку консинеров («мужиков с дубьем») за землю, за волю? Как оценить подвиг таких близких автору романа лиц, как Зигмунт Сераковский? («один из лучших людей на свете», по определению Чернышевского).

Вновь и вновь Чернышевский и в крепостном каземате, и в каторжном центре обращается мыслью к соратникам и друзьям, положившим душу за «братий своих», томящимся в застенках или скитающимся на далекой чужбине, стремится запечатлеть их образ и в максимально близкой к реалиям и одновременно в художественно обобщающей форме поведать потомству об их душевной чистоте, понимании ими смысла, цели жизни. Он считал сугубо важным для воспитания нации делом продуманное изложение опыта политической борьбы своего времени как первой попытки воплощения в жизнь демократической программы, выражающей коренные интересы простого народа, а следовательно, и общенациональные, общероссийские интересы.

Все его художественные произведения, завершенные, как и наброски, внутренне связаны между собой, являясь ступеньками реализации обширного замысла, шагами по пути осмысливания и образного отражения эпохи, исторической значимости действий «революционеров 61-го года», всего нового, что рождалось в характерах, мыслях, чувствах людей в ходе борьбы. Не случайно же сам Чернышевский, словно давая и читателю грядущих времен ключ к правильному прочтению своих произведений, восприятию своих героев, вновь и вновь напоминал, что в его романах надо искать исторические реалии, надобно узнавать автора, его близких, друзей, их помыслы, стремления, чувства.

Есть недостаточно изученные вопросы и в такой важной проблеме, как Н. Г. Чернышевский и пореформенная общественная мысль, особенно ее народнические направления. Известно, что работы Н. Г. Чернышевского (особенно экономические, а также роман «Что делать?») были своего рода евангелием революционных народников. В программах работ нелегальных кружков они обязательная принадлежность. При обысках у революционных деятелей тех лет часто обнаруживали его сочинения, портреты. Глубокое влияние Чернышевского на революционное движение

60—80-х годов несомненно. Его хорошо знали, многое особо дорогое, заветное заучивали наизусть. Но было ли это прочтение и восприятие адекватным? А, с другой стороны, все ли принимал Чернышевский в послереформенной передовой общественно-политической мысли? Эти вопросы ставились всем ходом развития, но решены ли они в нашей исследовательской литературе? Известно, например, что Н. К. Михайловский, которого величали властителем дум молодежи послереформенного периода, очень любивший подчеркивать верность традициям 60-х годов, называл грабительскую реформу великой и славной (а Чернышевский ведь определил ее как мерзость); роман «Что делать?» Михайловский ставил вне художественной литературы, а образ Рахметова считал надуманным, лишенным жизненной правды. К тому же Михайловский, поклонник субъективизма и позитивизма, не принимал ни политические взгляды, ни философский материализм Чернышевского. Где уж тут говорить об адекватном восприятии.

Известно, что со второй половины 60-х годов в освободительном движении все сильнее стали проявляться анархические тенденции, находившие наиболее полное выражение в бунтарстве М. Бакунина. Под влиянием анархического экстремизма стали отрицать первоочередность общедемократических задач, отказывались от республиканских лозунгов, от борьбы за политические (конституционные) свободы и даже заявляли, что, мол, эти лозунги только отвлекут народные массы от задач экономического освобождения труда и затруднят борьбу за социализм. А такие понятия, как Отечество, патриотизм, национальные чувства, объявлялись выдумкой буржуазии.

Н. Г. Чернышевский подверг критике подобные проявления аполитизма и национального нигилизма. Еще на нерчинской каторге в беседах со ссыльными он заявил: «Вы, господа, говорите, что политическая свобода не может накормить голодного человека. Совершенная правда. Но разве, например, воздух может накормить человека? Конечно, нет, И, однако же, без еды человек проживает несколько дней, без воздуха не проживет и десяти минут. Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так и политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества»⁸.

Знаменательно, что В. И. Ленин в 1912 г. использовал тот же образ, подчеркивая необходимость свержения самодержавия: «Политическая свобода необходима России, как воздух для дыхания человека»⁹.

Отстаивая первоочередность борьбы за политические свободы, Чернышевский продолжил и развил республиканские традиции декабристов, которые так высоко ценил В. И. Ленин. Эта пози-

⁸ См.: *Чернышевский Н. Г.* Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1928, с. 78.

⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 204.

ция Чернышевского говорит о том, что в 70—80-е годы он был на голову выше сторонников аполитизма и терроризма. В этом громадная его заслуга, и вместе с тем это — важное звено в истории свободолобивых, демократических, республиканских традиций нашего народа, имеющих непреходящую значимость и в плане осмысливания нашего исторического прошлого, и в плане сегодняшней идеологической борьбы с разного рода «советологами», извращающими революционное прошлое советского народа.

И в Вилюйске Н. Г. Чернышевский продолжал подчеркивать первоочередность разрешения общедемократических политических задач, стремясь помочь своим товарищам на воле. Для этого в тяжелых условиях заточения он избрал в письмах к родным тематику античной истории. Ведь еще в 1861 г. для критики ошибочных положений герценовского социализма он удачно избрал сюжет о причинах падения Рима. Теперь он вновь вернулся к античности. Его письма заполнены рассуждениями о римской республике и пагубных последствиях перехода к императорскому самовластию, об афинской демократии, о доблестях греков, проявленных в борьбе с персами за национальную независимость, и т. д. Конечно же, все эти рассуждения не являлись случайностью. Надо учитывать «эзоповскую речь» и то, что это пишет узник, вырванный из жизни, но все же сумевший и по обрывочной информации определить ошибочные тенденции в революционном движении, предостеречь товарищей на свободе. Конечно же, существует несомненная связь писем-трактатов Чернышевского с общественной жизнью, идейной борьбой тех лет.

Известно критическое отношение вилюйского узника к индивидуальному террору народовольцев. Современники передают его заявление, что убийство царя лишь приведет к замене одного деспота другим, что это глупая тактика. Оно удивительнейшим образом перекликается с критическим замечанием молодого Г. В. Плеханова, что террор даст лишь один результат: вместо второго Александра воцарится третий, на одну палочку станет больше, тем дело и кончится. Выступление Чернышевского против народнического индивидуального террора не было ни случайным, ни единственным. В то время, когда народовольцы сосредоточивались на цареубийстве, тем самым отстранив от борьбы за политическую свободу народ, свернув работу (организационную и пропагандистскую) в массах, вилюйский узник пишет замечательный революционный «Гимн Деве неба» и заявляет в нем, что в битвах, решающих судьбы народные, надобно вооружить весь народ (так и сказано «посылайте за оружием», «раздавайте всем его»), что только вооруженный народ непобедим: «и к победе в бой за мною Вы пойдете, весь народ... и бежит перед нами враг!».

В вопросах революционной стратегии, определения ключевых, программных лозунгов вилюйский узник был на голову выше идеологов народничества 70—80-х гг. и народовольчества.

Программа глубоких революционно-демократических преобразований, выдвинутая и глубоко обоснованная Н. Г. Чернышевским еще в 60-е годы, которой он остался верен до последних минут жизни и в которой он подверг критике народнический аполитизм, бланкизм, народовольческие иллюзии о всеилии террора, оставалась вершиной русской социально-философской мысли вплоть до 80-х годов. Эта программа была лишена национальной ограниченности и сохранила всю свою общероссийскую значимость.

Великий сын русского народа боролся за освобождение, счастье, за расцвет всех народов России, был непримиримым врагом национализма и шовинизма. Вся жизнь и революционная деятельность Чернышевского — яркое свидетельство прочности свободолюбивых революционных, материалистических и социалистических традиций передовой русской общественной мысли, сыгравших столь важную роль в истории нашей Родины, в развитии духовной культуры советского народа.

Е. Л. Рудницкая

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОРАТНИКОВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И «КОЛОКОЛ»

Одним из завоеваний советской историографии в разработке поставленной В. И. Лениным проблемы революционной ситуации в России в середине XIX в., в изучении ее важнейшего компонента — революционного движения — представляется постановка и исследование вопроса о его внутрирусском и заграничном центрах. В силу реальных условий русской действительности, а также размаха и содержания развернутой Герценом пропаганды в этой проблеме оказались переплетены по существу все важные аспекты истории освободительной борьбы, начала ее разночинского этапа. Организация революционных сил, программа и тактика революционной партии — все это вынашивалось, созревало и получало действенное выражение в форме создания общерусской революционной организации в результате общих целенаправленных, но отнюдь не бесконфликтных устремлений этих двух центров.

Вместе с тем к осени 1861 — весне 1862 г. уже была налицо общность социально-политической платформы, на базе которой происходила консолидация революционных сил и выработывался

новый план революционного действия, после того как расчеты на общекрестьянское выступление сразу же за объявлением реформы не оправдали себя.

Издатели «Колокола», порывая с либералами-западниками, выдвигают радикально-демократическую аграрную программу передачи всей земли крестьянам как общеземского достояния. Этот лозунг, сформулированный в статье Огарева «Куда и откуда?» («Колокол», 1862, 22 мая), сопровождался выдвижением требования созыва Земского собора. «Колокол» берет курс на реализацию плана подготовки крестьянской революции, еще ранее намеченного Огаревым. План этот шел в общем русле революционной работы, развернутой внутрирусским центром.

Публикация академиком М. В. Нечкиной пяти конспиративных документов Огарева, их исследовательская интерпретация стали историографическим рубежом в исследовании связи «Колокола» с революционной деятельностью Чернышевского и его соратников. Идея Огарева о подведении масс к восстанию путем вовлечения их в активное политическое действие в ходе борьбы за созыв Земского собора была преемственно связана с «Великорусом» и является дальнейшим его развитием.

Работа проблемной группы по изучению первой революционной ситуации в России, вся совокупность мобилизованных источников дают основание сделать вывод о соответствии социально-политической программы и принципов организации революционных сил, зафиксированных в конспиративных рукописях Огарева, всей линии «Колокола», с одной стороны, и позиции Н. Г. Чернышевского, выраженной как в его подцензурных статьях, так и в прокламациях («Барским крестьянам...», «Великорус») — с другой; налицо согласованность действий внутрирусского и заграничного центров в их стремлении к координации руководства движением. Это нашло действенное выражение на этапе осуществления второго плана подготовки общекрестьянского восстания (примерно с весны 1862 г.). Его практическое воплощение в организации революционных сил, в выработке тактики проходило в условиях спада революционной ситуации, когда царизм, преодолев кризис «верхов», перешел к форсированному наступлению на революционный лагерь, который понес тяжелейшую невосполнимую утрату с арестом Чернышевского и ряда его ближайших сподвижников: Николая Серно-Соловьевича, Сергея Рымаренко, М. И. Михайлова и многих других. К тому же в конце 1861 г. Россия потеряла Добролюбова.

В этот драматический период создается Огаревым один из значительнейших его конспиративных документов — «Заграничные общества...». В нем выявилась общность в подходе к проблеме крестьянской революции, ее практическим решениям с подходом к ее решению Чернышевского («Барским крестьянам...»). Восстание мыслилось как тщательно подготовляемое, руководимое революционной организацией, развертывающееся по единому

плану повсеместное выступление: это — ведущая идея как прокламации Чернышевского, так и документа Огарева. В момент, когда «Земля и воля», лишившись своих руководителей, оказалась перед лицом трудных и сложных организационных проблем, Огарев создает документ, сопровождающийся одобрительными пометками и замечаниями Герцена, который фиксирует их совместную работу по разработке интегрального плана, соединяющего в себе и вопросы построения революционной организации и организации самого восстания, его основных лозунгов. Документ обнаруживает глубину осведомленности издателей «Колокола» об идейном и организационном состоянии внутрирусского революционного движения. Ясно выраженный характер записки «Заграничные общества...», призванной служить практическим руководством для «революционной партии», которая, еще не успев завершить организацию своих собственных рядов, должна была обеспечить руководство военно-крестьянской революцией, находился в прямой связи с уроном, понесенным «Землей и волей». Огарев и Герцен стремились восполнить этот урон, заменить на марше вырванных из жизни руководителей «Земли и воли».

Первая же фраза этой конспиративной записки, начальные слова которой стали ее названием, выражала принципиальное отношение руководителей лондонского центра к соотношению внутрирусской и заграничной деятельности. «Заграничные общества, — писал Огарев, — могут только давать общее направление печатной пропаганды и служить... связями для обществ, реально действующих в России». Именно такой характер имела развернувшаяся в 1861—1862 гг. деятельность Гейдельбергской организации русских студентов, направляемая Герценом и Огаревым. Целям расширения издания агитационно-пропагандистской литературы и облегчения ее транспортировки в Россию и Польшу, объятую восстанием, служило создание находившимися за границей русскими революционерами типографии в Берне. Данная установка стала определяющей в позиции, занятой руководителями «Колокола» в их взаимоотношениях с соратниками Чернышевского в новых политических условиях.

Конец революционной ситуации, так называемая самоликвидация «Земли и воли» весной 1864 г., отнюдь не прервав революционного процесса, положили рубеж в его идейном и организационном развитии. Перед революционерами вставала задача сохранения преемственности в плане организационном и идеологическом с завоеваниями эпохи «демократического натиска». В то же время неоправдавшиеся расчеты на общекрестьянское выступление оказали воздействие на характер и направление освободительного движения, на развитие революционной мысли. Какое выражение нашел этот переломный период в «Колоколе»? Как он выявился в его взаимоотношениях с теми представителями революционной молодежи, которые осознавали себя учениками и после-

дователями Чернышевского? Закономерность постановки данной проблемы, ее значимость определяется тем обстоятельством, что «Колокол» и на рассматриваемом этапе продолжал сохранять значение единственного свободного политического органа, представлявшего русское революционное движение. Именно вокруг «Колокола», на его страницах развернулась дискуссия, выяснились позиции, оттенки и направления революционной мысли, выражавшие понимание русской действительности, перспектив и задач борьбы.

В рамках данной работы рассматриваемая проблема ограничена женеvским периодом истории «Колокола».

История первых контактов участников «Земли и воли» с издателями «Колокола» свидетельствует, что в лице издателей они видели тот идейно-организационный центр, вокруг которого они должны сплотиться в общей революционной работе. Так же отнoсились в этом вопросе деятели внутри России. Однако с самого начала обе стороны учитывали сложности совместной деятельности. Они были связаны прежде всего с общеидейными моментами, с отношением «молодых» к «Колоколу», оценкой его направления, его желательной роли и характера. Выдвигаемое ими требование изменения программы газеты вытекало из критического отношения к политической линии, проводимой издателями, к ее либеральным издержкам. Оно связано было в то же время с пониманием ими задач эмиграции. Предлагаемая превратить «Колокол» в орган, руководимый коллегиально, они исходили из идеи сосредоточения в нем руководства революционным движением внутри России. Герцен же считал, что «деятельность пропаганды в действии — должна быть дома, в России», ограничивая круг задач заграничного революционного центра постановкой пропаганды, сношениями и фондами, т. е. оставался на позициях, изложенных в документах 1862 г., в рукописи «Заграничные общества. . .».

Оценка Герценом состояния революционных сил в России после ареста Чернышевского делала в его глазах тем более беспочвенной идею руководства движением из-за границы. Этим предрешился по существу исход переговоров, состоявшихся на съезде в конце декабря 1864 г. Соглашение между издателями «Колокола» и «молодыми» не состоялось. Но переговоры все же не были безрезультатными. Во-первых, придя к окончательному решению о переводе типографии на континент, Герцен остановился именно на Женеве, имея в виду прежде всего перспективы сотрудничества с сосредоточившейся здесь русской революционной молодежью, во-вторых, в «Колоколе» с особой силой начинает развиваться идея революционного единства.

Помещенное в «Колоколе» от 1 января 1865 г. «Письмо второе» герценовского цикла «Письма к противнику» — полемический ответ славянофилу Ю. Самарину — содержало четкое изложение политической ориентации «Колокола». Порывая всякую

идейную солидарность с «обществом», проводя резкую разграничительную грань между либеральным и революционным лагерями, Герцен противопоставлял дворянской интеллигенции, уже сыгравшей свою историческую роль, «новых деятелей», которые повели за собой молодое поколение, повели в направлении, соответствующем подлинным запросам русского развития. Революционная молодежь и ее идейные вожди, заявлял «Колокол», воплощают в себе правду и нравственность современной России. Михайлов, Владимир Обручев, Чернышевский, Щапов, Николай Серно-Соловьевич — вот те имена, в которых для издателей «Колокола» олицетворялась «Молодая Россия». Солидаризируясь с ней, клеймя царизм за незаконную расправу с Чернышевским, приводя длинный реестр жертв правительственного террора, «Колокол» ставил и решал вопрос о целесообразности и возможности политических реформ в России, о конституционных преобразованиях. Однако если в период революционной ситуации сформулированное Огаревым отношение к конституционным гарантиям, к представительной системе служило логическим звеном в разработанной им тактической программе военно-крестьянской революции, то в условиях очевидного спада массового движения эта революционная исходная позиция подчас начинает окрашиваться реформаторским цветом.

Будучи солидарны с «Молодой Россией» в определении ближайшей цели — уничтожение самодержавия, политическое освобождение, полностью разделяя с ней ориентацию на разночинцев, так же как и понимание существующего разграничения социальных сил: с одной стороны, дворянство, с другой — народ, возглавляемый разночинной демократией, руководители вольной прессы иначе представляли себе путь, которым пойдет страна. Характер действий, намечаемых Огаревым, логически вытекал из иллюзорных представлений о возможности развития социалистических начал, заложенных в условиях русского народного быта. Не игнорируя вопроса о политическом переустройстве, выдвигая его наряду с переустройством социально-экономическим целью борьбы, он подчинял первый второму. Так определялся тот центральный вопрос, который стал источником нараставшего конфликта с последователями Чернышевского. Вопрос этот сводился в конечном счете к соотношению социальных и политических задач освободительного движения. С его решением была связана тактика, ориентация молодого поколения на те или иные пути действия, отношение к правительственным реформам, понимание, в частности, задач и программы революционного печатного органа. Тактика «Колокола» открывала перспективу подготовки сил не к революции, а к их сосредоточению вокруг требования Земского бессословного собора.

Все выступления «Колокола» на рассматриваемом этапе, полемика явная и скрытая выявляют две диалектически связанные тенденции: критика западноевропейского, «теоретического» со-

диализма и противопоставление ему «русского социализма», выражавшее стремление поставить социализм на реальную историческую почву, соотнести задачи его завоевания с реальными национальными условиями. Однако утопичность «русского социализма», отсутствие попыток его серьезного критического анализа уводили далеко от политического реализма, толкали на путь иллюзий, недооценки устойчивости царизма как политической системы, отклонения с революционного пути. «Я и теперь еще убежден, — заключал Герцен свой публицистический цикл «Письма к путешественнику», печатавшийся в «Колоколе» в 1865 г., — что мы можем идти далее по пути социального развития без общих потрясений, без экспроприации, без колонизации, без всех тех страшных вещей, которыми в Европе останавливают как Медузиной головой естественный ход дел»¹.

«Чернышевцы», разрабатывая программу революционного органа, критикуя характер и направление «Колокола», видели его задачу не только в революционном воспитании молодого поколения, но и в его сплочении и организации во имя завоевания политической свободы революционным путем и обеспечения условий социалистического преобразования страны. Эта установка исходила из общего понимания перспектив освободительного движения в России. Непосредственная революционная перспектива оставалась определяющим моментом в их идейно-тактических установках.

Начавшийся диалог воспринимался обеими сторонами как диалог единомышленников. Вторая половина 1865 г. отмечена значительным увеличением числа корреспонденций из России, появлением в «Колоколе» новых сотрудников. Громко звучат в нем голоса тех, кто представлял упреждающие в глубокое подполье революционные силы. Одна из ярких статей такого рода — «Современные заметки» (с датой «7 сентября 1865 г.»), подписанная неизвестным в русском революционном движении именем «Аседин» (за этим псевдонимом скрылся, видимо, Ив. Худяков, живший в это время в Женеве). Постановку вопроса о социализме в России автор «Современных заметок» прямым образом связывает с перспективами открытой политической борьбы. В социализме он видит единственную альтернативу существующему в России социальному и политическому строю. В своем скепсисе по отношению к «русскому социализму», в общефилософской постановке вопроса о социализме, в представлении, что политическая борьба с самодержавием открывает перед страной прямой путь к социализму «Аседин» идет вслед за Чернышевским.

Публикация в «Колоколе» начиная с 1 января 1866 г. огаревского теоретического цикла «Частные письма об общем вопросе» рассматривалась издателями как реализация главной задачи революционного органа при сложившейся в России ситуа-

¹ «Колокол», 1865, 1 сент., л. 203, с. 1633.

ции — разъяснить характер социального развития страны, направлять общественные силы вопреки «бессмыслию» правительственной политики на облегчение прорастания социалистических всходов народной жизни. Этот цикл Огарева был пронизан идеей об отсутствии в России исторической почвы для буржуазного развития и самостоятельного пролетарского движения, о необходимости подчинения его делу социального преобразования на основе поземельной крестьянской общины. В том же ключе соотношения западноевропейской социалистической мысли и идей «русского общинного социализма» была написана работа Л. И. Мечникова «Прудонская теория собственности», публиковавшаяся в «Колоколе» одновременно с этим огаревским циклом. Отдавая дань анархистским идеям Прудона, Мечников подвергает его критике с позиций крестьянской революционной демократии. В решении вопроса о «русском социализме», якобы гарантирующем невозможность появления пролетариата, в оценке состояния западной цивилизации Мечников ближе к позиции Герцена и Огарева, чем Чернышевского.

Покушение Каракозова на жизнь Александра II 4 апреля 1866 г. поставило перед русской революционной мыслью новую для нее проблему, которая не могла не приковать к себе самого пристального внимания. Реакция на это событие руководителей вольной русской печати и «молодой эмиграции», выступавших как ученики Чернышевского, включала два основных момента: допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы вообще и насколько каракозовский выстрел был связан с деятельностью революционного подполья, был ею обусловлен? Или же он должен рассматриваться как изолированное действие одиночки, вне общего революционного потока?

Как известно, на оба эти вопроса Герцен дал в «Колоколе» отрицательный ответ. Он квалифицировал выстрел 4 апреля как действие «фанатика». Начиная с первого отклика — статьи «Иркутск и Петербург» («Колокол», 1866, 1 мая, л. 219) — и во всех последующих выступлениях Герцен стоял на позиции полного отрицания связи акта Каракозова с русским освободительным движением в целом. Квалифицируя его как «частный случай», редакция «Колокола» заявляла о полной солидарности с программой революционного действия, выступавшего под знаменем социализма во имя подготовки народа к революции. Герцен видел в революционных силах, действующих в России, прямое продолжение того движения, которое было возглавлено «Землей и волей», потерявшей в результате правительственного террора своих самых выдающихся руководителей.

Прямым ответом со стороны «молодых» на покушение Каракозова была брошюра Н. Я. Николадзе «Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866 г.», напечатанная в Вольной русской типографии к началу августа 1866 г. По характеру затронутых в ней вопросов она далеко выходила за

рамки проблемы, поставленной каракозовским выстрелом, и касалась общего понимания оценок как предыдущего этапа революционной борьбы в России, так и современного ее момента, ее перспектив и задач.

Основная идея брошюры Николадзе сводилась к тому, что «направление и убеждение современного молодого поколения положительно исключает всякую мысль о всевозможных *coups d'état*, о всяких покушениях и тому подобных поступках», что «выходки вроде выстрела 4 апреля решительно не входят в программу современного молодого поколения». Это «фальшивое направление», ненужное, бесполезное, «вызвано самим правительством», невозможностью «разумной общественной деятельности»².

В брошюре, хотя и в других выражениях, чем это было в «Колоколе», также опровергается метод индивидуального террора как средства революционного действия. Но, хотя автор брошюры, как и Герцен, вычленил покушение Каракозова из общего направления революционной борьбы, он не считает его случайным, изолированным фактом; он видит в нем результат «печальной необходимости», к которой «часть молодого поколения приведена правительством». Решительно отвергая этот метод действия и считая его чуждым ведущему направлению в русском революционном движении, его идейному содержанию и программе, он не сводит его к личному действию Каракозова, чем определялась резкая, нетерпимая оценка Герцена, возбудившая возмущение в революционной среде. Однако основной вывод брошюры, отвергающий террористический метод, совпадал с позицией Герцена. Брошюра «Правительство и молодое поколение» не только была напечатана в Вольной русской типографии, но и анонсировалась «Колоколом».

Содержащийся в брошюре «Правительство и молодое поколение» анализ русской действительности последнего десятилетия позволяет раскрыть тот уровень политического сознания, на котором выступал ее автор от имени молодого поколения, учеников Чернышевского. С данной брошюрой связано в известной мере появление первого независимого от «Колокола» и противопоставленного ему издания «молодой эмиграции» «Подпольное слово». Солидарность с ее основной идеей была высказана печатно А. А. Серно-Соловьевичем; положительно откликнулись на нее Н. Утин, ряд других представителей молодого поколения.

В отличие от «Колокола» брошюра «Правительство и молодое поколение» не отмечает в проводящихся реформах никаких предпосылок для социалистической эволюции, ибо их направленность определяется как «желание добиться такого порядка вещей, при котором бы господству капитала и поземельной собственности не полагалось никаких пределов...»³ Брошюра констатирует пол-

² Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866 г. Женева, 1866, с. 37.

³ Там же, с. 17.

ное несогласие целей и средств, к которым стремится и которые употребляет правительство, с целями и средствами молодого поколения. Каковы же эти цели и средства? Цель молодого поколения, по словам автора, — «уничтожение дворянских институций, предоставление земли крестьянам, слияние народа с дворянством, чтобы этим заинтересовать дворянство в народном деле»; средства — «развитие масс посредством обучения молодого поколения народа...»⁴. Следующее затем примечание автора гласит, что данная программа выражает только те ее стороны, которые «соответствуют, хотя и в обратном смысле, правительственной программе», об остальных сторонах автор «не считает нужным распространяться»⁵. При всей важности этой оговорки все содержание брошюры говорит о понимании автором начавшегося в России после Крымской войны движения, во главе которого был Чернышевский, как движения преимущественно просветительно-социалистического по своему характеру и направленности. Но верно ли это определение эпохи деятельности Чернышевского?

Эпиграфом к брошюре взяты слова Чернышевского из его сочинения, впервые опубликованного в «Современнике» за 1856 г., «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность»: «Истинно полезные и великие дела всегда достигаются только прямым и открытым образом действий, а не косвенными путями таинственных обществ, всегда оказывающихся и долженствующих оказываться бессильными...».

Данная мысль неразрывно связана с одним из центральных вопросов историко-социологических воззрений Чернышевского — о путях социального прогресса. Так, в статье 1857 г. «О земельной собственности» он делает обстоятельно аргументированный вывод о законосообразности, исторической неизбежности революционного преобразования общества, основанного на принципе частной собственности: наступает та степень «порчи общественного организма, вследствие чрезвычайной неравномерности имуществ и ее последствий», когда становится невозможным «сохранение общественного порядка». Тогда происходят кризисы. «Кризисы эти, — разъясняет Чернышевский, — на языке некоторых ученых называемые ликвидациями общества, очень тяжелы и для ликвидируемых, и для ликвидируемых»⁶. Коренное социально-политическое преобразование общества, т. е. истинный прогресс, возможно только при участии «ликвидирующих», т. е. народа, народной революции, а не путем верхушечных переворотов, деятельности заговорщиков, «таинственных обществ».

Смысл слов Чернышевского, выбранных Николадзе эпиграфом к своей брошюре, их историческая конкретность становятся еще

⁴ Там же, с. 28, 29.

⁵ Там же, с. 29.

⁶ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. IV, с. 459—460.

яснее, если соотнести их с общим содержанием сочинения, из которого они взяты. Работа о великом немецком просветителе Г.-Э. Лессинге, написанная, по собственным словам Чернышевского, «с приноравливаниями к нашим домашним обстоятельствам»⁷, давала ему возможность разъяснить общественную ситуацию, сложившуюся в середине XIX в., и изложить свою собственную позицию.

В работе «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» выражена тактика самого Чернышевского, считавшего, что в момент, когда Россия только начинает просыпаться к общественной жизни, необходимо соответствие между выдвигаемыми задачами и уровнем национального сознания. Просвещение масс, воспитание общественного самосознания, борьба за первостепенные демократические преобразования и главнейшее среди них — ликвидацию крепостного права, сковывавшего экономические и нравственные силы народа, — таков был круг первоочередных задач русского национального развития, которые выдвигал Чернышевский перед русским обществом. В то же время мысль о нераздельности социального и политического постоянно проводится Чернышевским. В споре с экономистом И. Вернадским, выступавшим апологетом буржуазного принципа личного владения, Чернышевский, отстаивая принцип общинного владения землей, указывал, однако, что «форма владения не есть еще единственное основание национального благосостояния», нужно, кроме того, «водворение хорошей администрации»⁸. Смысл этой эзоповой формулы был раскрыт Чернышевским уже в 1859 г. в статье «Суеверие и правила логики», где решение экономических, социальных вопросов русской жизни он обуславливает коренным политическим переустройством, ликвидацией самодержавного строя путем народной революции. Позже, в 1861 г., он подчеркивал первоочередность задач завоевания политической свободы («О причинах падения Рима» и др.).

Из сказанного очевидно, что в брошюре «Правительство и молодое поколение», даже учитывая оговорку автора, программа Чернышевского излагалась не совсем адекватно ее подлинному содержанию. В ней несомненна явная тенденция к абсолютизации просветительского начала, тенденция к аполитизму. Это было одним из проявлений идейного спада в освободительном движении, обозначившегося с арестом Чернышевского, со спадом революционной ситуации.

Последний этап истории «Колокола» отмечен двумя острыми открытыми печатными выступлениями против него со стороны «молодой эмиграции». Оба принадлежат одному из наиболее выдающихся и ярких последователей Чернышевского — Александру Серно-Соловьевичу. Первое из них было вызвано статьей Ога-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 313.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 436.

рса «Продажа имений в Западном крае» («Колокол», 1866, 1 ноября, л. 229). В своем «Протесте» против этой статьи А. Серно-Соловьевич прямо заявлял, что в основе его выступления лежат более общие расхождения с направлением «Колокола», связанные в первую очередь с фактами его обращения к Александру II. «Протест» отражал общую для учеников Чернышевского реакцию на либеральные колебания «Колокола», на политические срывы, подобные статье Огарева «Продажа имений в Западном крае». Тому, что он был не одинок в своей критике «Колокола», мы находим убедительное подтверждение в письмах Н. Утина к Огареву от февраля—марта 1867 г.

Поводом для нового и самого резкого конфликта в истории взаимоотношений Герцена с учениками Чернышевского стала его программная статья в «Колоколе» «Порядок торжествует!» («Колокол», 1866, 1 декабря; 1867, 1 января и 1 февраля, л. 230, 231—232 и 233). В брошюре А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью „Порядок торжествует!“» объектом критики стала не оценка Герценом политического состояния Европы и его размышления о путях и перспективах ее социального движения. Серно-Соловьевич сосредоточил свой огонь исключительно на сюжетах третьего раздела работы Герцена, где речь шла об общественной борьбе в России, развернувшейся со смертью Николая I. И главным при этом была для него оценка в ней самого Герцена, ее соотнесение с ролью и значением Чернышевского.

Резкая отповедь со стороны А. Серно-Соловьевича, давшая тон всему его выступлению, была вызвана в первую очередь утверждением Герцена, что социализм, развиваемый Чернышевским, и «русский социализм», пропагандировавшийся им самим и Огаревым, «служили взаимным дополнением друг другу». Между тем за этим различием двух оттенков русской социалистической мысли стояло обращение Герцена к проблеме соединения города и деревни в движении страны к социализму — проблеме, все более отчетливо звучавшей в его историко-философских раздумьях последних лет жизни⁹.

Критика, развернутая Серно-Соловьевичем, отразила общее отношение поколения, воспитанного на идеях Чернышевского, к либеральным колебаниям Герцена. Но страстное противопоставление этих двух идеологов не встретило поддержки и не отражает полностью отношение самого автора к Герцену. И как бы завершающим штрихом в истории взаимоотношений редакции «Колокола» с одним из самых непримиримых своих оппонентов, с кругом «молодой эмиграции» в целом, представляется факт, сообщенный В. Ф. Лугининым — человеком, пользовавшимся полным доверием Герцена. Он был свидетелем переговоров Герцена

⁹ См.: *Смирнова З. В.* Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973, с. 183—184.

с Серно-Соловьевичем, с ближайшим другом его и единомышленником А. И. Якоби и Н. И. Жуковским о совместном издании «Колокола». Переговоры происходили незадолго перед смертью Александра Серно-Соловьевича, т. е. где-то в первой половине 1869 г. К этому времени уже закончилось издание французского «Колокола», что было обусловлено не только политической конъюнктурой, но и в первую очередь тем переломом, который назревал в мировоззрении самого Герцена.

Подведем итоги. Социальная программа «Колокола» — выдвинутое Огаревым весной 1862 г. требование передачи всей земли в земскую собственность и сопутствовавшее ему требование бессословности, как сформулированная тогда же политическая программа — созыв бессословного Земского собора, оставались неизменной платформой газеты. Радикально-демократический характер аграрной программы «Колокола», последовательно выражавшей интересы крестьянства, и реалистический, политически точно соответствовавший задачам движения и уровню сознания крестьянства лозунг Земского собора сами по себе не могли вызвать и действительно не вызывали критики со стороны молодого революционного поколения. Критика с их стороны была связана с теми издержками этой программы, которые шли собственно от «русского социализма». Иллюзия относительно созданных реформой 1861 г. предпосылок для социалистической эволюции России порождала рецидивы либеральных отступлений. Выработка последовательной революционной тактики — это необходимость, к осознанию которой подходил и Герцен, и настойчивое требование, выдвигавшееся перед издателями «Колокола» «молодой Россией».

Как известно, направления, по которым пошла Герцен и Огарев, оказались различными: если Герцен, преодолевая утопизм «русского социализма», шел к подлинно научной революционной теории, то Огарев, оставаясь верным его идеям, продолжая развивать их, все более склонялся к народническим позициям. Что касается тех, кто в критике «Колокола» выступал от лица учеников и последователей Чернышевского, то отнюдь не все они, считавшие себя таковыми, были на высоте в понимании его идей, его политической программы. Дальнейшая история революционного движения выявила отчетливо наметившиеся в спорах вокруг «Колокола» тенденции в направлении развития русской общественной мысли.

Обнаружившие себя в этих спорах анархистские тенденции (например, Льва Мечникова) находились в несомненной связи с политической практикой и теоретическими установками Бакунина. Все дальше расходились его пути с Герценом, решительно отвергавшим и его методы, и существо его практической деятельности. «... Разрывая с Бакуниным, — писал В. И. Ленин, — Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал „собирать полки“ проле-

тариата, объединять „мир рабочий“, „покидающий мир пользующихся без работы“»¹⁰.

Размежеванием с бакунизмом, непримиримой борьбой с ним отмечено и дальнейшее направление развития русской революционной мысли, продолжавшей традицию Чернышевского, представленной его учениками. Начавший выходить в Женеве в 1868 г. журнал «Народное дело», в первом номере которого с программной статьей выступил Бакунин, уже с № 2 полностью переходит в руки последователей Чернышевского. Анархистская программа Бакунина решительно ими отмечается. Группа «Народного дела» стала костяком учрежденной в 1870 г. Русской секции I Интернационала. Ее представительство в Генеральном совете Интернационала принял на себя Маркс.

В. А. Родионов

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И САРАТОВСКИЙ КРАЙ

Имя Николая Гавриловича Чернышевского навсегда вошло в историю нашей Родины. Его деятельность составила эпоху в истории русского освободительного движения, в истории русской науки и культуры. Гениальный мыслитель-материалист, энциклопедически образованный ученый, блестящий писатель и литературный критик, Чернышевский во второй половине XIX столетия был признанным вождем передовых демократических сил России. Юбилей Н. Г. Чернышевского — это дань глубокого уважения великому сыну нашей Родины. Вместе с тем это и повод полнее осмыслить явления современной жизни. Повод потому, что отличительной чертой научного и литературного творчества Чернышевского в отличие от многих других мыслителей и писателей прошлого является устремленность в будущее, которое он называл светлым и прекрасным.

Трудящимся Саратовской области особенно приятно сознавать, что Н. Г. Чернышевского вспоила могучая Волга, вскормил раздольный край. С Саратовым связаны многие славные страницы жизни, труда и борьбы Н. Г. Чернышевского. На саратовской земле сложился и окреп характер великого революционера-демократа. Здесь формировались его убеждения и интересы, здесь было принято решение, которому Чернышевский оставался верен на всю жизнь: «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего Отечества и благу человечества».

---

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 257.

После окончания Петербургского университета Чернышевский преподавал в саратовской гимназии, пробовал силы в качестве пропагандиста и организатора, готовил себя, своих учеников и единомышленников к участию в революции: «У нас скоро будет бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем...».

Острый ум философа, ученого, крылатая фантазия писателя позволили Чернышевскому в суровой российской действительности видеть и указывать путь к светлому будущему, которое он постоянно стремился представить зримо, осязаемо. Эти мечты были вдохновлены верой в творческие силы народа, его энергию.

Современное поколение советских людей, строящих коммунизм, воочию видит, что революционные идеи великого демократа стали волею Коммунистической партии, волею советского народа, реальностью.

Видно это и на примере Саратовской области.

Что представляла собой Саратовская губерния в середине XIX столетия? Она была одним из самых отсталых районов России. Девять десятых ее населения было занято в сельском хозяйстве, которое велось примитивно, на низком уровне. Удельный вес промышленной продукции был крайне незначительным в общем объеме промышленного производства России. Здесь, как и во многих других районах России, царила, по выражению В. И. Ленина, патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела Саратовский край, как и всю нашу страну, на дорогу бурного социалистического развития, положила начало коренным преобразованиям в ее экономике и культуре.

В соответствии с ленинским декретом о земле саратовские крестьяне получили в пользование землю, ранее принадлежавшую царю, помещикам, монастырям, были избавлены от многомиллионной задолженности, от огромных ежегодных арендных платежей. На этой земле в полную меру проявилась созидательная деятельность трудящихся края.

Летом 1918 г. продовольственное положение в стране было очень тяжелым. Основные хлебные районы оказались в руках контрреволюции, а запасов молодое Советское государство не имело. Саратовская губерния была одной из тех губерний, где решался жизненно важный для судеб революции вопрос о хлебе. Трудящиеся Саратовского края с готовностью откликнулись на призыв В. И. Ленина о заготовках хлеба и дали тогда молодой Советской республике пятую часть всего продовольственного хлеба среди 12 производящих губерний¹.

Освобожденные от гнета и эксплуатации, саратовцы постоянно показывали образцы высокой производственной активности. Их трудовой героизм первых лет революции нашел свое яркое выра-

¹ См.: *Ходаков Г. Ф.* Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1968, с. 363.

жение в коммунистических субботниках, что было отмечено В. И. Лениным в работе «Великий почин».

В романе «Что делать?» Чернышевский смело рисовал картины жизни труда людей будущего: заводы, похожие на дворцы, машины па полях, делающие труд удовольствием, народные праздники. Он верил в неиссякаемые творческие возможности народа и справедливо считал, что «главный элемент реальности — труд и самый верный признак реальности — деятельность».

За 60 лет Советской власти в корне изменился облик нашей области. Она стала одним из крупных промышленных и сельскохозяйственных районов страны. На берегах Волги сооружена мощная Саратовская гидроэлектростанция имени Ленинского комсомола, создана электроэнергетика, которая составляет основу хозяйственного и культурного развития области. Заново созданы машиностроение, электронная, химическая, нефтехимическая, газовая отрасли промышленности, строительная индустрия. В настоящее время область поставляет народному хозяйству страны и более чем в 60 стран мира уникальные станки высокого класса точности, современные приборы, дорожные машины, троллейбусы, холодильники и много других видов промышленной продукции.

В панораму области органически вписались мощные современные корпуса авиационного завода, завода технического стекла, химических комбинатов и других производств. Широко известна саратовская система бездефектного труда.

В 1846 г. юный Чернышевский 25 дней на перекладных добирался до Москвы. Сейчас пассажиры на стремительном реактивном лайнере ЯК-40, который выпускают саратовские авиостроители, преодолевают это расстояние за два часа. Этот самолет завоевал широкую популярность в мире. В настоящее время завод перешел к выпуску более мощной машины.

В Саратове построен и постоянно расширяется один из крупнейших в стране химический комбинат, в Энгельсе и Балаково — комбинаты химических волокон, в Балашове — комбинат плащевых тканей. Мировое значение приобретает продукция Саратовского завода технического стекла.

В нашем крае часто бывают засухи. Проблема преобразования саратовской земли волновала лучшие умы России, волновала она и Чернышевского. В последний год жизни он работал над статьей «Мысли о будущности Саратова», в которой хотел показать влияние водных ресурсов Волги на экономику края. Статья, к сожалению, осталась незаконченной.

Буржуазные экономисты считали Заволжье краем без будущего, но Великий Октябрь опроверг это утверждение. В степи выросли новые поселки, распахана целина. В высокомеханизированную отрасль экономики превратилось сельское хозяйство области. На карту нашей области с каждым годом наносится все больше новых каналов. По новым рукотворным руслам-каналам идет в степь волжская вода. Строительство саратовского

оросительно-обводнительного канала, новых систем орошения — яркая страница в истории нашего края. Обводнено 370 тыс. га орошаемых земель. Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии, осуществлению широкой программы комплексной механизации, химизации и мелиорации сельского хозяйства область стала крупным поставщиком зерна и животноводческой продукции. Достаточно сказать, что за 1966—1978 гг. колхозы, совхозы области продали государству 33 млн. т хлеба. За успехи в развитии экономики, особенно сельского хозяйства, область дважды удостоена высокой награды Родины — ордена Ленина.

Бычком дореволюционного Саратова были частые пожары, от которых в первую очередь, конечно, страдали деревянные домики рабочих, ремесленников и бедноты. Теперь над Саратовом тоже можно видеть зарево — это зарево от электроламп многоэтажных домов, от фонарей многокилометровых проспектов и улиц, строк световых газет. Город лучины и газовых фонарей ушел в безвозвратное прошлое.

Ушли в прошлое и духовная темнота, неграмотность саратовцев. Саратов, имевший во времена Чернышевского лишь духовную семинарию да несколько школ, доступ в которые был ограничен сословными рамками, стал одним из крупных научных и культурных центров Советской России.

Область покрыта густой сетью школ, профессионально-технических училищ. Завершен перевод на всеобщее среднее образование. В области на каждую тысячу работающих приходится 183 специалиста с высшим и средним специальным образованием. Иными словами, каждый пятый работающий саратовец — дипломированный специалист.

Узок был круг интеллигенции Саратова, на который мог опереться Чернышевский. Он пополнялся за счет вольнодумцев, которым Саратов был указан царским правительством как место ссылки.

Только Советская власть дала широкий простор для развития творческой мысли. Мы гордимся тем, что с нашей землей связаны имена многих деятелей науки и техники, ныне широко известные всему миру: это академики Н. И. Вавилов, П. Н. Константинов, А. Н. Бакулев, Н. Н. Семенов, А. М. Панкратова, Г. И. Марчук, авиаконструкторы О. К. Антонов и В. Ф. Болховитинов и многие другие.

Консерватория, музыкальное, театральное, художественное, хореографическое, культурно-просветительное училище, ряд музыкальных школ ежегодно дают пополнение отряду творческой интеллигенции. С саратовской земли вышли такие видные представители советской культуры, как писатели Алексей Толстой, Константин Федин, Федор Панферов, Михаил Алексеев, скульптор Александр Павлович Кибальников, народные артисты СССР Борис Бабочкин, Борис Андреев, Галина Ковалева, Юрий Киселев, и многие другие мастера, чье творчество несет в себе заряд

жизнеутверждающих идей, содействует формированию человека коммунистического общества.

Чернышевский любил Волгу, думал о ней и в Петербурге, и потом в Виллойске. С детских лет впечатления от великой русской реки были неразрывно связаны с удалыми песнями волгарей, легендами о Степане Разине и Емельяне Пугачеве, рассказами о бунтарском характере земляков, протестовавших против невыносимых условий жизни.

В августе 1861 г., в дни революционной ситуации в России, Чернышевский приезжает в Саратов, чтобы лично наблюдать размах крестьянского движения, собрать о нем побольше конкретных данных. Не случайно и Рахметов проверяет себя, закаляется физически и духовно именно в общении с волгарами, в тяжелом труде.

В образе революционера Рахметова ярко представлены духовная мощь, решимость изменить существующий порядок вещей, снять оковы с трудового народа. Он носитель новых нравственных норм, руководствуясь которыми, человек чувствует себя счастливым только тогда, когда счастливы окружающие, когда силы и знания отданы общему благу.

Образы новых людей, воспетых Чернышевским, вдохновили на служение революции тысячи людей. Октябрьская революция открыла простор энергии и вдохновению народа.

В романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевский писал о людях будущего, для которых труд — радость, которые за работой поют. Они поют оттого, что чувствуют себя свободными, родная земля принадлежит им, и ее можно сделать прекрасной. Это время наступило, это наша советская действительность. Являясь единственным полновластным хозяином страны, советский народ под руководством КПСС решает важнейшие вопросы ее политической, экономической, социальной и культурной жизни. Он сам устанавливает самые справедливые на земле законы. Выражением этого являются всенародное обсуждение и единодушное принятие новой Конституции СССР, исторического документа, вобравшего в себя коллективный опыт, знания, мудрость ленинской партии, миллионов советских людей.

Определяющая сфера, в которой наиболее ярко раскрываются таланты и способности человека, — сфера производства.

В Саратовской области трудятся десятки тысяч ударников коммунистического труда, мастеров «золотые руки». Труд они осознают как главное условие развития личности, как свою первейшую потребность, видят в нем источник творческого наслаждения. 118 саратовцев удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Патриоты Родины не жалеют для блага ее ни сил, ни энергии, с честью защищают ее от посягательств врагов. Более 280 саратовцев носят звание Героев Советского Союза. Среди них героические защитники Москвы в тяжелые годы Великой Отечествен-

ной войны генерал Панфилов, летчик Виктор Талалихин, политрук Ключков-Диев. С саратовской земли поднялся в небо первый в мире летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Здесь приземлился второй космонавт Герман Степанович Титов. Отсюда вышел и еще один из наших славных космонавтов — Геннадий Васильевич Сарафанов.

Замечательные люди — наши современники вписывают в летопись страны большие дела, и о них слагаются стихи и песни, о них пишут книги, снимают фильмы. И в этом практическое претворение в жизнь призыва нашего земляка: «Прекрасное — есть жизнь!».

Мерой своих поступков Чернышевский избрал ответственность перед будущим, перед потомками. Он пророчески писал: «Я хорошо служил своей Родине и имею право на признательность ее...».

Царизм боялся своего сильного противника. В течение десятилетий не допускалось не только издание его произведений, но даже простое упоминание его фамилии в печати.

Только Великий Октябрь открыл доступ широким массам к сочинениям Н. Г. Чернышевского. Научные труды великого революционера и ученого стали достоянием народа. Литературные произведения блестящего публициста, ученого, романиста вошли в программы школ и высших учебных заведений.

Память о великом сыне Родины свято берегут советские люди. Бережно хранят память о своем великом земляке и саратовцы. Имя Н. Г. Чернышевского носят совхоз, два колхоза, университет, две школы, театр оперы и балета. И дело не только в названиях. Дело в том, что каждый из этих коллективов своим существованием в современном мире выражает те нравственные и социальные идеалы, к которым всю жизнь стремился Н. Г. Чернышевский. Великий демократ страстно мечтал о торжестве свободного труда, и как бы в осуществление его мечты совхоз и колхозы его имени, объединившие трудовые усилия современных земледельцев, как раз являют собой воплощение свободного творческого труда.

Н. Г. Чернышевский мечтал о расцвете науки, которая гармонизовала бы с духовной жизнью нового общества. Воплощением заветной мечты великого просветителя стал Саратовский государственный университет, носящий с 1922 г. имя великого революционера-демократа. На восьми факультетах университета обучаются десять тысяч студентов. Среди преподавателей более пятидесяти профессоров, докторов наук, более трехсот доцентов и кандидатов наук. В составе университета три научно-исследовательских института: механики и физики, химии, геологии, а также вычислительный центр, ботанический сад, издательство, научная библиотека, которые помогают не только готовить кадры специалистов высшей квалификации, но и успешно решать важнейшие научные проблемы, имеющие большое народнохозяйственное значение.

Заметный вклад в исследование его трудов внесли профессор А. П. Скафтымов, профессор Е. И. Покусаев, кандидат филологических наук Н. М. Чернышевская и др. На протяжении многих лет университет выпускает сборники «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы».

Образ дорогого нам человека воссоздан в ряде книг, спектаклей, кинофильмов, в произведениях скульпторов, живописцев, графиков. В их числе «Саратовский мальчик» и «Повесть о Чернышевском» Н. М. Чернышевской, драма В. А. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ», фильм областного комитета по телевидению и радиовещанию «Родное гнездо орла», памятник Н. Г. Чернышевскому работы скульптора А. П. Кибальникова, установленный на одной из центральных площадей Саратова.

Достоинным памятником Н. Г. Чернышевскому в Саратове является Дом-музей его имени. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 17 сентября 1920 г. за подписью В. И. Ленина музей был объявлен национальным достоянием. Основу его составила ценнейшая коллекция рукописей, документов, книг, которую собрал сын великого демократа М. Н. Чернышевский. Почти 35 лет директором Дома-музея была внучка Н. Г. Чернышевского Нина Михайловна Чернышевская, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР, неутомимый исследователь и пропагандист обширного научного, литературного наследия своего деда.

Ежегодно Дом-музей принимает десятки тысяч экскурсантов, среди которых много туристов из социалистических стран. Они выходят из музея взволнованные подвигом жизни Н. Г. Чернышевского, воодушевленные примером самоотверженного служения народу. В книге отзывов содержатся волнующие записи посетителей Дома-музея, отдельные из которых просто нельзя не привести. Группа офицеров, отправляясь на фронт в апреле 1942 г., писала: «В музее Н. Г. Чернышевского перед нами вновь прошли страницы мужественной, героической жизни великого мыслителя и революционера, отдавшего свою жизнь борьбе за освобождение и счастье своего народа.

Пламенный патриотизм Чернышевского, его негибкая воля и бесстрашие в борьбе с врагами, светлая вера в победу своего дела будут вдохновлять нас в эти грозные дни войны на мужество, стойкость и бесстрашие в борьбе с гитлеровскими захватчиками, вселять в нас веру в победу советского народа, в счастливое будущее нашей любимой Родины».

А вот запись Л. Т. Космодемьянской — матери двух Героев Советского Союза: «С чувством глубокого волнения я переступила порог Дома-музея, где родился и провел свои детские годы великий русский мыслитель, революционер-демократ, страдалец за счастье народное, за справедливость на земле Н. Г. Чернышевский. Для меня особенно дорог светлый образ Чернышевского, который служил как бы путеводной звездой жизни моих детей

Зои и Шуры Космодемьянских, отдавших свои юные жизни за свободу в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Светлый образ Н. Г. Чернышевского воспитал не одно поколение молодежи и всегда будет служить примером для грядущих поколений молодежи, прививая лучшие черты Чернышевского: стойкость, упорство в достижении цели, справедливость, любовь к Родине и народу. Вечная слава верному сыну русского народа Н. Г. Чернышевскому».

«Мы, студенты Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, с глубоким волнением переступили порог дома, в котором родился и провел свои юношеские годы великий революционный демократ. «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него», — писал Николай Гаврилович. Мы живем, работаем, учимся в это прекрасное время и глубоко счастливы, что являемся студентами университета, носящего имя нашего великого земляка, чья жизнь была, есть и будет светлым, вдохновляющим примером беззаветного служения Родине».

Константин Александрович Федин в книге посетителей записал: «Счастлив, что еще раз довелось мне посетить эту памятную святыню русской культуры и величайшее достояние нашего советского народа — Дом Николая Гавриловича Чернышевского, родное гнездо орла».

Делегация трудящихся Днепропетровской области выразила свои чувства так: «Делегаты трудящихся Днепропетровской области, посетившие Саратовскую землю в преддверии великого праздника — 50-летия образования СССР, выражают сотрудникам музея Н. Г. Чернышевского большую благодарность за бережное отношение, любовь к памяти великого русского демократа, философа, писателя — одного из тех людей, которые стояли у истоков революции, у истоков социализма».

Болгарские туристы оставили следующее признание: «Мы счастливы, что познакомились с жизнью и творчеством Чернышевского, великого демократа и публициста. Наш поэт — революционер Христо Ботев был воспитан на идеях Чернышевского, и вождь нашего народа Георгий Димитров читал его произведения, содействовавшие формированию его как революционера».

Отдавая дань глубокого уважения подвигу своего земляка, саратовцы многое сделали к 150-летней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Разработан и осуществлен план юбилейных мероприятий, который охватывает широкий круг вопросов.

В области ведется большая пропагандистская работа, связанная с освещением жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, его связей с Саратовским краем, претворением в жизнь его идей.

В трудовых коллективах, учебных заведениях, учреждениях организованы стационарные и передвижные книжно-иллюстративные выставки о Н. Г. Чернышевском, позволяющие наиболее

полно познакомиться с трудами ученого и писателя. Повсеместно проводятся научные, читательские конференции. В этой работе самое активное участие принимают ученые, учителя, сотрудники Дома-музея Н. Г. Чернышевского, писатели, журналисты.

К юбилейной дате приурочен выход в свет новых исследований о Н. Г. Чернышевском, которые подготовили саратовские ученые. Среди них можно назвать книгу кандидата филологических наук А. Демченко «Научная биография Н. Г. Чернышевского» и др. Н. Г. Чернышевскому посвящена седьмая книжка журнала «Волга».

С большим интересом встречены саратовцами постановки Драматического театра имени К. Маркса «Человек, который знал, что делать?» и Театра юного зрителя «Что делать?». Нижне-Волжская студия кинохроники закончила работу над новой лентой — «Н. Г. Чернышевский». Подготовлена областная выставка работ саратовских художников, посвященная 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

В Саратове состоялся торжественный вечер общественности, посвященный 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, и научно-теоретическая конференция, которую провел обком партии и университет.

Саратовцы, как и весь советский народ, отмечают юбилей Н. Г. Чернышевского в обстановке высокой трудовой и политической активности, в борьбе за выполнение решений XXV съезда КПСС, заданий десятой пятилетки. С полным правом они говорят, что подвиг Н. Г. Чернышевского, его идейно-теоретическое и литературное наследие будут и впредь служить путеводной звездой многим поколениям людей, что Н. Г. Чернышевский — наш современник, наш союзник в борьбе против идеологии империализма, за демократию, социализм и коммунизм.

И. М. Романов, Г. Г. Макаров

БОРЬБА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ПРОТИВ ЦАРИЗМА И РЕАКЦИИ В ПЕРИОД ВИЛЮЙСКОГО ЗАТОЧЕНИЯ

Н. Г. Чернышевского привезли под конвоем трех жандармов в Вилюйск 11 января 1872 г., когда ему было 44 года. А выехал он оттуда 24 августа 1883 г. в возрасте 55 лет. Почти 12 лет пробыл он в Вилюйском остроге, где написал 14 романов, сотни писем к родным, рассказы, записки, наброски разных сочинений. Из этого огромного наследства до наших дней дошло немного:

пезаконченный роман «Отблески сияния», гимн «Деве неба», отрывок рассказа «Академия лазурных гор», два рассказа о далеком прошлом его родственников, письмо-воспоминание о Н. А. Добролюбове и Н. А. Некрасове, записка по делу сосланных в Вилюйск старообрядцев Чистоплюевых и Головачевой и, наконец, письма к родным.

Чернышевский сжигал свои рукописи. Член Якутского окружного суда Д. И. Меликов, посетивший его в 1883 г., вспоминает, что Чернышевский «пробовал писать и отправлять в печать через непосредственное начальство. Рукописи брали, а печатать не печатали и не возвращали, а потому он продолжал писать и сжигал затем все написанное»¹. Чернышевского часто подвергали унижительным обыскам и проверке всего его архива. Но была другая веская причина этих его действий, высказанная Николаем Гавриловичем своему знакомому А. Г. Кокшарскому: «Я вам скажу, для чего это делаю: если бы все это время я ничего не писал, то я мог бы сойти с ума или все пере забыть, а то, что раз написал, этого уже не забуду»². Благодаря титаническому творческому труду Чернышевский в ужасных условиях сохранил ясность ума, способность к научной работе.

В Научной библиотеке имени А. С. Пушкина в Якутске хранятся два номера журнала «Отечественные записки» — за январь и февраль 1874 г. — с пометками Чернышевского на статье Г. З. Елисеева «Крестьянская реформа». Им подчеркнуты строки, раскрывающие обезземливание помещиками крестьян в ходе реформы, показывающие сохранение крепостнического гнета и в пореформенный период. В другом номере журнала, где говорилось о творцах грабительской реформы, Н. Г. Чернышевский презрительно отозвался о них: «Ослы»³.

Чернышевскому вскоре после выхода в свет было прислано русское издание 1872 г. «Капитала» К. Маркса. Е. М. Ярославский в статье о Чернышевском предполагал, что он написал в Сибири «Примечания» к «Капиталу» Маркса, но они не сохранились⁴.

В 1875 г. Вилюйск с особой секретной миссией посетил адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири есаул Г. В. Винников. Цель ее заключалась в том, чтобы заставить Чернышевского подписать прошение о помиловании и получить компрометирующий его документ. Винников вспоминает, что в 1874 г. генерал-губернатором была получена из Петербурга бумага при-

¹ Меликов Д. И. Три дня с Н. Г. Чернышевским: (Воспоминания). — Красный Север, Якутск, 1921, № 2, с. 34—35; Романов И. М. Н. Г. Чернышевский в вилюйском заточении. Якутск, 1957, с. 210.

² Кокшарский А. Г. Мои воспоминания. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. М., 1928, с. 137.

³ См.: Романов И. М. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 годах. Якутск, 1958, с. 266—270.

⁴ Ярославский Е. М. О жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. — Историк-марксист, 1939, № 5—6, с. 34; Он же. О Якутии. Якутск, 1968, с. 206.

близительно такого содержания: «Если государственный преступник Чернышевский подаст прошение о помиловании, то он может надеяться на освобождение его из Виллюйска, а со временем и на возвращение на родину». Поэтому Винников и выехал в Виллюйск, где передал Чернышевскому заранее заготовленное прошение и спросил: «Вот не угодно ли прочесть и дать мне положительный ответ в ту или иную сторону?»⁵. Чернышевский вернул бумагу обратно и с достоинством сказал: «„От подачи прошения я положительно отказываюсь“. По правде сказать, я растерялся и, пожалуй, минуты три стоял настоящим болваном. „Так, значит, отказываетесь, Николай Гаврилович?!“ — „Положительно отказываюсь“, — он смотрел на меня просто и спокойно»⁶.

Коварное намерение царизма поставить Чернышевского на колени и подорвать авторитет потерпели полный крах. Своим категорическим отказом революционер еще раз показал мужество, непреклонную волю, убежденность в своей правоте.

Открытой формой борьбы против произвола и насилия явилась «Записка по делу сосланных в Виллюйск старообрядцев Чистоплюевых и Головачевой», составленная в 1879 г. и посланная на имя царя Александра II. В ней Чернышевский разоблачал беззаконие и произвол царских властей и выступал в защиту невинно осужденных удельных крестьян⁷.

Чернышевский с большой тщательностью и правдиво обрисовал ужасные страдания осужденных и мытарства их в тюрьмах Царицына, Камышина и Саратова. В этом документе он мастерски заклеил представителей царизма на местах: «Я считаю тогдашних чиновников царицынского полицейского управления людьми, очень плохо знавшими и, по привычке к небрежности, еще хуже того исполнявшими свои должностные обязанности»⁸.

Дата записки совпала по времени с началом революционной ситуации 1879—1881 гг. и со временем, когда Чернышевского лишили возможности «в своих письмах ... касаться посторонних предметов». Таково было распоряжение якутского губернатора Черныяева от 29 сентября 1878 г. В этой обстановке узник нашел единственную возможность через голову царя обратиться к общественности России с еще одним разоблачением насилия и произвола властей. Этот документ впервые опубликован в 1906 г. в X томе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, но обратил на него внимание и впервые его проанализировал И. М. Романов⁹.

С 1874 по 1879 г. Чернышевский получил от членов своей семьи, главным образом от Ольги Сократовны, около 120 писем

⁵ Русское богатство, 1905, № 11—12, с. 169.

⁶ Там же, с. 172.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 609.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 649.

⁹ Романов И. М. Указ. соч., с. 78.

и 5—6 писем от близких родственников. В ответ он написал 310 писем. Письма были адресованы Ольге Сократовне, сыновьям Александру и Михаилу, двоюродному брату академику А. Н. Пыпину и некоторым другим лицам. Первое письмо к жене было написано из Вилюйска 31 января 1872 г., а последнее письмо из него — 10 августа 1883 г. Письма эти представляют собой, по словам самого автора, «целые основательные фундаментальные трактаты»¹⁰. В них под видом рассуждения о воспитании и образовании детей в сжатой форме автор излагал выводы многих наук, прежде всего философии и истории, разоблачал царизм, высказал ряд мыслей, которые хотел довести до родных, а через них — до передовой общественности страны.

Письма поступали через вилюйского исправника на просмотр якутскому губернатору. Чернышевский вынужден был прибегать к «эзоповскому языку»: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею»¹¹.

В письмах к сыновьям Александру и Михаилу, рассказывая о древней и средней истории, он раскрывал черные дела деспотов и тиранов. По его словам, Марий — это «злодей и мерзавец», надевший «маску друга плебеев» и подавивший Рим, а Сулладиктатор, надевший «на родину другое ярмо...». Их действия — это «великое бедствие для всего рода человеческого, подавление всего честного и доброго»¹². До читателей доводилась мысль, что все монархи, диктаторы, императоры суть деспоты и мерзавцы (хотя и прикрытые именами «просвещенных» или «освободителей»).

Борьба Чернышевского против царизма и реакции выражалась и в том, что в Вилюйске им были написаны произведения, которые отражали революционное движение, раздумья автора о путях его развития. В этом отношении характерны незаконченные «Отблески сияния», написанные в 1879—1882 гг. и посланные самим автором в 1884 г. вышеуказанному Д. И. Меликову. Рукопись романа была отправлена Меликовым в Академию наук в 1917 г. В романе был выведен образ русского революционера, участника Парижской коммуны. Чернышевский «с одобрением говорит о друзьях человечества, занимавших правильные позиции по отношению к франко-прусской войне 1870—1871 гг., имея при этом в виду, очевидно, позицию основоположников научного коммунизма»¹³.

В июне 1875 г. Чернышевский писал А. Н. Пыпину: «Я по-прежнему неутомим в работе. Как увижу, что „Гимн Деве Неба“ напечатан, пойдут к тебе массы»¹⁴, и просил добиться скорей-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 213.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 96.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 25—26.

¹³ Романов И. М. К характеристике сибирского периода творчества Н. Г. Чернышевского. — Философские науки, 1975, № 3, с. 72.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 619.

шего опубликования поэмы в журнале «Вестник Европы». Но Третье отделение задержало письмо, оно не было доставлено адресату. Гимн был напечатан в «Русской мысли» только в 1885 г. под именем Дензиля Эллиота. Смысл поэмы состоит в утверждении мысли, что вооруженный народ непобедим.

Живя в Якутии, великий революционный демократ воочию убедился в огромных отрицательных последствиях политики царизма и тяжелом положении якутов, испытывавших двойной гнет — царских чиновников и местных угнетателей. В письмах к родным он разоблачает политику царизма и рассказывает о горькой судьбе якутского народа. В них показано, что царизм не принимал никаких мер для развития экономики края, даже транспорта.

Снабжение населения товарами полностью зависело от небольшой кучки купцов, сосредоточивших всю торговлю в своих руках и обдиравших темных якутов. В письмах не раз отмечалось, что зимой невозможно было достать товары первой необходимости. В результате хищнического истребления богатств края «дорогие звери пушные уж истреблены»¹⁵. О Вилюйске Чернышевский писал: «... это даже не село, даже не деревня в русском смысле слова, — это нечто пустынное и мелкое, чему подобного в России вовсе нет»¹⁶. Якутские юрты представлялись ему «ужасными». «В этих юртах несравненно хуже, нежели в порядочных конюшнях»¹⁷.

Относясь к простым и честным людям труда с большим уважением и симпатией, помогая им советами и оказывая посильную помощь, Чернышевский был непримирим по отношению к царским чиновникам, купцам и другим угнетателям народа, всегда давал им отпор, защищал трудовой люд. Когда из Якутска приехал губернатор, он не пустил его к себе и даже с порога вытолкнул обратно. Не принял также архиерея. Избегал встречаться с купцами и чиновниками и при удобном случае выставлял их на позор. Однажды, встретив чиновника Жукова, сказал ему: «Вы не человек, а чиновник... Вы презираете якутов, называя их тварями, но ведь каждый якут — человек и равен не только вам, но и выше вас... Он не обманывает вас так, как вы его. И всем вы обязаны якуту: не будь якута, у вас не было бы масла, мяса, рыбы, дров, избы, в которой вы живете. Позвольте спросить, что вы даете якуту взамен всего этого?»¹⁸. Великий сын русского народа, интернационалист, был верным другом и защитником якутского народа, непримиримым врагом царизма и всех угнетателей народа. И он же отмечал дружественные связи якутов и русских в совместном труде и жизни.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 559.

¹⁶ Там же, с. 545—546.

¹⁷ Там же, с. 516.

¹⁸ Сибирский архив, 1912, № 4, с. 251; Чернышевская Н. М. Повесть о Чернышевском. Саратов, 1975, с. 191—192.

Однажды Чернышевский наблюдал, как гоняли гурт скота через Виллой осеью во время шуги. «Шоxвально то, что в деле с одинаковым усердием, — писал он, — участвовали и разные национальности и разные сословия здешнего населения: и якуты, и русские, и казаки, и торговцы»¹⁹.

Невзирая на трудные условия жизни в Виллойске, Чернышевский оставался «все таким же, каким был с тех пор, как помню себя»²⁰, — как он писал Ольге Сократовне из Виллойска 30 октября 1882 г. Он и здесь просвещал и воспитывал друзей и знакомых в духе гуманизма и неавности к угнетателям, продолжал смелую борьбу против царизма и реакции. Он верил в светлое будущее всех народов России, в том числе и якутского народа. Его пророческие слова о том, что «будут и якуты жить по-человечески», осуществились в советское время.

В. И. Ленин считал Чернышевского «русским великим социалистом домарксова периода»²¹. Великий вождь подчеркнул историческое значение революционной деятельности и научных трудов Н. Г. Чернышевского для всех народов России, его влияние на развитие революционно-демократического движения и передовой культуры во всех районах нашей необъятной Родины.

В. Н. Иванов

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЯКУТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В виллойском заточении Н. Г. Чернышевский продолжал разрабатывать общетеоретические вопросы историко-экономической науки, проблемы социально-экономического развития России¹. В его занятиях заметное место уделялось и Якутской области. Однако эта сторона интересов великого демократа не находит специального рассмотрения в литературе, что, бесспорно, обедняет вклад русской революционно-демократической мысли в познание окраинных народов России. Настоящее сообщение — шаг к попытке восполнить данный пробел.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 364.

²⁰ Там же, с. 379.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

¹ Романов И. М. Н. Г. Чернышевский в Виллойском заточении. Якутск, 1957; Он же. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 гг. Якутск, 1958.

Прежде всего выясняется, что интерес к Якутии у Н. Г. Чернышевского возник уже в конце 40-х годов, когда, будучи студентом, он по заданию профессора И. И. Срезневского составил выписки из Свода законов для сенатского чиновника И. Д. Булычева, впоследствии путешествовавшего по Восточной Сибири. В период работы в «Отечественных записках», а затем в «Современнике» у него наметился уже систематический интерес к отдельным районам Сибирского края: он критически изучал литературу о нем и неоднократно выступал с рецензиями в печати. Об интересе великого демократа к народам Сибири, в частности к якутам, свидетельствует и работа «Антропологический принцип в философии», в которой предпринято своеобразное сравнение Якутии и Англии. В целом создается впечатление, что Чернышевский уже в 60-х годах имел достаточно основательное представление о Якутии, ее народах. Он знал литературу о сибирском крае и именно поэтому в 1856 г. мог авторитетно и с присущей ему ответственностью заявить, что Сибирь — «мало описанная и исследованная» страна.

В дальнейшем ссылка в Якутию поставила его в необходимость близко узнать этот суровый край, его людей и достойно оценить его будущее. Благодаря почти полной сохранности переписки вилюйского узника (с января 1872 по август 1883 г.) есть возможность проследить за его суждениями, в которых так или иначе отразились факты истории и социально-экономического развития Якутии в 70—80-х годах XIX в. Разумеется, эти суждения вряд ли стоит безоговорочно отнести к исследовательским, однако нельзя не брать в расчет одну деталь: в письмах из Вилюйска проявлен оценочный подход к явлениям и фактам исторического и экономического развития Якутии. Содержание переписки представляет собой дополнение, а в ряде мест углубление положений, выдвинутых великим демократом еще в 50—60-х годах. Это очень существенный историографический факт, подчеркивающий непреходящий его интерес к народам Якутии.

Обращает внимание прежде всего то, что в своих суждениях о народах Якутии Н. Г. Чернышевский исходил из того, что их историческое развитие происходило в рамках единых, общих закономерностей, но отличавшихся лишь богатством конкретных форм и своеобразием черт. Это положение, как известно, использовалось им для обоснования решительного протеста против деления народов на «избранных», «высших» и «низших»; на нем было основано его твердое убеждение в антинаучном и реакционном характере расистских теорий². Великий демократ отвергал расистские измышления определенной группы историков о том, что «готтентоты, негры, калмыки, якуты суть не исторические народы»³, и требовал изучения их в рамках признания законо-

² *Иллерицкий В. Е.* История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 48.

³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 989.

мерного характера общественного развития всех народов. «Наши древнейшие предки, — писал он, — начали с состояния, совершенно подобного нынешнему состоянию австралийских и других дикарей, стоящих на низшей степени развития, потом постепенно проходили те состояния несколько более развитой нравственной и общественной жизни, какую видим у различных негритянских племен, у североамериканских краснокожих, у бедуинов и других племен и народов»⁴. В числе последних Чернышевский имел в виду, бесспорно, и народы Якутской области.

Включив народы Якутии в свою общую социологическую схему, Н. Г. Чернышевский применил конкретно-исторический подход к познанию народов северо-востока Азии, который открывал широкие горизонты для исследовательской работы. Его заслуга состоит также в том, что он включил конкретный материал из истории народов в свою оценку пореформенного развития России, в которой содержится ряд интересных мыслей о социально-экономическом развитии Якутии.

Для суждения Н. Г. Чернышевского об историческом развитии народов Якутии характерно признание того, что суровые природные и климатические условия оказывали своеобразное влияние на ход этого развития. Еще в 50-х годах из описаний путешественников он заключил, что природа края была «бедной и негостеприимной», что даже временное пребывание в нем является «подвигом со стороны человека»⁵. Его удивляло, как при якутских морозах эвенки могли вести «кочевую жизнь»⁶. «Внешняя природа» края, по мнению Чернышевского, была «скудной», и поэтому народы Якутии были «почти совершенно лишены так называемых даров природы»⁷. Отсюда несложная структура хозяйственного строя, бедность общества в целом, «вялый» характер его развития. «И вся сумма жизни от истоков Лены до океана составляет такую сумму знаний и новостей, — писал Чернышевский, — которой достанет на полчаса разговора в год. Больше надобно не требовать: все то же, все то же»⁸. При всем том эти замечания вполне укладывались в его понимание того, что физическое, нравственное и политическое состояние людей в целом определялось условиями общественной жизни, «особенностями экономического быта»⁹.

«Внешние условия» определили характер хозяйства коренных жителей. Чернышевский уловил сильнейшую зависимость эвенков от природы, которые не умели «даже приберегать себе пищу на запас», и в случае неудачи в охоте их семейства оставались «буквально без всякой пищи». Эти и другие факты говорили

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 618—619.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 595.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 375.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 593.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 546.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 864.

о том, что эвенки находились на «низшей ступени общественного развития».

Подчеркивая особенности «образа жизни» и хозяйственного развития якутов, Н. Г. Чернышевский указывал на то, что они расселялись «хуторами» и занимались скотоводством, охотой и рыболовством, а также собирательством. В своих письмах он постоянно подчеркивал сравнительную отсталость хозяйства якутов, большую его зависимость от стихийных сил природы, например скотоводства — от погоды. Он писал о падении охотничьих промыслов в результате хищнического истребления пушных зверей¹⁰, о том, что река Лена и ее притоки не имели «количества рыбы, достаточного для ничтожного числа людей, населяющих эту область»¹¹. В силу такой «природной» обстановки якуты жили очень бедно, являлись народом «хилым, болезненным», питались «очень плохой пищей»¹².

Чернышевский отметил резкое имущественное неравенство в якутском обществе — в улусах и наслегах, где, с одной стороны, безраздельно хозяйничали тойоны — крупные собственники земли и скота, с другой — ютились бесскотные и безземельные батраки (хамначчиты), а также бездомные нищие (кумаланы). Богатые скотоводы жестоко эксплуатировали бедных в своих хозяйствах, опутывали их многими видами зависимости. Чернышевского буквально потрясла нищета трудовой части населения. «Жаль смотреть на этих людей. Я присмотрелся к нищете, — писал он, — очень присмотрелся. Но к виду этих людей я не могу быть холоден: их нищета мутит и мою заскорузлую душу»¹³.

Насколько внимательно проник Н. Г. Чернышевский в сущность социальных порядков якутов, показывает разъяснение им применяемых якутскими богачами скрытых средств эксплуатации. Так, в письме от 10 мая 1883 г. он на основе цифровых выкладок раскрыл эксплуататорскую сущность широко распространенной среди якутов практики отдачи тойонами своего скота бедным семьям.

Н. Г. Чернышевский знал и другие факты, характеризующие различные стороны гнета тойонов над беднотой. Пытливый ученый на основе продолжительных наблюдений оставил замечания о решающем значении сенокосного хозяйства в жизни скотоводов-якутов и его роли в организации труда непосредственных производителей. Чернышевский считал, что сенокосное хозяйство является главным объектом приложения труда якутской бедноты.

Понятно, что мысли Н. Г. Чернышевского об общественных отношениях у народов Якутии были высказаны с позиции поло-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 516—520.

¹¹ Там же, с. 543.

¹² Там же, с. 535.

¹³ Там же, с. 518.

жений «политической экономии трудящихся». Он обратил свое внимание на жалкие условия существования бедноты, в частности на ее исключительно плохую пищу. «До сих пор они, — писал он, — еще не бросили, например, свою так называемую сосновую кору — это верхний молодой пласт древесины, лежащий прямо под корой, а не самая кора; пласт, подобный липовому лыку. Его и сдирают с дерева в виде лыка; сушат, режут — и выходит. . . нечто подобное какому-нибудь сору; и едят это снадобье; и даже хвалят»¹⁴. Конечно, он понимал, что такие условия порождались не только социальными отношениями у самих якутов, но и национальным угнетением.

Вождь революционных демократов дал глубоко научную оценку роли присоединения к России в развитии Ленского края. Он считал, что русский царизм принес порабощение всем народам Сибири, в том числе и народам Якутии, и был уверен в том, что только победа народной революции в России принесет освобождение этим народам. Вместе с тем ему было совершенно ясно, что социально-экономическое развитие аборигенов Сибири попало под сильнейшее влияние всего социально-экономического и общественного строя России, что это влияние в конечном счете было благотворным в плане приобщения к более высокому уровню развития. В свете такого понимания он показывал, как проникновение русской культуры постепенно вытеснило многие предрассудки и суеверные понятия якутов и других народов, как эти народы постепенно, но неуклонно приобщались к более развитой экономике и культуре русских. Н. Г. Чернышевский, например, с удовлетворением отмечал, что якуты «начинают приобретать склонность к хлебопашеству», что они «засеивают все побольше хлеба» и получают хорошие урожаи¹⁵. Приобщение к земледелию, развитие транспорта и оживление торговли должны были улучшить условия жизни этого бедного народа.

Известно, что представители революционно-демократического направления еще в 50-х годах XIX в. предчувствовали неизбежность капиталистического развития России. Как это должно было отразиться на далекой окраине страны? Какое влияние могло оказать на натуральное хозяйство края развитие капиталистических отношений? — эти и другие вопросы, разумеется, не могли не волновать их.

Н. Г. Чернышевский по этим вопросам придерживался ясной позиции. У него не было сомнений в том, что социально-экономическое развитие Якутии было прочными нитями связано с экономикой России, что прослеживается своеобразное влияние пореформенного центра на экономику далекой окраины. Последнее сказалось особенно на золотодобыче. Развитие ее ставило, по мнению Чернышевского, в новые условия хозяйственное раз-

¹⁴ Там же, с. 535.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 376.

витие не только Якутии, но и всего сибирского края. Оно сопровождалось значительным расширением торговли, в первую голову привозными товарами.

Заметное оживление товарно-денежных отношений в Якутской области под влиянием Ленских приисков, по наблюдениям Чернышевского, было связано с главной отраслью хозяйства населения — животноводством, что привело к складыванию новых явлений в экономических связях. Во-первых, изменилась структура торговых операций. Так, в Вилюйском округе «главные обороты не пушная торговля, конечно; о ней много толкуют в России, в Европе, но она мелкая торговля; несравненно важнее для здешней и собственно якутской части Якутской области поставка мяса на золотые прииски»¹⁶. Во-вторых, постепенно росла товарность самой животноводческой отрасли хозяйства Якутии. В целом же происходило дальнейшее укрепление местных экономических связей окраины с Сибирью, а через нее — с Россией.

Носителем этих новых явлений выступало купечество, среди которого заметную роль играли местные купцы. По мнению Чернышевского, в начале 70-х годов якутские купцы не имели крупных оборотов и соответственно они не поднимались выше потребностей внутриобластного рынка. Но под влиянием тех же Ленских приисков и в связи с расширением торговых оборотов их положение несколько укреплялось, росли и денежные накопления. В Вилюйске, по данным Чернышевского, был «один между ними богач: такой богач, что, по всеобщему убеждению, „может купить весь город со всем округом“ — подлинное выражение жителей»¹⁷. В целом же Чернышевский верно уловил относительную слабость процесса проникновения элементов капитализма в экономику и быт пародов Якутии.

Как видно, находясь в Якутии, Чернышевский сумел заметить новые явления в экономическом развитии края и дать им в целом верную оценку. В его наблюдениях содержится немало интересных мыслей, сыгравших важную роль в обосновании социально-экономической характеристики Якутии в эпоху перехода России к капитализму. Он раскрыл ряд существенных моментов проникновения капитализма в отдаленные окраины страны, находившиеся на стадии патриархально-феодалных отношений и населенные угнетенными царизмом народами.

Все эти явления не находили тогда достаточного отражения в русской историко-экономической литературе.

В своем письме из Вилюйска от 9 июля 1875 г. Н. Г. Чернышевский писал: «Я родился быть кабинетным человеком и полагаю, что мои здешние ученые занятия не останутся совершенно бесполезными для ученых, занимающихся теми отделами знаний, которыми интересуюсь я»¹⁸. Труды многих исследовате-

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 546.

¹⁷ Там же, с. 518.

¹⁸ Там же, с. 623.

лей подтверждают эту уверенность ученого. Советское якутоведение сегодня авторитетно заявляет, что ученые занятия великого демократа в этой области знания не остались бесполезными, что его мысли прочно входят в актив советской науки.

С. А. Троицкий

ПОПЫТКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

На всем протяжении разночинского этапа освободительной борьбы в России — и до и (больше 30 лет) после ареста, суда, каторги, ссылки, даже после смерти, — Чернышевский оставался для русских революционеров высшим авторитетом, «преимущественным учителем жизни»¹, «отцом русского революционного движения»². «Не жить по идеалам Чернышевского, не подражать его героям считалось у нас отсталостью», — свидетельствовал член-учредитель «Земли и воли» 70-х годов Н. И. Сергеев³, а народоволец М. Ю. Ашенбреннер вспоминал о Чернышевском так: «Его мы знали наизусть, его именем клялись, как правоверный магометанин клянется Магометом, пророком Аллаха»⁴.

Громко напоминали о Чернышевском политические демонстрации 70-х годов. На одной из них в Петербурге 30 марта 1876 г. студент П. П. Викторов говорил: «В России началось большое движение. Может быть, это то движение, за которое еще и по сие время страдает в Сибири наш общий и всем известный учитель»⁵. 6 декабря того же года в речи на исторической Казанской демонстрации Г. В. Плеханов восславил Чернышевского как разоблачителя порочности самодержавно-помещичьего строя и подчеркнул: «За эту святую истину наш даровитейший писатель сослан в каторгу и мучится в ней до сих пор»⁶. Осенью 1878 г. на сходках революционеров Одессы «было решено устроить 6 декабря... в память Н. Чернышевского демонстрацию по примеру устроенной у Казанского собора», но власти дознались о подготовке этой демонстрации и сорвали ее⁷.

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 63.

² [Степняк-Кравчинский С. М.] Царь-чурбан, царь-цапля. Пг., 1921, с. 139.

³ ИРЛИ РО, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 24.

⁴ Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924, с. 5.

⁵ Литературное наследство. М., 1959, т. 67, с. 175.

⁶ Первая рабочая демонстрация в России. М.; Л., 1927, с. 81.

⁷ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 50, л. 12 об.—13.

Вещественные доказательства, хранящиеся в разных архивах страны, удостоверяют живой интерес передовых людей 70—80-х годов к идеям и личности Чернышевского. Его сочинения и фотографии находили при обысках у крестьянина Григория Пенькова, гимназиста Виктора Крыленкова, студента Николая Афанасьева, телеграфиста Анания Орлова, сельской учительницы Марии Лихаревой, земского врача Владимира Яковенко и у многих других⁸. При этом обыск нередко влек за собой арест, ссылку и другие репрессии. Так, юный Г. А. Мачтет (впоследствии известный писатель) «за чтение Чернышевского» был исключен из гимназии⁹, а железнодорожный служащий Н. Я. Аникеев за хранение фотографий и пропаганду идей Чернышевского и Герцена сослан в Сибирь¹⁰.

Учитывая интерес передовой России к судьбе своего вождя, русская нелегальная печать систематически информировала ее о жизни Чернышевского в неволе. Начало этому положил Герцен. Его «Колокол» во многих листах (186, 189, 190, 193, 203, 210, 218 и др.) разоблачал беззаконие и жестокость расправы над Чернышевским. После «Колокола» чаще всех писал о Чернышевском журнал П. Л. Лаврова «Вперед!». Статьи, корреспонденции, заметки посвящали Чернышевскому и другие органы русской революционной эмиграции: «Народная расправа», «Народное дело», «Община», «Общее дело», «Набат», «Вестник „Народной воли“»¹¹. В самой России первый же номер первой подпольной газеты — «Начало» (март 1878 г.) вышел с корреспонденцией «Из Сибири» о вилейском заточении Чернышевского¹². Не забывали писать о Чернышевском также газеты «Земля и воля», «Народная воля», «Листок „Народной воли“»¹³. Главное же, нелегально печатались и распространялись по России труды Чернышевского: с 1868 по 1872 г. вышли пять томов собрания его сочинений, в 1874 г. впервые увидели свет его «Письма без адреса», в 1877 г. — «Пролог» и т. д.

Все это поддерживало, окружало ореолом мученичества и еще выше поднимало революционный авторитет Чернышевского, множило число и энергию его последователей. «Ведь к Чернышевскому, вероятно, ворон и кости русской мысли не занесет и от него тоже, — записывал в дневнике 16 декабря 1879 г. либеральный профессор А. Ф. Кистяковский. — И однако ж мы видим ныне тысячи чернорабочих Чернышевских, с которыми прави-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 55, л. 165; д. 62, л. 59; ф. 1410, оп. 1, д. 47, 95, 120, 196, 209, 262, 277, 472; ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 140, л. 7 об.; ЦГВИА, ф. 1351, 1880, д. 525, т. 27, л. 18 об.

⁹ Разные разности. — Мир божий, 1901, № 9, с. 32.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 140, л. 7—10, 57—58 об.

¹¹ Клевенский М. М. Н. Г. Чернышевский в нелегальной литературе 60—80-х годов. — Литературное наследство. М., 1936, т. 25/26.

¹² Революционная журналистика 70-х годов. СПб., 1906, с. 16, 24.

¹³ Там же, с. 86; Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 177, 189, 208.

тельство не в состоянии управиться»¹⁴. Не удивительно, что «чернорабочие Чернышевские» пастойчиво обдумывали, готовили, а время от времени и предпринимали попытки освободить своего учителя из «каторжных нор» Сибири.

О попытках освобождения Чернышевского написано много, но сюжет еще далеко не исчерпан. Во-первых, ни одно исследование (даже специальный параграф в книге Ю. М. Стеклова¹⁵ и особая глава «Героические попытки освобождения Чернышевского» в труде М. В. Научителя и З. Т. Тагарова¹⁶) не охватывает всех попыток. Во-вторых, данные источников, а еще более комментарии к ним исследователей оставили здесь много неясного или спорного.

Вопрос об организации побега Чернышевского с каторги первым поставил Герцен в июне 1864 г., когда Чернышевский еще только следовал по этапу в Иркутск. Беседуя в Лондоне с иркутским купцом Н. Н. Пестеревым, которого русские революционеры ценили как единомышленника, Герцен тогда сказал: «Пусть придет Чернышевский, я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас уйти можно? Бакунин ушел же»¹⁷.

Именно Пестерев и организовал в 1865 г. первую попытку освободить Чернышевского, которая, судя по всей совокупности данных о ней, свелась к разведке. Жена Чернышевского, Ольга Сократовна, поехала к мужу на каторгу в сопровождении врача Е. М. Павлинова (земляка и друга Пестерева) с вероятной целью выяснить, как содержится Чернышевский и каковы возможности его побега. Версия В. В. Шульгина о том, что Ольга Сократовна спешила в Сибирь освободить Чернышевского и бежать вместе с ним и 7-летним сыном (оставив другого, 12-летнего сына в Петербурге) на купеческих рысаках из каторжного рудника в Китай¹⁸, столь же бездоказательна, сколь романтична.

Есть данные, что Пестерев был связан с польскими ссыльными (З. Минейко, Г. Вашкевич, А. Окинчиц), которые в свою очередь имели связь с ишутинцами¹⁹. Это указывает на преемственность между первой и второй попытками освободить Чернышевского. Вторая попытка — ишутинцев, подробно освещенная в литературе, была раскрыта властями в тот момент (вслед за выстрелом Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г.), когда ишутинцы запаслись всем необходимым (планами, картами, деньгами, адре-

¹⁴ Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964, с. 202.

¹⁵ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1928, т. 2, ч. 7, гл. 2, § 4: «Попытки освобождения».

¹⁶ Научитель М. В., Тагаров З. Т. Чернышевский в Сибири. Иркутск, 1969.

¹⁷ Шульгин В. Н. Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией. — Литературное наследство, т. 63, М., 1956, с. 332.

¹⁸ Шульгин В. Н. Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией. — Литературное наследство, т. 63, М., 1956, с. 335.

¹⁹ Русско-польские революционные связи, т. 2, М., 1963, с. 596.

сами) и «человек пять» во главе с Н. П. Странденом готовы были со дня на день ехать в Сибирь²⁰.

Но попытка ишутинцев имела прямое продолжение. В феврале или марте 1868 г. освободить Чернышевского отправились было (доехали лишь до Рязани) В. И. Кунтушев и Н. Н. Катин-Ярцев — участники тайного общества «Сморгонская академия»²¹. В числе основателей этой «Академии» были четыре бывших ишутинца (Д. А. Воскресенский, В. Н. Черкезов, А. Е. Сергиевский, А. П. Полумордвинов), которые знали об ишутинской попытке и давали о ней показания²². Одна деталь связывает попытку «сморгонцев» со следующей, четвертой попыткой — П. А. Ровинского: в «Сморгонской академии» участвовал М. И. Орфанов, которому рассказывал о своем замысле Ровинский²³.

Попытка освобождения Чернышевского, предпринятая летом 1870 г. П. А. Ровинским, открыла собой ряд особых попыток, когда в роли исполнителя коллективно выработанного и финансируемого плана выступало одно, выдающееся во всех отношениях лицо. Первым таким лицом был Ровинский, за ним последовали Г. А. Лопатин (в начале 1871 г.), Д. А. Клеменц (весной 1875 г.), И. Н. Мышкин (летом 1875 г.). Каждый из них отличался ярко выраженной индивидуальностью, силой характера, редким даром располагать к себе любое общество, умением дерзать.

О том, кто и на чьи средства организовывал эти попытки, нет точных сведений. По косвенным данным, к попытке Ровинского была причастна Русская секция I Интернационала²⁴, Лопатина — М. К. Элпидин в Женеве, Н. Ф. Даниельсон, Н. Н. Любавин и другие в Петербурге²⁵, Клеменца — тот же Элпидин, супруги И. А. и С. И. Гольдсмит²⁶, Мышкина — П. Н. Ткачев и еще «некоторые эмигранты»²⁷. Никому из четверых попытка не удалась, хотя каждый был близок к цели. Мышкин сумел даже проникнуть в Вилюйск, и лишь несчастное стечение обстоятельств помешало ему увести Чернышевского.

Между тем осенью 1873 г. была организована еще одна попытка освободить Чернышевского, которая даже не упоминается в литературе о Чернышевском, хотя засвидетельствована в источнике, вполне достоверном, — воспоминаниях ее участника известного народника, а позднее народовольца В. А. Тихоцкого (1850—1929). Тихоцкий, бывший тогда членом революционного

²⁰ См.: *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 356—362.

²¹ *Ковьмин Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, с. 125—126, 128.

²² Покушение Каракозова. Т. I. М., 1928, с. 117, 130; т. 2, с. 64, 122.

²³ Советские архивы, 1972, № 3, с. 95.

²⁴ *Ковьмин Б. П.* Русская секция I Интернационала. М., 1957, с. 230.

²⁵ *Кондратьев Н. Д.* Пока свободою горим. Л., 1975, с. 278.

²⁶ Советские архивы, 1972, № 3, с. 95.

²⁷ *Антонов В. С., Лавыженский А. М.* Шлиссельбуржцы об Ипполите Мышкине. — Прометей, т. 3. М., 1967, с. 255.

кружка долгушинцев, и его товарищ по кружку Л. А. Дмоховский из-под Харькова отправились в Сибирь «для выяснения условий жизни Чернышевского с целью устроить его побег», но в самом начале пути были арестованы²⁸.

Итак, сразу после отправки Чернышевского на каторгу его освобождение стало одной из очередных задач русского революционного лагеря. За 10 лет, с 1866 по 1875 г., были предприняты по крайней мере восемь попыток увезти его из Сибири. Кроме того, в революционном подполье вынашивался еще ряд замыслов (братьев Кулябко-Корецких)²⁹, возможно, Э. И. Бонгарда³⁰, М. К. Элпидина³¹), которые не вышли из стадии предположений.

Поскольку с середины 60-х и до середины 70-х годов в России не было централизованной революционной организации, попытки освобождения Чернышевского вершились отдельными кружками или группами в инициативно-кустарном порядке. Эти кружки и группы не могли обеспечить ни соединения, ни координации действий лиц, пытавшихся освободить Чернышевского. Поэтому даже те лица, которые действовали в одно время (Н. Н. Пестерев и ишутинцы, П. А. Ровинский и Г. А. Лопатин, Д. А. Клеменц и И. Н. Мышкин), не только не помогали друг другу, но даже и не знали друг о друге, хотя преемственность между их попытками (через прямые и опосредствованные связи) всегда была налицо. Все это, разумеется, отрицательно сказывалось на каждой попытке. Власти, и без того не спускавшие с Чернышевского своего недреманого ока, после каждой попытки революционеров освободить его усиливали «неусыпный и ежечасный» надзор за ним³², что также всякий раз затрудняло очередную попытку.

Когда сложилась (в 1876 г.) общероссийская централизованная революционная организация (вторая «Земля и воля»), было уже известно, что Чернышевский не в состоянии бежать из Виллюйска. Об этом уведомил революционеров журнал «Вперед!»³³. К тому же крутой подъем революционного движения второй половины 70-х годов, его переход в решающий фазис отчаянной схватки с правительством³⁴ требовали сосредоточить все внимание и все силы борцов непосредственно на задачах, продиктованных этой схваткой. Тем не менее революционный лагерь не забывал о своем «преимущественном учителе жизни» и, как только представлялась возможность, добился «в обмен» за обещание не мешать Александру III короноваться возвращения Чернышев-

²⁸ Тихоцкий В. А. Подпольная типография долгушинского кружка. — Огонек, 1925, № 22, с. 8.

²⁹ Кулябко-Корецкий Н. Г. Из давних лет. М., 1931, с. 97.

³⁰ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1870, д. 85, л. 16, 58—59.

³¹ Козьмин В. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора», с. 73, 144.

³² Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 411.

³³ Вперед! Лондон. 1875. № 23, стб. 717—718.

³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 39.

ского из Сибири³⁵. Хотя возобновить активную политическую деятельность (в условиях неустанного жандармского надзора) с подорванным здоровьем Чернышевский уже не смог, он успел за шесть лет, прожитых им после Сибири, подготовить ряд трудов (очерков, статей, заметок, комментариев), которые обогатили передовую общественную мысль России.

Н. Н. Новикова

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ В. И. ЛЕНИНА О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ И ЕГО ЭПОХЕ

...Все то, что сказано о Чернышевском Владимиром Ильичем, дышит особым уважением к его памяти... В примере Чернышевского черпал он силу...

Н. К. Крупская

Тема — Ленин и Чернышевский — одна из интереснейших страниц ленинианы, открывающая двери в творческую лабораторию В. И. Ленина. Время и пытливые поиски выносят на поверхность все новые или не замеченные ранее факты, позволяя полнее, точнее понять и ту любовь, и то глубокое уважение, которое В. И. Ленин с юности питал к гениальному русскому ученому, мыслителю, борцу, чей жизненный подвиг вдохновлял его, чье революционное «наследство» он принимал и страстно защищал от искажений. Устойчивый живой интерес к Чернышевскому Ленин пронес сквозь всю свою беспримерную жизнь ученого и революционера¹. Именно на эту сторону проблемы — Ленин и Чернышевский — обратила специально свое внимание Н. К. Крупская, выступая в Большом театре на торжественном юбилейном собрании в честь 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского 26 ноября 1928 г.² Это выступление ближайшего соратника и друга Владимира Ильича не только придало неповторимый колорит, особую теплоту замечательному юбилею, но и обогатило советскую историческую науку драгоценными данными по проблеме «Ленин и Чернышевский».

³⁵ Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 6. М., 1940, с. 59.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1972, с. 14; Ленин Владимир Ильич. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 13, 33—34, 39, 44, 204, 523 и др. Новиков А. И. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, с. 246.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Вып. 1. М., 1930, вып. 1, с. 172—177.

И через полвека мы неизбежно обращаемся к этому чрезвычайно емкому, богатому фактами и обобщениями документу. Исследование проблемы подтверждает его глубокую правоту³. Особенно много нового в изучение темы «Ленин и Чернышевский» было внесено в период между 100-летием Чернышевского (1928 г.) и столетием В. И. Ленина (1970 г.) (П. Н. Лепешинский, М. Н. Покровский, М. В. Нечкина, В. Я. Зевин, Д. А. Балика и др.)⁴. Ленинская оценка Чернышевского, как главы «революционеров 61-го года», которые были великими деятелями эпохи падения крепостного права, «вождями тех общественных сил, которые творят все преобразования», прочно вошла в советскую историческую науку⁵. Особенностью нынешнего этапа освоения ленинской концепции эпохи Чернышевского является стремление советских историков выявить источниковую базу всех конкретно-исторических оценок Ленина о Чернышевском, стремление объяснить, почему Ленин знал о «революционерах 61-го года» так много, чего не было в современной ему литературе⁶. В частности, было установлено, что к 1901 г., ко времени издания «Зари», где были впервые опубликованы уникальные выводы Ленина об эпохе Чернышевского, о создаваемой им революционной «партии», о ее натиске на царизм, о «приверженцах Великоруса» — первой нелегальной внутрирусской газеты 1861 г., — письменные источники не могли дать Ленину прямых данных для подобных выводов⁷. Очевидно, к 1901 г. Владимир Ильич наряду с овладением всей существующей литературой и опубликованными источниками обладал и устной традицией знаний о великом революционере.

Важный импульс к углубленному изучению этой стороны проблемы был дан в период подготовки и празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина⁸. М. В. Нечкина доказала, что при

³ Оригинал выправленной ею стенограммы хранится в Архиве АН СССР (Москва); ф. 350, оп. 1 «а», ед. хр. № 239, л. 13—29.

⁴ Лепешинский П. Н. В. И. Ленин о Чернышевском. — В кн.: Старый большевик, № 5 (8), 1933; Покровский М. Н. — Правда, 1928, 27 ноября; Балика Д. А. Последователи Н. Г. Чернышевского в Нижнем Новгороде. — Горьковский край, 1940, № 9; Нечкина М. В. Новые материалы о революционной ситуации в России. — Лит. наследство, т. 61. М., 1953, с. 485.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175, 179; т. 5, с. 28—36, 61 и др.

⁶ Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения России. — В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 48—54; Новикова Н. Н. Источники ленинской работы «Гонители земства и Анцибалы либерализма», по истории первого «революционного натиска в России»: Доклад «В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки», прочитанный на Всесоюзной научной сессии (1969 г.).

⁷ Новикова Н. Н. Революционеры 1861 г.: Комитет «Великоруса» и его место в революционной борьбе 1861 г. М., 1968, с. 7—9, 329.

⁸ Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения в России; Балика Д. А. Педагогическая деятельность Б. И. Свицкого, друга Добролюбова Н. А. в Нижнем Новгороде. — В кн.: Добролюбов Н. А.: Статьи и материалы. Горький, 1965, с. 244—267; Новикова Н. Н. Указ. доклад 1969 г. и др.

изучении эпохи Чернышевского В. И. Ленин «провел исследовательскую работу документального порядка», что его выводы построены на изучении первоисточников, в том числе устных. На первое место среди устных источников информации В. И. Ленина о революционном подвиге Чернышевского она по праву ставила И. Н. Ульянова, который был близок к видным деятелям организации «Земля и воля» 60-х годов. На второе место среди этих источников М. В. Нечкина по праву ставила семью Н. К. Крупской, ее родителей: К. И. Крупского — члена офицерской организации «Земля и воля», участника движения русских офицеров в Польше, который сам рассказывал дочери об этом, и ее мать — Елизавету Васильевну Крупскую (урожденную Тистрову). Третий источник устной информации Ленина о «шестидесятниках» уже «вне семейных связей Ульяновых — Крупских, — широкий круг старых большевиков»⁹. В справедливости этого вывода М. В. Нечкиной мы убедились в ходе своих архивных поисков, особенно в ЦПА при ЦК КПСС, в ЛПА при Ленинградском обкоме КПСС, в Государственном архиве Горьковской области (в 1970, 1976—1977 гг.) и др. Но наши архивные разыскания, как и исследования других энтузиастов этой проблемы, позволяют не только подтвердить выводы М. В. Нечкиной и других, но и значительно расширить данные о возможной обширной устной информированности Ленина о Чернышевском и его соратниках.

Первый круг проблем — это, конечно, дальнейшее изучение возможной семейной традиции знаний Ульяновых о Чернышевском и его эпохе. Информированность И. Н. Ульянова о Чернышевском и его соратниках была гораздо большей, чем это представлялось нам раньше. Она берет свое начало в самой эпохе «натиска революционной партии» на царизм, когда И. Н. Ульянов учительствовал в Пензе и оказался причастным к общественно-политическому кружку преподавателей и учеников, среди которых был В. И. Захаров, воспитанник Главного педагогического института, в котором учился Н. А. Добролюбов. Постоянный читатель «Современника», «Колокола» и прокламаций 1861 г., В. И. Захаров был, конечно, неисчерпаемым источником информации для своего соседа по комнате, а затем участника его общественно-литературного кружка И. Н. Ульянова. Н. С. Таганцев оставил замечательную характеристику В. И. Захарова как светлой личности, оказавшей самое благотворное влияние на учеников его и товарищей. В кружке В. И. Захарова И. Н. Ульянов активно действовал сам в такой важной форме пропаганды, как воскресная школа, где он преподавал и был распорядителем вплоть до ее закрытия весной 1862 г. Горячее дыхание «эпохи прокламаций» близко коснулось в Пензе И. Н. Ульянова и его ближайшего друга В. И. Захарова, поскольку связи с питерскими

⁹ Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения России, с. 52—54.

студентами были тесными; гибель Н. А. Добролюбова, знакомого их друга В. А. Ауновского, переживалась как личное горе, на глазах всего класса. На квартире Захарова жил будущий земледелец Н. А. Ишугин, помогавший ему распространять портрет арестованного поэта и одного из авторов прокламации «К молодому поколению» — М. Л. Михайлова, а в 1863 г. развозивший прокламации «партии Чернышевского» по Волге.

Лучший друг И. Н. Ульянова В. И. Захаров в донесении жандармов охарактеризован как человек в «высшей степени вредного направления», имевший «большое влияние на воспитание учеников», как человек «весьма опасный» «по его направлению и искусному умению расположить к себе юношество, вложить в него новые понятия, губительное направление и распалать в молодежи вредные страсти». Позже Захаров признавал, что пензенский губернатор предрек ему его судьбу, хотя и не мог ни в чем уличить его по доносам 1861—1862 гг. Не подлежит сомнению большая информированность Захарова, друга И. Н. Ульянова, «о партии Чернышевского» и ее акциях в Петербурге и в Поволжье в годы революционной ситуации. В июле 1862 г. Захаров вынужден был перевестись в Нижний Новгород, куда ровно через год за ним последовал и И. Н. Ульянов. Здесь И. Н. Ульянов сразу же по приезде, с лета 1863 г., попал в дружеский кружок В. И. Захарова в Нижнем Новгороде. Приехавший на год раньше И. Н. Ульянова В. И. Захаров по службе и по дружеским связям непосредственно близко общался или с гимназическими товарищами Чернышевского (Г. А. Шапошников, М. Ф. Мартынов), или с людьми, связанными с ним по революционной борьбе (Н. В. Копиченко — глава Нижегородского отделения «Земли и воли», студенческий друг секретаря Чернышевского М. А. Воронова, близкий знакомый другого секретаря Н. Г. Чернышевского И. И. Кантовича).

Возобновив свои прежние связи с В. И. Захаровым, проживая с преподавателями вместе в здании Первой нижегородской гимназии с 12 июня 1863 г., И. Н. Ульянов вместе с ними пережил и волнующие дни ареста и следствия по делу своих коллег по Александровскому дворянскому институту преподавателей Копиченко и Попкова, знакомого Добролюбова. Арестованные по делам «Земли и воли», они стойко держались на допросах. Вполне вероятно информированность И. Н. Ульянова о роли Н. В. Копиченко как руководителя Нижегородского отделения «Земли и воли», о его дружбе с М. А. Вороновым, о прокламациях той поры.

Поскольку с сентября 1863 г. по 14 ноября 1865 г. И. Н. Ульянов наряду с гимназией работал воспитателем в Александровском дворянском институте, он вполне мог принять участие в судьбе старшего сына Чернышевского, временно определенного туда друзьями. Допустима и мысль о знакомстве И. Н. Ульянова с О. С. Чернышевской и А. В. Захарьиным, принимавшим живое

участие в устройстве Саши Чернышевского. Не мог не знать И. Н. Ульянов и об обыске у А. В. Захарына и Кошеченко, столь ему близкого. Вслед за обысками В. И. Захаров был отстранен от педагогической деятельности, а потом — от государственной службы. Приют он нашел у В. Н. Левашова, ученика Белинского, знакомого Герцена. Жена Левашова О. С. Левашова (урожденная Зиновьева) финансировала «Народное дело» за границей. И. Н. Ульянов общался с поднадзорным уже В. И. Захаровым, весьма информированным в делах революционного подполья эпохи Чернышевского.

Уже после фактической ссылки В. И. Захарова в с. Каменка, Курмышского уезда, Симбирской губернии И. Н. Ульяшов подарил ему на память свой портрет с дружеской надписью. В это время В. И. Захаров совместно со своим учеником Н. С. Таганцевым, крупным юристом, помогал А. Н. Пыпину в хлопотах по облегчению участи Н. Г. Чернышевского. Навещая поднадзорного Захарова, Ульяшов мог быть информирован об этом. Таганцев позже признавал факт личного своего знакомства с И. Н. и М. А. Ульяновыми и оказал помощь М. А. Ульяновой в свидании с арестованным А. Ульяновым. Родственник Таганцева А. А. Кадьян, подзащитный его по «процессу 193-х», был в годы ссылки в Симбирске домашним врачом семьи Ульяновых, а позже лечил Ленина в 1895 г. в Петербурге. Помогал Таганцев и своему гимназическому товарищу каракозовцу Д. А. Юрасову (уже после возвращения из Якутии). Известны дружеские письма Н. В. Шелгунова к Таганцеву.

Наконец, И. Н. Ульянов с 1866 по 1869 г. был тесно связан по работе с Б. И. Сциборским, студенческим другом Добролюбова, распространителем номеров «Великоруса» в Новгородском кадетском корпусе в 1862 г., корреспондентом Н. Г. Чернышевского, передавшим в его полное распоряжение всю свою переписку с Добролюбовым. Общение с ним могло обогатить И. Н. Ульянова совершенно уникальными сведениями об эпохе 60-х годов. Покидая Нижний Новгород в августе 1869 г., И. Н. Ульянов вместе с группой прогрессивных деятелей Нижнего Новгорода, в том числе знакомыми Чернышевского (Шапошников, Гацисский), подписал смелую телеграмму в редакцию «Народных листков» в Прагу в честь 500-летия Яна Гуса — «великого мученика за свободу совести» и борца «за права чешской земли».

Итак, волею судеб и благодаря помощи друзей И. Н. Ульянов был близок к центру нижегородской ячейки «Земли и воли» в 1862—1863 гг. Чрезвычайные события, в частности аресты людей ему близких, проходили буквально в доме, где он жил и работал. И. Н. Ульянов почерпнул в Нижнем Новгороде неизгладимые впечатления об эпохе Чернышевского, которые пронес через всю свою подвижническую жизнь и передал как эстафету, как живую традицию своим детям. Эта традиция была воспринята старшими детьми Александром и Анной Ульяновыми, по-

видимому, через доверительные разговоры с отцом. Бесспорно огромное революционизирующее влияние старшего брата Александра Ильича на Ленина.

Старшие дети И. Н. Ульянова в Петербурге вращались буквально в среде бывших «шестидесятников», «чернышевцев», в среде их детей. Учителями Александра Ульянова являлись И. М. Сеченов, близость которого к Чернышевскому не подлежит сомнению, а также его друг Д. И. Менделеев, с которым Сеченов с восторгом читал «Великорус» и «Колокол». Профессура Бестужевских высших женских курсов, где учились Анна и Ольга Ульяновы, — близкие соратники или последователи Чернышевского. Показательно, что так трагически рано ушедшая из жизни Ольга Ильинична Ульянова успела принять активное участие в подготовке адреса бестужевок Н. В. Шелгунову, строки которого с призывом следовать по пути Чернышевского и его соратников нельзя читать без глубокого волнения. Адрес одновременно с Ольгой Ульяновой был подписан рядом лиц, весьма информированных о Чернышевском (М. Н. Слепцова, С. Ольхина и др.). Несомненно, Петербург — его профессура и студенты — это один из путей получения информации о Чернышевском, идущий от старших детей И. Н. Ульянова к Владимиру Ильичу.

В книгах по этому вопросу выдвигался тезис (М. В. Нечкиной, а затем В. А. Дьяковым) об информированности В. И. Ленина со стороны семьи Крупских, который можно дополнить рядом новых данных. Н. К. Крупская прямо называет своего отца «чернышевцем», подчеркивает, что он «сложился как революционер под влиянием Чернышевского и Герцена, был связан с деятельностью тогдашней «Земли и воли», связанной с литературной группой поэтов «Искры». А в письме Н. К. Крупской к М. С. Шагиняну 18 марта 1938 г. указывается:

«Мой отец был революционер — с ранней молодости примыкал к революционному движению, имел тесную связь с организацией «Земли и воли» 60-х годов, примыкал к движению русского офицерства, стоявшего во время польского восстания на стороне поляков... был связан с литературным кружком чернышевцев, примыкавшим к поэтам «Искры»... имел связь с первым Интернационалом».

Нами выявлены документы об отношениях между К. И. Крупским и демократическим издателем Д. Е. Кожанчиковым, имевшим в любое время доступ к Чернышевскому. Через его магазин распространялись нелегальные издания. Известен факт материальной помощи К. И. Крупскому в трудную для него минуту со стороны Кожанчикова. Истоки этой связи, сохранившейся до 1874 г., восходят к 60-м годам. Новые документы о связи К. И. Крупского с Д. Е. Кожанчиковым, С. Р. Издебским и другими обращают внимание на малоизвестные свидетельства Н. К. Крупской об Н. И. Утине, близком соратнике Чернышевского. Речь идет о семье Издебского — друга Н. И. Утина, кото-

рый был связан с ним по изданию прокламаций, и оба друга связаны с Чернышевским и Лавровым по делам помощи участникам студенческого движения. Н. И. Утин — один из наиболее информированных о роли офицеров в «Земле и воле» деятелей. Это вполне объясняет желание Н. Утина повидать Крупского сразу же по возвращении из эмиграции.

Факт визита Н. И. Утина к Крупским в 1883 г. навсегда запомнился Надежде Константиновне. Утин был явно потрясен известием о безвременной кончине ее отца, тепло отнесся к осиротевшей Надежде Константиновне, сразу устроил ей платный урок. Но затем контакты прервались, ибо в том же году умер и сам Утин. Но у Н. К. Крупской сохранился навсегда стойкий интерес к Утину, как деятелю революционного движения, о котором она очень высоко отзывалась. По-видимому, Крупский был ближе к центру «Земли и воли», чем мы предполагали ранее. Н. И. Утин был живым источником информации о «партии Чернышевского» для Маркса и Энгельса, а К. И. Крупский, друг Я. Домбровского и А. А. Потемби, через жену и дочь мог стать источником информации о «партии Чернышевского» для В. И. Ленина. Важны свидетельства гимназических подруг и соратниц Н. К. Крупской о том, что ее мать, Е. В. Крупская (Тистрова), полностью разделяла революционные взгляды мужа и многое рассказывала своей дочери о прошлом, а за долгие годы совместной жизни в семье дочери (с Шушенского до 1915 г.) многое могла рассказать и Владимиру Ильичу.

Мы придаем также важное значение личной информированности Надежды Константиновны об эпохе Чернышевского через гимназию А. А. Оболенской, где директором был А. Я. Герд, участник студенческого движения 1861 г., сотрудник Чернышевского по литературному фонду, близкий сотрудник «землевольцев» — «чернышевцев» П. А. Ровинского и А. А. Черкесова, бывший учитель старшего сына Чернышевского, оказавший ему содействие при поступлении в Ларинскую гимназию. А. Я. Герд, примыкавший к «революционному движению и занимавшийся в воскресных школах», был не только учителем для Надежды Константиновны, но и отцом ее гимназической подруги Н. А. Герд. Она была своим человеком в их семье и, разумеется, многое могла слышать о Чернышевском, которого там глубоко почитали. Жена А. Я. Герда, родственница «шестидесятника» Пантелеева, тоже была убежденной «шестидесятницей». Заметим, что К. И. Крупский был оправдан в сенате в 1879 г. «при первоприсутствующем известном шестидесятнике Арцимовиче», дочь которого также была учительницей в гимназии Оболенской. Знакома была Надежда Константиновна и с профессором Страннолюбским, современником Чернышевского и другим учителем сына Чернышевского, и водила к нему своих учеников по воскресной школе на выставку картин Н. Н. Ге, друга Герцена, с которым велись очень важные беседы о прошлом и будущем нашей Родины, в память

о которых Ге подарил рабочим репродукции с автографами, взятыми позже при арестах учеников Крупской. Характерно, что именно ученик Н. К. Крупской С. Фунтиков нес венок от рабочих на похоронах Н. В. Шелгунова. В семье же своей самой близкой гимназической подруги А. К. Григорьевой, дочери пародоволки, подруги С. Перовской, Н. К. Крупская непосредственно общалась с бывшим шестидесятником С. Н. Южаковым. По гимназии же Н. К. Крупская знала дочерей А. М. Унковского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других «шестидесятников». Важно прямое свидетельство Н. К. Крупской в беседе с Н. М. Чернышевской о «большой любви, которую питала она и Владимир Ильич к Чернышевскому, и о том, что Ленин написал примечания к роману «Что делать?», к сожалению, затерявшиеся с переездом перед войной 1914 г.»

Наконец, знакомство по воскресным школам и Передвижному музею учебных пособий с Е. Д. Стасовой, дочерью Д. В. Стасова, корреспондента Чернышевского, организовывавшего в Лондоне переговоры Чернышевского с редакторами «Колокола», также один из возможных источников информации Н. К. Крупской, а затем и Ленина об эпохе Чернышевского. Глубоко символично то, что именно на квартире этого «чернышевца» скрывался Ленин в дни своего последнего подполья. Семья Стасовых давно доказала свою стойкость. Несмотря на многочисленные обыски, она не только помогла сохранить жизнь вождя, но и сохранила важные революционные документы. Эти реликвии и поныне служат делу науки. Причастности Д. В. Стасова к переговорам Чернышевского с редакторами «Колокола» позволяет вводить его дочь Е. Д. Стасову в живой круг лиц — возможных информаторов Крупской и Ленина о деятельности Чернышевского.

Впервые вводим мы в число возможных источников устной информированности В. И. Ленина об эпохе Чернышевского и семью Менжинских — Вячеслава Рудольфовича и обеих его сестер, друживших с семьей Д. В. Стасова и с Н. К. Крупской, затем — с Лениным. Мать большевиков Менжинских М. А. Шакеева, имевшая огромное идейное влияние на своих детей, была активной «шестидесятницей», поклонницей и пропагандистом творчества Чернышевского, назвавшая его эпоху «зарей сознания русского общества». Эта информированность Менжинских и побудила М. Н. Слепцову, автора ценных мемуаров об эпохе Чернышевского, послать их Менжинскому перед публикацией и радоваться его благоприятному отзыву.

Важным источником информированности В. И. Ленина о Чернышевском, на наш взгляд, было также непосредственное его общение с активными участниками революционного движения 60-х годов, возглавляемого Чернышевским. На первом месте здесь по праву стоят И. М. Красноперов, В. О. Португалов, П. А. Гайдебуров, а также люди, близко знавшие участников движения: М. П. Голубева (Яснева), В. С. Голубев, А. Н. Хардин, С. И. Миц-

кевич, В. П. Ардибушев и др. В существующей литературе это общение рассматривалось крайне односторонне, только как общение с народниками-«семидесятниками».

Между тем И. М. Красноперов, В. О. Португалов и П. А. Гайдебуров — это живые участники движения 60-х годов, близкие к Чернышевскому (И. М. Красноперов — через А. А. Красовского, друга Добролюбова; В. О. Португалов — через С. С. Рымаренко, ближайшего соратника Чернышевского в Петербурге; П. А. Гайдебуров — как сотрудник «Современника» и корреспондент Чернышевского, известный прогрессивный издатель). Все они распространяли и даже писали прокламации. Красноперов выступал с речью на панихиде по Добролюбову, хранил его записки «великорусцу» Обручеву, подаренные Чернышевским. Гайдебуров постоянно бывал в салоне А. П. Блюммер совместно с Н. И. Утиным, С. Издебским и др. Многое конкретное важное знали эти ветераны. Многое, по-видимому, узнал В. И. Ленин и от А. Н. Хардина, близко связанного с революционером Клеменцем Д. А., и от семьи Шухта А. А., сосланного в Самару, от народников, живших в Самаре (Долгов Н. С., Ливановы и др.).

Весьма значительная информированность Ленина о Чернышевском и его эпохе объясняется и ролью давней собеседницы В. И. Ленина — М. П. Голубевой (Ясневой), проделавшей путь от кружка В. В. Берви-Флеровского, потом якобинского кружка П. Г. Заичневского до роли агента ленинской «Искры» на родине Чернышевского. Известно, что беседы Голубевой с Лениным были многочисленными и что они говорили о Чернышевском, сравнивали его и марксистские методы борьбы. Поздние мемуары М. П. Голубевой показывают, что она очень много, ясно и конкретно помнила из рассказов Заичневского. Помнила она, разумеется, хорошо и беседы свои о Чернышевском, когда, по ее выражению, Ленин буквально впитывал в себя рассказы о прошедшем этапе революционного движения. Ее муж Василий Семенович Голубев, член Брусневской организации, до 1891 г. был очень близок к Н. В. Шелгунову, арестован был за организацию адреса от рабочих больному Н. В. Шелгунову и за подготовку участия рабочих в похоронах Шелгунова. Знакомство обоих супругов Голубевых с Заичневским и с Шелгуновым делает их семью особенно ценным источником информации Ленина о Чернышевском и его эпохе.

На одном из первых мест по информированности стоит товарищ М. П. Голубевой по кружку Заичневского, вступивший на революционный путь непосредственно под влиянием романа «Что делать?», С. И. Мицкевич. Во времени знакомства с Лениным в Нижнем в 1891 г. и общения с ним в Москве летом 1894 г. он уже побывал в нижегородском кружке В. Г. Короленко, принимал участие в панихиде и демонстрации в связи с годовщиной смерти Н. Г. Чернышевского в Москве, а в 1891 г. близко сошелся с высланными в Нижний студентами, принимавшими участие

в «демонстративных похоронах» Н. В. Шелгунова — ближайшего соратника Чернышевского. Общий знакомый М. П. Голубевой и С. И. Мицкевича, любимый ученик Заичневского В. П. Арцибушев, с которым Ленин, по-видимому, общался в Красноярске, будущий большевик, тоже мог многое передать Ленину из рассказов Заичневского о Чернышевском.

Наконец, мы впервые вводим в число возможных устных источников информации Ленина о Чернышевском и об «эпохе прокламаций» известного немецкого издателя Иоганна Генриха Вильгельма Дитца. Дело в том, что этот руководитель партийного издательства Социал-демократической партии Германии в молодости, в начале 60-х годов, был в Петербурге наборщиком в журнале «Современник» и тогда же, как свидетельствуют немецкие источники, близко познакомился с Чернышевским. Ленин тесно общался с Дитцем непосредственно в период своей работы над статьей «Гонители земства и Аннибалы либерализма», где он дает характеристику роли Н. Г. Чернышевского.

Третьим, весьма обширным источником ленинской информации о Чернышевском и его эпохе является широкий круг членов социал-демократических кружков Поволжья и Петербурга, из которых многие были близки к различным деятелям эпохи 60-х годов. На одном из первых мест здесь стоит «кружок технологов», с которым установил связи В. И. Ленин в начале 90-х годов. Как известно, в архиве библиотеки Технологического института Петербурга, института с замечательными революционными традициями, сохранились рукописи прокламаций 60-х годов и «Колокола», передававшиеся из поколения в поколение революционного студенчества. В кружке технологов, связанном с В. С. Голубевым, было также много работ Чернышевского, которые хранились еще со времен Чернышевского.

К числу возможных информаторов может быть отнесена семья Б. А. и О. К. Витмер, старых знакомых Крупской, родственник которых опубликовал интересные воспоминания о соратнике Чернышевского его домашнем враче П. И. Бокове.

Кое-что мог узнать В. И. Ленин и от Г. В. Плеханова и членов группы «Освобождение труда», общавшейся за границей с оставшимися в эмиграции членами «партии Чернышевского».

Знакомые Ленина адвокаты А. Н. Хардин и М. Ф. Волькенштейн, имевшие широкие связи в революционных кругах Петербурга и Самары, также могли многое знать об эпохе Чернышевского (Волькенштейн связан со Стасовым, а Хардин — с семьей Клеменца). Наконец, дочь ученика Чернышевского Н. А. Пескова, друга семьи Г. А. Лопатина — Л. Н. Пескова, близкая знакомая Л. Б. Красина по работе в технической группе при ЦК РСДРП(б) и Крупской, могла поделиться тем, что рассказывал ей отец и о чем она поведала в своих рукописных мемуарах, изученных нами в Ленинградском партархиве. Но этот канал информации очень обширен и требует дальнейшего изучения (П. Ф. Куделли,

А. П. Пушторский, В. Д. Бонч-Бруевич, В. А. Старков, Г. М. Кржижановский, В. В. Воровский и др.).

Итак, нами рассмотрены некоторые данные об устных контактах В. И. Ленина с «революционерами 61-го года», с их современниками и последователями. Их около 20 человек. Разными были эти люди, неодинакова и сопричастность их к «партии Чернышевского». Но всех их объединяет глубокая любовь к Николаю Гавриловичу, восхищение его подвигом, твердое убеждение в его главенствующей идейной и организационной роли в революционном движении эпохи падения крепостного права. Как по семейным традициям, так и по другим каналам связи информация шла к Ленину из надежных источников, часто из первых рук. Надо полагать, что в суждениях Ленина о Чернышевском, особенно конкретных оценках, много материала, идущего не только из печатных, но и устных источников. В. И. Ленин критически оценил и обобщил все эти данные, и к его выводам, имеющим надежную источниковедческую основу, вновь и вновь обращается каждый, ищущий историческую правду о «партии Чернышевского». В трудах Ленина органично сплелись разнообразные, уникальные данные об эпохе Чернышевского с живой революционной традицией. Гениальный ленинский анализ эпохи падения крепостничества послужил делу социалистического преобразования Родины Чернышевского, ставшей Родиной Великого Октября, открывшей новую эру в истории человечества.

Е. С. Шаблювский

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Для революционно-демократической идеологии Н. Г. Чернышевского характерно органическое сочетание глубокого народного патриотизма с интернационализмом. Любовь к Родине, стремление видеть ее свободной органически слиты со страстным желанием уничтожить социальный и национальный гнет, поднять к новой, светлой жизни все угнетенные народы, укрепить их дружбу, создать условия для развития и процветания их культур. Этим определено и отношение Чернышевского к Украине, к ее истории, ее культуре. Чернышевский, равно как В. Г. Белинский, А. И. Герцен и другие русские революционные демократы, всегда отстаивал свободное развитие украинского народа; связывая его со свержением царизма и освобождением народов нашей страны от социального и национального гнета.

Героическая история украинского народа неоднократно привлекала внимание Чернышевского. Он высоко оценивал борьбу украинского народа против ипоземных захватчиков, называя запорожских казаков защитниками и героями, лучшими сынами Украины. Чернышевский много сделал для правильного освещения многолетней борьбы украинского казачества со шляхетско-магнатской Польшей, подчеркивал социальные причины этой борьбы: «Козаки не хотели, чтобы польские паны в Малороссии пользовались теми гражданскими правами, которые успели утвердить за собой в самой Польше, и полное торжество козаков для самой Польши было бы облегчением, потому что козаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились»¹.

Чернышевский высоко оценил такое знаменательное историческое событие, как воссоединение Украины с Россией; он неоднократно указывал на необходимость борьбы против украинских, русских и польских националистов, пытавшихся всячески исказить смысл этого исторического события. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. было, по мнению Чернышевского, воплощением вековых стремлений и надежд украинского народа и знаменовало поворотный этап в его жизни; оно имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего развития украинского и русского народов.

С момента воссоединения Украины с Россией, несмотря на угнетательскую политику русского царизма, процесс укрепления дружбы и развития русско-украинского единения, в том числе культурного, литературного, происходил особенно интенсивно, утверждал Чернышевский. Он призывал к укреплению дружбы и братского единения народов России, подчеркивая, что у трудящихся классов независимо от того, к какой нации они принадлежат, нет причин для вражды, нет противоречивых интересов: их интересы едины.

В условиях назревания первой революционной ситуации в России (1859—1861 гг.) Чернышевский возлагал большие надежды на активность трудящихся масс Украины. Отсюда его особое внимание к украинскому революционному подполью, к антисамодержавной демократической культуре, к ее выдающимся деятелям, прежде всего к Тарасу Шевченко.

Еще в первой половине 50-х годов Н. Г. Чернышевский был знаком с нелегальными революционными произведениями ссыльного поэта, высоко оценивал их. «Малорусская литература, — писал он в 1856 г., — имела писателей действительно замечательных, людей, которые занимают высокое место в русской литературе. . .»². Образ негнимоемого поэта-борца витал в мыслях Николая Гавриловича еще в Саратове, где он имел возможность

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 822.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 436.

беседовать о нем с Н. И. Костомаровым, сосланным туда по делу Кирилло-Мефодиевского братства.

И Шевченко еще в ссылке знал о Н. Г. Чернышевском, читал «Современник». В результате долголетней ссылки поэт не «смирился», а еще более углубил свое революционное мировоззрение, жадно искал друзей, соратников в борьбе. Уже в первые месяцы пребывания в Петербурге (1858 г.) Шевченко, Чернышевский, Добролюбов встречаются, обсуждают актуальнейшие вопросы, связанные с назреванием революционной ситуации в России. Ярчайшим доказательством идейной близости украинского поэта к революционно-демократическому лагерю Чернышевского являются стихи «Я на здоровье не в обиде» («Я не недужаю, нивроку»), написанные вскоре после возвращения в Петербург, 22 ноября 1858 г., где содержится прямой призыв к крестьянской революции, к топору зовет поэт страну. Чернышевский высоко ценил Шевченко и неоднократно публично ссылался на его «непоколебимый авторитет». Знаменательно, что именно этот круг деятелей «Современника» определил место Шевченко в мировой литературе наряду с величайшими поэтами славянского мира Пушкиным и Мицкевичем.

Большую роль сыграли Н. Г. Чернышевский и его ближайшие соратники в издании произведений Шевченко, в их правильной оценке прогрессивной прессой того времени. Н. Г. Чернышевский, в частности, многое сделал для того, чтобы «Кобзарь» Шевченко в январе 1860 г. увидел свет.

Прогрессивная Россия, и прежде всего деятели революционно-демократического лагеря, рассматривали выход «Кобзаря» как событие большого общественного значения. С рецензиями выступили Н. А. Добролюбов (в «Современнике»), поэты-революционеры М. И. Михайлов (в «Русском слове») и А. Н. Плещеев (в «Московском вестнике»). Эти рецензии положили начало подлинно научному истолкованию произведений украинского поэта как подлинно народного певца. Вслед за украинским «Кобзарем» в 1860 г. вышел «Кобзарь» Тараса Шевченко в переводе лучших русских поэтов. «Современник» заблаговременно известил читателей об этом издании. В этом издании, осуществленном при непосредственном участии Н. Г. Чернышевского, было помещено «Письмо Т. Г. Шевченко к редактору „Народного чтения“», а также «Список печатных произведений Шевченко» и «Список русских переводов стихотворений Шевченко», которые являются, собственно, первыми библиографическими данными о творчестве украинского поэта.

Автобиографическое «Письмо...» Шевченко было немедленно перепечатано в «Современнике», в рецензии Н. А. Добролюбова (на «Кобзарь»). «История моей жизни составляет часть истории моей родины» — эти слова из автобиографии Шевченко звучали как горячий протест против самодержавно-крепостнического строя.

Творчество Шевченко становится грозным оружием в руках революционно-демократического авангарда; его нельзя рассматривать вне живой и непосредственной связи с агитационно-пропагандистской деятельностью подпольных кружков революционного лагеря, возглавляемого Чернышевским. В созданных в эти годы (1858—1860) произведениях Шевченко с особой силой проводит идею открытой борьбы масс, идею крестьянской революции, которая одна лишь, по убеждению поэта, может дать освобождение народу.

Изучение разносторонней литературно-общественной деятельности Шевченко периода назревания революционной ситуации позволяет говорить об украинском поэте как об участнике «революционной партии» Чернышевского, об активном деятеле всероссийского освободительного движения. Это был период наиболее прочных связей Чернышевского с Шевченко. Не случайно А. И. Герцен отмечал, что Шевченко выступал не только как великий поэт, но и «как политический деятель и борец за свободу»³.

Н. П. Огарев в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» имел все основания утверждать: «Украина проснулась в Шевченко... Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят, как свой, в русской литературе и стал для нас родной: так много было общего в наших страданиях, и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»⁴.

Шевченко дорог революционной России и как борец за свободу, и как величайший поэт, великий мастер художественного слова.

Чернышевский радуется, что украинская литература, возглавленная Шевченко, является подлинно художественной, что в основе ее — гуманизм, борьба за светлое будущее. «Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература не нуждается ни в чьей благосклонности, — пишет он. — Да и кроме Шевченко пишут теперь на малорусском языке люди, которые были бы не последними писателями в литературе и побогаче великорусской»⁵.

В поле зрения Чернышевского были все важнейшие вопросы культуры украинского народа. Его интересовала украинская периодика, развитие которой он стремился направить по демократическому пути.

Напомним, что в начале 1860 г. вышел в свет украинский альманах «Хата»; «Современник» (1860, № 3) сразу же откликнулся на это событие. «В „Хате“, — отмечалось в рецензии «Со-

³ Цит. по: Юнге Е. Ф. Воспоминания (1834—1860). СПб.: Сфинкс, 1914, с. 354.

⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. 1, с. 446.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 943.

временника», — нам всего больше понравились стихотворения Шевченко...»⁶. В рецензии была дана положительная оценка рассказа Марко Вовчок «Чары», а также поэтических опытов Щеголева. Одновременно отмечалась реакционно-шовинистическая струя в «декларациях» П. Кулиша (помещенных в этом альманахе), отвергавшего полезность связи украинской общенности с русской, плодотворность связей украинской литературы «с соседней словесностью», т. е. с русской литературой.

В январе 1861 г. в Петербурге вышел первый номер украинского общественно-литературного и научного журнала «Основа». Н. Г. Чернышевский придавал важное значение выходу этого журнала. Он сразу же откликнулся (в «Современнике») большой содержательной рецензией, в которой приветствовал появление этого журнала и пожелал ему успеха.

Упомянутая статья-рецензия Н. Г. Чернышевского на первый номер «Основы» является важным историко-литературным и общественным документом; она имела большое значение для дальнейшего развития украинской культуры, литературы.

Критика в адрес «Основы» со стороны «Современника» предъявляла серьезные требования к украинской литературе, последовательно защищая в ней критический реализм, подлинную народность и прогрессивную идейность, одновременно решительно осуждая консервативные и националистические тенденции, а также вульгаризаторство и примитивизм ряда художественных произведений. «Современник» резко осуждал либеральствующие тенденции в ряде статей «Основы», непонимание крепостнической сущности царской «крестьянской реформы», консервативные, националистические идеи, которые все чаще появлялись в «Основе».

Н. Г. Чернышевский высоко оценивал творческие возможности украинского языка, а также украинское народное творчество. Он решительно выступил против реакционно-шовинистических идеологов, в защиту украинского национального языка; вместе с тем он разоблачал и украинских буржуазных националистов, пытавшихся отгородить украинский литературный язык от общих путей развития с русским, примитивизируя его, ограничиваясь рамками хуторянских вкусов. Выступления Чернышевского в защиту украинской литературы, языка в атмосфере великодержавно-шовинистической реакции было смелым и решительным шагом, имевшим огромное значение в борьбе за развитие украинского литературного языка и всей культуры украинского народа.

Н. Г. Чернышевский и его соратник Н. А. Добролюбов оказали большое влияние на формирование и развитие литературного таланта выдающейся украинской и русской писательницы Марко Вовчок (М. А. Маркович). Яркая антикрепостническая направленность ее рассказов, сказанное в них повое, смелое и правдивое

⁶ Современник, 1860, № 3, с. 110.

слово о народной жизни, эстетическое совершенство и оригинальность формы — все это произвело огромное впечатление на современников. Сила рассказов Марко Вовчок, по мнению Чернышевского и Добролюбова, в том, что они «живо и верно изображают народную жизнь, глубоко заглядывают в душу народа»⁷, заставляют «прислушиваться к гулу народной жизни»⁸, Чернышевский в предисловии «Повести к повести» характеризовал талант писательницы как «сильный, прекрасный».

Еще в 60-х годах Н. Г. Чернышевский содействовал выходу отдельным изданием произведений Марко Вовчок («Новые повести и рассказы», 1861); «Современник» печатал роман писательницы «Жили да были три сестры». Находясь на каторге в восточной Сибири, он следил за творчеством Марко Вовчок. Возобновление утраченной связи стало возможным лишь в начале 80-х годов, когда великий критик-революционер был поселен в Астрахани (1883 г.). Сын писательницы Богдан Маркович, за революционную деятельность высланный в Астраханскую губернию, встретился с Николаем Гавриловичем. «Мама, моя дорогая, — писал Б. Маркович из Астрахани в мае 1887 г. — Прежде всего передаю привет тебе человека, которому мы с тобою недостойны, пожалуй, развязать ремень у сапога. Он (Чернышевский. — *Е. Ш.*) просил сказать, что глубоко тебя уважает, твой талант он считает громадным... Твою повесть „В глуши“ он перечел раз пятьдесят в тех далеких краях (на каторге. — *Е. Ш.*), где провел так много лет. Он считает, что лучшего с тех пор никем не написано... Передайте, говорит, что я всегда очень люблю ее, что я глубоко уважаю ее сочинения и считаю самую даровитую, самую замечательной (писательницей) последнего времени»⁹.

В письмах к издателю журнала «Русская мысль» В. М. Лаврову Чернышевский называет писательницу даровитейшей из романистов после Лермонтова и Гоголя. Рассказы ее он считал заслуживающими высокого уважения по своей художественности.

В апреле 1889 г. Чернышевский ставит вопрос об издании произведений Марко Вовчок, называя ее «талантливейшим из всех наших беллетристов эпохи послегоголевской»¹⁰.

Память о Чернышевском свято берегла Мария Александровна до конца своей жизни. В 1904 г. в письме к сыну она просит подготовить к изданию переводы ее произведений (на французский язык) и советует открыть издание теми произведениями, которые нравились Чернышевскому.

Подытоживая свой жизненный и творческий путь, писательница на склоне лет с гордостью отмечала, что в главном она всегда оставалась верной заветам Чернышевского и Добролюбова.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М., 1950, т. III, с. 150.

⁸ Там же, с. 96.

⁹ Русская литература, 1972, № 4, с. 130—131.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 831.

Творческое наследие Чернышевского, его заветы во многом определили ход развития литературы и общественной мысли братских народов, живших в пределах царской империи. Но особенно велико было это влияние на передовых деятелей украинской культуры, украинской литературы. Влияние Чернышевского, Добролюбова, Некрасова как бы «наслаивалось» на влияние Шевченко и представляло единое могучее идейно-эстетическое целое — живое, развивающееся, подлинно народное. Среди украинских литературных деятелей 60—70-х годов XIX столетия, отразивших в своих лучших произведениях влияние Н. Г. Чернышевского, следует назвать писателя и журналиста Д. Л. Мордовцева, Анатолия Свидницкого, Степана Руданского, Леонида Глибова.

Заслуживают специального рассмотрения взаимоотношения Н. Г. Чернышевского с известным историком Н. И. Костомаровым. Как известно, за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе молодой ученый в 1848 г. был сослан в Саратов. В апреле 1851 г. в Саратов из Петербурга возвратился Н. Г. Чернышевский и вскоре по приезде познакомился с Костомаровым. Чернышевский не только интересовался трудами Костомарова, но и старался придать им правильное направление, общественную значимость, воодушевить, поддержать опального историка. Он был знаком с его рукописью о Богдане Хмельницком и воссоединении Украины с Россией.

Общение с Чернышевским, безусловно, способствовало «включению» Костомарова (и как историка, и как литератора) в разработку общественно актуальных проблем, назревавших к середине 50-х годов. История написания Н. И. Костомаровым монографии «Бунт Стеньки Разина», ее содержание, острота и глубокая актуальность темы, особенно в период назревания революционной ситуации в России, показывают, что общение Чернышевского и Костомарова в Саратове имело сложный, но благотворный характер. Чернышевский увлек и вдохновил Костомарова на научную разработку одной из актуальнейших тем эпохи.

Н. И. Костомаров по своим взглядам, убеждениям, конечно, никогда не был единомышленником и соратником Чернышевского. Однако Чернышевский сумел направить его талант на разработку важнейших общественных проблем. По мере развития революционной ситуации в стране Костомаров решительно отмежевывается от лагеря революционных демократов, возглавленных Чернышевским. «Наши дороги разные», — заявил он в одном из писем к Чернышевскому 1862 г. Запутавшегося в либерально-националистических сетях профессора Чернышевский характеризует в конце жизни как «бывшего приятеля, бегавшего от меня в последнее время моей петербургской жизни»¹¹.

Возвратясь из Сибири, Чернышевский продолжал внимательно следить за научной деятельностью Н. И. Костомарова. «Попра-

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 757.

вение» ученого не ускользнуло от его внимания. Но он помнит и лучшие исторические и литературные труды Костомарова и воздает им должное.

Еще более сложную позицию по отношению к наследию Н. Г. Чернышевского занимал М. П. Драгоманов — украинский публицист, историк, литератор, общественный деятель буржуазно-демократического, а затем либерально-буржуазного направления. Вопреки Чернышевскому, Герцену Драгоманов оценил польское восстание 1863—1864 гг. с националистических позиций; для него чуждыми были идеи революционных демократов, идеи народной революции.

Однако в лучших своих научных трудах Драгоманов отразил и прогрессивные аспекты, которые шли от Чернышевского, от передовой русской мысли. Так, он неоднократно подчеркивал огромное значение для дальнейшего развития украинской культуры ее творческих связей с богатой литературой русского народа, призывал ориентировать украинскую культуру, литературу на передовую культуру России. «Мы ценим Россию декабристов, Пушкина, Гоголя, Герцена, Белинского, Тургенева, Добролюбова, Чернышевского. . .»¹² — писал украинский ученый.

Драгоманов неоднократно указывал на большое общественное и художественное значение русской литературы и русского языка, рассматривая русский язык как «язык-посредник» в славянском мире, содействующий обогащению культур других народов. «. . . Всеславянскую значимость русского языка, — писал он, — нужно признать как действительность, как реальное историческое явление, отрицать которое могут только невежды. Но это отнюдь не значит, что, высоко оценивая значение русского языка, нужно пренебрегать значимостью и развитием отдельных национальных славянских языков и литературы, в том числе и нашей украинской»¹³.

Драгоманов одобрял деятельность И. Франко и М. Павлыка, редакции журнала «Громадський друг», руководящее ядро которого, по словам Драгоманова, «становится на тот путь, по которому шел в России „Современник“, когда печатал и „Примечания к Миллю“ и „Антропологический принцип в философии“, и „Национальную бестактность“, и подобные им другие статьи Чернышевского. . .»¹⁴.

Эстетические и литературно-критические взгляды Драгоманова (имеем в виду его лучшие произведения) развивались под влиянием революционно-демократической эстетики Белинского и Чернышевского. Он отстаивал тезис об общественном призвании литературы и искусства, идею служения их социальному и духовному раскрепощению народа, боролся за реализм и народность литературы.

¹² Громада, Женева, 1878, № 2, с. 198.

¹³ Народ, 1891, с. 172—173.

¹⁴ Громада, Женева, 1879, № 4, с. 130.

Чернышевский наряду с Шевченко оказал большое влияние на формирование социальных, идейно-эстетических взглядов украинских писателей пореформенного этапа освободительной борьбы. Украинские писатели второй половины XIX в. (Панас Мирный, Михайло Старицкий, И. Манжура, М. Кропивницкий, И. Карпенко-Карый и др.) не без влияния Чернышевского высоко подняли в литературе принцип гражданственности, народности, реализма.

Панас Мирный, Нечуй-Левицкий и другие изображением украинского пореформенного села с его непримиримыми социальными противоречиями и нарастающей поляризацией классовых сил перекликаются с концепцией Чернышевского, Некрасова, «Современника».

С огромным уважением отнесся к литературно-общественному подвигу Н. Г. Чернышевского, к его идейно-эстетическим заветам великий украинский писатель и ученый Иван Франко. Имя Чернышевского — «пламенного глашатая человеческих прав, — писал он в 1889 г., — творит целую эпоху в общественно-революционной пропаганде»¹⁵, в духовной культуре народов.

Еще при жизни Чернышевского Франко опубликовал статью, в которой писал, что роман Чернышевского «Что делать?» уже десятилетия зажигает молодежь, что роман этот обошел во круг света. «В образе Рахметова, — писал он, — молодежь видит человека будущего, мужественно преодолевающего все и всяческие препятствия. Посев Чернышевского живет и вдохновляет молодежь всей России»¹⁶.

Франко и его единомышленники восприняли многолетнее заключение и смерть Чернышевского как тяжелейшую утрату для всего прогрессивного человечества. Чернышевский для Франко был одним из лучших сынов русского народа, образцом революционного служения народу. «Шевченко, Добролюбов, Чернышевский, — подчеркивал Франко в одной из своих статей, — ясно видели перед собою новые идеалы и не менее ясно видели пути к их достижению»¹⁷.

Находясь под сильным влиянием романа «Что делать?» и правильно понимая его огромную общественно-эстетическую значимость, молодой Франко в 1877 г. (совместно с Павлыком) принялся за перевод романа на украинский язык и печатание его в прогрессивном журнале «Друг» (1877, № 1—5). Публикация романа русского революционера вызвала злобный протест реакционных, националистических кругов.

Арест Франко и запрещение журнала «Друг» прервали начатую работу. Но это не остановило украинского писателя. В 1879 г. он пишет М. Павлыку: «Я снова по целым дням упиваюсь экономией (т. е. экономическими трудами. — *Е. III.*) Чер-

¹⁵ Франко Иван. Твори: В 20 томах. Киев, 1955, т. XVIII, с. 64.

¹⁶ Там же, с. 66.

¹⁷ Там же, с. 24.

нышевского. Как жаль, что огромная часть его статей не издана, т. е. не перепечатана из „Современника“! Ведь это золото — не статьи!»¹⁸. Реализм Чернышевского, Добролюбова, утверждал И. Франко, — это реализм, который «свершил великий поворот в русской литературе и привнес в нее больше демократического духа, больше стремления познать народ, нежели иногда целые долгие периоды идеальных и сентиментальных литератур»¹⁹.

Франко, как и Чернышевский, шел от жизни, от действительности. «У нас единый кодекс эстетический — жизнь, — писал он. — Что она свяжет, то и будет связано, а что развяжет, то и будет развязано». Он высмеивал горе-теоретиков, утверждавших, что литература должна стоять «над партиями» и подлежать только «чистым и высоким законам эстетики»²⁰.

Одним из первых после Чернышевского Франко указывает, что в произведениях реалистической литературы явления должны изображаться в развитии, больше того, предвосхищать будущее. В письме к Павлыку (1882 г.) Франко подчеркивает, что писатель должен стремиться к созданию типов, которые бы олицетворяли в себе думы и стремления своей эпохи, но так глубоко и так проникновенно, чтобы нести в себе представление о развитии общества, о его грядущем.

Франко тщательно изучал «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского, особенно акцентируя те места в диссертации, в которых говорится, что искусство должно не только воспроизводить жизнь, что оно лишь тогда «становится в число нравственных деятельности человека», когда выдвигает «на первый план объяснение жизни, приговор о явлениях ее»²¹.

Революционные традиции Чернышевского и Шевченко, роль передовой русской демократической культуры и литературы Франко рассматривал как важнейший фактор, способствующий становлению украинской литературы на путях народности, реализма, высокой гражданственности. Передовая русская общественная мысль и прежде всего труды Чернышевского помогали ему бороться с галицкими реакционерами, объединять прогрессивные силы для борьбы с врагами украинского народа, разоблачать буржуазных националистов. Обращаясь к украинской, чешской, польской общественности, он неоднократно разъяснял, что, кроме России монархической, ретроградной, шовинистической, есть еще и Россия народная, представленная революционной демократией, во главе которой стоит Н. Г. Чернышевский.

Следует отметить, что И. Франко привлек внимание к литературному наследию Чернышевского многих выдающихся деятелей украинской культуры и литературы. Среди них назовем бли-

¹⁸ Франко Иван. Твори: В 20 томах, т. XX, с. 73.

¹⁹ Франко Иван. Твори: В 20 томах, т. XVI, с. 11.

²⁰ Там же, с. 12—13.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 111.

жайшего соратника Франко Михаила Павлыка, писателей-реалистов Юрия Федьковича, Марко Черемшину, Леся Мартовича, Ольгу Кобылянскую, Василя Стефаника. Концепция народности Чернышевского, основные принципы критического реализма, борьбы за лучшее, светлое будущее, сформулированные великим русским критиком, в большей или меньшей мере были созвучны их творчеству и содействовали утверждению их (писателей) на правильных творческих позициях.

О значении передовой русской литературы, критико-эстетических положений Н. Г. Чернышевского определено и точно сказал украинский писатель-реалист Лесь Мартович: «Кто не знает русской литературы, тот многое не поймет и в нашей»²². Любимыми книгами Василя Стефаника, по его личному признанию, были произведения Чернышевского, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. В наследии Н. Г. Чернышевского передовые украинские писатели находили животворные источники, вдохновлявшие их на литературный подвиг.

В 1894 г. в Вилкойске (где пребывал в остроге десять лет тому назад Н. Г. Чернышевский) украинский писатель Грабовский написал обстоятельную статью «Николай Гаврилович Чернышевский», являющуюся первой научной биографией великого русского революционера; статью эту (при содействии И. Франко) удалось напечатать в 1895 г. в зарубежном журнале.

Свое произведение Грабовский закончил взволнованными строками: «Двадцать лет беспросветных мучений не погасили, однако, этот великий светоч, не притупили его пламенной любви к родному народу, для которого он работал до самой смерти. Человек — поистине достойный удивления, ярчайший пример, достойный подражания. . .»²³.

С большим душевным волнением и болью рассказывает П. Грабовский в очерке «На дальнем севере» о вилкойской тюрьме, в которой пребывал Чернышевский в течение двенадцати лет: «Невыразимая тоска каждый раз сжимает мое сердце, как только прохожу я мимо этого ужасного, ныне заброшенного здания. . . И меня тянет упасть на колени перед высоким заостренным частоколом, целовать след дорогого человека. . . Это образы моих милых, любимых, незабываемых»²⁴. Почти в каждом письме из Сибири П. Грабовский упоминает о Чернышевском, посылает зарисовки Вилкойского острога, сообщает воспоминания старожилов, помнящих еще великого узника. Он просит Франко способствовать напечатанию книги о жизни и деятельности Чернышевского, высказывает свое заветное желание, чтобы украинская общественность как можно больше знала о нем.

²² Цит. по кн.: Малкин В. Русская литература в Галиции. Львов, 1957, с. 129.

²³ Грабовский П. Зібрання творів. Киев, 1960, т. III, с. 87.

²⁴ Там же, с. 109.

Чернышевский, Добролюбов, Шевченко, Михайлов, Некрасов для Грабовского — блестящее созвездие подвижников-борцов за народное дело, высокий образец для творческой молодежи. «Без таких людей давным-давно очерствело бы человеческое сердце и заглохла нива жизни»²⁵.

Всю свою жизнь (к сожалению, очень недолгую) Павло Грабовский с любовью и глубочайшим уважением относился к наследию Чернышевского, неизменно выступая одним из самых верных последователей великого русского революционера, глашатаем его идейно-эстетических заветов.

Взгляды Чернышевского на литературу и искусство, его революционная концепция общественного служения писателя народу привлекли пристальное внимание такого выдающегося деятеля украинской литературы революционно-демократического направления, как Михайло Коцюбинский. М. М. Коцюбинскому особенно импонировали призывы Чернышевского к углубленному пониманию концепции народности художественной литературы, к борьбе с либерализмом различных мастей, с демагогами-«народолюбцами», его непоколебимая вера в великое будущее народа.

Значительным было влияние революционно-демократических идей Чернышевского на великую украинскую поэтессу Лесю Украинку. «Мало кто из новейших беллетристов, — писала Леся Украинка, — может сравниться с Чернышевским содержательностью, искренностью в воплощении своей идеи, чистотой своих помыслов, страстностью убеждения»²⁶. Идея общественного служения искусства, определение роли писателя как поэтического трибуна в борьбе за права и достоинство народа, которые проповедовал Чернышевский, особенно близки Лесе Украинке. Она активно воспринимает концепцию гуманизма великого русского критика. Перекликаясь с Чернышевским, поэтесса утверждает, что высокая человечность включает в себя ненависть ко всему, что угнетает людей. Больше того, гуманизм, по ее убеждению, превращается в ничтожное «соболезнование», если он не включает в себя неистребимой ненависти к врагу.

Проникнутое революционными идеями художественное творчество демократических писателей Украины конца XIX—начала XX в. находило значительный отклик не только в передовых кругах Украины, но и во всей России. Единство революционно-освободительной борьбы обуславливало укрепление культурных связей русского и украинского народов. Прогрессивная русская культура Белинского и Чернышевского оказала исключительно благотворное влияние на развитие культуры украинской. В свою очередь передовая украинская культура, представленная такими именами, как Шевченко и Франко, Коцюбинский и Стефаник, Грабовский и Леся Украинка, обогащала культуру русского на-

²⁵ Там же, с. 168.

²⁶ *Украинка Леся*. Публікації, статті, дослідження. Київ, 1956, т. II, с. 91.

рода, вносила все более ощутимый вклад в развитие мировой культуры.

Красной нитью через труды Н. Г. Чернышевского, его статьи, выступления, высказывания об украинской культуре проходит идея единения интересов русского и украинского народов.

Благодаря деятельности Н. Г. Чернышевского и его соратников идейные и культурные связи русского и украинского народов поднялись на новую, высшую ступень. Начиная с Тараса Шевченко прогрессивные и революционные украинские писатели выступают активными деятелями всероссийского освободительного движения, глашатаями передовых идей.

Л. И. Брежнев в речи на торжественном объединенном заседании ЦК Коммунистической партии Украины и Верховного Совета Украинской ССР 23 декабря 1967 г. говорил: «Пламенные призывы к свободе Тараса Шевченко и Ивана Франко, Леси Украинки и Михаила Коцюбинского сливались с передовыми идеями русских революционных демократов Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского»²⁷.

В. Я. Гросул

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС

В кругу «Современника» Н. Г. Чернышевский считался специалистом по славянским делам. Об этом он впоследствии вспоминал сам, описывая историю создания Н. Добролюбовым рецензии на роман Тургенева «Накануне»¹. Чернышевский интересовался положением славянских и неславянских народов Юго-Восточной Европы, был знаком со славянскими литературными, историей, языками и внимательно следил за современной политической жизнью народов Балканского полуострова. Одним из важнейших вопросов, интересовавших передовую балканскую молодежь в 60—70-е годы, был вопрос о сельской общине и ее возможностях, отсюда — непреходящий интерес к Чернышевскому. Разрабатывая проблемы общинной организации, он привлекал на свою сторону новых сторонников из числа балканской молодежи и своими сочинениями давал понять, что без разрушения османского господства, т. е. без политического освобождения, невозможно дальнейшее экономическое развитие балканских народов и переход их к более высокой форме социального устройства. Такова одна из важнейших причин его популярности среди

²⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 159.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 728.

западных славян, к прошлому общинному устройству которых он обращался в своих сочинениях².

Н. Г. Чернышевский уделял значительное внимание национальному вопросу вообще и национальным движениям на Балканах в частности. Его интернационализм, признание права наций на самоопределение, на независимое политическое существование были хорошо известны современникам и давно получили отражение в литературе³. «... Работа одной нации, — писал он, — была всегда полезна прогрессу других наций»⁴. Эти его слова перекликались с положением К. Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других»⁵. Протест против отрыва русской действительности от западной, утверждение, что «русская история понятна только в связи с всеобщей»⁶, заметно отличают Чернышевского не только от славянофилов, от Герцена и Огарева, но также и от многих учеников Чернышевского, не сумевших удержаться на высоком теоретическом уровне учителя.

Оценка национальных движений с позиций интересов простого народа была характерна для всех сочинений Чернышевского, посвященных русской действительности⁷ или зарубежным странам. Его подход к национальному вопросу в России был неразрывно связан с оценкой внешней политики царизма на Балканах. Основные высказывания Чернышевского по этому вопросу были сделаны еще в эпоху после Крымской войны и, несомненно, ощутили ее заметное воздействие. Учет опыта этой войны имел большое значение для выработки Чернышевским самостоятельного взгляда на задачи России в районе Дуная и Балкан.

В работах Чернышевского постоянно проводится мысль о ненужности и даже вредности какого-либо дальнейшего расширения границ России, которая и так достигла значительных размеров. Так, в январе 1859 г. он подчеркнул, «что могущество государства зависит гораздо больше от его богатства и умственного развития, нежели от его обширности и числа его жителей»⁸, что «излишнее расширение границ не усиливает, а ослабляет государство, и если бы Россия завоевала Турцию, то не укрепились бы, а изнурились бы присоединением болезненного нароста к своему организму»⁹. Тремя годами позднее, в период революционной ситуации в России, Чернышевский еще более четко повторил эту мысль: «Политика России до недавнего времени была более всего обращена на расширение границ, и дело это, шедшее с большим ус-

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 45.

³ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность (1828—1889). СПб., 1909, с. 206.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 896.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 268.

⁷ Там же, с. 520.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 35.

⁹ Там же.

пехом, развлекало силы нашего коренного русского населения. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже порядочным частным хозяйством. . .»¹⁰.

Опираясь на материалы сравнительной статистики, опубликованной в Петербурге в 1862 г., Н. Г. Чернышевский показал, какие огромные людские жертвы понес русский народ в войнах XVIII и XIX вв. и с какими материальными потерями все это было связано¹¹. Он считал русскую кровь значительно более ценной, нежели какие-либо территориальные приращения. Поэтому русский революционер осуждал захватническую политику русского царизма, в том числе и в юго-восточной Европе¹².

Выступает Чернышевский и против объявления войны Турции или Австрии для оказания помощи южным или западным славянам. Такая война, считал он, только ослабила бы Россию и встретила бы противодействия западных держав¹³. «Всякая попытка, — пишет Чернышевский, — войти в государственную связь с населением другой страны, хотя бы единоплеменной и единой, оказывается для такого народа напрасным и обременительным неудобством»¹⁴. Это неудобство он, кстати, видит не только для народов России, но и для зарубежных славян¹⁵.

Мысль о ненужности и даже опасности вмешательства царской России в дела славян не была краткосрочной¹⁶: он подтвердит ее и много лет спустя, в конце 70-х годов, когда выступит против поездки своего сына Александра на театр военных действий, сославшись на свои убеждения, выработанные 20 лет назад¹⁷. В 1875 г. в письме к сыну М. Н. Чернышевскому накануне восточного кризиса он замечает: «Никогда никакая наступательная война не была полезна нации, которая вела ее»¹⁸. Эти воззрения, однако, русский демократ не распространял на освободительные войны (он восхищался итальянским гарибальдийским движением¹⁹), не распространялись эти мысли и на балканское освободительное движение.

Национальные чувства, по Чернышевскому, никогда не являются главными²⁰, но, отдавая приоритет социально-экономическим интересам, он отнюдь не пренебрегает национальными движениями, ибо у поработенных иноземцами народов чувство на-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 487—488.

¹¹ Там же, с. 498—501.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 377.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 837.

¹⁴ Там же, с. 835.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 161.

¹⁶ См.: Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 132—133.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 93, 96—98.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 598.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 408—409.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 438.

циональности нельзя заглушить ничем. В отношении ионических греков, которые боролись за воссоединение с остальной Грецией, Н. Г. Чернышевский произносит следующие широко известные слова: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно. . .»²¹.

Влияние Н. Г. Чернышевского на Балканах объяснялось этим целостным подходом к движению балканских народов, в том числе национальному, ибо, как подчеркивал он, «мы вовсе не говорим, что национальное чувство не составляет теперь факта уж очень важного, не служит очень сильным пособием к происхождению известных событий, — служит, без всякого сомнения»²².

Важной особенностью мировоззрения Н. Г. Чернышевского был доброжелательный подход ко всем балканским народам независимо от того, относились они к славянской семье или нет. Уже на склоне лет, вспоминая о своих беседах с Н. И. Костомаровым, он отмечал, что интересовался судьбою славян — болгар, сербов, словаков и других не в большей степени, и не в меньшей, чем судьбою греков, албанцев и других обитавших за пределами России народов²³, подчеркивая, что «желал добра и кроатам, как желал калабрийцам»²⁴. Этот подход был проявлен и в те годы, когда, по словам Чернышевского, «все органы русской журналистики очень горячо сочувствуют славянским племенам»²⁵.

Н. Г. Чернышевский не закрывал глаза на общность славянских культур, языков, исторических судеб. Он отмечал, что «сербы, вместе с болгарами, ближайšie к нам по родству из всех славянских единоплеменников наших, должны возбуждать в нас самое живое сочувствие»²⁶. Но это не означало призыва к какому-то особому занятию сербскими и болгарскими делами и забвению дел русских или дел каких-либо других российских или зарубежных народов. Более того, критикуя славянофилов, Н. Г. Чернышевский неоднократно подчеркивал специфику каждого из славянских народов, определенные отличия их исторических судеб от судеб русского народа, предостерегал от невнимания к этим отличиям. В 1859 г. он писал: «Славяне — наши единоплеменники, это правда; они гордятся нами, а мы любим их, и это правда; но не должно забывать, что вот уже целую тысячу лет они и мы жили отдельно друг от друга в условиях совершенно различных, и потому приобрели гражданские привычки и

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 105.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 439.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 776.

²⁴ Там же, с. 777.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 829.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 544.

общественные потребности, далеко не во всем одинаковые»²⁷.

В связи с этим, заверив читателя в искренних чувствах к славянам, в сочувствии к которым «мы не уступим никому», Н. Г. Чернышевский призывает их внимательнее изучать российскую действительность и ее особенности и со всей определенностью подчеркивает: «Не из особенного расположения к австрийским немцам, а из заботливости о судьбе самих славян мы находим, что они должны рассчитывать исключительно на свои силы для произведения улучшений в своем быте»²⁸.

Категорически отрицая необходимость вмешательства царской России в дела южных славян, Н. Г. Чернышевский внимательно следил за политическими и социально-экономическими процессами на Балканах и пришел к выводу о необходимости объединения сил всех балканских народов в борьбе против османского господства. Как следствие событий 1859 г., отмеченных в Сербии возвращением Обреновичей и избранием в Молдове и Валахии одного господаря, было заключение Н. Г. Чернышевского, что эти события указывают на развитие «в христианских жителях Турецкой империи стремления к соединению в свободные государства на развалинах турецкой державы в Европе...»²⁹. И далее он заключает, что лишь дружное совместное действие обеспечит им свободное развитие. Освобождение славян Н. Г. Чернышевский обосновывал анализом реального положения на Балканах, где имелись компактные массы болгарского, сербского, греческого, албанского и другого населения. «Турки в Европе, — писал он, — чисто же, что дешт-кыпчакская власть под Москву, Тверью, Рязанью в начале царствования Иоанна III. Она не может продержаться двух лет без охранения запретительным голосом других европейских властей»³⁰. По данным Н. Г. Чернышевского, в Европе турок насчитывалось всего два миллиона человек, тогда как славян — семь или восемь миллионов, и такое соотношение численности их населения, по его мнению, было вполне достаточным, чтобы славяне, объединив свои силы, могли самостоятельно добиться освобождения. Обращаясь к славянофилам, он восклицает: «И неужели вы так низко думаете о турецких славянах, что они для своего освобождения от турок нуждаются в чьей-нибудь посторонней помощи? Если бы так, турецкие славяне были бы племенами, не заслуживающими ничьего сочувствия»³¹. Именно в объединении сил не только славянских, но и всех балканских народов видит Н. Г. Чернышевский реальный путь к освобождению от султанского господства. Объединение народных сил он

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 161.

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 162.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 642.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 302.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 837.

приветствует не только на Балканах, но и в других районах Европы, например в Австрии³².

Таким образом, на грани 50—60-х годов Н. Г. Чернышевский не считал необходимым вмешательство России в дела балканских народов, был против призывов к русскому народу с целью возбудить в нем особые славянские симпатии и использовать их в новой войне против Турции. Он подчеркивает, что по подобным призывам народ «много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил никакой пользы»³³. Эти слова взяты из знаменитых «Писем без адреса», написанных в 1862 г., но вышедших в свет за рубежом лишь в 1874 г., накануне восточного кризиса 70-х годов (опубликованы в лавровском «Вперед!»), и тогда же переведенных на французский язык русским революционером А. Н. Тверитиновым, отпечатавшим их в одной из бельгийских газет³⁴. Очевидно, они оказали влияние на позицию П. Лаврова и ряда русских революционеров в эпоху восточного кризиса. Именно призыв к борьбе балканских народов, а не ожидание свободы, «как дара заморского благодетеля», что хорошо подмечено в нашей литературе³⁵, характерен для позиции Н. Г. Чернышевского по отношению к Балканам, и от этой позиции он не отказался и в период восточного кризиса.

Ознакомление с сочинениями Чернышевского свидетельствует о том, что нет ни одной балканской страны, события в которой не привлекли бы его внимания. Он неоднократно останавливался на вопросах литературы, истории, политического положения в Сербии. Революционер-демократ интересовался также событиями в Румынском государстве, образовавшемся в 1859 г.

Сербия и Румыния на стыке 50—60-х годов были вассальными от Турции княжествами, пользовавшимися довольно значительной автономией. Во многом иным было положение Болгарии, не имевшей в то время своей государственности и особенно остро ощущавшей угнетение турецких феодалов. По просьбе Н. А. Добролюбова Н. Г. Чернышевский познакомился с его рецензией на тургеневский роман «Накапуне», обратив особое внимание на места, связанные с Болгарией³⁶. Он проявлял большой интерес к болгарской истории и литературе. Неоднократно он обращался также к греческим делам. Не меньшим, чем к южным славянам, был и его интерес к грекам и албанцам. Об албанцах существовала в то время незначительная литература, но стоило выйти специальной о них книге на немецком языке, как Н. Г. Чернышевский откликнулся подробной рецензией в «Отечественных записках» за 1854 г.

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 477.

³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 91.

³⁴ Тверитинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому. СПб., 1906, с. 33.

³⁵ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 217.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 728.

У Н. Г. Чернышевского не было предубеждения и против турецкого народа. В его «Рассказе о Крымской войне (по Кинглеку)» пишется: «Сами по себе европейские турки, как наши казанские татары, племя очень хорошее, с которым легко могут ужиться славяне, даже водить знакомство и дружбу; но ведь невозможная же была вещь, чтобы Поволжье оставалось татарскою землею, когда эта земля стала иметь больше славянского населения, чем татарского»³⁷. Следовательно, не из-за предубеждения к туркам, а исходя из реального положения вещей он выступает за освобождение балканских народов от султанского господства, указывает, что национально-освободительная борьба балканских народов за освобождение от османского господства носит справедливый характер³⁸. Чернышевский обсуждает вопрос будущего политического устройства Балканских стран. Он был сторонником освобождения балканских народов от османского господства и образования ими самостоятельных государств³⁹ и категорически выступал против планов образования славянской федерации под эгидой царизма. Но в принципе он не исключал образования федерации. Так, говоря о жителях христианских областей Европейской Турции, отметил: «По-видимому, они понимают, что должны действовать дружно и что федерация их разных племен — необходимое условие для приобретения и сохранения их свободы»⁴⁰.

Союз народных государств противопоставляет Н. Г. Чернышевский славянофильской конфедерации во главе с русским царем, и жизнь подтвердила глубину и правильность этой мысли великого русского революционера-демократа.

В. Е. Невлер

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ

В годы учебы Чернышевского в Петербургском университете в странах Западной Европы начался подъем освободительного движения. В феврале 1848 г. грянула революция — вначале во Франции, затем в других странах. Эти революционные события оказали большое влияние на Чернышевского. Все его симпатии

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 302.

³⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 642—643; т. X, с. 302.

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 316.

⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 643.

были на стороне прогрессивных политических деятелей, боровшихся против тирании.

Уже тогда у него зародилась мысль о решающей роли народных масс в историческом процессе. В беседах со своими товарищами по университету студент Чернышевский выражал свое сочувствие восставшим народным низам, пролетариям. С напряженным вниманием следил он за ходом революций 1848—1849 гг. Ожесточенная борьба классов и партий способствовала формированию его политических взглядов. 18 сентября 1848 г. 20-летний Чернышевский записал в своем дневнике: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно»¹.

В студенческие годы Чернышевский пропитался идеями социалистов-утопистов; тогда же начали складываться его революционно-демократические воззрения. 29 августа 1848 г. он записал в своем дневнике: в квартире А. Ф. Раева велись споры о политике, «я защищал социалистов, Францию и ее вечные волнения»². Записи в дневнике показывают, что социалистические убеждения молодого революционера упрочились; он делал наброски программы будущей деятельности и называл себя «красным республиканцем», он жаждал действовать. «Я нисколько, — писал он в декабре 1848 г., — не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока...»³. Говоря о созревании своих взглядов, русский революционер в мае 1850 г. писал: «С самого февраля 1848 г. и до настоящей минуты все более и более вовлекаюсь в политику и все тверже и тверже делаюсь в ультрасоциалистическом образе мыслей»⁴.

Когда в 1859 г. в России созревала революционная ситуация, а в Италии начался решающий этап освободительного движения, русские и итальянские революционные демократы с глубоким вниманием следили за событиями, происходившими в обеих странах. В это время Чернышевский и Добролюбов в Петербурге, Герцен и Огарев в Лондоне разрабатывали замысел русской революционной организации. Считая необходимым воспринять полезный опыт общественного развития Западной Европы, Чернышевский и Добролюбов стремились использовать в своей практической революционной деятельности опыт освободительного движения в Италии в 1859—1860 гг., в особенности опыт героической борьбы Дж. Гарибальди. Говоря об отношении Чернышевского к общественному движению в Италии, о его оценке деятельности политических партий и отдельных лиц, мы должны изучить интерпретации итальянских событий также и его сорат-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 122.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 101.

³ Там же, с. 193.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 198.

пиками и последователями, тем более что некоторым из них довелось побывать в Италии, установить личные контакты с вождями итальянских демократов и участвовать в освободительном движении.

Вполне понятен интерес Чернышевского и Добролюбова к национально-освободительному движению в Италии, к деятельности вождя итальянских демократов Дж. Мадзини и к битвам народного героя Дж. Гарибальди. Этот интерес был вызван практическими задачами русских революционных демократов в их напряженной борьбе тех дней.

Интерес Чернышевского к борьбе итальянского народа за свободу связан и с его воззрениями по национальному вопросу. Великий революционный демократ был искренним интернационалистом и последовательным борцом против национального гнета. Свои взгляды на события в Италии он выражал в политических обзорах и в специальных статьях, публиковавшихся в «Современнике». Почти в каждом номере журнала появлялись яркие статьи, посвященные Италии. Эти обзоры могут служить образцом политической прозорливости, они поражают глубоким классовым анализом политики отдельных партий и целых государств. В статьях о войне 1859 г. Чернышевский «с большой любовью» писал об «удивительных подвигах волонтеров Гарибальди»⁵. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, явилась выражением народных сил Италии»⁶.

Когда начался знаменитый поход гарибальдийской «Тысячи» краснорубашечников (май 1860 г.), с теплотой и гордостью Чернышевский отзывался о них: «Эти тысяча человек — люди, закаленные в битвах... каждый будет сражаться до последнего дыхания...»⁷.

Чернышевский высоко ценил вождя демократических сил Италии Джузеппе Мадзини и руководимую им партию. Говоря о борьбе между демократами и либералами, он отмечал, что вражда между Гарибальди и К. Кавуром — «это вражда двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов, только в пределах, допускаемых им»⁸.

Будучи целиком на стороне партий республиканцев, Чернышевский отметил и слабости движения, возглавляемого этой партией, прежде всего недостаточное участие народных масс как следствие игнорирования аграрного вопроса в программе Мадзини. «Итальянские люди, желающие реформ и свободы, — писал он, — знайте, что достигнуть ваших целей, победить реакцию и

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 261.

⁶ Там же, с. 326.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 182.

⁸ Там же, с. 294.

обскурантизм вы можете, только усвоив себе стремление массы ваших бедных темных соотечественников поселян и городских простолудинов. Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на гибель от реакции»⁹. Важно отметить, что его критика ошибочной политики итальянских демократов по аграрному вопросу во многом совпадает с точкой зрения Маркса по этому же вопросу.

Соратнику Чернышевского Н. А. Добролюбову посчастливилось побывать в Италии в период похода «Тысячи»; по настоянию Чернышевского и Некрасова он поехал за границу лечиться. Побыв некоторое время в Швейцарии и на юге Франции, Добролюбов спешил в Италию, где развертывались решающие битвы за объединение страны, и стал их очевидцем. С напряженным вниманием следил он за каждым шагом в продвижении гарибальдийской «Тысячи». Добролюбов считал Джузеппе Гарибальди «олицетворением революции» и ставил его в пример всем борцам за свободу и демократию.

Статьи Чернышевского и Добролюбова о событиях в Италии были направлены против реакции и деспотизма. На примере подвигов Гарибальди они призывали к таким же выступлениям и русский народ. Обсуждая вопрос о революции в Италии, популяризируя партизанские методы ведения войны, применяемые волонтерами Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов имели в виду в то же время положение русского народа и перспективу революции в России. Эти статьи имели большое значение для воспитания молодежи, в особенности студенчества, в духе интернационализма. Как только началась освободительная война в Италии, многие молодые люди в России выразили свое желание сражаться в рядах волонтеров Гарибальди. Те, которым это удалось, считали себя счастливыми. Из русских юношей, сражавшихся под знаменем Гарибальди, наибольшей известностью пользовался Л. И. Мечников (брат знаменитого биолога), впоследствии видный ученый-географ и общественный деятель. Он относится к той плеяде русской молодежи, воззрения которой формировались под влиянием идей Чернышевского. Эти люди жаждали начать действовать.

Двум из выдающихся последователей и соратников Чернышевского удалось установить личный контакт с главой итальянских демократов Дж. Мадзини. Речь идет о будущих руководителях «Земли и воли» А. А. Слепцове и Н. А. Серпо-Соловьевиче. Их встречу с Мадзини в январе 1861 г. организовал Л. И. Герцен, проживавший в Лондоне, где Мадзини находился в эмиграции. Герцен понимал, что Мадзини, обладавший огромным опытом конспиративной деятельности, сможет дать ценные советы русским революционерам. Слепцов вспоминал об участии Мадзини в обсуждении с ним и Герценом организационных вопросов

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 370.

тайного общества. Мадзини говорил, что «близость русской революции указана многими русскими... Советовал организовать»¹⁰.

После возвращения в Россию Слепцов рассказал Чернышевскому о встрече с Герценом и Мадзини. Чернышевский проявил большой интерес к этому рассказу и отметил, что итальянский деятель «всегда ждет где-нибудь революцию». Позже, при создании низовых организаций «Земли и воли», Слепцов отстаивал «принцип пятерок», указав, что таков был совет Мадзини, одобренный Огаревым. Слепцов сообщил своим товарищам по подполью рецепт симпатических чернил для тайной переписки, подчеркнув, что рецепт ему дал Мадзини¹¹.

О встрече с Мадзини с восторгом рассказывал Чернышевскому также Н. А. Серно-Соловьевич сразу после своего возвращения в Россию. Чернышевский по свежим впечатлениям от рассказа своего соратника писал Добролюбову (в письме от 19 февраля 1861 г.): «Порадуйтесь: я в закадычной дружбе с Ник. Серно-Соловьевичем... Вы сделали бы мне великую радость — полюбили бы Серно-Соловьевича!»¹². Н. А. Серно-Соловьевич был захвачен самоотверженной борьбой Гарибальди и Мадзини, которые «бросают вызов всем могуществам Европы»¹³. Вернувшись в Россию, он развил кипучую деятельность, чтобы создать такую организацию негибаемых революционеров, какую создал Мадзини в Италии.

Добролюбов находился в Италии до конца июня 1861 г. Вопрос о его связях с итальянскими революционными демократами и об его участии в их делах еще недостаточно изучен. Однако не подлежит сомнению, что он установил личные контакты с деятелями Партии действия, возглавлявшейся Мадзини. Одно из доказательств этих связей содержится в некрологе, посвященном Добролюбову в журнале «Время». В нем говорится, что во время пребывания в Италии он «весь погрузился в ту кипучую жизнь, в которой тогда жила соединившаяся Италия, познакомился со всеми тамошними деятелями, принимал живое участие в их делах и прениях, несколько раз проехал Италию из конца в конец»¹⁴. Некролог опубликован без подписи. Литературовед Е. Н. Дрижакова установила, что автором некролога был Ф. М. Достоевский.

О связях Добролюбова с итальянскими революционерами рассказывает в своих воспоминаниях М. А. Антонович, который указывает, что деятельность Добролюбова в Италии не ограничилась только журнальной работой: он старался расширить свои

---

¹⁰ Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962, т. 3, с. 266.

¹¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958, т. 1, с. 284, 289.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 423.

¹³ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, с. 123.

¹⁴ Время, 1861, № 11, с. 31.

связи, чтобы изучить политические движения объединившейся тогда Италии¹⁵.

Интересные свидетельства об этом мы находим в письмах А. Ф. Фрикена. Отставной офицер Фрикен в 1860 г. выехал в Италию, где познакомился с Гарибальди. В 1861 г. Фрикен подружился с Добролюбовым и помог ему установить контакт с деятелями Партии действия. Письмом от 25 апреля 1861 г. Фрикен пригласил Добролюбова приехать в Рим. При встрече Добролюбов вручил Фрикену рекомендательное письмо к Чернышевскому, после чего Фрикен выехал в Россию. Характеризуя своего друга, Добролюбов писал, что Фрикен — «человек хороший» и что «в Италии он был мне действительно полезен своими знакомствами»¹⁶. Фрикен благополучно прибыл в Россию, встретился с Чернышевским и вскоре вернулся в Италию.

Мы не знаем точно, в чем заключалось поручение Добролюбова, выполняя которое, Фрикен съездил в Петербург. Не исключено, что речь шла об установлении постоянных контактов с Партией действия. В письме к Чернышевскому от 23 марта 1862 г. из Флоренции Фрикен напоминал Чернышевскому о том, что он с ним познакомился через покойного Добролюбова, смерть которого «глубоко огорчила здешних (итальянских) друзей». Налицо факт контактов Добролюбова с деятелями Партии действия. Примечательно, что во время обыска при аресте Чернышевского среди других рукописей была конфискована статья Фрикена «Пьемонтское правительство и Партия действия современной Италии»¹⁷.

Установление связей между соратниками Чернышевского и итальянскими революционерами имело большое значение. Мадзини гордился этими связями. Говоря о деятельности «Земли и воли», вдохновителем которой был Чернышевский, он писал: «Национальная партия, враждебная царскому самодержавию, связана с нами открытым союзом. Для знамени выбран девиз „Земля и воля“. Эта национальная русская партия братски связана с национальной польской партией»¹⁸.

Еще при жизни Чернышевского его имя было известно в Италии в литературных кругах и среди политических деятелей. Впервые итальянский читатель узнал имя Чернышевского из статьи, опубликованной в 1869 г. в журнале известного писателя А. де Губертатиса «Ривиста Эуропа» («Европейское обозрение»). Автор анонимной статьи отмечал, что после ареста автора романа «Что делать?» ряды левых писателей поредели¹⁹. Через несколько лет в Италии (впервые в Западной Европе) был издан

¹⁵ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961, с. 242.

¹⁶ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. М., 1890, т. I, с. 621.

¹⁷ *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 243—244, 296.

¹⁸ *Mazzini G.* Scritti editi ed inediti. Imola, 1937, v. LXXV, p. 69.

¹⁹ *Rivista europea*, 1869, v. 1, fasc. 1, p. 152.

на французском языке роман «Что делать?». Инициатором издания был последователь Чернышевского русский эмигрант А. Н. Тверитинов; ему в этом помогли бывшие коммунары и деятели Интернационала, проживавшие в изгнании в Италии. Роман вышел в 1875 г. в Милане. Это издание послужило основой для перевода романа на другие европейские языки в разных странах. Несколько экземпляров романа Тверитинов направил в Лейпциг вождю германской социал-демократической партии В. Либкнехту. Либкнехт был в восторге от романа, который служил путеводной звездой для многих юных революционеров, включая Б. И. Ленина, Г. Димитрова, и напечатал в редактировавшемся им журнале «Die Neue Welt» статью о Чернышевском под названием «Заживо погребенный»²⁰.

Труды Чернышевского нашли отражение в итальянской историографии. Его идеи и оценки прочно вошли в научный оборот. Итальянские историки-марксисты и некоторые другие прогрессивные историки подчеркивают значение работ Чернышевского, а также Добролюбова в изучении истории Италии. Известный историк-марксист Дж. Берти в своем фундаментальном труде «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто» (М., 1959) не только воспринимает интерпретацию Чернышевского, опирается на его выводы, оценки, но и пользуется фактическими материалами, приводимыми в его произведениях.

Интересны труды другого известного итальянского историка — Ф. Вентури. В своем трехтомном труде о народничестве он дает высокую оценку работам Чернышевского и Добролюбова об Италии, хотя не со всеми его суждениями можно согласиться; он отмечает связь русских революционных демократов с итальянскими²¹.

Из новейшей итальянской литературы о русских революционных демократах, особенно о Чернышевском, следует отметить книгу литературоведа Умберто Черони «Возникновение социализма в России»; он считает, что с Чернышевским «русский утопический социализм достиг вершины своего развития, став идеологической основой для образования революционного фронта в открытой борьбе против старого общества»²².

В 1977 г. в связи с приближавшимся юбилеем Чернышевского два разных издательства в Риме и Милане издали большими тиражами роман «Что делать?». Причем старинное миланское издательство Гарцанти опубликовало это произведение в серии «Великие книги», а римское издательство Эдитори Риунити, в котором печатается главным образом марксистская литература,

²⁰ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, с. 443.

²¹ Venturi F. Il populismo russo. Torino, 1972, v. 1, p. 309, 333—334, 337—378.

²² Ceroni U. Le origini del socialismo in Russia. Roma, 1965, p. 48.

включило книгу в серию «Идеи», где она фигурирует в списке рядом с произведениями Маркса, Энгельса и Ленина.

Труды прогрессивных ученых Италии показывают не только значение, которое придают в этой стране изучению деятельности Чернышевского, но и какое значение имеют его труды в наши дни. В этом проявляются традиции дружбы революционных демократов двух стран, о которых говорил Пальмиро Тольятти. В одном из своих докладов в годы второй мировой войны он с удовлетворением отмечал, что «движение русской передовой интеллигенции всегда было тесно связано с итальянским демократическим движением»²³.

Политическая деятельность и произведения Чернышевского способствовали расширению и упрочению связей между русскими и итальянскими революционными демократами. Его труды оказали влияние на общественную мысль в Италии и на итальянскую историко-социологическую мысль. В том, что во второй половине XIX в. революционное движение в России обладало «богатством интернациональных связей»²⁴, немалая заслуга принадлежит Чернышевскому.

---

²³ *Ercoli M. L'Italia e la guerra contro la Germania hitleriana. Mosca, 1944, р. 26* (Ercoli — псевдоним П. Тольятти).

²⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.*

НАСЛЕДИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ФИЛОСОФИИ, ЭТИКЕ, ПСИХОЛОГИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ю. С. Мелентьев

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Для определения места Николая Гавриловича Чернышевского в истории философии вообще и в истории передовой русской философской и общественной мысли в особенности принципиальное значение имеют работы Владимира Ильича Ленина, который, как известно, хорошо знал и серьезно изучал его наследие, высоко ценил и любил Чернышевского как мыслителя и человека.

Уважение В. И. Ленина к Н. Г. Чернышевскому носило глубокий и устойчивый характер. Это можно проследить хотя бы по Собранию сочинений Владимира Ильича, где ссылки на Чернышевского многократно встречаются от самых первых до последних работ. Это особенно относится к ленинским произведениям, специально посвященным вопросам мировоззрения, теории, к его философским работам. В них он неоднократно обращается к опыту и научному багажу великого ученого и революционного демократа. Достаточно вспомнить такие принципиальные работы, как «Что делать?», само название которой говорит за себя, «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и, наконец, философское завещание Владимира Ильича «О значении воинствующего материализма», чтобы убедиться в этом. В. И. Ленин высоко ставил Н. Г. Чернышевского именно за цельность и действенность его материалистических философских взглядов и убеждений.

Характеризуя период революционного движения в России, который предшествовал появлению и победе марксизма в нашей стране, В. И. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей

цеслыхапных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной эпергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Эти слова В. И. Ленина являются исключительно яркой, образной и глубокой характеристикой того исторического этапа русского освободительного движения и передовой общественной мысли, содержание которого составляет прежде всего борьба русских революционеров-демократов, признанным вождем и идеологом которых был Н. Г. Чернышевский, против самодержавия и крепостничества.

Знаменитая ленинская характеристика трех этапов русского освободительного движения — дворянского, разночинского и пролетарского, данная в статье «Памяти Герцена», сразу же четко поставила вопрос о предшественниках русской социал-демократической мысли и о характере нашего отношения к их революционному наследию.

Не мелкобуржуазные либеральные демократы, а русский пролетариат и его партия стали подлинными хранителями «наследства» революционного демократизма и продолжателями его лучших традиций. Минувя либеральное народничество и всяких иных претедентов, столбовая дорога прогрессивной русской общественной мысли и революционного действия шла непосредственно от идеологии крестьянской народной демократии, от реальной борьбы «шестидесятников» во главе с Н. Г. Чернышевским к социалистической идеологии и борьбе пролетариата.

Следуя позиции В. И. Ленина, А. В. Луначарский называл Н. Г. Чернышевского «крупнейшим из предтеч коммунизма в нашей стране». «... Мы безоговорочно можем, — писал он, — провозгласить Чернышевского нашим идейным предком по прямой линии»².

Возникнув в результате жесточайшей классовой борьбы, являясь теоретическим выражением чаяний трудящихся масс, идеология русских революционеров-демократов базировалась на традициях русского революционного движения, на лучших достижениях культуры своей страны. Но вместе с тем — и это важно подчеркнуть — она возникла на базе критического пересмотра всего того, что давала мировая культура, на базе проверки и сопоставления опыта Европы и российской действительности в самом широком смысле слова.

О периоде становления великого демократа и мыслителя хорошо и образно сказал А. В. Луначарский: «Чернышевский получил сначала религиозное воспитание, имел глубоко религиозных отца и мать, учился в духовной семинарии, но необыкновенно быстро стряхнул с себя все эти детские пеленки и, идя

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

² Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1968, т. 1, с. 230.

вперед изумительно большими шагами (правда, по тропе, уже проторенной до него Белинским), дошел до действительно передового авангарда тогдашней философской мысли (Фейербаха) и до авангарда мысли политической, сделавшись последовательным, убежденным, теоретически и практически работающим социалистом»³.

Формирование мировоззрения Н. Г. Чернышевского, стремительность его подъема к вершинам современной ему философской мысли в немалой степени объясняются близким знакомством с работами Белинского и Герцена, который избавил его от прохождения длительной и сложной философской эволюции, подготовили к критическому освоению трудов Гегеля и Фейербаха. Сам Чернышевский, справедливо признавая огромное воздействие этих гигантов на русскую философскую и общественную мысль, неоднократно подчеркивал ее самостоятельность. В работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» он писал: «С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике Гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету»⁴.

Стержнем философской позиции Н. Г. Чернышевского, альфой и омегой его мировоззрения является материализм. В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин подчеркивал: «У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского...»⁵.

Одна из главных философских работ Чернышевского носит название «Антропологический принцип в философии». Великий русский мыслитель в разработке своего философского материализма отдал дань антропологизму Фейербаха. Более того, Чернышевский даже в последние годы своей жизни называл себя преданным учеником Фейербаха, так как, не зная основных работ Маркса и Энгельса, считал его материализм высшим достижением философской науки. Действительно, в борьбе против идеалистических и эклектических теорий, произвольно разрывающих человеческую природу на две взаимоисключающие субстанции — духовную и телесную, Чернышевский вслед за Фейербахом отстаивал антропологический принцип в философии. Этот принцип является у него в сущности принципом материалистического решения основного вопроса философии. Чернышевский так определяет суть своего антропологизма: «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве челове-

³ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 1, с. 232.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1939—1953, т. III, с. 224.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 24.

ского организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия...»⁶.

В более поздний период своей жизни в одном из писем сыновьям из Сибири Чернышевский со всей определенностью писал: «То, что существует, материя. Материя имеет качества. Проявление качеств — это силы. То, что мы называем законами природы, — это способы действия сил. Это мой образ мыслей»⁷.

Естественные науки для Чернышевского — фундамент философского учения о человеке, да и о самой природе. По его мнению, не существует непроходимой пропасти между неорганической и органической природой. Более того, фундаментом самой человеческой жизни является природа, развитие от низшего к высшему. При этом природа существует объективно, независимо от воли и сознания человека. Природа, писал ученый, «продолжает вечно действовать по своим законам, она не знает о человеке и его делах... Она — то удобное, то неудобное поприще для его деятельности»⁸.

В условиях жесточайшей цензуры, когда даже имя Фейербаха было под запретом, Чернышевский сумел в своих работах не только подробно изложить суть его учения, но и пойти дальше. Отстаивая позиции цельного философского материализма, нанося удары по отечественным мракобесам типа Гогоцкого, Юркевича, Каткова, он не просто отдавал должное материализму Фейербаха, а в ряде вопросов стремился преодолеть ограниченность его мировоззренческих позиций, отказываясь от религиозно-этических наслоений в них, от метафизического догматизма, связывая философский материализм с диалектикой Гегеля, заменяя идею всеобщей любви идеей непримиримой классовой борьбы.

Именно в «Антропологическом принципе в философии» с полной определенностью выражена мысль о связи философии с политикой, о классовом характере идейной жизни. По мнению Чернышевского, нет и не может быть произведений, «чуждых текущей политике». «... Политические теории создаются под влиянием текущих событий и ученые трактаты служат отголосками исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорить ход событий»⁹. «... Каждый философ, — утверждает русский революционер-демократ, — бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»¹⁰.

Представляет несомненный интерес отношение Чернышевского к Гегелю. В. И. Ленин не случайно видел в Чернышевском не

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 675—676.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 27.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 222.

¹⁰ Там же, с. 223.

только крупнейшего материалиста, по и «великого русского гегельянца», ибо даже к оценке самого теоретического наследия Гегеля глава «шестидесятников» относился сугубо диалектически.

Признавая несомненные заслуги немецкой философии от Канта до Гегеля, Чернышевский вместе с тем сурово критикует ее за консервативные идеалистические выводы. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он пишет: «...выводы, делаемые ими из полагаемых ими принципов, совершенно не соответствуют принципам. Общие идеи у них глубоки, плодотворны, величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты»¹¹. Отбрасывая идеалистическую шелуху философии Гегеля, революционер-демократ высоко оценивал его диалектический метод, вслед за Герценом справедливо усматривая в диалектике «алгебру революции». Очень точная и глубокая характеристика идейно-политических позиций Гегеля дана им в «Антропологическом принципе в философии»: «Гегель — умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к ниспровержению слишком ветхой старины»¹².

Разумеется, материализм Чернышевского был обогащен положениями диалектики не только в таких оценках. Многие проблемы развития природы и общества великий демократ рассматривал сквозь «магический кристалл» диалектических противоречий и законов диалектики. Однако критический пересмотр наследия Гегеля не был завершен им. Его материализм поэтому нес на себе печать определенной ограниченности, будучи во многих случаях не связанным с диалектическими принципами. Теоретически понимая ограниченность метафизического мышления, он все же нередко сам сбивался на метафизическую трактовку отдельных процессов и явлений. Именно так выглядят, например, его попытки объяснить сложнейшие явления в природе как суммы более простых процессов. При этом страдала категория качества, все нередко сводилось к количественным изменениям. Сближение живой и неживой природы (при правильной постановке в главном) кажется также излишне упрощенным. Аналогично выглядят примеры Чернышевского с «мышлением» животных. Они не дают представления о коренном отличии сознания человека от животных.

Антропологический подход вполне материалистичен, пока применяется к человеку как существу, имеющему, по словам Чернышевского, «рассудок и голову, кости, жилы, мускулы и нервы». Но антропологический принцип обнаруживает свою узость и беспомощность сразу же, как только начинает применяться к человеку как существу общественному, ибо характер

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 210.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 223.

законов общественного развития качественно отличается от законов природы. Бедность антропологического принципа проявляется в том, что вместо конкретного анализа классовой природы общества он довольствуется ссылками на мифическую человеческую природу вообще. «Вот почему, — писал В. И. Ленин, — узок термин Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип“ в философии. И антропологический принцип, и натурализм суть лишь петочные, слабые описания *материализма*»¹³.

Если бы Чернышевский ограничился лишь применением принципов Фейербаха в своей системе философского материализма, тогда мы могли бы согласиться с плехановской трактовкой Чернышевского как правоверного фейербахянца и с мнением самого Чернышевского, но историческая правда требует сказать, что он во многом преодолел абстрактно-созерцательный характер материализма Фейербаха. Материализм Чернышевского был неразрывно слит с его революционным демократизмом и служил теоретическим обоснованием крестьянской революции в России. Великий русский мыслитель сумел выйти за рамки антропологического принципа Фейербаха и тем самым в значительной мере преодолеть ограниченность его материализма.

Философский материализм Чернышевского был чужд созерцательности, он носил наступательный, конструктивный характер. Он, например, оказал исключительно плодотворное воздействие на развитие передового естествознания, лучшие представители которого в России — Сеченов, Мечников, Тимирязев, Ковалевские и многие другие — признавали идейное влияние Чернышевского и с гордостью называли себя «шестидесятниками».

Чернышевский вел решительную борьбу против тех естествоиспытателей, которые под влиянием идеализма Канта и Конта скатывались на позиции агностицизма, субъективного идеализма, отрицали в научных понятиях объективность содержания и тем самым превращали познание человека о мире в мираж, галлюцинацию, в иллюзию. Агностицизм в теории познания он метко окрестил особым термином «иллюзионизм».

Искусственно вырвав Чернышевского из активной политической жизни, заточив в крепость, а затем подвергнув почти двадцатилетней чудовищной изоляции в Сибири, царизм стремился не только к его физическому устранению. Была предпринята попытка иезуитской интеллектуальной казни — полного отрыва великого ученого от русской и мировой общественной мысли, своеобразного духовного голода. Было сделано все возможное и невозможное, чтобы затормозить развитие его мировоззрения, а то и вовсе отбросить вспять.

Но могучий интеллект и железное мужество сибирского узника сделали, казалось, невозможное. Двадцатилетнее единобор-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

ство великого ума с левиафаном карательной машины самодержавия закончилось позорным поражением тюремщиков. Чернышевский не только не потерял своей колоссальной эрудиции, но и непрерывно развивался как мыслитель, оставаясь на высоте передового мировоззрения. Николай Гаврилович сам сознавал результаты своих усилий. Весной 1878 г. он писал из вилкойского заточения: «Я один из тех ученых, которых называют «мыслителями». Я один из тех мыслителей, которые неуклонно держатся научной точки зрения»¹⁴.

Еще находясь в Сибири, Чернышевский почувствовал опасность мракобесия в лозунге «Назад к Канту!». Он писал своим сыновьям о том, что натуралисту непозволительно смотреть на мир глазами Канта, ибо Кант отрицает естествознание. Натуралист, разделяющий позиции Канта, уподоблен «умному» мужику, усердно рубящему сук, на котором сидит. Этот мужик, уму которого дивились проезжие и прохожие, иронизирует Чернышевский, является общим предком всех натуралистов, философствующих по Канту и Платону.

Чернышевскому принадлежит честь первого в России критика махизма.

Работа Чернышевского «Характер человеческого знания» (1885 г.) показывает, что человеческое познание он понимал как процесс поступательного развития от незнания к знанию, от неполного знания — к более полному. Он вплотную подошел, таким образом, к диалектическому пониманию абсолютного и относительного моментов в процессе познания. В этой работе и в письмах из Сибири Чернышевский резко осуждает теорию познания махизма. Он писал: «Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма. Так и делает иллюзионизм. Он доказывает, что у нас нет организма, нет и не может быть»¹⁵.

Человеческий и научный подвиг Чернышевского высоко оценил В. И. Ленин в знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм». Защищая диалектический материализм от махистов, позитивистов, Владимир Ильич с благодарностью вспоминал о Чернышевском как о своем надежном материалистическом союзнике.

Одним из выдающихся достижений гносеологии Чернышевского, его философским подвигом является тот факт, что он выдвинул против скептицизма и агностицизма объективный критерий — «практику действительной жизни». Если Герцен утверждал, что критерий истины «только и можно найти в мышлении», то Чернышевский уже в 1855 г. выдвинул свой знаменитый тезис

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 165.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 724.

«дело есть истина мысли». Наиболее полную и глубокую формулировку кризиса практики как критерия истины и достоверности наших знаний он дал в авторецензии на «Эстетические отношения искусства к действительности». «Практика, — писал он, — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли. Поэтому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. Что подлежит спору в теории, начистоту решается практикою действительной жизни»¹⁶.

Такой подход Чернышевского к практике как критерию истины мог бы сделать честь любому мыслителю. Он знаменует собой новую ступень развития гносеологии в русской философии. Однако следует помнить, что Чернышевский рассматривал практику главным образом как чувственно-материальную деятельность и не дошел до понимания ее как совокупности всей производственной и общественно-политической деятельности людей. До конца правильное, научное решение этого вопроса принадлежит основоположникам марксизма-ленинизма.

Самобытность философских позиций революционного демократизма в России характеризуется не только попыткой соединить материализм и диалектику, но и стремлением выйти за пределы исторического идеализма. Социалистические идеи Чернышевского содержат глубокие диалектико-материалистические тенденции, которые особенно проявились при решении вопросов о роли народных масс и личности в истории, в попытках найти закономерности исторического процесса, в глубокой вере в неодолимость прогресса, а также в том, что он вплотную подошел к пониманию классового разделения общества и роли классовой борьбы в историческом развитии.

Философия Н. Г. Чернышевского ни в какой мере не была кабинетным учением. Она инструмент анализа и действия. Его философия политически устремлена и в значительной мере освобождается от созерцательности предшествующего материализма, так как ставит перед собой задачи не только объяснения, но и революционного преобразования мира.

Классики марксизма-ленинизма вполне понимали это и неоднократно подчеркивали теоретическую высоту и оснащенность русского революционно-демократического движения. Так, Ф. Энгельс говорил, что деятелям революционного движения в России присущи «критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского»¹⁷.

Революционно-демократическая идеология не является, конечно, специфически русским явлением. В той или иной степени она вырабатывается в ряде стран в период кризиса феодальных

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 102—103.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 147.

устоев и отражает ту переходную эпоху, когда феодально-крепостнические порядки не смогли сразу исчезнуть, а капиталистический класс еще не установился окончательно. Революционный демократизм — явление международное. Его идеология является теоретическим выражением освободительного движения трудящихся масс там и тогда, где и когда это движение еще не расчленено, пролетариат не выделился еще в качестве авангарда революционной борьбы, а решающей силой движения является крестьянство.

Во второй половине XIX в. в силу особых исторических условий, когда назревавшая в России крестьянская революция являлась, по словам Маркса, величайшим событием в мире, когда широкое «движение рабов в России»¹⁸ предвещало уже перемещение в нашу страну центра революционной борьбы, именно русская революционно-демократическая идеология смогла достичь таких теоретических высот, которые позволяют назвать ее (особенно теоретические позиции Чернышевского) ступенью в идейном развитии человечества.

Теоретические, в том числе философские, достижения Н. Г. Чернышевского выдвинули его в число крупнейших мыслителей своего времени. Они поставили русскую революционно-демократическую мысль на такую высоту, от которой следующий шаг мог привести и, как известно, действительно привел непосредственно к марксизму.

Поскольку революционно-демократические процессы широко развиваются на земном шаре и в XX в. в Азии, Африке, Латинской Америке, политические и теоретические уроки русской революционной демократии могут и сегодня оказаться полезными не для одних лишь историков.

С тех пор как прогремел над Невой легендарный залп «Авроры» и на просторах бывшей царской России одержала победу первая в истории социалистическая революция, в огромной степени возрос и продолжает расти на всех континентах глубокий интерес к жизни СССР. Миллионы людей на Земле хотят понять существо нашей революции, наш сегодняшний день, а также заглянуть в историю, которая предшествовала октябрьским зорям и привела к ним. Жизнь и творчество Н. Г. Чернышевского как одного из провозвестников социализма вызывают при этом понятное и устойчивое внимание. Истории русской революционной мысли посвящают свои исследования не только советские авторы, но и целая плеяда ученых стран социализма; в эту работу включаются также немало прогрессивных исследователей капиталистических государств.

Однако усилия прогрессивной интеллигенции Запада, направленные на добросовестное изучение богатого идейного наследия передовой России, наталкиваются на монбланы литературы, ис-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 4.

каженно толкующей историю нашей культуры, стремящейся представить все наиболее заметные достижения русской, не говоря уже о современной, советской общественной мысли в кривом зеркале предвзятости. Среди сонма авторов подобной литературы издавна выделялись голоса таких «специалистов» по русским вопросам, как белоэмигранты Н. Бердяев, Н. Лосский, В. Зеньковский, М. Лазерсон, А. Филиппов, а также шедших в их фарватере таких буржуазных исследователей, как Д. Гехт, Г. Боуман, Ф. Баргхорн и др. Главное, чего добиваются эти авторы, — это искажение не столько отдельных событий нашей истории, сколько самой логики истории, соотносительности и связи событий, логики социального и духовного прогресса. В рассмотрении и оценках именно этих узловых моментов российской истории выявляется истинный облик и лицо исследователя и критика.

При некотором различии аргументов и тем у этих авторов прослеживаются одни и те же «кубики-блоки», из которых складываются пирамидки их концепций. Они, как правило, отказывают теоретической передовой мысли России в оригинальности и самостоятельности, стремятся доказать, что марксизм-ленинизм не имел в нашей стране собственной почвы. Однако арсенал их доказательств довольно скуден: обычно это — заведомое искажение и передержки, замалчивание материалистических традиций в истории русской философской мысли, попытки превратить русских революционеров-демократов, в том числе и Чернышевского, в робких учеников и эпигонов Запада.

Один из последователей веховцев — А. Филиппов в книге «Логика и диалектика в Советском Союзе» заявлял: «Конечно, верно, что эти четыре русских писателя (Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский. — Ю. М.) отличались от некоторых немецких философов XIX в., но из этого не следует, что их социальные взгляды были оригинальными». И далее: «Не было никакой оригинальной русской философии. В огромном большинстве случаев русская философия — только воспроизведение, иногда точное, иногда свободное, идей, заимствованных с Запада»¹⁹.

В действительности же великие русские революционеры-демократы, рассматривая и анализируя судьбы России в тесной связи с судьбами других стран, в частности Западной Европы, естественно вовлекали в орбиту своей деятельности достижения и мысли всего континента, трезво оценивали путь, пройденный Европой и ее социальной наукой, для того чтобы более основательно и верно оценить и предвидеть путь собственной страны. Поэтому обращение к европейской мысли было не подражанием и не ученичеством, а научным методом правильного определения и познания путей и средств революционного преобразования России.

---

¹⁹ *Philippov A. Logic and Dialectic in the Soviet Union. N. Y., 1952, p. 76.*

Непонимание этого приводит к примитивным и безнадежно устаревшим утверждениям об эпигонстве русских «разночинцев».

Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с прямым переписыванием измышлений мракобесов из сборника «Вехи». Но свежему взгляду и возникнуть было трудно, поскольку долгое время эталоном буржуазных научных изысканий в области истории русской общественной мысли оставались и, к сожалению, подчас продолжают оставаться сочинения Н. Бердяева, того самого, который был вдохновителем сборника «Вехи» и который от либерального ренегатства впоследствии скатился к откровенной поповщине, эсхатологии и мистической эклектике.

Чернышевский для Бердяева — один из виновников краха любезной его сердцу старой России, да и его личного краха как идеолога обанкротившихся классов, выброшенных революцией из русской истории. Именно поэтому всякий раз, когда Н. Бердяев обращается к характеристике Чернышевского и его соратников, с него спадает объективистская личина. Перед нами желчные слова, полные классовой ненависти к «разночинцам», посмеявшимся, видите ли, замахнуться на блестящую культуру дворян. На одной из страниц работы Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» читаем: «Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой 40-х годов. В нем было безвкусице, привнесено семинаристами и разночинцами»²⁰.

Чем же не устраивает Бердяева «тип культуры», носителями которой были Чернышевский, Добролюбов и их соратники? Оказывается, прежде всего их материалистическими принципами в области философии. Мистику и богослову Бердяеву претит философский материализм Чернышевского. Он и не скрывает этого. «Наиболее слаба была философская позиция Чернышевского, — пишет богослов. — Хотя он исходит от такого замечательного мыслителя, как Фейербах, его материализм был вульгарным и окрашен в цвет популярных и естественнонаучных книг того времени»²¹.

Поистине удивительное превращение претерпевает мировоззрение Чернышевского под пером В. Зеньковского. Автор двухтомной «Истории русской философии» даже не упоминает о материалистических предшественниках Чернышевского в России. Он усматривает истоки философии Чернышевского в сочинениях французских мыслителей и даже в философии Огюста Конта. Каждый школьник знает у нас, что Чернышевский — глубочайший атеист. Зеньковский же ухитряется найти в его взглядах «всепание религиозного имманентизма». Правда, он тут же пытается оговориться: «Религиозная сфера у Чернышевского никогда не знала очень интенсивной жизни, по, собственно, никогда и

²⁰ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 44.

²¹ Там же, с. 44.

не замирала»²². Крайне неприятны и неприемлемы для Зеньковского политические, в частности социалистические, идеи русского демократа. Тут он не может скрыть своей ненависти к оппоненту и поминутно срывается с повествовательного тона, заявляя: «Чернышевский становится нетерпимым», «невыносимым», «самоуверенным», «бесцеремонным» и т. д.

Заурядным либералом, выросшим на почве англо-американского влияния, рисует Чернышевского Лазерсон (в прошлом один из видных чиновников правительственного аппарата Керенского, а позднее — преподаватель Колумбийского университета в США). Само название книги Лазерсона — «Дипломатическое и идеологическое влияние Америки на Россию. 1784—1917» — весьма красноречиво. В ней он отрицает способность русского народа самостоятельно развивать философскую и политическую мысль и утверждает, что с конца XVIII в. русская наука и общественная жизнь якобы развивались при решающем влиянии США. Без каких-либо аргументов советолог уверяет читателя, что ум Чернышевского «всегда был открыт для англо-американских и французских влияний и учений»²³.

Таким, к сожалению, был уровень «исследований», естественно определивший уровень «знакомства» западного читателя с историей передовой русской общественной мысли, мировоззрением Н. Г. Чернышевского в предвоенные и первые послевоенные годы. Эти и подобные им авторы долгое время были монополистами в интерпретации русской и советской истории на Западе. Они не могли не оказать и, конечно, оказали немалое влияние на новые поколения советологов.

В этой связи представляет несомненный интерес дальнейшая эволюция исследований русской революционно-демократической мысли на Западе. В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин специально обращал внимание на необходимость изучения идеологических процессов, происходящих в самой сильной стране капитала. «Чрезвычайно важны, — писал он, — все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая „современная демократия“ . . . представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать. . .»²⁴. Не претендуя на сколько-нибудь всеобъемлющий обзор, позволю себе остановиться на некоторых тенденциях изучения наследия Н. Г. Чернышевского в США (цитадели современного капитализма) в 60—70-е годы.

²² Зеньковский В. История русской философии. Париж, 1948, т. 1, с. 333—334.

²³ Laserson M. M. The American Impact on Russia 1784—1917. Diplomatic and Ideological. N. Y., 1950, p. 220.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 28.

В январе 1978 г. с делегацией работников культуры мне довелось побывать в США. У нас было немало интересных встреч с американцами, серьезных и напряженных дискуссий о судьбах культуры и культурного обмена, о политике разрядки и путях возможного сотрудничества. Одна из них, как оказалось, имела некоторое отношение к нашей сегодняшней теме. В этих встречах принимал участие и Джеймс Биллингтон, видный американский советолог, специалист по русской истории, в том числе и по истории русской общественной мысли, директор Вашингтонского международного центра ученых имени Вудро Вильсона, составной частью которого является Институт Кеннана, созданный недавно специально для углубленного изучения СССР. Желая поддержать разговор, я совершенно искренне похвалил некоторые из последних работ американских исследователей, относящихся к Чернышевскому, заметив, что они выгодно отличаются от многих предыдущих широтой привлеченных источников и более объективным подходом.

«По сравнению с чем?» — последовал вопрос Дж. Биллингтона. Я объяснил: «По сравнению с теми многочисленными работами, которые были написаны либо такими идеологическими противниками СССР и нашей революции, как гг. Бердяев, Лосский, Зеньковский, либо уже более поздним поколением их учеников и последователей».

Я заметил также, что на некоторых из американских авторов, специализирующихся на русской истории, оказали влияние не только эти малопочтенные для нас имена, но и дух «холодной войны». Тогда Дж. Биллингтон стал с жаром доказывать, что упомянутые авторы вовсе не противники революции, что они хорошо относились к России, что они серьезные исследователи, много сделавшие для знакомства американской публики с нашей страной. Дальнейшая беседа, однако, показала нежелание Дж. Биллингтона понять, что нельзя пытаться осмыслить нашу социалистическую революцию, ее причины и сложнейшие коллизии, знакомясь с нею лишь по писаниям ее врагов. «Что бы вы сказали, — заметил я, — если бы мы оценивали, скажем, войну против рабства в США только по теоретическим позициям идеологов невольничества, сторонников плантаторского Юга?» Дж. Биллингтон не нашел ответа.

Сегодня представляется уместным продолжить этот прерванный тогда разговор.

Прежде всего о Джеймсе Биллингтоне. В библиотеке Конгресса в тот же день я получил список его работ, среди которых значились две книги, проливающие свет на причины «агрессивности» моего оппонента. Одна из них — так называемая «интерпретированная история русской культуры» под претенциозным названием «Икона и топор» вышла в 1966 г. Что касается «интерпретации», то она носит столь поверхностный характер, что порой граничит просто с невежеством или простым избитым

жаргоном, с некоторых пор «украшающим» страницы американских газет и журналов²⁵.

Но, может быть, все же можно найти в этом потоке волюнтаристских толкований крайне субъективно журналистского экскурса по шести векам русской истории какой-нибудь стержень или компас исследователя? Оказывается, можно. По мнению автора, для русской духовной культуры первенствующее значение имеют три фактора: «природная среда, наследие христианства и контакты России с Западом»²⁶. При этом предпочтение отдается значимости православия. «Православная церковь создала первую отчетливо русскую культуру», — утверждает г-н Биллингтон. По его мнению, религия должна рассматриваться не как «изолированный аспект культуры, а как всепроникающая сила ее»²⁷.

Увы, эти суждения автора неоригинальны. И даже по форме они очень напоминают опусы Бердяева, а в еще большей мере — Зеньковского. Однако, оказывается, есть более явные доказательства симпатий и антипатий нашего почтенного советолога. Его докторская диссертация была посвящена Н. Михайловскому как представителю народничества. Она вышла отдельной книгой в Оксфорде в 1958 г.²⁸ Не претендуя на разбор этого объемистого труда, не могу отказать себе в удовольствии привести из него некоторые выдержки: «Главной силой последних сорока лет девятнадцатого века было странное и мистическое народническое движение, идеологом которого был Н. Михайловский». Г-ну Биллингтону нет дела до героев «Народной воли». Он трактует народничество как просвещенчество, чуждое идеям революции и захвата власти. Его интересует и привлекает лишь верноподданническое либеральное народничество. Автор сокрушается по поводу того, что Октябрьская революция и Ленин не позволили Михайловскому как главе радикальной (читай, либеральной) интеллигенции прийти к соглашению с «миром аристократической власти». Американский исследователь также очень сожалеет, что «марксистский экстремизм» прервал «короткий период экспериментов с демократическими формами (период между 1905—1917 гг.)»²⁹, который представлен именами Керенского, Пошехонова, а также такими любезными сердцу автора мыслителями, как Бердяев, Милюков, Иванов-Разумник.

Таковы уroveň и внутренняя направленность значительной части исследований истории России XIX в. в США. Однако можно отметить с удовлетворением, что на научном горизонте США проявились тенденции, отражающие некоторые позитивные изменения общественно-политической и интеллектуальной атмосферы.

²⁵ *Billington J. H. The Icon and Axe. An Interpretative History of Russian Culture.* N. Y., 1966, p. 786.

²⁶ *Ibid.*, p. X.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism.* Oxford, 1958, p. 218.

²⁹ *Ibid.*, p. 175—185.

На рубеже 60—70-х годов резкое обострение социальных противоречий в западном мире, кризисные явления в экономике, рост антивоенных настроений, подъем «движения протеста» внутри США, с одной стороны, успехи мирных инициатив Советского Союза и поворот к международной разрядке, общее потепление в отношениях между нашими странами — с другой, привели к пересмотру многих позиций, заставили определенные интеллектуальные круги Соединенных Штатов по-иному взглянуть на Советский Союз. В США, да и в других капиталистических странах, возникла потребность в более объективном подходе к исследованиям, возрос спрос на конструктивную информацию. Для того чтобы установить деловые контакты в разных областях экономики, науки и культуры, многие стремились теперь другими глазами посмотреть на «русский вопрос», на то, что реально происходит в нашей стране. А отсюда — естественное желание приобщиться к истокам, к истории, непосредственно предшествовавшей нашей революции. Оживился и стал нарастать интерес среди американских исследователей к русским революционерам-демократам, особенно к Чернышевскому.

Эти процессы в немалой степени проявились, например, в серьезной работе Ф. Б. Рэндолла — первой американской монографии о Н. Г. Чернышевском, вышедшей в свет в 1967 г.³⁰ По собственному заявлению автора, он ставил задачу открыть для западного читателя новое имя в русской литературе XIX в.³¹ Он считает, и, пожалуй, с этим следует согласиться, что прежние работы его коллег не давали даже приблизительного представления о подлинных масштабах и значимости Чернышевского в истории мысли, культуры и общественной жизни России.

Далее Рэндолл весьма убедительно показывает читателю стереотипы — «мифы», сложившиеся в американской и вообще в западной литературе о Чернышевском. Один из них — «миф» о Чернышевском как примитивном утилитаристе в области эстетики и морали; другой «миф» — о русском мыслителе как о некритическом популяризаторе грубых вульгарно-материалистических теорий, заимствованных с Запада; третий «миф» — о Чернышевском как о скучном, тяжеловесном писателе, не представляющем интереса для современной аудитории. Все эти «мифы» Рэндолл считает порождением некомпетентности, научной недобросовестности и даже невежества «ученых» специалистов, из которых, по его мнению, лишь каждый второй с грехом пополам прочел «Что делать?» и от силы один из двадцати дал себе труд познакомиться с другими произведениями русского автора.

Что ж, оценка суровая, но, пожалуй (судя по тому, что известно и нам), не лишена оснований. За большинством тезисов Рэндолла чувствуется основательное знакомство не только с тру-

³⁰ *Randall F. B. N. G. Chernyshevski. N. Y., 1967, p. 178.*

³¹ *Ibid. Preface, p. 7.*

дами Чернышевского и других представителей общественной мысли России XIX в., но и с мировой (в том числе и советской) литературой по этим вопросам. Для него чтение Чернышевского — отнюдь не скучное занятие. Оно доставляет «удовольствие и подлинное наслаждение». По его мнению, Чернышевский — остроумный полемист, обладающий исключительными достоинствами стиля, цельностью, единством формы и содержания как явного, так и завуалированного характера. Американского исследователя покоряет высокая степень убедительности произведений русского ученого, его вера в светлое будущее человечества, в правоту своих убеждений. Он с откровенной грустью и сожалением признается при этом, что такие качества отсутствуют у идеологов современного западного мира.

Рэндолл подчеркивает глубину философских исканий Чернышевского, стоявшего при этом на почве достижений таких «великих русских интеллигентов, как Герцен и Белинский». Американский исследователь приходит к выводу, что последующее развитие русской философии во многом опиралось на традиции Чернышевского, что как мыслитель он стоит у истоков многих важнейших тенденций развития общества XX в.

Отмечая несомненные заслуги и личное мужество автора, взвалившего на себя нелегкий груз «реабилитации» Чернышевского в глазах западного читателя, следует сказать, что роль эта далеко не всегда им выдерживается. Слишком тяжелым оказывается груз буржуазных «мифов». А подчас он сам занимается мифотворчеством, обвиняя то советских исследователей, то самого Чернышевского в разного рода грехах. Так, например, в монографии Чернышевский непостижимым образом обвиняется в том, что какие-то стороны его мировоззрения повлияли... на сложную судьбу генетики в Советском Союзе... Нет в книге недостатка и в противоречивых аргументах, свидетельствах влияния стереотипов западной пропаганды и буржуазного мышления, по все же ее появление — несомненный шаг американского ученого на пути серьезного изучения текстов Чернышевского, научной добросовестности и необходимой конструктивности.

Монография Ф. Б. Рэндолла не прошла незамеченной в научных кругах США. Не заставили себя ждать и первые рецензии. Некто Ч. А. Мозер немедленно отреагировал на нее³². Он вроде бы и согласен с тем, что времена сугубо отрицательного отношения к Чернышевскому прошли, но все же считает, что разрыв автора с рядом «общепринятых» концепций далеко не всегда оправдан.

Вероятно, с появлением книги Рэндолла следует связать и довольно претенциозную статью американца Дж. П. Скэнлена «Николай Чернышевский и советская философия»³³, вышедшую

³² Moser Ch. A. Slavic Review. Baltimore, 1968, v. 27, N 4, p. 680—681.

³³ Scanlan J. P. Nikolaj Cernyševskiy and Soviet Philosophy. Studies of Soviet Thought. Freiburg, 1967, v. 7, p. 1—27.

в том же 1967 г. Вслед за Рэндоллом Скэнлен высказывает определенную степень знакомства с советскими источниками. Но в отличие от своего коллеги он, например, отрицает влияние русских предшественников на формирование философских взглядов Чернышевского: «Хотя Чернышевский восхищался Белинским и Герценом, но он нигде не упоминает об их влиянии на его философские взгляды». И далее: «Сам Чернышевский более чем кто-либо поразился бы, узнав, что его „главными учителями“ были Александр Герцен и Виссарион Белинский»³⁴.

Конечно, можно поучать советских исследователей и своих коллег, но при этом следовало бы знать, что в условиях тогдашней России даже сам факт упоминания имени Белинского был шагом рискованным, а ссылка на Герцена могла бы кончиться каторгой. Скэнлен, например, считает, что советским исследователям Чернышевского мешает марксистская теория, явно путая при этом марксизм с догматизмом. Но ругань и полемический задор не самая сильная сторона Скэнлена, тем более что его предшественники в США умели браниться сильнее. Для нас гораздо более важно, что в следующих работах Скэнлен вслед за Рэндоллом проявляет реальное знание Чернышевского и его философских позиций. Можно предположить при этом, что знакомство с советскими исследованиями, так же как и с серьезной монографией Рэндолла (даже вопреки желанию автора), помогло ему сделать шаги по пути к научной истине.

В 1970 г. в «Историко-философском журнале» была опубликована статья Джеймса П. Скэнлена «Николай Чернышевский и философский материализм России». В ней он полемизирует не только с заведомыми фальсификаторами взглядов Чернышевского, но вольно или невольно и со своими собственными убеждениями, которые высказывал ранее, что свидетельствует о явном сдвиге в его взглядах.

Помимо множества глубоких и верных суждений о процессе формирования философских взглядов Чернышевского, содержащихся в статье, она примечательна тем, что демонстрирует такую степень научной зрелости американских исследователей истории России, которая уже позволяет им выйти из-под опеки белоэмигрантских «научных авторитетов» и даже подвергнуть некоторых из них нелицеприятной критике. Так, Дж. П. Скэнлен аргументированно возражает против безосновательного утверждения В. Зеньковского, будто Чернышевский был последователем философии Огюста Конта. Он ловит В. Зеньковского на заведомо неправильном цитировании высказываний Чернышевского³⁵. Не менее убедительно спорит автор статьи с голословным утверждением В. Зеньковского о том, что в «Антропологи-

³⁴ Ibid., p. 7.

³⁵ Scanlan J. P. Nicolaj Chernyshevsky and Philosophical Materialism in Russia. — Journal of the History of Philosophy, 1970, v. 8, N 1, p. 68—69.

ческом принципе в философии» Чернышевский якобы утверждал «независимое бытие психического», считая, что «наблюдение» Зеньковского находится в полном противоречии со всем строем аргументации Чернышевского³⁶.

В споре с Зеньковским и некоторыми другими западными исследователями, квалифицирующими философские взгляды Чернышевского то как «материалистический биологизм», то как «наивный» или «примитивный» материализм, то как смесь «материализма с позитивизмом», Скэнлен решительно утверждает: «Нет никаких оснований сомневаться в преданности Чернышевского материализму, ибо им разработана материалистическая онтология, которой он руководствовался при всех своих философских построениях на протяжении своей деятельности в зрелом возрасте»³⁷. Он весьма обоснованно и убедительно доказывает самостоятельность и глубину теоретических исканий Чернышевского, подчеркивая, что даже имеющиеся в них недостатки исключают применение к его материалистической философии эпитетов «примитивная» и «наивная»³⁸.

Продолжением обозначившейся тенденции серьезного интереса к жизни и творчеству Чернышевского в американской научной литературе следует считать капитальную монографию профессора Уильяма Уорлина «Чернышевский — человек и журналист», вышедшую в издании Гарвардского университета в 1971 г.³⁹ В ней автор свободно оперирует и произведениями самого Чернышевского, и литературой о нем своих предшественников на Западе, и обширным рядом имен советских исследователей. Нужно сказать, что не только в солидной библиографии, но и в самом тексте мы находим ссылки на работы В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Ю. М. Стеклова, М. В. Нечкиной, М. М. Розенталя, В. Е. Евграфова, И. Я. Щипанова и многих других.

Если говорить о разделе книги, связанном с анализом философских взглядов, то здесь можно найти и фактические неточности, и непонимание ряда важных вопросов. Так, например, Уорлин, оказывается, не в силах понять глубоко диалектический подход Николая Гавриловича к философским взглядам Гегеля. Он пишет: «Постоянно ссылаясь на Гегеля, Чернышевский одной рукой дает ему заслуженное одобрение, но тут же берет его обратно другой. Доминировали путаница и неразбериха...»⁴⁰. Но в целом следует отметить верность и глубину наблюдений Уорлина при разборе сложнейших вопросов принципиального характера. Приведем несколько таких его выводов: «Еще до 1850 г.

³⁶ Ibid., p. 77.

³⁷ Ibid., p. 78.

³⁸ Ibid., p. 86.

³⁹ *Woehrlin W. F. Chernyshevsky — the Man and the Journalist. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971, p. 404.*

⁴⁰ *Woehrlin W. F. Op. cit., p. 126.*

Чернышевский припаял взгляды материалистического монизма, который он отождествлял с именем Людвига Фейербаха»⁴¹. «Истинность материализма при отрицании религии и идеализма была для него полностью несомненной»⁴². «И если он сумел создать целостную систему собственных взглядов в различных областях, то в основе этого лежат его философские воззрения»⁴³. А вот уже совсем смелое в его устах заявление: «Чернышевский видел и противоречия и несправедливости капиталистического строя» и «не упускал ни одной возможности для вскрытия недостатков капиталистического строя»⁴⁴.

Подобные высказывания можно продолжить, но, думается, они достаточно характеризуют добросовестность и основательность подхода автора к своей многосложной задаче. А ведь Уорлин отнюдь не сверхрадикал и тем более не марксист, а обычный добропорядочный профессор кафедры истории Картонского колледжа в штате Миннесота. Было отчего встревожиться блюстителям «правоверных» буржуазных нравов науки. И реакция последовала незамедлительно в прямом и переносном смысле слова. Некий Н. Г. Перейра поспешил выступить сначала со статьей «Чернышевский как основоположник антилиберализма в России»⁴⁵, где вслед за Дж. Биллингтоном критиковал Н. Г. Чернышевского якобы за полемические преувеличения, за то, что тот «отождествлял» некоторых видных представителей либерализма с консервативными крепостниками⁴⁶. Чем же так огорчен Н. Перейра? Оказывается, отсутствием либерализма в СССР. С позиции типичной буржуазной ограниченности он сетует: «Намерения Николая Гавриловича увенчались успехом, возможно, даже сверх его ожиданий. . . либеральная политика нескоро оправится, если вообще когда-нибудь оправится, от нанесенного тяжелого удара»⁴⁷.

За статьей Н. Перейры в 1975 г. последовала его монография «Мышление и учение Н. Г. Чернышевского»⁴⁸. Для ее автора как будто и не было других книг и статей его предшественников и коллег. Он изображает Чернышевского по преимуществу «кабинетным революционером», который не проявлял желания «участвовать в нелегальной и насильственной деятельности»⁴⁹. Каждый, кто при этих словах вспомнит хотя бы хрестоматийно известный разговор Н. Г. Чернышевского с его невестой, поймет, как далек от фактов г-н Перейра. Явно полемизи-

⁴¹ Ibid., p. 122.

⁴² Ibid., p. 142.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid., p. 206.

⁴⁵ *Pereira N.G. Chernyshevsky as an Architect of the Politics Antiliberalism.* — *Russian Review*, Stanford, 1973, v. 32, N 3, p. 204—277.

⁴⁶ Ibid., p. 273.

⁴⁷ Ibid., p. 277.

⁴⁸ *Pereira N.G. The Thought and Teaching of N.G. Chernyshevsky.* P., 1975.

⁴⁹ Ibid., p. 112—113.

руя с недавно обозначившейся в США прогрессивной тенденцией в исследовании взглядов и оценке личности Н. Г. Чернышевского, Перейра объявляет великого материалиста позитивистом и вообще деятелем, не имеющим серьезного теоретического лица. «Значение Чернышевского, — заявляет он, — заключается скорее... в его политическом мученичестве, чем в его социальной диалектике, в пропаганде экономического сотрудничества по образцу крестьянской коммуны или в каком-либо формальном вкладе в философию»⁵⁰.

Все возвращается на круги своя — поближе к тому, что много лет твердили Н. Бердяев, В. Зеньковский и их единомышленники.

Но эмоциональные потрясения от неожиданного интеллектуального «бунта», пусть даже в столь узком аспекте, как оценка одной лишь исторической личности, были так велики, что противовеса сочинений «правоверных» философов оказалось мало. В войну против Чернышевского были введены литературные резервы. В 1975 г. увидела свет пасквильная книга профессора Колумбийского (Нью-Йорк) университета Руфуса Мэтьюсона под названием «Положительный герой в русской литературе». Одна из многочисленных глав специально посвящена Чернышевскому, его эстетике и литературной практике. Николай Гаврилович прямо обвиняется в том, что, к ужасу эстетствующего профессора, «он создал последовательную и целостную доктрину литературы на службу обществу»⁵¹ и тем самым стал теоретическим провозвестником столь ненавистой Мэтьюсону советской литературы. Для буржуазного исследователя самая мысль о том, что искусство есть отражение жизненной реальности, кажется кощунственной. Чего только не приписывает Чернышевскому этот буржуазный мещанин: и то, что он «полностью отрицает творческие функции художника»⁵², и то, что написал «Что делать?» с «радикальной утилитаристской позиции»⁵³, и то, что «отрицает художественное воображение»⁵⁴, и, наконец, даже то, что предвидел советские пятилетки.

Однако по желчной неприязни к Чернышевскому, по чванливой ненависти к его жизненному подвигу и революционному мировоззрению всех превзошел В. Набоков, который незадолго до смерти обнародовал опус под названием «Жизнь Чернышевского». Показателен сам способ публикации этого заведомого издевательства над светлым образом рыцаря русского народа. Набоков не посмел опубликовать свой пасквиль отдельной книгой, а воровато втиснул его в виде вставной, четвертой главы в оче-

⁵⁰ Ibid., p. 119.

⁵¹ *Mathewson R. W. The Positive Hero in Russian Literature. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1975, p. 3.*

⁵² Ibid., p. 71.

⁵³ Ibid., p. 64.

⁵⁴ Ibid.

редное издание своего раннего романа «Дар», первоначально выходявшего в начале 30-х годов.

Словом, все, что только можно было мобилизовать против правды о Чернышевском, было собрано и брошено на весы идеологической схватки. Однако тревога власть имущих в духовном царстве капитала не проходила. Случай с Чернышевским, разумеется, был далеко не единственным. Правда мира социализма пробивала себе разные пути. Чтобы справиться с «крамолой» в новых условиях разрядки, в ход были пущены и организационные рычаги. В 1975 г. в столице США практически приступил к деятельности упомянутый Институт Кеннана «для углубленных исследований России». Тем самым был создан центр для строгой координации научных работ по СССР, для контроля и влияния на всех тех, кто уже стал или становится специалистом-советологом.

Случай помог мне ознакомиться с кратким официальным отчетом о деятельности Института Кеннана за 1976 г. Отчету предпослано короткое вступление уже известного нам Джеймса Х. Биллингтона — директора Международного центра ученых имени Вудро Вильсона, который с гордостью заявляет, что «программы Института Кеннана полностью согласуются с задачами и программами Центра, этого уникального живого памятника нашему 28-му президенту»⁵⁵.

Хотя во вступлении Биллингтона сообщается, что Центр Вудро Вильсона создан по специальному акту Конгресса и управляется Советом, специально назначенным президентом, а Институт Кеннана управляется Советом ученых, среди которых — директора ведущих центров советских исследований и редакторы основных журналов этой области, на одной из страниц отчета вы с удивлением можете прочесть следующую фразу: «Институт Кеннана, как и Центр Вильсона, в целом не имеет ничего общего с миром политики»⁵⁶.

И как тут не вспомнить иронические замечания по этому поводу Н. Г. Чернышевского на первых страницах его философской работы «Антропологический принцип в философии», когда он высмеивал французского идеалиста Жюль Симона, который «воображает, что может обмануть читателей, или чистосердечно полагает сам, что говорит правду, титулуя свою книгу сочинением, „чуждым текущей политики“»⁵⁷.

Но вот перед нами годовой отчет Института Кеннана, на странице 4 его читаем: «В 1979 г. Центр выплатил краткосрочные денежные ссуды ученым за следующие работы: Гэри К. Берч „Политические течения в Советском Союзе“; Рольф Х. Тип „Яко-

⁵⁵ «Kennan Institute for Advanced Russian Studies»: Annual Report. Washington D. C., 1976, p. 1.

⁵⁶ Ibid., p. 2.

⁵⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 285.

бинская ориентация в русской общественной мысли“; Петер М. Е. Вольтен „Советская Программа мира и ее выполнение по отношению к Западу“».

Думаю, что от дальнейших перечислений истина не станет более ясной.

* * *

В «Антропологическом принципе в философии» Николай Гаврилович Чернышевский, желая проиллюстрировать диалектическое представление о качестве, приводит такой пример: «Мы знаем, что алмаз и уголь — все один и тот же чистый углерод, но тем не менее алмаз есть алмаз, вещь чрезвычайно драгоценная, а уголь — все-таки уголь»⁵⁸.

Многие буржуазные интерпретаторы человеческих поступков и теоретических позиций Н. Г. Чернышевского и при его жизни, и по сию пору пытаются доказать, что наследие его неоригинально, малоценно, что оно не алмаз, а уголь. 150 лет прошло со дня рождения великого ученого и почти 90 лет с той поры, как перестало биться его благородное сердце, но человеческий подвиг Чернышевского, его бесценное и многогранное наследие живут и работают на благо трудового народа, вдохновляют в борьбе за осуществление его прекрасной мечты о социализме, под знамена которого уже встало более трети человечества. Именно поэтому, как с живым, продолжают и сегодня воевать с Чернышевским его и наши идеологические противники, именно поэтому мы чувствуем его в одном строю как нашего боевого соратника в битве за умы, в борьбе против идеологии реакции.

В 1978 г. автору этих строк довелось побывать в ряде мест Сибири, где когда-то два десятилетия томился ссыльный Прометей России. Преобразился некогда каторжный уголь — Виллюйск, неузнаваемо изменилась глухомапь тех в прошлом гиблых мест. словно из снов Веры Павловны поднялись в сибирской тайге прекрасные социалистические города. В Мирном, на обогатительной фабрике № 3, нам показали алмазы, только что добытые в карьере знаменитой кимберлитовой трубки «Мир». Недавно я получил известие, что официально утверждено выдвинутое тогда предложение назвать самый крупный из них (50,75 карата) именем Николая Чернышевского. Чистейший октаэдр уже передан на вечное хранение в Алмазный фонд СССР.

А в духовной сокровищнице человечества среди прославленных имен вечно будет сиять имя выдающегося мыслителя и борца, великого сына русского народа Николая Гавриловича Чернышевского.

---

⁵⁸ Там же, с. 245.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Литературное наследство Н. А. Добролюбова — верного ученика, продолжателя дела В. Г. Белинского, ученика, друга и боевого соратника Н. Г. Чернышевского по работе в редакции журнала «Современник» — представляет ценный вклад в сокровищницу мировой общественной мысли прошлого столетия. Это наследие является важнейшим этапом в истории русской революционной политической публицистики, эстетической теории, художественной литературы, литературной критики, социологии и материалистической философии, оплодотворенной диалектическим подходом ко многим явлениям природы и жизни общества.

Первая встреча и беседа с Чернышевским, состоявшаяся примерно весной 1856 г., окончательно определила место и роль Добролюбова в истории русской общественной мысли. Личное общение с Чернышевским оказало благотворное влияние на всю его дальнейшую деятельность.

По воспоминаниям Чернышевского, однажды товарищ Добролюбова по институту Турчанинов принес Чернышевскому тетрадь и сказал, что Добролюбов просил отдать рукопись Чернышевскому, чтобы он определил, годится ли она для «Современника». Это была статья о «Собеседнике любителей русского слова». «Помню, — вспоминает Чернышевский, — что, прочитав две-три страницы, я увидел: статья написана хорошо, взгляд автора сообразен с мнениями, какие излагались тогда в «Современнике», и читать дальше нет надобности». Чернышевский дал ответ, что «статья хороша, будет напечатана».

Затем произошла личная встреча Чернышевского с Добролюбовым. Они сидели вдвоем и беседовали долго, с девяти часов вечера до двух часов ночи. «... Толковали мы с ним о его понятиях, — пишет Чернышевский. — Я спрашивал, как он думает о том, о другом, о третьем; сам говорил мало, давал говорить ему... По статье о „Собеседнике“ мне показалось, что он годится быть постоянным сотрудником „Современника“».

В одном из писем в августе того же года Добролюбов отмечает, что он подолгу засиживается у Чернышевского, потому что в его обществе не может привыкнуть замечать время. С Николаем Гавриловичем «толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский — Забелина и т. п. Для меня, конечно, сравнение было бы слишком лестно, если бы я хотел тут себя сравнивать с кем-нибудь, но в моем смысле — вся честь сравнения относится к Ник. Гавр.»¹.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1961—1964, т. 9, с. 248.

Дружба Добролюбова с Чернышевским все крепла. Чернышевский позже отмечал, что Добролюбова «он любил, как сына».

Непреклонное стремление к общественной практической деятельности, желание обратить свои знания и силы на поприще революционных действий все больше и больше овладевают Добролюбовым, особенно после его знакомства и бесед с Чернышевским.

Характерной особенностью в развитии мировоззрения Добролюбова является то, что он не переживал тех мучительных этапов эволюции, которые довелось пережить, например, Белинскому на пути к материализму и революционному демократизму. Знамя революционного демократизма и материализма Добролюбов принял непосредственно из рук Белинского, Герцена и Чернышевского.

Революционно-демократическое мировоззрение Добролюбова развилось и укрепилось за период работы в «Современнике» в тесном сотрудничестве с Чернышевским, в их общей борьбе против самодержавия, либералов и славянофилов, против защитников теории «чистого искусства», против идеалистов-мракобесов. Поистине велики заслуги Чернышевского, который оказывал огромную помощь и учил молодого, талантливого и трудолюбивого литератора с первых шагов его кипучей, энергичной деятельности. Уже в сентябре 1856 г. (начало его фактического участия в качестве автора «Современника») Добролюбов по просьбе Чернышевского принял на себя редактирование «Русского иллюстрированного альманаха», в котором была опубликована статья Добролюбова «Александр Сергеевич Пушкин». Одновременно он печатался в «Журнале для воспитания».

Формально Добролюбов стал постоянным штатным сотрудником «Современника» с конца 1857 г., когда Чернышевский и Некрасов возложили на него обязанности заведующего литературно-критическим отделом. С этих пор практическое руководство журналом было в руках Чернышевского, Добролюбова и Некрасова.

Приход Добролюбова в «Современник» был крупным событием в жизни журнала. В лице Добролюбова «Современник» получил прекрасного редактора, а Чернышевский — ближайшего соратника, на которого можно было вполне положиться в деле руководства общеполитическим направлением журнала. Именно при Добролюбове литературно-критический отдел «Современника» стал одним из интереснейших в журнале, тем более что статьи и рецензии по вопросам литературной критики и библиографии были удобным средством излагать политическую программу русской революционной демократии. Чернышевский полностью доверял Добролюбову как руководителю литературно-критического отдела и автору статей и рецензий. Он считал, что все написанное Добролюбовым в дополнительном редактировании не пуждается.

О титаническом, напряженном труде Добролюбова в «Современнике» свидетельствует тот, кто ближе всего знал его, — Чер-

нышевский. Он рассказывал, что Добролюбов работал чрезвычайно много, но не по каким-нибудь внешним побуждениям, а по непреодолимой страсти к деятельности, что его надобно было удерживать от работы и настойчиво убеждать работать меньше, беречь себя. Добролюбов отшучивался и говорил, что он не утомляет себя. «Впрочем, он был прав, — писал Чернышевский, — не труд убивал его — он работал беспримерно легко, — его убивала гражданская скорбь. Иногда обещался он отдохнуть, но никогда не в силах был удержаться от страстного труда.

Да и мог ли он беречь себя? Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время. . .»².

Действительно, Добролюбов торопил время, лихорадочно спешил, чтобы как можно скорее и полнее передать своим читателям собственные мысли, стремления, направленные к изменению существующих общественных отношений. Помимо многочисленных рецензий, имевших большое значение в литературной критике и политической публицистике, он написал крупные и важные в литературном наследстве русской революционной демократии статьи по проблемам философии, социологии, эстетики, этики.

В 1859 г. и позже, до кончины в 1861 г., Добролюбов создал произведения, принесшие ему мировую славу. Достаточно упомянуть его знаменитые статьи: «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Когда же придет настоящий день?», «Черты для характеристики русского простонародья», «Луч света в темном царстве», «Забитые люди», «Литературные мелочи прошлого года» и др. Все эти статьи живо перекликались с трудами Чернышевского из его наследия, в области литературной критики, эстетики и содержащимися там идеями социологического характера.

Здесь уместно напомнить верное замечание Н. Г. Чернышевского: «Добролюбова должно изучать в его критических и полемических статьях»³. Действительно, его блестящие литературно-критические, публицистические выступления, проникнутые революционно-демократической идеологией, убедительно раскрывают сущность его политических и социологических, философских и эстетических взглядов. Можно без преувеличения сказать, что в «реальной критике» и революционной публицистике соратника Чернышевского отражено его мировоззрение в целом. Общие исходные принципы объединяют мировоззрение обоих руководителей «Современника». Между ними нет существенных расхождений. Они прекрасно дополняли друг друга во всех сферах научной и публицистической деятельности. Можно лишь заметить особенности в их размышлениях по некоторым вопросам. Отметим прежде всего то главное, что их объединяет полностью, без всяких оговорок.

² Литературное наследство. М., 1936, т. 25/26, с. 150.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1906, т. IX, с. 42.

Основная заслуга Добролюбова в развитии русской революционной политической мысли XIX в. заключается в пропаганде вместе с Чернышевским непримиримой борьбы с самодержавием и крепостничеством революционным путем, посредством крестьянской демократической революции. Он был верным помощником и соратником Чернышевского в борьбе против русского либерализма, что в условиях 50—60-х годов, в годы революционной ситуации имело огромное политическое значение. Об этом убедительно свидетельствуют ленинские оценки исторических заслуг Чернышевского и Добролюбова.

Изобличая пороки самодержавно-крепостнического строя, Добролюбов подобно Чернышевскому подвергал также критике и западноевропейский капитализм, основанный на эксплуатации труда работников города и деревни. Он рассматривал капитализм как переходящую ступень в общественном развитии и подлежащую уничтожению подобно крепостническому строю посредством революции. Добролюбов подвергал критике и буржуазный парламентаризм, разоблачая его фальшь и лицемерие. Критику русского либерализма он блестяще дополнил критикой буржуазного либерализма в странах Западной Европы.

Трудам Добролюбова, как и Чернышевского, присущи серьезные материалистические тенденции в толковании многих общественных явлений. Правда, идеалистическое понимание истории в целом этим не устранялось; это были только тенденции на пути к материализму, а не цельное и последовательное материалистическое понимание истории, но они пробивали брешь в историческом идеализме, были шагом вперед в развитии домарксистской социологии.

Материалистические тенденции в трактовке Добролюбовым общественных явлений проявились в критике крепостного строя и «дармоедства» в России, буржуазного строя в странах Запада, в критическом разборе сущности государства, теории либералов о его «надклассовости», мнимой гармонии интересов государства с интересами народа. Эти тенденции выразились в постановке и решении таких проблем, как признание решающей роли народных масс в истории; значения экономической «сути дела», т. е. «житейских отношений»; необходимость удовлетворения экономических потребностей народа, коренного изменения в системе распределения материальных благ среди членов общества и возвышения роли труда; понимание подобно пониманию Чернышевским «антагонистичности русских общественных классов»; проблемы этики, морали, нравственности, содержащие в себе «зачаток исторического материализма»; установление зависимости развития литературы, искусства, науки от хода истории в жизни общества; объективные законы, «внутренняя логика» хода истории и т. д.

В понимании явлений общественной жизни Добролюбову, несомненно, присущ пусть ограниченный, непоследовательный, но все же диалектический взгляд на ход событий. С особой силой

это проявилось в постановке им вопросов о путях исторического развития России, о роли народных масс и личности в истории. Великий русский революционер исходил из правильного представления, что история не может остановиться в своем поступательном развитии. Ничто не в силах остановить процесс рождения нового и гибель всего старого, отжившего свой век. Он, как и Чернышевский, был убежденным сторонником принципа бесконечного развития.

Отметим два вопроса в социологических воззрениях, в постановке и решении которых Чернышевским и Добролюбовым содержались если не принципиальные расхождения, то во всяком случае некоторые особенности.

Из немногих беглых высказываний Добролюбова о крестьянской общине можно сделать вывод, что в вопросе об общине он является сторонником точки зрения Чернышевского, который достаточно подробно осветил этот вопрос. Но напрашивается также вывод и о том, что, положительно относясь к взглядам Чернышевского на общину, он все же не придавал ей такого большого значения, как Герцен или Чернышевский. Известно также, что вопрос об общине не вызывал интереса у Белинского и Писарева.

Чернышевский допускал возможность некапиталистического развития России, возможность миновать стадию капитализма. Он полагал, что после свершения народно-демократической революции, уничтожения крепостнического строя власть трудящихся способна, опираясь на крестьянскую общину, решить не только демократические задачи, но и задачи социалистической революции. Зачатки развития капитализма в России, которые Чернышевский не мог не заметить, не смогут устоять якобы перед предстоящим прогрессивным характером общинного владения землей.

Добролюбов, задумываясь над вопросом о будущем пути развития России, пришел к выводу, что ее не минует капиталистическая стадия развития. Этот вывод он сделал в статье «Черты для характеристики русского простонародья» и в рецензии на книгу либерала Бабста «От Москвы до Лейпцига».

В начальных строках статьи «От Москвы до Лейпцига», высмеивая точку зрения славянофильской, «туркоподобной партии» о том, что «Россия цветет, а Запад гниет», Добролюбов пишет: «Каждый народ проходит известный путь исторического развития; Запад вступил на этот путь раньше, мы позже; нам остается еще пройти многое, что Западом уже пройдено. . .»⁴.

Россия, по мнению Добролюбова, готовится встать на тот же путь, по которому пошла Англия и Франция. Россия встанет на путь капитализма в результате народной революции. И это будет ее «первой станцией». Она придет ко «второй станции», т. е. к социализму, сокращенным путем, быстрее, чем другие страны.

⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 5, с. 453.

В числе аргументов, обуславливающих переход ко «второй станции», в размышлениях Добролюбова о путях исторического развития России крестьянская община не фигурировала.

Философское наследие Добролюбова в целом и особенно в плане взаимосвязи философии и политической экономии уступает наследию Чернышевского. Нельзя не признать, что в философских размышлениях Добролюбова не было того всестороннего подхода к диалектике в трудах Гегеля, какой был присущ Чернышевскому.

Значительным вкладом в развитие прогрессивной философской мысли в России явились не только материалистические тенденции в толковании Добролюбовым многих явлений в области общественной жизни России, в его социологических воззрениях, но и последовательные активные выступления в защиту философского материализма, против идеализма в естествознании, во взглядах на природу. Достаточно напомнить его критику литературы, в которой пропагандировались теология, мистика, телеология, эклектизм, а также вульгарный материализм.

Основное богатство философских взглядов Добролюбова содержится в его «реальной критике», в замечательных статьях и рецензиях, посвященных обоснованию идейно-эстетических основ реализма. Крупная заслуга его заключается в том, что он вслед за Чернышевским с позиций философского материализма решительно поддержал и развил славные традиции Белинского по реабилитации действительности как объективного источника познания. Материалистические основы теории познания применительно к вопросам эстетики, разработанные Добролюбовым, явились серьезной теоретической опорой, исходным пунктом для развития им реалистических воззрений на искусство, принципов правдивости, народности в искусстве, его идейности и, наконец, для критики идеалистической теории «чистого искусства».

Общефилософской основой эстетических воззрений Добролюбова является материализм, оразивший в себе влияние антропологизма Фейербаха, но вместе с тем и содержащий значительные элементы диалектики, выход в сферу политики. В них наглядно преломляется нерасторжимая связь материализма и диалектического подхода к оценке явлений художественного творчества с революционно-демократической идеологией и политикой. Связь искусства с наукой, философией и политикой Добролюбов считал совершенно необходимой и прежде всего в интересах художественной литературы, «реальной критики» и эстетики.

Безусловно, заслуживают внимания размышления Добролюбова по проблемам этики. Здесь нет никаких расхождений между ним и Чернышевским. Они прекрасно дополняли друг друга. Оба они опирались на принцип «разумного эгоизма», имевшие в условиях того времени прогрессивное значение в истории этических учений. В центре внимания Добролюбова, как и Чернышевского, было служение человека делу общественного прогресса и вме-

сте с тем «право человека на счастье». «Человеку нужно счастье, он имеет право на него, должен добиваться его во что бы то ни стало»⁵, — утверждал Добролюбов. Если «общественные отношения не согласны с требованиями высшей справедливости и не удовлетворяют стремлениям к счастью . . . требуется коренное изменение этих отношений»⁶.

У руководителей «Современника» ясно и настойчиво звучало требование борьбы за права человека в экономическом, социальном, политическом, духовном отношениях, во всех сферах жизни, в их представлениях о будущем общественном строе в результате революции. Это был один из важнейших пунктов в их революционно-демократической программе действия. Демократический патриотизм и гуманизм составляли прочную основу этических воззрений Добролюбова и Чернышевского. Статья Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» оканчивается примечательными, вещными словами, определяющими непосредственную связь литературы и политики, — словами, в которых выражен призыв не к одной только литературе, но и ко всему обществу: «Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтами; а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагою гражданина, увлекающее к деятельности широкой и самобытной. . .»⁷. «Слово свежее и гордое» составляет сущность, главный смысл всех литературно-критических и публицистических выступлений Добролюбова.

* * *

В некрологе на смерть Добролюбова Чернышевский написал проникновенные, правдивые слова: «Ему было только 25 лет. Но уже 4 года он стоял на главе русской литературы (нет, не только русской литературы, — во главе всего развития русской мысли). Для своей славы он сделал довольно. Для себя ему незачем было жить дальше. Людям такого закала и таких стремлений жизнь не дает ничего, кроме жгучей скорби. (Но не вознаграждена его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он. О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но, когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих.)»⁸.

После смерти Добролюбова его ближайшим друзьям и единомышленникам, в первую очередь Чернышевскому, пришлось сразу же встать на защиту идейного наследства гениального критика-революционера. После опубликования в ноябрьском номере «Современника» за 1861 г. некролога на смерть Добролюбова и

⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 4, с. 371.

⁶ Там же, с. 372.

⁷ Там же, с. 112.

⁸ Литературное наследство, 1936, т. 25/26, с. 150—151.

в январском номере за 1862 г. «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова» Чернышевский опубликовал в февральской книжке «Современника» свою статью «В изъявление признательности» в ответ на клеветническую статью некоего Зарина в январской книжке «Библиотеки для чтения». Великий учитель и друг Добролюбова достойно ответил Зарину и показал действительную роль Добролюбова, которую он играл в «Современнике» и в русской литературной критике.

В 1864 г. Некрасов написал широкоизвестное стихотворение «Памяти Добролюбова», в котором он прекрасно очертил образ Добролюбова как патриота, неутомимого борца за интересы народа. Именно в этом стихотворении Некрасов сказал о Добролюбова:

*Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! —*

слова, которые впоследствии Ленин взял эпиграфом к статье об Ф. Энгельсе.

Энгельс отметил важное значение для России этих «двух властителей дум» молодого поколения середины XIX в. в статье «Эмигрантская литература»: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет...»⁹. С литературным наследием Чернышевского, как известно, был хорошо знаком Маркс и очень высоко его ценил. Ему известно также было и наследие Добролюбова. Маркс писал в 1871 г. И. Ф. Даниельсону: «С сочинениями Эрлиба (т. е. Добролюбова. — В. К.) я отчасти знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро»¹⁰.

В номере «Искры» за 20 декабря 1901 г. была напечатана статья В. И. Ленина «Начало демонстраций», в которой он впервые дает оценку политическому значению деятельности Добролюбова-революционера, являющуюся исходным пунктом при определении характера его мировоззрения. Напомнив о состоявшейся демонстрации перед домом генерал-губернатора в Петербурге в связи с 40-летней годовщиной со дня смерти Добролюбова и о том, что представитель самодержавия был освистан демонстрантами, Ленин писал: Добролюбов был дорог «всей образованной и мыслящей России», как писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства»¹¹.

Из многократных высказываний Ленина о руководителях «Современника» видно, что в большинстве случаев Ленин упоминает имя Добролюбова рядом с именем Чернышевского. Этим самым Ленин подчеркивает их духовную близость, идейное со-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 522.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

дружество, единомыслие в политических взглядах, в их отношении к самодержавию и крепостничеству, к либералам, их активную совместную борьбу за интересы широких народных масс. Ленин берет под защиту Чернышевского и Добролюбова от либералов, кадетов-«веховцев», меньшевиков, эсеров; он разоблачает любые попытки недругов революционной демократии извратить истинное существо наследия Чернышевского и Добролюбова как последовательных борцов за дело народных масс, за прогресс общенародного демократического движения, против царизма и крепостничества.

И. Я. Щипанов

ДИАЛЕКТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н. Г. Чернышевский был выдающимся диалектически мыслящим философом. Диалектичность его мышления получила высокую оценку классиков марксизма-ленинизма. Как диалектик он формировался прежде всего под влиянием Белинского и Герцена.

Из дневника Чернышевского видно, что в октябре 1848 г. он с трепетом приступает к изучению философии Гегеля. «... Чувствую, — пишет он, — что увлекусь Гегелем. Твоя воля, боже, да будет! — и будет она»¹. Вскоре, однако, Чернышевский обнаруживает наряду с сильными сторонами учения Гегеля присущую немецкому философу ограниченность, прежде всего в сфере общественно-политических взглядов, где Гегель — «раб настоящего положения вещей, настоящего устройства общества»².

Отдавая должное «гениальной диалектике Гегеля», Чернышевский мастерски продолжает вскрывать в философии Гегеля непоследовательность, двойственность, противоречия между ее принципами и выводами. «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его гения, у великого мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общие идеи, но недостало уже силы неуклонно держаться этих оснований и логически развить из них все необходимые следствия. Он провидел истину, но только в самых общих, отвлеченных, вовсе неопределятельных очертаниях, увидеть ее лицом к лицу досталось на долю только уже следующему поколению. И не только выводов из своих принципов не мог он сделать — самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Следующее поколение мыслителей сделало еще шаг вперед, и принципы, не-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 148.

² Там же, с. 231—232.

определенно, односторонне и отвлеченно высказанные Гегелем, явились во всей своей полноте и ясности; тогда колебаниям не осталось места, двойственность исчезла, фальшивые выводы, внесенные в науку непоследовательностью Гегеля в развитии основных положений, были отстранены и содержание приведено в гармонию с основными истинами. Таков был ход дела в Германии, таков же был он и у нас»³.

Высоко ценя, но критически воспринимая гегелевский диалектический метод и творчески разрабатывая и обогащая его, Чернышевский решительно отвергал его идеалистически-метафизическую систему, как консервативную и даже реакционную.

Провозглашенные Гегелем диалектические принципы, отмечал русский мыслитель, были необычайно мощны, широки и глубоки, величественны и плодотворны, тогда как выводы из них немецкий философ сделал узкие и ничтожные, мелкие и слабые, фальшивые и «отчасти даже пошловатые», «они не пышат нововведениями... содержание системы Гегеля совершенно не соответствует тем принципам, которые провозглашались ею»⁴. Чернышевский заявлял, что «мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля»⁵, что философия Гегеля в России была подвергнута критике и очищена от односторонности и превзойдена (*überwunden*) как в самой Германии, так и в России.

Вслед за Белинским, Герценом и Огаревым Чернышевский разрабатывает диалектику Гегеля с позиций революционного демократа, борющегося за коренное преобразование общественной жизни. К нему не в меньшей степени, чем к Герцену, применима известная оценка диалектики как «алгебры революции».

Президент Международного гегелевского общества профессор В. Р. Байер, выступая в печати в связи с X Международным гегелевским конгрессом, проходившим в августе 1974 г. в Москве, особо подчеркнул, что «воздействие философии Гегеля и последствия ее исторической интерпретации имеют всемирно-историческое значение именно благодаря русской философии», что именно поэтому в работе конгресса «необходимо достойно оценить значение русской революционно-демократической философии в развитии гегелевского диалектического наследия, выдающуюся роль марксизма в России в решении этой задачи и особенно всемирно-историческое значение трудов В. И. Ленина»⁶.

Необходимо отметить, что диалектика Чернышевского нацелена преимущественно на процессы, совершающиеся и могущие совершаться в общественной жизни. Это, однако, не значит, что он не видел диалектических процессов в природе. Опираясь на

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 205—206.

⁴ Там же, с. 209.

⁵ Там же, с. 206.

⁶ См.: Вопросы философии, 1974, № 7, с. 120—121.

достижения естествознания XVIII—XIX вв., Чернышевский вскрывал диалектические процессы в самой природе, показывал, что развитие живой природы осуществляется через взаимосвязь и взаимодействие, через количественные и качественные изменения, через поляризацию и противоречия. Так, механические процессы он рассматривал как взаимосвязь и взаимодействие окружающего нас предметного мира, космических мировых тел и систем, как проявление поляризации сил, притяжение и отталкивание, опираясь при этом на естественнонаучные открытия Коперника и Галилея, Декарта и Кеплера, Ньютона, Лапласа и Канта. Эта поляризация наглядно проявляется в магнетизме и электричестве, в ньютоновском законе притяжения и отталкивания, а равно и в других процессах. «Всюду вы видите, — писал он, — раздвоенные силы, стремящейся по противоположным направлениям и из противоположных направлений соединяющейся в одно явление...»⁷ Процесс этот вечен, и его ничем нельзя унять, приглушить и устранить, в результате его и происходит постоянное изменение и обновление мира, смена одних форм другими.

Химические процессы Чернышевский толковал как постоянное превращение количественных изменений в качественные, подходя в их трактовке близко к Энгельсу. Биологические процессы он рассматривал в плане эволюционного учения Гете, Ламарка и Лайелля о развитии сложных форм из простых, высших форм из низших, отвергая при этом мальтузианские идеи, взятые на вооружение неodarвинистами.

Одним из центральных положений диалектики Чернышевского, беспощадно критиковавшего «философствующих и экономизирующих мудрецов», т. е. метафизически мыслящих буржуазно-дворянских философов и экономистов, было выдвигание им принципа бесконечного развития через смену старого новым, постоянного обновления жизни в природе и обществе. Диалектически мыслящий философ настойчиво внушал читателю, что мир находится не в статическом, а в динамическом состоянии, что в нем совершается «вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучался применять его ко всякому явлению, о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие! . . . он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: „Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник“»⁸.

Проблема материи и движения неоднократно затрагивалась и освещалась Чернышевским. Отстаивая материальное единство

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 52.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 301.

мира, включая и человека, он одновременно рассматривал в неразрывном единстве соотношение между материей и многообразием форм ее движения, подчеркивал вечность и бесконечность материи и движения, совершающихся во времени и пространстве. При этом русский мыслитель ополчился против махиста Карпентера, пытавшегося опровергнуть закон сохранения материи и движения и доказывать исчезновение движения (энергии) и превращение его в теплоту, а Вселенной — в инертную мертвую массу. Охарактеризовав философию махиста «нелепой», «путаной», «жадной» и склеенной из разных кусков, Чернышевский диалектически решает поставленную проблему: в мире происходит превращение одной формы движения материи в другую; он решительно отвергает тепловую смерть Вселенной. «Если бы могло настать когда-нибудь такое состояние, — писал революционер-демократ, — оно было бы уж наставшим с бесконечно давнего прошлого. Это аксиома, против которой нет никаких возможных возражений... Формула, предвещающая конец движению во Вселенной, противоречит факту существования движения в наше время. Эта формула фальшивая. При составлении ее сделан недосмотр... Из того факта, что конец еще не настал, очевидно, что ход процесса прерывался бесчисленное множество раз действием процесса, имеющего обратное направление, превращающего теплоту в движение, так что существование Вселенной — ряд бесчисленных периодов, из которых каждый имеет две половины: в одну половину уменьшается сумма движения, превращающегося в теплоту, и растет сумма теплоты; в другую половину уменьшается сумма теплоты, превращаясь в движение, и сумма движения растет. В целом это безначальная смена колебаний, не могущая иметь конца»⁹.

Таков ответ диалектика Чернышевского метафизически и эклектически мыслящему Карпентеру.

Чернышевский высоко оценил известное гегелевское положение об истине как «верховой цели мышления», в которой заключены «верховное благо» и «источник всех других благ» человека и человечества. Какова бы ни была истина, она несравненно лучше всего, что неистинно, и поэтому долг мыслителя не отступать от истины ни перед какими ее результатами, даже если они неблагоприятны для исследователя, ибо заблуждение — источник зла и всякой пагубы для людей. Знаменитое диалектическое положение Гегеля «отвлеченной истины нет, истина конкретна» особо было выделено и развито великим русским революционным демократом, так как оно, по его мнению, было направлено против тех метафизически мыслящих философских школ, которые искали, собственно, не истины, а лишь поддержки и оправдания тем или другим своим предубеждениям (когда в исследуемом явлении те или иные теоретики брали то, что им

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 991.

правилось, и отбрасывали то, что противоречило их воззрениям, и тем самым в итоге извращали истину, давали об исследуемом предмете превратное представление). Такой подход в исследовании или поисках истины Чернышевский правильно относил к «субъективному мышлению» или к «субъективному методу» и безоговорочно его отвергал как антинаучный. Сущность диалектического метода заключается, по его мнению, в том, чтобы исключить произвольность субъективных толкований, раскрывать в предмете или явлении противоположные начала и противоречивые тенденции, стремиться исследовать его со всех сторон¹⁰.

Глубокими диалектическими идеями пронизана теория познания Чернышевского. Отталкиваясь от того, что исходным началом или источником знания являются чувственные восприятия, он доказывал, что человечество не может ограничиться лишь чувственной стороной, а идет далее — к рациональным обобщениям и к теоретическим или научным выводам, ибо законы человеческого мышления, выраженные в представлениях, понятиях и других научных категориях, отражают собой разнообразные формы объективной действительности, дают правильное о ней представление, позволяют реально ориентироваться в ней. Сущность вещей и предметов в принципе познаваема, хотя сам по себе процесс познания бесконечен и неисчерпаем. В конечном счете он идет по восходящей линии — от знания менее содержательного к более содержательному, от знания поверхностного к знанию более глубокому. Русский мыслитель не ставил никаких искусственных границ человеческому разуму в познании сущности предметного мира, подвергнув слева справедливой критике агностицизм Канта и кантианцев, провозгласив, что окончательный приговор выносит практика. Он был на пути к правильному пониманию роли практики, объявляя ее непреложным пробным камнем всякой теории.

Ленин высоко оценил теорию познания Чернышевского, его критику агностицизма и сравнивал его с Ф. Энгельсом. «Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение „вещи в себе“, а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника...»¹¹.

Выступив против произвольных, субъективных и метафизических толкований истины, Чернышевский со всей силой подчеркивает выдающееся научное значение выдвинутого Гегелем положения «отвлеченной истины нет, истина конкретна». Из этого диалектического положения, заявляет русский философ, следует.

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 207.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382.

что надо раз и навсегда отбросить общие фразы и абстрактные суждения о добре и зле вообще в явлениях природы и общественной жизни, в правовых учениях и политической экономии, а равно и во всех других сферах, ибо ни в природе, ни в обществе, ни в личной жизни индивида нет изолированных явлений. Поэтому определительное суждение, дающее верное, объективное представление об определенных фактах, можно дать, учтя и рассмотрев все обстоятельства, в которых оно находится, от которых так или иначе зависит. «Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени»¹². Это положение диалектического метода весьма высоко оценил В. И. Ленин в известном письме к И. Арманд.

С особой силой диалектический подход проявлен Чернышевским при анализе современной ему действительности в России и за рубежом. В частности, в знаменитых «Письмах без адреса» он дал всесторонний критический анализ крестьянской реформы 1861 г., показав ее грабительский, буржуазно-крепостнический характер. Недаром «Письма без адреса» были запрещены царской цензурой и впервые опубликованы за границей в 1874 г. при содействии К. Маркса. Царское правительство 17 мая 1862 г. предписало председателю Петербургского цензурного комитета «не допускать никакого порицания в общем виде высочайше утвержденных положений 19 февраля 1861 года и вообще ничего противного основным началам этих положений. Не позволять к печатанию статей, которых содержание, переноса разрешение крестьянского вопроса о сельскохозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательные и неуместные толкования по этому вопросу»¹³.

Такие его работы, как «Кавеньяк», «Вопросы о свободе журналистики во Франции», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Франция при Людовике-Наполеоне», «Июльская монархия», «Капитал и труд», «Тюрго», «Нынешние английские виги», «Граф Кавур», многочисленные месячные политические обзоры 1859—1862 гг. и многие другие произведения имеют не только историко-познавательное, но и теоретическое значение. В них Чернышевский диалектически подходит к анализу действительности. Он стремится выявить движущие мотивы и противоречия общественной жизни, борьбу классов и сословий за свои экономические, правовые и политические интересы, борьбу демократических сил против аристократии, революционных направлений — против реакционных, крестьян — против помещиков и лендлордов, рабочих — против фабрикантов и банкиров. Эти работы, написанные с позиций революционера-демократа и социалиста-утописта в защиту угнетенных и эксплуатируемых масс, дышат ненавистью к эксплуататорам. Ленин отме-

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 208.

¹³ ЦГАЛИ. Чернышевский Н. Г., ф. 1, оп. 1, ед. хр. 559.

чал, что Чернышевский является глубоким критиком капитализма, что «от его сочинений веет духом классовой борьбы» и проповедью революционных преобразований. Мыслитель критиковал буржуазно-помещичьи порядки и обосновывал будущее социалистическое общество, которое придет на смену настоящему не самотеком, а в борьбе; он мечтал не о какой-нибудь жалкой конституционно-буржуазной парламентарной системе, чем пробалялись обычно буржуазные либералы, а об осуществлении в стране коренных социальных преобразований, о социалистической системе общественной жизни. Хотя его социалистический идеал носил еще утопический характер, но он имел по тому времени прогрессивное значение, так как в нем отражались надежды и чаяния широких крестьянских масс и других слоев трудящихся. На этом идеале воспитывались новые поколения борцов и революционеров.

При анализе исторических событий Чернышевский исходит из того факта, что главным двигателем исторического прогресса являются народные массы, создающие своим повседневным трудом все необходимые материальные блага и предпосылки для дальнейшего прогресса и совершенствования общества, для развития его духовной культуры. Он не отрицает роли великой личности в истории, но считает, что она тогда играет выдающуюся роль, когда учитывает назревшие исторические потребности общества, действует не против них, а в соответствии с этими потребностями. Великая личность не стоит над обществом, не диктует и не навязывает ему свою волю, а «является только служительницей времени и исторической необходимости»¹⁴.

Хотя Чернышевский в силу отсталости русской действительности не стал историческим материалистом, переоценивал роль идеальных мотивов, значение распространения просвещения, но одновременно он высказал ряд глубоких догадок о роли и значении классовой борьбы в развитии общества от низших форм к высшим, о значении революций, направленных на свержение старых, реакционных порядков и замену их новыми, более совершенными, более отвечающими духу времени, интересам народа. Как диалектик, он считал, что все лучшее, чего достигло человечество, достигнуто в результате острых столкновений противоборствующих сил, в результате острой классовой борьбы. Изучение и анализ всемирной истории народов от античности и средних веков до бурной исторической жизни народов Европы и Америки XVII—XVIII—XIX вв. приводят мыслителя к диалектическому выводу, что исторический процесс народов необычайно сложен и крайне противоречив, но не прямолинеен и не устлан розами. Достижение современного уровня потребовало от народов колоссальной энергии, неисчислимых лишений и жертв, что

---

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 182.

передко выливалось в социальные потрясения — войны и революции.

Критикуя в 1920 г. «левых коммунистов», которые с порога отвергали необходимость коммунистов работать в реакционных профсоюзах, возможность участия в буржуазных парламентах, выдвигали вздорный метафизическо-схоластический лозунг «никаких компромиссов», В. И. Ленин указывал, что эти люди глубоко заблуждаются и наносят серьезный урон революционному движению. Разъясняя «левым коммунистам» то обстоятельство, что они не понимают характера общественно-исторического развития, задач классово-борьбы и пролетарской революции, Ленин сослался на высказывание русского великого социалиста домарковского периода Н. Г. Чернышевского¹⁵. «Русские революционеры, — указывал далее Ленин, — со времен Чернышевского неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки не так дорого заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне»¹⁶.

Чернышевского не удовлетворял односторонний, метафизический подход к общественной жизни таких историков, как Гизо, Нибур, Шлоссер, Вебер и другие, которые хотя и дали много ценного фактического материала, но не могли постичь диалектическую «идею всеобщей истории», не поняли, что «история есть борьба», борьба неимущих против имущих, бедных против богатых. Труды этих историков, как и многих других, страдают не только неполнотой и односторонностью в воззрениях на жизнь и историю человечества, но и узостью, метафизической отвлеченностью. Как правило, историки, представлявшие интересы имущих классов, не проникали в содержание исторического процесса, скользили по поверхности, не видя или не желая видеть, что общество по своему экономическому положению разделено на противоположные, враждующие классы, между которыми идет постоянная острая борьба.

«По выгодам все европейское общество, — писал Чернышевский, — разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным; первая благоденствует, вторая терпит нужду.

Интересы первой в том, чтобы сохранить нынешнее положение вещей, по которому большая часть из плодов народного труда достается в руки ее немногочисленных членов. Интерес второй половины общества, считающей в себе повсюду более девяноста человек из ста, состоит в том, чтобы изменилось нынешнее положение и трудящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достающимися в чужие руки. Это разделе-

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 55.

¹⁶ Там же.

ние общества, основанное на материальных интересах, отражается и в политической деятельности»¹⁷.

В свою очередь политическая деятельность ведет к образованию борющихся между собой политических партий. Причем Чернышевский подметил, что связь по классовому и партийному признакам значительно сильнее, чем по национальному, что враждующие партии нередко прибегают к помощи таких же партий других национальностей, чтобы одержать победу над противником. «... Таким образом, связь по принадлежности к одной и той же партии гораздо крепче, нежели связь по национальности, а вражда по различию партий — выше недоверия, внушаемого иноземцами. По всему материка Западной Европы реакционеры составляют нечто вроде старинного Мальтийского ордена, в котором были люди всех национальностей и все стояли друг за друга, и все стояли за свой орден. Точно то же и модернисты и революционеры»¹⁸.

Борьба трудящихся со своими угнетателями, революционеров с реакционерами в итоге решается, по Чернышевскому, через «политические перевороты», т. е. революции, совершаемые с помощью народных масс. Отсюда главным недостатком прежних исторических трудов является то, что в них история искажается в интересах той партии, к которой примыкал или которой сочувствовал сам историк, отводя решающую роль в судьбах человечества царям, полководцам, героям, воинам и игнорируя «судьбы целого населения», повседневную деятельность народных масс, их запросы и нужды, их труд, на чем, собственно, держится общественная жизнь.

Хотя Чернышевский и сам не смог еще последовательно, научно постичь сущность исторического процесса во всем его объеме и многообразии, однако он высказывал глубокие догадки, когда утверждал, что «жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, складывается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец материальный быт: жилища, пища средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби»¹⁹.

Взяв в диалектическом единстве комплекс условий, определяющих общественно-исторический прогресс, Чернышевский, однако, не останавливается на этом, а ищет в этих взаимосвязанных и взаимообусловленных факторах исторического комплекса главный, решающий. И находит его в «материальных условиях быта». Революционер-демократ с сожалением и упреком говорил по ад-

---

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 337.

¹⁸ Там же, с. 339.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356.

рису тех историков, в трудах которых о «материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни, едва упоминается, да и то, самым слабым и неудовлетворительным образом, так что лучше было бы, если б вовсе не упоминалось»²⁰.

Именно диалектический подход к явлениям общественной жизни помог Чернышевскому выявить в обществе борющиеся классы и партии, в результате чего происходят революционные изменения действительности. Русский мыслитель обратил внимание на «материальные условия быта, играющие едва ли не первую роль, составляющие коренную причину почти всех явлений». Но, высказав эти смелые догадки, Чернышевский, однако, не стал историческим материалистом, не дошел до диалектико-материалистического истолкования способа производства материальной жизни, до учения о производительных силах и производственных отношениях, которые составляют экономическую структуру общества, реальный его базис, определяющий юридические, политические, философские, религиозные и прочие надстройки.

Из общих законов диалектики, на которые опирался и которые развивал Чернышевский, пожалуй, самое большое место мыслитель и революционер отводил известному закону отрицания отрицания, который он считал наиболее универсальным, проявляющимся как в природе, так и в общественной жизни. Этот всеобщий закон, по его мысли, пронизывает собой «все явления мировой жизни от ее самых общих состояний до мельчайших подробностей каждой отдельной сферы бытия». Данный закон диалектики показывает: процесс прогрессивного развития идет таким образом, что «высшая степень развития по форме сходна с его началом, но сходна только по форме, тогда как по своему содержанию она многосторонна, богаче исходного начала и представляет собой более совершенное, более развитое состояние». В подтверждение этого Чернышевский ссылается на физические, химические и биологические процессы, на развитие растительного и животного миров²¹.

Однако Чернышевского как революционера-демократа и социалиста интересовал не столько «общий ход планетарного развития», сколько развитие экономических и политических форм общественной жизни, формы государственного устройства и законодательства, формы материального труда и семьи, характер классовых отношений и классовой борьбы, а в конечном итоге — осуществление социалистического идеала.

Подчеркивая всеобщий характер закона отрицания отрицания, Чернышевский сумел в подцензурной печати показать его революционизирующую роль. Закон отрицания отрицания он распро-

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 357.

²¹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 368—376.

странил на общинное владение землей в России и использовал его не для идеализации патриархальной общины, а главным образом для обоснования неизбежности революционного переустройства общественной жизни в России на социалистических началах, минуя или сокращая до минимума капиталистическую стадию. При этом он вел борьбу на два фронта — против славянофилов, или помещичьих либералов, с одной стороны, и против буржуазных либералов, которых часто называют «западниками», — с другой.

Чернышевский высмеял «мистическую гордость» славянофилов, утверждавших, будто общинная форма владения землей свойственна только славянскому, особенно русскому, народу и что ничего подобного у других народов не было. Вслед за Белинским, ссылаясь на исторические факты, он доказывал, что община не является исключительной и прирожденной национальной чертой лишь славянских народов или русского народа, что эту фазу общественного устройства прошли в прошлом или переживают в данное время и другие народы мира. «... Общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, — писал революционер-демократ, — существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту. Оказалось, что общинное владение землею было и у немцев, и у французов, и у предков англичан, и у предков итальянцев, словом сказать, у всех европейских народов; но потом, при дальнейшем историческом движении, оно мало-помалу выходило из обычая, уступая место частной поземельной собственности»²².

Отсюда видно, насколько нелепыми являются встречающиеся иногда утверждения отдельных авторов, пытающихся отождествить воззрения Чернышевского на общинное устройство со взглядами славянофилов, видевших в общине не «общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа»²³, а исключительно славянское или русское явление. К тому же славянофилы пытались законсервировать общину как патриархально-феодальную организацию, которая, по их мнению, спасет Россию от социальных потрясений Западной Европы. Славянофилы ни в какой мере не помышляли о коренном революционном преобразовании патриархальной общины в общину социалистическую, тогда как весь ход и смысл рассуждений Чернышевского заключался в противоположном — в возможности революционного преобразования патриархальной общины в социалистическую с использованием ею не только крупного общинного владения землей, но и общинной (коллективной) собственности на все средства производства, коллективного труда, использования достижений передовой науки и техники.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 362.

²³ Там же.

Возражая славянофилам, Чернышевский подчеркивал, что сохранение общины в России и у других народов — свидетельство не прогресса, а замедленности исторического развития, вызванной неблагоприятно сложившимися обстоятельствами, а сама замедленность в сравнении с передовыми странами не может вызывать необоснованной гордости.

Русский мыслитель подверг критике идеологов буржуазного либерализма, так называемых западников, считавших себя знатоками и последователями гегелевской философии, утверждавших, что там, где сохранилась общинная собственность, она согласно гегелевской триаде обязательно должна перерасти в более высшую стадию — частную, т. е. буржуазную, собственность. Чернышевский оспаривал и это положение буржуазных либералов, вносил в него иное, революционное толкование. При благоприятно сложившихся исторических обстоятельствах переход от низшей формы к высшей может и совсем миновать второй (средний) момент или сократить его до минимума, ибо в процессе развития через отрицание средний момент может иметь лишь логический, а не исторический смысл. Иногда средние моменты если и достигают реального осуществления, то, как правило, ничтожного по размеру и еще более ничтожного по отношению к практической жизни. Средний момент остается лишь логическим или проходит ускоренно при тех условиях, когда отставший народ, сближаясь с передовыми народами, опираясь на их достижения, не повторяет всех пережитых предшественниками степеней развития и, минуя средние звенья, которые «достигают только теоретического», а не практического развития, прямо переходит к высшей степени.

«При таком ускоренном ходе развития, — писал Чернышевский, — средние степени, пропускаемые жизнью народа, бывшего отсталым и пользующегося опытом и наукою передового народа, достигают только теоретического бытия, как логические моменты, не осуществляясь фактами действительности»²⁴.

Определив ход исторической жизни народов через отрицание отрицания, революционер-демократ показывает, что высшая степень развития лишь по форме, но не по содержанию совпадает с его исходной, или начальной.

Общинная форма владения землей в России, по Чернышевскому, при благоприятно сложившихся условиях может миновать средний момент (т. е. переход ее в частную собственность), и, учитывая опыт других передовых народов, она может перейти прямо к третьему (социалистическому) периоду, т. е. к высшей фазе общинного владения землей, средствами труда и производства, к коллективной форме ведения хозяйства, организованного на основе новейших достижений науки, техники и промышленности. В литературе принято считать эту идею утопической и ошибочной. Чернышевский действительно был утопическим со-

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 388—389.

диалистом. Однако не все в этой идее, если принять во внимание предреформенные условия и складывающуюся в России революционную ситуацию, было утопическим и ошибочным. В ней содержалось и определенное рациональное зерно.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно касались русской общины. Обратимся лишь к их последним высказываниям по данному вопросу, сформулированным много лет спустя после Чернышевского. Так, в известном предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», написанном в 1882 г., они приходят к выводу, что «единственно возможный в настоящее время (т. е. 20 лет спустя после выступления Чернышевского. — *И. Ш.*) ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»²⁵. Известно, что такой революции, которая послужила бы сигналом к пролетарской революции на Западе, не произошло.

Чернышевский не мог так четко и определенно решить вопрос относительно судьбы общинного землевладения в России, как это сделали Маркс и Энгельс. Однако, выступая в подцензурной печати относительно возможности избежания «среднего момента», т. е. превращения общинной собственности в частную, буржуазную собственность, он связал его с «благоприятными обстоятельствами» и с усвоением отставшим народом всех достижений, которые имеют вырвавшиеся вперед народы. Большого противники упрекали его за то, что он говорит «намеками», «уклончиво», прибегая к «военным хитростям», «завертывается в аллегории». Оснований для подобных упреков у противников Чернышевского было более чем достаточно.

Далее. Анализируя социальные отношения в России, в том числе вопрос о крестьянской общине, Ф. Энгельс в 1894 г. отмечал, что хотя момент возможности ее использования, видимо, теперь окончательно потерян, но тем не менее сама по себе идея общинного социализма сыграла положительную роль в общероссийском революционном движении, приняла форму решительного штурма самодержавия — оплота европейской реакции. «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов»²⁶.

Выдвинутое Чернышевским положение, что «под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 451.

жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»²⁷, приобрело особую актуальность в XX в.

Диалектический метод, который разрабатывал Чернышевский, помогал ему и другим революционным демократам осмысливать характер и направление общественной жизни, вскрывать классовые противоречия и классовую борьбу в современном им буржуазном строе на Западе и самодержавно-крепостническом в России, вселял уверенность в неизбежность гибели эксплуататорского строя и всех его порождений, в торжество великих социалистических идеалов. На диалектике Чернышевского воспитывались многие поколения революционных борцов.

Я. Ф. Аскин

РАЗВИТИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ ТЕОРИИ ДЕТЕРМИНИЗМА

Существенное, поистине ключевое место в системе взглядов Н. Г. Чернышевского занимала философия. Он был убежденным материалистом. Стоя на позициях цельного философского материализма, революционер-демократ последовательно проводил через все свои работы принцип единства мира, который неизменно занимает одно из первых мест среди философских принципов, лежащих в фундаменте познавательной деятельности и образующих базис построения системы научного знания, мировоззренческие основы картины мира. Рассмотрение множества вещей, образующих природу, социальный и духовный миры человечества, в некоем единстве характерно для длинной череды мыслителей, сменявших друг друга на протяжении столетий. Вместе с тем само содержание такого подхода отнюдь не остается неизменным. Чернышевскому присуще глубокое материалистическое понимание принципа единства мира.

Считая, что единство мира обусловлено единой материальной субстанцией, Чернышевский стоял тем самым на позициях монизма и видел взаимосвязь вещей и явлений — важный аспект принципа единства. При этом, углубляя понимание единства мира, он выявлял механизм, лежащий в его основе, видел динамичный фундамент единства вещей — их взаимообусловленность. «Весь мир составляет одно целое, — писал он, — ... все части

---

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 389.

Вселенной связаны между собою тем, что изменение одной влечет за собой некоторое изменение во всех»¹.

Существенно, что принцип единства мира философ применяет к единству научного знания — единству наук о природе и наук об обществе, наук о человеке. Проблема человека стоит в центре всей философской концепции русского мыслителя, что образует силу этой концепции, обуславливает ее цельность. Отмечая, что единство законов природы является эффективной основой истолкования явлений окружающей действительности², Чернышевский так подходит и к человеку. Его взгляд на человека как целостное существо, стремление «не разрезывать человеческую жизнь на разные половины»³ при известной антропологической узости подхода имели важное значение для рассматривания человека как звена в необходимой цепи общего процесса развития материи. Характерно, что среди своих предшественников в таком подходе к человеку он называет Спинозу, в философии которого, как известно, был глубоко выражен материалистический монизм.

Все это определяет важное место философского детерминизма в общей концепции великого русского мыслителя. Детерминизм не сводится им только к признанию какого-либо одного вида обуславливающих связей, в частности причинно-следственных (хотя, понятно, существенно включает в себя идею причинности), а является философским учением о всеобщей обусловленности вещей и событий, о зависимости их от тех факторов, которыми они определены в своем существовании и изменении, которые ответственные за характеризующие их признаки. Детерминизм предполагает утверждение идеи взаимообусловленности всего сущего и теснейшим образом соотносится с принципом единства мира, выступая в известном смысле одним из аспектов этого принципа.

В качестве компонента философского монизма детерминизм в материалистическом понимании утверждает активность материи, раскрывает действенное начало самой природы. Эта идея, связанная с коренными, исходными противоречиями между материализмом и идеализмом, который наделяет детерминирующей, обуславливающей, творческой силой духовное и только духовное, нашла у Чернышевского яркое выражение. Он последовательно стоял на точке зрения признания внутренней активности материи, признания деятельного характера сил природы, ее «действования», «взаимодействия», находящего выражение в законах природы. «Материя имеет силу действовать», — писал он сыновьям, излагая свое философское кредо (письмо от 21 июля 1876 г.).

Важный вклад в общефилософскую концепцию детерминизма, в разработку ее методологического аспекта вносит борьба

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 165.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 249.

³ Там же, с. 293.

Н. Г. Чернышевского против феноменологизма, против стремления исключить из научного познания обращение к анализу сущности, выявление того, что детерминирует вещи и события. «... Если важно собирать и исследовать факты, — писал русский философ, — то не менее важно и стараться проникнуть в смысл их»⁴. Это положение прямо противоречит установкам позитивизма, который начиная с О. Конта настаивал на том, что для положительного знания противопоказано заниматься анализом сущностей и причин, что следует лишь ограничиваться фактами, характеризующими внешний ход событий. Причинный, сущностный подход Конт относил исключительно к особенностям теологического и метафизического методов, а характерным для научного (положительного) метода он считал признание того, что вопросы о внутренней природе вещей, происхождении и цели явлений являются «недоступными для человеческого разума»⁵. Для Конта, как и для других позитивистов — современников Чернышевского, было характерно не только отвергание сущности во имя явлений, но и другая ложная альтернатива: отвергание теоретических методов во имя методов экспериментальных. Известна широкая и неоднократная критика ограниченности философии О. Конта в работах Чернышевского, борьба которого против позитивизма получила высокую оценку В. И. Ленина в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Следует отметить, что чисто феноменологическое понимание научного знания отстаивал и идеалист П. Д. Юркевич в полемике с Чернышевским. Речь шла о коренной противоположности двух направлений в философии, о «взаимных отношениях разных философских направлений»⁶, как писал Чернышевский, — идеалистического и того, в которое входил Чернышевский, видя своих философских единомышленников в Демокрите, Бэконе, Локке, Фейербахе, Белинском, Герцене и других мыслителях. Спор с Юркевичем затрагивал кардинальные вопросы противоречий материализма и идеализма. «... Тут все дело, — писал Чернышевский, — состоит в методологических, психологических, метафизических тонкостях...»⁷. И весьма существенно, что одним из вопросов этой полемики был вопрос о способности наук проникать в сущность вещей.

В статье, направленной против «Антропологического принципа в философии», Юркевич, упрекая Чернышевского, настаивал на чисто феноменологическом понимании частных наук, естествознания. «Если философии, — писал он, — противопоставляются точные науки, то под этими последними понимаются в таком случае науки опытные, следовательно, занимающиеся явлениями и

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 6.

⁵ Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1900, т. 1, с. 6.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 762.

⁷ Там же, с. 758.

не касающиеся вопроса о метафизической сущности вещей»⁸. В этих словах проявилось единомыслие сторонника религиозной философии с континизмом.

В качестве последовательного материалистического, монистического детерминиста Чернышевский убедительно опровергал подобную позицию. Опираясь на глубокое понимание смысла научного познания, он показал, что познание всегда идет от явлений к раскрытию тех сущностных факторов, которые их порождают и детерминируют.

В рамках широкого философского контекста, включающего принцип единства и взаимосвязи, идею активности как имманентного свойства материи, теория детерминизма выступает у Чернышевского в качестве фундаментального мировоззренческого и методологического принципа, имеющего всеобщую применимость: «все на свете происходит по причинной связи»⁹.

Такая позиция нашла свое яркое проявление в подходе Чернышевского к решению психофизической проблемы. Материалистический монизм распространяется им не только на природу, но и на общество с его духовной жизнью. Психическое как порождение и отражение материи вписано в единую картину мира, не теряя своей специфики, отличающей его как субъективную реальность от реальности объективной. При этом можно говорить о двух органически взаимосвязанных рядах обусловленности психики, о своеобразной двойной ее детерминации: обусловленности психики социальным бытием, практически-деятельным миром человека и обусловленности ее физиологически-материальным субстратом — мозгом, нервной системой, что и образует содержание проблемы, традиционно называемой психофизической.

Обосновывая материалистическое решение психофизической проблемы, Чернышевский последовательно опирается на принцип детерминизма, «закон причинности», на каузальное объяснение генезиса психических явлений как следствий явлений материальных. Существенно подчеркнуть, что соотношение причины и следствия русский философ-материалист понимал как творческий процесс, связанный с появлением качественно нового, т. е. диалектически.

Весьма показательна попытка Юркевича апеллировать к чисто механистическому пониманию причинности. Невозможность происхождения сознания из материи профессор духовной академии пытался обосновать ссылкой на то, что в действии (следствии) не может быть того, чего нет в причине, и, стало быть, материальное не могло перейти в духовное, породить что-либо, кроме материального.

В противовес этому симбиозу идеализма и механистическо-метафизического детерминизма позиция Чернышевского — это

⁸ Цит. по кн.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 731.

⁹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 47.

позиция творческого материалистическо-монистического детерминизма. Принцип детерминизма включен здесь в концепцию развития. В полемике с идеалистами о генезисе сознания спор шел о переходе к новому качеству, о том, что «количественное различие переходит в качественное различие»¹⁰, на чем настаивал Чернышевский и что отвергали Юркевич и его сторонники М. Н. Катков из «Русского вестника» и С. С. Дудышкин из «Отечественных записок»¹¹.

Будучи включена в концепцию развития, идея строгой причинной обусловленности сочетается с признанием такого перехода количественных изменений в качественные, который обуславливает (и объясняет, если брать теоретическую сторону дела) появление нового в процессе развития материи и, в частности, генезис духовного. Подход Чернышевского имеет важное значение и в наши дни, когда углубление в механизмы материального субстрата психики продолжает оставаться актуальным. Сложность расшифровки положения о мозге как органе сознания связана с выявлением «мелких» качественных особенностей материальных основ психики на таком уровне, где роль играет не только физиология, но и химизм нейронов. Важные исследования в этом отношении ведутся в научных школах выдающихся советских физиологов П. К. Анохина, И. С. Бериташвили, их учениками и последователями.

Общезакономерные воззрения Н. Г. Чернышевского органически соединены с его социологической концепцией, развивались в тесном единстве с его революционно-демократическими идеями. Нельзя, понятно, игнорировать известную ограниченность понимания им общественной жизни, движущих сил социального прогресса, узость антропологического материализма в решении проблемы человека. При этом следует отметить, что русский мыслитель уделял внимание специфике общественной сферы действительности. Это отличало его, скажем, от О. Конта, который говорил о социологии как о «социальной физике».

Социальная детерминация выделяется Чернышевским как особая форма детерминации. Яркий пример такого понимания специфики социальной детерминации можно видеть на примере критики великим русским мыслителем расовой теории, являющейся крайним выражением биологизаторства в понимании общества. С социальным детерминизмом связана и деятельность революционера-демократа как экономиста, его подход к исследованию «экономического быта» как материальной стороны жизни людей, к выяснению того, что «разница . . . в умственной жизни» вызвана различием «по материальному положению»¹².

---

¹⁰ Там же, с. 242.

¹¹ См.: Там же, с. 761.

¹² Там же, с. 430.

Существенный элемент социального детерминизма Н. Г. Чернышевского составляет учение о необходимости в истории общества, о законосообразности исторического процесса. Как ход событий истории, так и поведение индивида, черты его личности русский мыслитель объясняет, опираясь на принцип детерминизма. Исходя из строго причинного подхода, он отвергает идеалистическую абсолютизацию свободы воли. Вопросу о свободе воли революционер-демократ справедливо придает большое значение. Среди «самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими», теорию решения которых и составляет философия, находится вопрос о свободе воли¹³. При этом он решает традиционную проблему соотношения свободы воли и детерминации последовательно материалистически: «То явление, которое мы называем волею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинною связью»¹⁴.

Социальный детерминизм Чернышевского не перерастает в абсолютизацию прямолинейной необходимости, в фатализм. Он включает в себя диалектику необходимости и свободы. Сочетание детерминизма и свободы (свободы воли) в одном учении было ранее и остается ныне недоступным для метафизическо-механистического миропонимания. Чернышевский видел это сочетание и блестяще выразил в этическом учении, в котором достойное место отведено творческому началу личности, ее инициативе, ее ответственности. По выражению А. В. Луначарского, «для Чернышевского важно было создать новую мораль, которая сама была бы детерминирующей силой»¹⁵.

Существенное значение Чернышевский придает целевой детерминации, детерминации будущим. Учитывая обусловленность поведения и всей деятельности человека прошлым, социальной средой, его окружающей, он не ограничивает факторы детерминации только прошлым и настоящим. Само настоящее философ рассматривает в развитии, в революционной изменчивости, видит будущее как то, что коренится в возможностях наличного бытия. Как и для А. И. Герцена и В. Г. Белинского, диалектика выступает у него как «алгебра революции».

Люди будущего, видящие социалистические цели и с этих позиций рассматривающие смысл сегодняшней действительности в ее динамике, — такими выступают «новые люди», герои романа «Что делать?». Мысль и действие Чернышевского постоянно были направлены в будущее, готовили светлое социалистическое будущее России. Это во многом определило то место, которое нашла целевая детерминация в работах великого русского материалиста и диалектика.

---

¹³ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 239.

¹⁴ Там же, с. 261.

¹⁵ *Луначарский А. В.* Русская литература. М., 1947, с. 190.

Чернышевский связал свою судьбу с будущим, он увидел то, что было в его годы как возможность. И сейчас, когда эта реальная возможность превратилась в действительность общества развитого социализма, можно полной мерой оценить величие Чернышевского — революционера в жизни и в теории. Философский детерминизм предстает в наследии русского мыслителя как богатое, получившее дальнейшее развитие учение, раскрывающее многообразие видов детерминации, составляющее органическое целое с концепцией единства и развития природы и человека.

И. Я. Леваш

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Органическая преемственность, которая связывает марксистско-ленинскую теорию социального прогресса с предшествующими социально-философскими концепциями совершенствования общества, обязывает к внимательному анализу всего ценного, что создано в этой области их выдающимися творцами. Среди них видное место занимает разработка проблем социального прогресса.

Фундаментальные факторы социального характера оказали свое решающее воздействие на формирование и развитие концепции Н. Г. Чернышевского о поступательном развитии общества. К ним прежде всего относятся: в Европе — обострение противоречий окончательно созревшего капитализма и вызванная ими буржуазно-демократическая революция 1848 г., ее драматическое поражение и крах буржуазного идеала «свободы, равенства и братства»; в России — острый кризис феодально-крепостнических отношений, дальнейшее нарастание тенденций буржуазного развития страны. Революционное движение в стране неуклонно развивалось, но отсталость российской действительности, неразвитость русского капитализма придали ему еще незрелые формы.

Страстный протест против многовековой феодальной и новой буржуазной эксплуатации, но протест с точки зрения крестьянства, мелкого производителя, еще не избавившегося от многих социальных иллюзий, выразили представители второго этапа освободительного движения в России — революционные демократы. Они прекрасно сознавали свою роль идеологов народных масс.

Признанным идейным главой революционной демократии был Чернышевский. И хотя ему не удалось создать целостную диалектико-материалистическую систему взглядов на общество и его

прогресс, пас в его теоретическом наследии интересуется то ценное, что признано вершиной социально-философской мысли на втором этапе освободительного движения в России.

Как известно, мыслитель объявлял себя приверженцем «антропологического принципа» Фейербаха, никогда сознательно и систематически не подчеркивая как определенные различия в интерпретации этого принципа, так и нередко его смысловую противоположность взглядам немецкого философа. Между тем обращение Фейербаха к человеку как эпицентру философской проблематики, его гуманизм, будучи протестом против мистической «тьмы гегельянщины» (Энгельс), были вместе с тем метафизически абстрактными, отвлеченными от коренных интересов широких народных масс эпохи европейских буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. Напротив, для Чернышевского антропологический принцип — прежде всего мировоззренческий и методологический исходный пункт для осмысления окружающего человека природного и социального мира, поиска закономерностей деятельности общественного человека, включая революционную борьбу за достойные условия его существования и развития.

Благодаря такой практически-гуманистической устремленности своих теоретических и социально-политических интересов Чернышевский оказался на голову выше Фейербаха в реализации антропологического принципа; он тяготел к материалистическому пониманию общественных процессов, к тому, чтобы вычленять материальные факторы в качестве коренных причин общественной жизни. «Так называемая политическая история, — писал он, — ... до сих пор преобладает в рассказе историков, между тем как на деле она имеет для жизни рода человеческого только второстепенную важность... О материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других, высоких сферах жизни, едва упоминается... Не говорим уже о том, что в сущности вся история продолжает быть по преимуществу сборником отдельных биографий, а не рассказом о судьбе целого населения, то есть скорее похожа на сборник анекдотов, прикрываемых научною формою, нежели на науку в истинном смысле слова»¹.

Более того, Чернышевский акцентирует внимание не просто на «материальных условиях быта», как нерасчлененном единстве своих многообразных проявлений, а подчеркивает ведущую роль среди них общественных отношений. Возражая против сведения английским историком Г. Т. Боклем «первичной причины» прогресса Европы к «подчинению органических и неорганических сил природы уму человека», он специально отмечает: «Но и развитие общественных отношений важно»².

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356—357.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 547.

Вместе с тем такая апелляция к материальной стороне социальных процессов была лишь симптомом научного, материалистического понимания истории, поскольку здесь еще используются незрелые категории, выражается координация, но не объективно-реальная субординация между ними, не вычленяется решающая роль способа производства, экономического базиса общества.

Тем не менее очевидная материалистическая ориентация позволила Чернышевскому высказать глубокие соображения о тенденциях развития общества, его диалектическом характере. В полемике с историком Г. Чичериным он тонко замечает, что «возвышение» социальных учреждений так же нельзя отождествлять с прогрессом, как и их падение — с регрессом. «К сожалению, — пишет революционер-демократ, — факты не всегда соответствуют такому понятию об историческом движении... Но часто бывает и иначе. Если историческое движение целого человеческого рода идет путем прогресса, то отдельные народы подвергаются часто влиянию неблагоприятных обстоятельств... Понятие о прогрессе имеет свои ограничения в жизни народов. Еще чаще такие несоответственные прогрессу явления замечаются, когда мы берем одну сторону народной жизни. Поэтому едва ли может соответствовать истине такое построение истории отдельной нации, в котором решительно каждое важное явление в каждой отрасли народной жизни представляется возникающим и упадающим соответственно правилу прогрессивного развития»³.

Такой подход позволил мыслителю преодолеть метафизическое отождествление развития и прогресса, определить «возвышение» социальных учреждений как ведущую черту развития вообще, как прогрессивного, так и регрессивного, и вместе с тем подчеркнуть, что прогресс является магистральным направлением движения. «Цивилизованные нации с довольно давнего времени трудятся над улучшением своей умственной и материальной жизни успешно, — пишет Чернышевский. — В последние три, четыре столетия каждая из них подвергалась затруднениям или бедствиям, оказывавшим понижающее влияние на ее умственную и материальную жизнь; но о каждой должно признать, что эти понижающие влияния были менее постоянны и сильны, чем повышающее действие хороших элементов быта и благоприятных обстоятельств, так что если мы будем сравнивать два состояния какой-нибудь цивилизованной нации, отделенные одно от другого значительным периодом времени, например двумя столетиями, то во всех случаях увидим, что умственное и материальное положение нации во вторую из сравниваемых эпох было значительно лучше, нежели в первую»⁴.

Но вместе с тем, нельзя игнорировать ограниченность взглядов Чернышевского на регрессивные тенденции в развитии общества.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 571—572.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 520—521.

Он усматривал в них лишь исторические случайности. Об этом свидетельствует его анализ причин падения Римской империи. Никакой внутренней необходимости крушения Рима, по его мнению, не было: прогресс древнего общества был безостановочным. Подобные случаи гибели целых социальных систем и отдельных общественных учреждений от внешних разрушительных сил он считал характерными для истории в целом. Не поняв неизбежности нисходящей ветви развития антагонистического общества на определенных конкретно-исторических ступенях, он полагал, что регрессивные периоды становятся «все менее и менее продолжительными...»⁵ в истории.

Но независимо от такого объяснения причин регресса философ был убежден в его исторической обреченности. Обоснование этой прочной веры он находит в признании синтеза закономерностей окружающего мира с «натурой» человека, склонной к совершенствованию. «Сам по себе человек очень слаб, — писал он, отказываясь объяснять прогресс чисто «биологической» природой человека, — всю свою силу заимствует он только от знания действительной жизни и умения пользоваться силами неразумной природы и врожденными, независимыми от человека качествами человеческой природы. Действуя сообразно с законами природы и души и при помощи их, человек может постепенно видоизменять те явления действительности, которые несообразны с его стремлениями, и таким образом постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний»⁶.

Налицо противоречие: с одной стороны, Н. Г. Чернышевский метафизически усматривает источник социального прогресса во «врожденных качествах человеческой природы», с другой — обнаруживает догадку о соотношении необходимости и свободы в развитии общества как механизма его прогресса. Именно эта диалектическая тенденция привела его к фактическому отказу от «тощей» абстракции «человека вообще» как субъекта совершенствования общества и к поиску более конкретного его субъекта, осуществляющего не всякую, а социально-направленную на прогресс деятельность.

На этом плодотворном пути мыслитель отвергает гегелевское положение «все действительное разумно» как оправдание социального бессилия, примирения с действительностью. Он вырабатывает идеал «положительного» человека-борца, в полной мере раскрывающего свою творческую сущность. Русский мыслитель подчеркивал, что «нельзя назвать положительным и того человека, который, поняв, что силы придаются человеку только действительностью и прочные наслаждения доставляются только ею, вздумал бы объявлять, что нет в действительности таких явле-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 616.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 228.

ний, которые нужно и возможно человеку изменить, что в действительности все приятно и хорошо для человека и что он совершенно бессилён перед каждым фактом... Положителен только тот, кто хочет быть вполне человеком... находя многое в действительности прекрасным, не отрицает также, что многое, в ней дурно, и стремится, при помощи благоприятных человеку сил и обстоятельств, бороться против того, что неблагоприятно человеческому счастью»⁷.

Успешность этой борьбы глава революционной демократии ставит в прямую зависимость, в «живую связь» не с «врожденными качествами человеческой природы», а с реальными потребностями общества, «действительности». «Чем действительнее и положительнее стремления человека, — отмечал он, — тем энергичнее борется он с обстоятельствами, препятствующими их осуществлению»⁸.

Такая логика привела Чернышевского к дальнейшей конкретизации «положительного» субъекта социального прогресса и восхождению к беспрецедентной в истории домарксистского социально-философского мышления идее воплощения общечеловеческих потребностей и интересов прогресса в интересе большинства, т. е. требованиях «простолюдинов», трудящихся масс. Великий революционер проницательно увидел качественный характер изменений в решающей роли масс в современной истории, отметив, что «главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности»⁹.

Такое оптимистическое видение грядущей истории и роли в ней «простолюдинов» безмерно далеко от утверждений Фейербаха накануне февральской революции 1848 г. в Париже: «Господа, век революций прошел».

Именно в концепции социальной революции, ее благотворного воздействия на ход истории Чернышевский наиболее полно и сильно выразил свое демократическое понимание решающей роли трудящихся масс. Благодаря участию масс в революциях, по убеждению мыслителя, «девять десятых частей того, в чем состоит прогресс»¹⁰, совершается во время кратких периодов усиленной работы.

Вместе с тем отсталость российской действительности не позволила Чернышевскому перейти от замечательных идей о роли «простолюдинов» в истории, социальных революций к пониманию неоднородности народных масс, роли пролетариата, специфики и задач буржуазно-демократических и социалистических революций. Для этого требовались более зрелые социально-экономиче-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 230.

⁸ Там же, с. 231.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 666.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 13.

ские предпосылки европейского капитализма середины XIX в., диалектико-материалистическое понимание истории, созданное классиками марксизма.

Каким же образом измерял мыслитель степень социальной зрелости общества, его продвижения по пути прогресса? Нередко в качестве такого критерия он рассматривал успехи естественных и общественных наук, возрастание человеческого знания о законах окружающего природного и социального мира. В замечаниях на книгу английского историка Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии», соглашаясь с ним в том, что «прогресс человечества зависит от успехов в исследовании законов явлений», Чернышевский пишет: «Так, по вообще он расположен забывать, что феномена (явления) не одни физические, а также и нравственные, и потому у него слишком исключительно выдвигаются естественные науки и слишком мало цены дается большему или меньшему уменью общества понимать связь явлений общественной жизни...»¹¹.

Здесь Чернышевский в такой же мере обнаруживает преимущества своего социологического подхода к проблеме, подчеркивая роль прежде всего социального познания в преобразовании общества, обнаруживая поразительное предвидение о будущей единой науке о человеке, как и не выходит еще в целом за рамки духовной жизни общества в поисках критерия его прогресса. Вместе с тем великий мыслитель сделал плодотворные попытки найти решение этой важнейшей проблемы теории прогресса в принципиально ином направлении, с материалистических позиций.

Чернышевский выступил против господствующего в западноевропейской социально-философской мысли прагматического решения, предложив этико-экономическое решение проблемы. Он отверг концепцию Неккера, который «мерилом собственности и свободы... постановлял общую пользу»¹². Есть у нас общая норма для оценки всех фактов общественной жизни, отмечал мыслитель, «... благо человека...»¹³. Вместе с тем он указывал, что эта «норма» указывает на цель, но не содержит в себе указания на средства ее осуществления.

В качестве такого решающего средства он называл труд. Только труд, подчеркивал революционер-демократ, способен придать природе высшую красоту.

Результаты трудовой деятельности масс Чернышевский выражал с помощью категории «народный капитал», употребляемой не в обычном политэкономическом, а в социологическом смысле.

Философ оставил образцы использования выработанного им критерия прогресса. По его подсчетам, смерть мужчины молодых или средних лет уменьшает народный капитал в Европе в сред-

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 612.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 307.

¹³ Там же, с. 577.

нем на 1500 рублей серебром. С учетом трудовых потерь во время войн это означает, что, избавившись от такого бича, Европа была бы вдвое богаче, чем теперь, т. е. скорость ее продвижения по пути прогресса была бы вдвое большей.

Применяя выработанный критерий к масштабам всемирной истории, Чернышевский отчетливо видел два основных типа ее прогресса — антагонистический и неантагонистический. Он не сумел обнаружить подлинных исторических корней первого типа прогресса и зачастую недоумевал по поводу «парадокса революций», которые приносили основные плоды не осуществлявшему их трудящемуся большинству, а эксплуататорскому меньшинству. Вместе с тем мыслитель видел, что прогресс-«вампир» — далеко не случайность в истории, и причину его следует искать прежде всего в материальной бедности общества, скудости «народного капитала».

Благодаря выработанному критерию прогресса глава русской революционной демократии сумел дать глубокую оценку капиталистической фазе общественного развития. Воздавая должное достижениям капиталистической культуры, отмечая ее прогрессивный характер по сравнению с феодализмом и предшествующими типами общества, он отчетливо видел и ее историческую относительность и ограниченность в неспособности и нежелании господствующего класса направить огромный «народный капитал» в интересах самого народа. «В наше время, — писал великий критик капитализма, — из людей сколько-нибудь образованных нет ни одного, который считал бы Западную Европу земным раем»¹⁴.

Проделанный русским мыслителем глубокий анализ буржуазной политической экономии, доказательство ее апологетического характера дали основание К. Марксу назвать Чернышевского великим русским ученым и критиком¹⁵.

Чернышевский отрицал капитализм не ради отрицания, а в целях утверждения качественно нового типа социального устройства, основанного на отсутствии общественных антагонизмов, — социализма. Он называл себя «решительно партизаном социалистов и коммунистов», и он был им в самом высоком смысле не только как всякий революционный практик и социалист-утопист, но и как мыслитель, постигший некоторые важные закономерности восхождения общества на социалистическую ступень прогресса. «Высшая ступень развития, — писал революционер-демократ, — по форме сходна с его началом. . . при сходстве форм содержания в конце безмерно богаче и выше, нежели в начале»¹⁶. Это обогащение обусловлено не только внутренним, специфичным для социализма содержанием, но и тем диалектическим «снятием», которое происходит при переходе к нему. Все ценное

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 726; см. также т. IX, с. 412—413.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17—18.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 384, 368.

должно быть спасено во время гибели старого корабля и перенесено на корабль социализма.

В своем понимании конкретного содержания ценного для социализма наследия глава русской революционной демократии обращался прежде всего к славянской общине, и в этом заключается утопизм его взглядов. Но Чернышевский высказывал и противоположные суждения в этой связи. Известна его критика защитников древнего русского родового или общинного быта, видящих «в этих несозревших формах гражданственности явления беспримерные, которые могли бы быть созданы только славянской мыслью... подобные формы быта составляют довольно обыкновенную ступень в развитии общественного устройства...»¹⁷. Мыслителя никогда до конца не мог удовлетворить идеал социализма, отождествленного с общинными порядками, и в конечном счете он усматривал сущность будущего общественного устройства в освобождении труда и его союзе с наукой, провидел «новую эру», в которой «влияние естественных наук на историю должно со временем сделаться неизмеримо сильным»¹⁸.

Исторически ценной представляется разработка Чернышевским проблемы субъекта социального прогресса, в которой он использовал метод восхождения от абстрактного ко все более конкретному — от «антропологически» трактуемого «человека вообще» к «положительному» человеку, а от него — к «простолыдину», человеку труда, признанию его решающей роли в истории. Примечательно, что общесоциологическим критерием общественно-исторического прогресса революционер-демократ считал «благо народа», видя в нем высшую цель развития общества. Он был убежден, что эта цель будет осуществлена только в условиях светлого социалистического и коммунистического будущего.

В. В. Соколов

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

История народов Западной Европы привлекала самое пристальное внимание еще молодого Чернышевского. Впоследствии в своих «Очерках гоголевского периода...» он подчеркнул, что «чувство любви к своему хорошо; но оно должно быть проверяемо анализом фактов»¹. Такой анализ фактов Чернышевский осу-

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 593—594.

¹⁸ Там же, с. 358.

¹ Там же, с. 84.

ществуял, беря их не только из отечественной истории, но и из истории западноевропейской, которую он хорошо знал.

Важнейшим элементом общей картины западноевропейской истории стал у великого русского энциклопедиста анализ различных философских учений и идей зарубежных мыслителей. Систематическим изучением истории этих учений он занимался еще в семинарии (о чем можно прочесть, в частности, в его письме к сыновьям от 6 апреля 1878 г.). Оно продолжалось затем в университетский период и в период «Современника». Особое значение тогда приобрела для великого революционного демократа новейшая немецкая философия. Фейербах, многократно перечитываемый, стал властителем его дум и оказал, по его собственному признанию, решающее влияние на становление и оформление его собственного мировоззрения.

История мировой философии свидетельствует, что нередко весьма значительные мыслители признают себя последователями других, более крупных философов. Собственное философское мировоззрение они трактуют и объявляют только последовательным развитием идей своих учителей. Отчасти из скромности, но еще более по объективной исторической невозможности определить свое действительное место в философии такие мыслители искренне считают себя только последователями своих учителей. И лишь последующее развитие философии выявляет, что ученики продвинулись дальше своих учителей, сформулировали такие идеи, о которых ничего не знали эти учителя.

Отношение Чернышевского к Фейербаху — один из таких примеров. И дело не только в том, что первый из них, как уже доказано, дополнил и развил принципы антропологической философии. Важно то, что материалистическое учение Чернышевского отличается большей последовательностью по сравнению с материалистическим учением Фейербаха, что отчасти объяснялось тем, что первый из них более настойчиво связывал свое мировоззрение с достижениями естествознания. Другим, быть может, еще более важным преимуществом материализма русского мыслителя по сравнению с немецким явилась огромная социальная интуиция первого, интуиция, позволившая ему увидеть социально-политические корни важнейших философских учений.

Известный образец такого рода проницательности дан в самом начале «Антропологического принципа в философии». Не воспроизводя всего этого места, мы все же не можем пройти мимо характеристики Руссо как «революционного демократа» (кажется, одно из первых употреблений самого этого эпохального термина). Еще более проницательна политическая характеристика сложного философского учения Гегеля, который, по словам автора, был «умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к ниспровержению

слишком ветхой старины»². По убеждению автора этих строк, и ныне, спустя более столетия после приведенной политической характеристики гегельянства, она остается настолько верной, что мы не так уж много можем прибавить к ней (если не говорить об уточнениях, которые, разумеется, всегда возможны).

Итак, последовательный материализм, пронесенный Чернышевским через всю жизнь и столь высоко оцененный Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», а также глубина социальной интуиции стали теми определяющими чертами философского мировоззрения великого русского революционера, опираясь на которые он оценивал крупнейших представителей западноевропейской философии, нередко давая при этом образцы оригинальности и проницательности. Можно, например, считать, что мыслитель осознал определяющую роль материалистической линии, возникшей в античности и неразрывно связанной с естествознанием. В письме к сыновьям от 27 апреля 1876 г. Чернышевский признает, что он «с первой молодости был твердым приверженцем того строя научного направления, первыми представителями которого были Левкипп, Демокрит и т. д., до Лукреция Кара»³. Та же в сущности мысль повторена и в письме от 6 апреля 1878 г., где, в частности, указано, что виднейшим представителем того же направления в новое время стал Гольбах, философское учение которого впитало в себя более частные научные истины Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона и Лапласа. В этом же письме Левкиппу—Демокриту по существу противопоставлен Платон вместе со своим учителем Сократом. Рискую впасть в известное преувеличение, можно все же утверждать, что, создавая свой «Материализм и эмпириокритицизм», в котором столь высоко оценена материалистическая последовательность Чернышевского, Владимир Ильич сформулировал свою идею о противостоянии линий Демокрита и Платона в истории философии не без учета мыслей автора «Антропологического принципа в философии».

Нельзя также не обратить внимания на последовательность и гибкость, с какой он проводил данный принцип в своей интерпретации истории философии. В этом отношении весьма показательна его попытка в своей обширной рецензии на издание сочинения Аристотеля «О поэзии» (теперь обычно переводимого как «Поэтика») истолковать его эстетическую концепцию, в особенности концепцию Платона. Исключительно проницательная социальная интуиция великого русского революционера и мыслителя позволила ему увидеть в доктрине великого основоположника западного идеализма глубоко земные черты, выявляющие социальный генезис данной доктрины и ее политическую роль в условиях своей эпохи.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 223.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 650.

«Платона, — читаем мы здесь, — многие считают каким-то греческим романтиком, вздыхающим о неведомом и туманном, чудном и прекрасном крае, стремящемся... неизвестно куда, только далеко от людей и земли... Платон был вовсе не таков. Действительно, он был одарен возвышенною душою, и все благородное и великое увлекало его до энтузиазма; но он не был праздным мечтателем, думал не о звездных мирах, а о земле, не о призраках, а о человеке. И прежде всего Платон думал о том, что человек должен быть гражданином государства, не мечтать о ненужных для государства вещах, а жить благородно и деятельно, содействуя материальному и нравственному благосостоянию своих сограждан. Благородная, но не мечтательная, не умозрительная (как для Аристотеля), а деятельная, практическая жизнь была для него идеалом человеческой жизни. Не с ученой или артистической, а с общественной и нравственной точки смотрел он на науку и искусство, как и на все»⁴.

Несмотря на известное упрощение в приведенной характеристике Платона, в особенности в его отношении к Аристотелю, невозможно не увидеть в ней поразительной социальной проницательности автора, специально не изучавшего античную философию, но сформулировавшего весьма глубокий взгляд на генезис платонизма, подтверждаемый множеством современных характеристик этого философского направления. В духе приведенной его характеристики трактует автор и платоновскую концепцию искусства, считая, что подлинным предметом искусства выступает человеческая жизнь, а не природа, существующая безотносительно к человеку (в дальнейшем, подчеркнул автор, так трактовал предмет искусства только Лессинг). В соответствии с этой идеей Чернышевский трактовал и знаменитую платоновско-аристотелевскую теорию подражания (мимезиса) искусства «живой действительности» как воспроизведение человеческой жизни в первую очередь. При известном упрощении такой трактовки нельзя не признать за ней несомненной оригинальности и значительной обоснованности.

В истории новой западноевропейской философии великий русский материалист подчеркнул значение прежде всего тех философов, учения которых способствовали развитию естественнонаучного познания, в особенности антропологического воззрения на человека. В античности таковым был Аристотель, а в новое время — Бэкон, упоминаемый в самом начале той же рецензии «О поэзии» Аристотеля. Место это интересно тем, что Чернышевский солидаризируется здесь с индуктивным методом автора «Нового Органона», когда говорит, что «истинно-современные мыслители понимают „теорию“ точно так же, как понимают ее Бэкон»⁵.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 268.

⁵ Там же, с. 264—265.

Следует особо остановиться на отношении Чернышевского к Спинозе, которого он поднял на огромную высоту, рассматривая автора «Этики» как единственного предшественника Фейербаха. Русский мыслитель ставил этого «единственно надежного учителя» выше других философов нового времени, включая Локка, Юма, Канта, Гольбаха (даже его!), Фихте и Гегеля⁶. Такую оценку воззрений нидерландского материалиста-пантеиста нельзя не признать весьма преувеличенной. Причины превознесения философской доктрины Спинозы даже над Дидро, Гольбахом и другими великими французскими материалистами XVIII в., которых Чернышевский тоже высоко ценил, не вполне ясны, хотя можно предположить, что здесь сыграла роль спинозовская концепция единства человеческой природы, которая в ней трактуется в русле ее натурализации. Что же касается множества других сложностей спинозизма (например, его монистического психофизического параллелизма или сугубой умозрительности всего его рационалистического учения), то Чернышевский не уделял им должного внимания.

Резко отрицательное отношение русского мыслителя к идеализму в свете изложенного выше вполне закономерно и широко известно. Его критика субъективного идеализма, развитая в цитированных выше письмах к сыновьям и обобщенная затем в «Характере человеческого познания», где эта разновидность идеализма называется «иллюзионизмом», определяется прежде всего убеждением его автора в губительности данного направления по отношению к естественнонаучной мысли «натуралистов», многие из которых оказывались под воздействием искусной «софистики» Беркли, Юма и Канта. Конечно, включение в данный ряд Канта (в особенности сближение его с Беркли) выглядит ныне, спустя целое столетие, некорректным. Но вместе с тем можно понять мыслителя, видевшего одну из решающих причин прогресса человеческого общества в развитии естественнонаучных знаний, и его тревогу за дальнейшую судьбу естественнонаучных знаний в результате усвоения Гельмгольцем и многими другими «натуралистами» «метафизической теории» Канта «о субъективности нашего знания»⁷.

Конечно, может быть, русский мыслитель и преувеличивал роль кантианства в деле разрушения естествознания. И он уже прямо недооценивал большого естественнонаучного вклада самого немецкого ученого, когда систематически подчеркивал огромную роль космогонической гипотезы Лапласа, забывая (или не зная этого), что за несколько десятилетий до него основные идеи данной гипотезы были сформулированы именно Кантом. Вместе с тем социальная интуиция революционера в общем не подвела Чернышевского и в отношении Канта, когда он в своих письмах

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 23.

⁷ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 125.

к сыновьям указывал, что кантианское учение о формах знания имело свою объективную цель в том, «чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога, промысел божий о благе людей на земле и о вечном блаженстве их в будущей жизни... отстоять эти дорогие сердцу его убеждения... от Дидро и его друзей...»⁸. Хотя от этих слов и далеко до характеристики кантианства как немецкой теории французской революции, данной марксизмом, но нельзя не увидеть, что они вели мысль именно в данном направлении.

Критика Чернышевским философии Канта — один из наиболее ярких образцов его критики «слева», продиктованной убеждением русского мыслителя в познаваемости объективного мира и безусловно способствовавшей будущей разработке теории отражения. Можно считать, что в общем те же мотивы руководили им в оценке позитивизма О. Конта, Дж. С. Милля, Г. Спенсера⁹. Хотя Кант и ратовал за положительные знания и даже сам был математиком, но он, по мнению Чернышевского, «пе в силах ровно ничего сделать для усовершенствования этой науки...»¹⁰.

Имея в виду отмеченные им слабости контовского познания, Чернышевский характеризует французского мыслителя как эпигона Канта¹¹. Таково его красноречивое отношение к позитивизму, основанному Кантом.

Невозможно пройти мимо отношения Чернышевского к философии Гегеля, хотя эта тема требует особой разработки. Продолжая линию прогрессивного, революционного осмысления гегелевской философии, прочерченную Белинским и Герценом, Чернышевский внес свой выдающийся вклад в ее трактовку. Наиболее интересные, на наш взгляд, мысли на этот счет содержатся в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (в особенности в шестой статье). Рассматривая здесь гегелевскую философию как итог философского развития в Германии, начатого Кантом, автор с исключительной провицательностью увидел суть диалектического учения об истине как стремления к неустанным исследованиям действительности, не останавливающимся ни перед какими препятствиями. Только такое «полное, всестороннее исследование» в состоянии дать «живое понятие о всех действительных качествах предмета»¹². Фундаментальный вывод диалектической теории истинности, сделанный здесь Чернышевским, выражен формулой, ставшей азбучной: «отвлеченной истины нет, истина конкретна»¹³. Формулируя идеи своей материалистической эстетики, Чернышевский критически преодолевал гегелевскую эстетическую доктрину. Здесь, таким образом, очень ярко

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 198.

⁹ Там же, с. 23.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 651.

¹¹ Там же, с. 651.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 651.

¹³ Там же, с. 208.

проявилось творческое взаимоотношение философского мышления Чернышевского с западноевропейскими философскими доктринами.

Великолепна своей глубиной мысль русского мыслителя о глубочайшем противоречии между положениями гегелевской диалектики и узенькими выводами, сделанными из них их творцом. Передовая русская философская мысль главным образом в лице Белинского, Герцена и самого Чернышевского сделала из учения Гегеля другие, революционные выводы, далеко продвинув тем самым диалектику в сторону жизни.

П. С. Шкуринов

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Проблема соотношения философии Н. Г. Чернышевского и современной философской антропологии вполне правомерна: автор романа «Что делать?» был тесно связан с антропологической традицией, антропологическая традиция никогда не была безразличной к его творчеству, сыгравшему большую роль в развитии российской и мировой духовной культуры.

В критике идеалистически толкуемой антропологии и отношения ее сторонников к материалистической философии Чернышевского необходимо прежде всего отметить, что широкий круг современных буржуазных антропологов объединяет неотомистов и приверженцев обновленческих течений религиозной философии, феноменологов-гуссерлианцев и экзистенциалистов, неопозитивистов и персоналистов, представителей философской, социологической, культурной и эстетической антропологии, психоанализа и различных вариантов неопрейдизма, прозелитов этического конформизма и социального плюрализма, «новых левых» и «неомарксистов».

Стремление к онтологизации антропологических постулатов, превращению их в форму самовыражения личности, противопоставление личностного общественному, плюрализация социального целого, натуралистическая мистификация процесса познания природы и общественной жизни — типичные черты современных теорий философско-идеалистической антропологии. Этими чертами характеризуются богочеловеческие идеи Ж. Маритена, инстинктивистская теория человека Э. Фрейда, учение об экзистенциальной ситуации Э. Фрома, биопсихический конструкт человека в воззрениях Г. Маркузе, толкуемый как «одномерная или многомерная» индивидуальность, близкая атомизированным понятиям

личности Б. Рассела. Опора на ложные постулаты лишает буржуазных антропологов возможности использовать силу теоретического мышления в интересах истины. Отсюда многие сотни их книг, в которых проводятся идеи об утрате человеком самого себя, саморазорванности, трагичности человеческого существования. Реальная «тупиковость» социального бытия в капиталистическом мире находит выражение в «тупиковых» формах изображения путей «истинного познания».

И именно в указанном пункте, в самой сущности современной буржуазной антропологии легко обнаруживается принципиальная враждебность ее идеалистических «теорий человека» наследию как Н. Г. Чернышевского, так и Л. Фейербаха — великого предшественника русского мыслителя. Идеино-теоретическое наследие выдающихся представителей материалистически толкуемого антропологизма постоянно находится в поле внимания современных буржуазных антропологов. Отношение к подлинным достижениям и к исторически ограниченным сторонам воззрений этих двух философов-демократов свидетельствует о явной тенденциозности прозелитов идеалистического антропологизма. Общим для христианских, позитивистских и феноменологических систем современной буржуазной антропологии является стремление приспособить к своим идейно-политическим нуждам «антропологическую традицию» в целом.

Так, с точки зрения известных советологов И. Бохеньского и Р. Киндерслея Фейербах и Чернышевский выражают «слабость левых течений» в философии¹. Материализм Чернышевского является якобы «банальным», «примитивным», «натуралистическим» вариантом философии² и т. д. Досужие ценители антропологической традиции не хотят знать об истинных заслугах Фейербаха и Чернышевского в истории философии, им не по нутру революционно-демократический характер идейных убеждений русского мыслителя, и оттого они откровенно выражают свою неприязнь к материалистическому флангу теоретической антропологии. Получается так, будто Бохеньскому и Киндерслею неизвестно, что автор «Антропологического принципа» уже в само понятие предмета философии включает решение «самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими, например вопросов отношения духа к материи, о свободе человеческой воли, о бессмертии человеческой души и т. д.»³.

Любопытно, что, «усредняя» характеристики антропологического принципа Фейербаха и универсализируя их, многие антропологи-идеалисты переводят эти характеристики полностью на творческое наследие Чернышевского. Такой «абстрактный», вне-

¹ *Bochenski J. M.* Soviet Russian Dialectical Materialism. Dordrecht, 1963, p. 63.

² *Kindersley R.* The First Russian Revisionists. A Study of Legal Marxism in Russia. Oxford, u. p.; 1962, p. 6.

³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 239.

исторический «подход» ничего общего не имеет с научным анализом, ибо он не учитывает специфику философских и социологических взглядов русского мыслителя, его вклада в сокровищницу духовной культуры человечества. Нам представляется важным не растворять идеи великого философа, демократа и социалиста России в русле антропологической традиции. Мало сказать: «Чернышевский был учеником Фейербаха». Надлежит подчеркнуть, как это делали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, что Чернышевский был «великим учеником Фейербаха», шел дальше своего учителя и в развитии антропологического принципа в философии, и в совершенствовании других принципов своей цельной философской системы.

Но нельзя не видеть в среде некоторых современных буржуазных антропологов также попыток оторвать Чернышевского от Фейербаха, от развития антропологического материализма. Так, американский комментатор наследства русского мыслителя Д. Скенлен в ряде своих работ последнего времени утверждает, что Чернышевского скорее нужно считать учеником Бюхнера и Молешотта, нежели Фейербаха, что благодаря «примитивному характеру» своего философского мышления русский мыслитель «отходил в сторону» от передовых течений общественной мысли своего времени. Сюда же следует отнести отказ отдельных буржуазных антропологов наших дней признать связь воззрений Чернышевского с материалистически истолкованными принципами и законами диалектики Гегеля. При этом взгляды автора «Антропологического принципа» принижаются, как это было сказано выше, до уровня вульгарно-материалистических и вместе с тем метафизических систем своего времени. Явно игнорируются широко распространенные оценки В. И. Ленина, в которых подчеркивается вывод о том, что Чернышевский являлся не только «учеником Фейербаха», но также великим русским гегельянцем и материалистом⁴.

Совершенно беспочвенны также утверждения представителей христианской антропологии, будто взгляды Чернышевского выросли лишь на почве западноевропейской культуры, всеми своими корнями уходили в философию Западной Европы и прежде всего Германии. При этом демонстрируется неприязнь к демократическим идеям истории русской общественной мысли, выявляется желание отрицать какие-либо национальные духовные источники мировоззрения великого русского ученого-демократа. Самую мысль о таких источниках американский историк философии Д. Скенлен считает «проявлением великорусского шовинизма»⁵. Его соотечественник историк философии Н. Перейра столь же тенденциозно оценивает низкопоклонство «советских

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381.

⁵ Scanlan J. P. Nicolaj Chernyshevsky and Soviet Philosophy. — Studies in Soviet Thought, 1967, v. VII, N 1, p. 4.

комментаторов» перед «установками свыше», которые якобы требуют признать идеи Чернышевского «менее всего импортированными»⁶.

Между тем при всей неразработанности проблем «антропологической традиции» в историко-философской литературе достоверно, что уже просвещение XVIII в. создало вполне концептуальные формы «теоретической антропологии»⁷, которые выросли на почве реальных буржуазных отношений, «естественной истории», «натурального права и нравственности», физиологии человека и этнологии, а также раннеэволюционных, диалектических и исторических идей. Руссо и Гельвеций, Блэкстон и Поп, Гердер и Гёте, Новиков и Радищев являют нам яркие образцы антропологических построений, содержащих основные «начала» будущих систем философской и социалистической антропологии XIX в.

Нельзя не заметить симпатий Чернышевского не только к воззрениям Руссо и Гельвеция, но и к взглядам Гердера и Радищева. Идеи Радищева могли влиять и влияли на вождя российской революционной демократии как непосредственно, так и опосредованно, через декабристов, Белинского, петрашевцев, Герцена. Есть много общего между главой «Хотилово» из «Путешествия» и «Антропологическим принципом в философии». Без труда выявляется сходство философских взглядов Чернышевского и идей трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». Г. В. Плеханов отмечал большую близость стиля мышления Радищева и Чернышевского, особенно в решении вопроса о «побуждениях, руководящих людьми»⁸.

Весьма показательно, что именно в этой области; в теоретическом анализе «побуждений, руководящих людьми», Чернышевский больше всего и всего дальше уходил от Фейербаха. С этим выводом согласен даже критиковавшийся нами американский социолог-плюралист, не лишенный симпатий к «антропологическим идеям в философии», Скенлен⁹. Но и этот комментатор наследия Чернышевского в примечаниях к своей трехтомной «Онтологии русской философии» (1969, Чикаго) не желает видеть несомненное превосходство великого мыслителя России над современными буржуазными идеологами — сторонниками философско-антропологической ориентации¹⁰. Он, например, не видит разницы между теорией эгоизма Руссо, теорией пользы Бентама и теорией «разумного эгоизма» Чернышевского, полагая, что Т. Тилли и К. Барт, а особенно теологический антрополог Р. Ни-

⁶ *Pereira N. G. The Thought and Teaching of N. J. Černyševskij. The Hague—Paris, 1975, p. 114.*

⁷ См.: *Век просвещения. М.; Париж, 1970, с. 251—278.*

⁸ *Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, т. 6, с. 321.*

⁹ *Scanlan J. P. Nicolas Chernyshevsky and Philosophical Materialism in Russia. — Journal of History of Philosophy, January, 1970, v. VIII, p. 66, 72.*

¹⁰ *Russian philosophy. Chicago, 1969, v. III.*

бур превзошли во многих статьях те идейные позиции, которые в области «теории нравственности» были «завоеваны» в XIX в. Все рассуждения Скенлена не учитывают понятий и представлений русского социолога о роли народных масс, сословий, «экономической организации», «материальных средств» и «общественных отношений» в формировании «человеческой природы».

По-прежнему, особенно после широкого распространения трудов Н. Бердяева, нападкам со стороны буржуазных философов подвергается теория «разумного эгоизма» Чернышевского. Содержание этой теории сводится чаще к субъективному, а иногда к чисто рационалистическому или сенсуалистическому вариантам идей XVIII в.

Но такие оценки глубоко ошибочны. Принцип «разумного эгоизма» Чернышевского позволял пропагандировать представления о демократической заостренности, своеобразно понимаемой партийности, сословно-классовом подходе и т. п., что имело большое значение с учетом подцензурной издательской деятельности 50—80-х годов. Ясно также, что в теории «разумного эгоизма» автора «Что делать?» заключался зачаток научного постижения роли классов, сословий, партий в борьбе, роли и значения социально-психологического фактора.

Социально-психологический аспект классов или личности включает правильное понятие о «классовом эгоизме», или «эгоизме личности». На эту сторону дела обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс, когда в «Немецкой идеологии» писали, что эгоизм есть «необходимая форма самоутверждения»¹¹ индивидов. Рассуждения Чернышевского в данном вопросе шли в этом же направлении, с одной стороны, в направлении утверждения достоинства личности, а с другой — в направлении подчинения личных интересов человека интересам прогрессивного развития человечества, интересам трудящихся масс. Однако философские и социологические — демократические и революционные по своему содержанию — идеи, которые он пропагандировал, учили трудящихся борьбе за свое светлое будущее, а бессмертные герои его романов и повестей служили замечательным примером, образцом подражания не одному поколению революционеров России и других стран мира. Широкоизвестны на этот счет свидетельства Георгия Димитрова¹². А это значит, что представления вождя революционных «шестидесятников» о личности явственно выступают формой преодоления черт «абстрактного человека» Фейербаха.

В трудах Чернышевского человек охарактеризован не только со стороны его психофизиологической природы, но также в большом объеме черт социально-исторического существования, общественно-практического поведения. Политическая направленность,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 236.

¹² См.: Правда, 1935, 4 марта.

методологическое влияние страстной и трезвой революционно-демократической идейности сообщила трудам русского мыслителя теоретическую глубину и целостность, партийную определенность. И это также выгодно отличало его как ученика по сравнению с учителем, которого (отмечали современники)¹³ мало интересовали проблемы политики.

Возрастание значения морального фактора в жизни современного общества и включение моральных цепностей в орбиту идеологической борьбы требуют более пристального внимания к этическим теориям буржуазных антропологов, а особенно, как правильно отмечалось в нашей печати, самой тщательной разработки категориального аппарата этики и эстетики Чернышевского. И здесь мы видим, как представители философского антропологизма наших дней стремятся опереться на «историческую традицию», черпать аргументы в этических трудах философов XVIII—XIX вв., особенно в трудах Фейербаха, Милля, Спенсера, Дьюи. При этом часто имеет место нарочитое смешение «линий» и «школ» философии с целью, конечно, дискредитации главным образом представителей материалистической антропологии.

В одном из своих последних трудов американские историки философии У. Гевин и Т. Блекли открыто уподобляют этику Чернышевского этике Дьюи¹⁴. Их «свободное» обращение с историческими источниками достигает крайних пределов, когда допускаются очерняющие имя Чернышевского отождествления воззрений русского мыслителя с построениями позитивистов и натуралистов наших дней, в частности с этикой Б. Рассела.

Между тем сравнение этики Чернышевского, этики «разумного эгоизма» Рахметова и неопозитивистской этики показывает глубокую порочность и реакционность антропологически-рационалистического элемента в современных структурах буржуазной этики. Общая нормативная и сексуальная этика английского позитивиста не стала ни «рычагом», ни «мерой» современной «социальной организации». Использование неопозитивизмом логики и психологии для построения «этики XX в.» не подняло общую концепцию морали выше плоского императива: чувства, страсти, симпатии должны быть аксиологической нормой морали.

Настоятельное стремление вскрывать глубинные «корни» исторического процесса, находить его истоки и экономическую основу, объективное содержание и необходимую форму определяло научный стиль и мировоззренческие установки Чернышевского: исторический подход, диалектика, революционный демократизм и возвышенные социалистические принципы позволили русскому мыслителю подниматься до уровня широких социальных обобщений. На фоне социальной философии и социальной психологии главы революционеров России 60-х годов являются совершенно

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2; т. 21, с. 298.

¹⁴ Gavin W. J., Blakely I. J. Russia and America. A Philosophical Comparison. Dordrecht, 1976.

несостоятельными антропологические рассуждения, скажем, Тейяра де Шардена о «биологическом циклоне» как формодвижущей силе общественного развития¹⁵. Из этой концепции «социального бихевиоризма» следует, что самоизоляция от реальных сил современного исторического прогресса, сил демократии и социализма ведет к потере «чувства времени», оптимистического пафоса, «чувства исторической перспективы». Социальные идеалы для современных буржуазных антропологов, как правило, — недопустимая роскошь.

Между тем именно связь с политическими буднями, с борьбой масс, трезвый учет обстоятельств и средств борьбы, страстное стремление видеть социалистическое будущее своей Родины делало Чернышевского способным к высокой норме реалистического предвидения. Поистине пророческим являлся его анализ главных событий российской и европейской истории, революционной и социалистической перспективы человечества. В романе «Что делать?», показав, как тернист путь в социалистическое будущее, он выразил свое горячее убеждение в его реальности: «Будущее светло и прекрасно . . . приближайте его. . .». Сравните страстность этого исторического оптимизма с идеалистически истолкованным антропологизмом, скажем, экзистенциалистов, и вы увидите разительный контраст; величие русского мыслителя только подчеркивает деградацию современной буржуазной философии, ее глубоко кризисное состояние.

С позиций метафизического антропологизма, бесцветного «нейтрализма» и туманного «психологизма» представители идеалистической философской антропологии наших дней проповедуют принципы «универсальной симпатии», абстрактный «гуманизм». «Критическая мысль» буржуазных антропологов 70-х годов XX в. так же далеко стоит от жизни, как близко к ней стояла руководимая Чернышевским редакция «Современника» в 50—60-х годах XIX в. От «интеллектуализма» великого русского демократа «веяло духом классово-борьбы»: требование вырабатывать активную позицию и призыв к революционной борьбе народных масс — вот боевое кредо вождя русской революционной демократии.

Совсем иной характер «интеллектуализма» философов от буржуазной антропологии «века атома». В этом «характере» оказывается избилующей масса «всеобщих» и «общечеловеческих» догм. Отсюда «столкновение» людей с правдой жизни, отсюда парадоксы и антиномии их сознания¹⁶. Скептицизм, волюнтаризм и глубокий пессимизм становятся уделом представителей философской антропологии, выдвигающих ныне идею «абстрактного

¹⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 246.

¹⁶ См.: Любутин К. Н. Критика современной философской антропологии. М., 1970; Козлова И. Н. Личность как система конструкторов. Некоторые вопросы психологической теории Дж. Келли. — В кн.: Системные исследования: Ежегодник. М., 1976, с. 128—148.

человека, прикрывая ею свое бессилие решать социальные задачи, которые в свое время умели видеть и последовательно выражать Чернышевский и его единомышленники Добролюбов, Некрасов, Антонович, Михайлов, Шелгунов и др.

Современная ревизия и фальсификация марксизма-ленинизма средствами антропологического, психологического, фрейдистского и бихевиористского анализа — наиболее уточненная, опасная, лженаучная и реакционная идейная форма. Именно здесь, в сфере такой «антропологической интерпретации» Чернышевского и всей школы материалистически толкуемого антропологизма, ходовым штампом является желание противопоставить «раннего Маркса» «зрелому Марксу», фальшивое утверждение об отсутствии проблемы человека в «Капитале» и «Анти-Дюринге».

Стремление доказать, будто марксизм-ленинизм исключил из своей концепции «идею человека» и потому «лишен антропологических параметров», всегда имело «затемненную сторону», которая, позволяя исказить теорию научного коммунизма, создавала условия распространению фальшивой мысли о незнании или непризнании Марксом, Энгельсом и Лениным философского материализма Фейербаха и Чернышевского.

Между тем хорошо известны ленинские слова о том, что антропологический принцип в философии Фейербаха и Чернышевского «суть лишь неточное, слабое описание *материализма*»¹⁷. Чернышевскому свойственна была историческая ограниченность. Это касалось и философской теории, и метода. В Добавлении к § 1 главы IV книги «Материализм и эмпириокритицизм» — «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?» — указывается, что, поднявшись до уровня Ф. Энгельса в критическом анализе кантианства, русский философ все же смешивал «противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому...»¹⁸.

Истолкование социальных явлений, входившее в понимание Чернышевским предмета и задач философии, в конечном счете упиралось в исторический идеализм. Возвысившись так высоко, как могла ему позволить личная гениальность, русский мыслитель не смог проникнуть в тайну объяснения капиталистического способа производства. Ему не суждено было вскрыть закономерности развития общественно-экономических формаций, законы классовой борьбы. Он не увидел и не понял революционных потенций пролетариата, теоретическое выражение которых уже дано было в ту пору К. Марксом и Ф. Энгельсом. Именно Энгельсу принадлежат слова: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов... Поэтому,

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 64.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 382.

если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше»¹⁹.

Величие гражданского подвига Чернышевского раскрывают наши дни — бурное развитие революционно-демократического, антиимпериалистического движения, когда в «революционный процесс включаются новые поколения и социальные слои, новые партии и организации»²⁰. В этих условиях опыт исканий передовой революционной теории в России, опыт российской революционной демократии не утрачивает актуальности и идейно-политического значения.

У представителей современного революционно-демократического освободительного движения немало общего со взглядами Чернышевского. Но воззрения этого широкого круга общественных деятелей латиноамериканского и африканского континентов изучаются нами пока слабо. Между тем важно четко представлять, как эволюционирует мировоззрение не только лидеров массовых революционно-демократических партий, но и рядовых ее членов — людей, не лишенных возможностей идти и приходиться к марксизму-ленинизму.

Анализ философского наследия Чернышевского в связи с критикой современной буржуазной антропологии помогает не только выявить особенности идейной платформы великого русского мыслителя-демократа, но и убедиться, в каком направлении, опираясь на какие историко-философские традиции, эволюционирует философия буржуазного мира более 100 лет спустя после публикации в «Современнике» «Антропологического принципа». Правильность этого анализа также в том, что труды нашего гениального соотечественника во многих аспектах не потеряли исторического значения и актуального звучания. Их боевая философская, социологическая, этическая и эстетическая сила проявляется особенно эффективно в условиях решения общедемократических задач современного освободительного движения.

Историческая и реально практическая роль идей Чернышевского гигантски повышается в условиях борьбы за социализм и коммунизм под руководством партии рабочего класса, Коммунистической партии. Коммунизм освещает историю светом науки. Он выявляет, лучшим образом хранит и развивает все богатства духовной культуры предшествующих эпох.

---

¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 113.

²⁰ Бржезнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М.: Политиздат, 1976, т. 5, с. 478.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

(к характеристике историко-
философских истоков)

Идейно-теоретическое наследие великого мыслителя и революционера Н. Г. Чернышевского вот уже более столетия является объектом острой идеологической борьбы, далеко выходящей за рамки специальных историко-философских, историко-социальных, экономических и эстетических проблем. Оценка его идейного наследия — феномен особого рода, что определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что Чернышевский являлся непосредственным предшественником русской революционной социал-демократии.

Как никто из представителей социальной мысли домарковского периода, Чернышевский смог подойти к познанию объективной закономерности общественного переустройства на путях социализма. В решении коренных социально-политических проблем (соотношение реформы и революции, сложность революционных преобразований, оценка захватнических войн) он проявил великую политическую зрелость, высоко оцененную марксистами.

Вполне естественно поэтому, что фальсификация его идей как предшественника марксизма-ленинизма выступает составным элементом практически любой антимарксистской, антикоммунистической концепции. Это подтверждается как опытом истории общественной мысли и идейной борьбы, так и ее современным состоянием. Так, российский буржуазно-дворянский либерализм отвергал идеи Чернышевского, видя в них прямую угрозу реформизму, более того, самому существованию частнособственнического строя. В этих идеях буржуазным либералам виделся призрак «русской жакерии», «пугачевщины». Меньшевики стремились вытравить из идейного наследия великого русского мыслителя осознание им абсолютной непримиримости классовых интересов в современном обществе, понимание неизбежности революции, вплоть до ее насильственных форм. Неонароднические течения (эсеры, трудовики) интерпретировали наследие Чернышевского в мелкобуржуазном духе, выдвигая на первый план проблемы общины и особой роли крестьянства. Поэтому научный, марксистско-ленинский анализ теоретического наследия Чернышевского уже с 90-х годов прошлого столетия стал неотъемлемым компонентом идейной борьбы против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

В современных условиях идеологическая борьба вокруг наследия Чернышевского продолжается с новой силой. Марксисты-ленинцы последовательно выступают с критикой разнообразных форм «советологических» интерпретаций этого наследия¹.

В данной статье кратко рассматриваются историко-философские истоки современной буржуазной фальсификации идей Чернышевского, их идейно-теоретический смысл и идеологические функции.

Фальсификация идейного наследия Чернышевского буржуазными теоретиками выступает как составная часть современного антимарксизма и выполняет определенные идеологические функции.

Во-первых, извращение предыстории марксизма в России. Материалистическая линия в русской философии, представленная Чернышевским, трактуется как «вненаучная», «примитивная», соответственно и ленинизм, также следующий материалистическим принципам, рассматривается как побочная линия философской мысли.

Во-вторых, конструирование ложной модели, схемы истории общественной мысли в России, когда наследование ленинизмом ее прогрессивных традиций превращается в полное тождество марксистско-ленинской и домарксовской философий. На этой базе неправомерного абсолютного отождествления идей Чернышевского и ленинизма складывается тенденция к приращению и ленинизма как якобы традиционного (в негативном смысле) учения, обращенного не к современным проблемам, а в силу своих генетических связей — к проблемам XIX в.

В-третьих, искаженное представление об отношении ленинизма к идеям Чернышевского призвано подкрепить несостоятельную, но распространенную в современной буржуазной и ревизионистской идеологии концепцию локализации ленинизма, трактовку его как не интернационального, а чисто российского явления.

Учет всех этих обстоятельств особенно повышает актуальность как исследования учения и роли Чернышевского в истории не только всероссийской, но и мировой общественной мысли, так и критики концепций, извращающих это учение.

---

¹ Вопросы критики современных буржуазных фальсификаторов идей Чернышевского освещены в ряде содержательных публикаций. См.: *Иовчук М. Т.* Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970; *Он же.* Всероссийский демократ-революционер Н. Г. Чернышевский, его идейно-теоретическое наследие и советская наука. — Вопросы философии, 1978, № 6; *Меленгьева Ю. С.* Философия Н. Г. Чернышевского и некоторые вопросы современной идеологической борьбы. — Там же.

Обращение к генезису этих концепций — важное условие их основательной критики.

Непреодолимое методологическое значение имеет ленинский опыт критики фальсификаторов идейного наследия Чернышевского.

При всех изменениях философской ситуации и общей картины философско-идеологической жизни полностью сохранили свое значение выработанные Лениным принципы подхода к критике искажающих интерпретаций наследия Чернышевского.

Прежде всего это осознание исторического, историко-философского масштаба теоретической деятельности Чернышевского. Ленин рассматривал его идейно-теоретическое наследие как существенный и неотъемлемый фактор критики философского идеализма и буржуазного либерализма в решении коренных социально-экономических и политических проблем. Характерно, что обращение к Чернышевскому как к идейному союзнику в борьбе с идеализмом и либерализмом проходит через все философское наследие В. И. Ленина — от книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» до статьи «О значении воинствующего материализма». Можно заметить при этом, что В. И. Ленин особо выделял такие качества идейного наследия великого русского мыслителя, как цельность, бескомпромиссность, умение вскрывать реальную сущность явлений.

Именно поэтому особую ценность имели используемые Лениным суждения Чернышевского для борьбы против «промежуточных», маскирующих свою партийность идейно-теоретических образований, таких, как позитивизм в философии и либерализм в политике.

Отношение к идейному наследию Чернышевского являлось для Ленина своеобразным «определителем», «лакмусовой бумажкой» при характеристике различных философских концепций и политических течений. Различные формы интерпретации идей Чернышевского, вскрытые Лениным, позволили ему выявить этапы эволюции и такого марксистского теоретика, как Г. В. Плеханов, его движение от подлинного марксизма к меньшевизму. Этот переход был точно выявлен Лениным на основе критического рассмотрения различных работ Плеханова, в том числе двух изданий его книги о Чернышевском.

Важным методологическим выводом из опыта ленинской критики ложного освещения идей Чернышевского является требование рассматривать эти идеи в их внутреннем единстве. Особенно недопустимо субъективистское выделение из наследия Чернышевского отдельных черт и тем более их абсолютизация при игнорировании других черт.

Поэтому методологически ложными являются попытки противопоставить личность Чернышевского его мировоззрению, анализировать философские или эстетические взгляды мыслителя вне его революционно-демократической политической позиции,

Для борьбы против современных буржуазных фальсификаторов поучительно обращение к истории идейной борьбы в России.

Не будет преувеличением сказать, что вся магистральная линия русского идеализма XX в. противостояла не только марксизму-ленинизму, но и его предшественникам в России, прежде всего Чернышевскому и его школе. Современные буржуазные интерпретаторы Чернышевского полностью восприняли этот опыт русского идеализма.

Три основные книги определяют этапы русского идеализма и его духовных наследников в эмиграции: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1967).

В своих статьях в первом сборнике Н. Бердяев и С. Булгаков отчетливо провозгласили полный разрыв со всеми материалистическими традициями русской философии, назвав религиозный идеализм «последним словом мировой философской мысли, ее высшим синтезом». Вполне естественно, что, отвергнув материализм, русские идеалисты отбросили и идею социального детерминизма. «Я отвергаю классовую точку зрения», — писал Н. Бердяев в статье «Этническая проблема в свете философского идеализма», что было направлено не только против марксизма (хотя прежде всего против него), но и против идей Чернышевского.

Сборник «Проблемы идеализма» следует рассматривать лишь в контексте всей российской буржуазной философско-социологической и этико-эстетической литературы на рубеже XIX—XX вв. Одной из ее характерных черт являлось отрицание материалистической эстетики, традиции реализма и служения обществу, олицетворением которых представлялся Чернышевский. Это отрицание осуществлялось под флагом «свободы духа», понимаемой как декадентское отрицание социальных функций художественной литературы.

Современные антикоммунистические концепции «золотого века» русской культуры, якобы прерванного Октябрьской революцией, в основном воспроизводят идеи, высказанные в российской философско-эстетической периодике начала XX в. «Золотой век» в них, как и в современной буржуазной литературе, отождествлялся с освобождением русской мысли и художественной культуры от «оков общественности», отождествляемой с кругом идей Чернышевского.

Прямым продолжением «Проблем идеализма» явились «Вехи». Существенно, что здесь уже непосредственно в статьях Бердяева, Булгакова, Струве, Гершензона отвергаются идеи Чернышевского как философа и социального мыслителя. Это отрицание материалистических и демократических традиций русской общественной мысли, наиболее полно выраженных в идейно-теоретическом наследии Чернышевского, было существенным элементом «энциклопедии либерального ренегатства», как назвал «Вехи»

Ленин. В своей статье «О „Вехах“» Ленин отмечает, что «авторы „Вех“ начинают с философских основ „интеллигентского“ мирозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, „самая элементарная и низшая форма философствования...“». «Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, „Вехи“ неустанно громят атеизм „интеллигенции“ и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное мирозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, „Вехи“ уничтожают Беллинского, как публициста»².

Закономерно, что именно «Вехи» с их оценкой Чернышевского до сих пор служат для буржуазных идеологов одним из главных и основополагающих источников ложной оценки великого мыслителя. Об этом свидетельствуют работы Л. Шапиро, Л. Лабедза, Р. Пайпса, Р. Абрамовича, Г. Хоскинга и др. Из «Вех» же извлечена и софистически использована в антисоветской интерпретации идея об «имманентной разрушительности», «извечной оппозиционности» русской интеллигенции.

Сборник «Из глубины», изданный на русском языке в Париже в 1967 г., является как бы прямым продолжением идей «веховства», спроецированных на более поздний период — Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Среди авторов сборника пять авторов «Вех». Идеи Чернышевского рассматриваются как одно из первых звеньев в цепи идей, которые подготовили большевизм и русскую революцию. Именно против Чернышевского как ключевой фигуры сосредоточены нападки неовеховцев. Об этом прямо писал, например, Бердяев: «Вы ... русские радикалы всех оттенков, русские просветители, все вы, происходящие ... от русских критиков ... все вы должны и на себя возложить вину. Большевики лишь сделали последний вывод из нашего долгого пути»³.

Однако Бердяев был не первым, кто проводил прямую линию от русских революционных демократов к ленинизму. Эта идея отождествления идей Чернышевского с марксизмом сложилась в русской буржуазной историографии истории философии на основе «веховской» методологии несколько раньше. Так, видный философ-идеалист Радлов в своем «Очерке истории русской философии» (Пг., 1921; первое издание в 1912 г.) прямо объявил Чернышевского родоначальником исторического материализма в России, более того, философом, чьи идеи практически полностью совпадали с марксизмом. Такое отождествление было основано не на объективном анализе фактов, а на произвольном конструировании связи, подчиненной чисто идеологической задаче. Смысл ее в том, чтобы критика Чернышевского звучала как критика марк-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168—169.

³ Бердяев Н. Философия неравенства. Берлин, 1923, с. 23.

сизма. Поэтому все нападки Э. Радлова на философию Чернышевского, упреки в механицизме, прямолинейности, наивности па деле были обращены против марксизма.

Вопреки намерениям буржуазного историка философии его рассуждения являлись объективным признанием жизненности материалистических традиций русской философии, прежде всего идей Чернышевского.

Преемственная связь между Чернышевским и российскими марксистами, бесспорно, существовала, но не в том смысле, как об этом писали буржуазные идеологи. Марксистский материализм качественно отличается от всех форм прежнего материализма, в том числе и материализма Чернышевского. Преемственная связь функционировала: а) в сфере самой оценки материализма как единственно научного мировоззрения, объясняющего не только природный мир, но и психику человека; б) в области понимания философии как средства не только объяснения мира, но и служения человеку, обществу, отечеству; в) в понимании необходимости революционного преобразования общества на социалистических началах.

Вполне закономерно, что в противовес Бердяеву, Радлову и другим антимарксистам В. И. Ленин в 1922 г. в работе «О значении воинствующего материализма» подчеркнул жизненность материалистических традиций, в том числе идей Чернышевского, в русской общественной жизни, их значение для победы научного, марксистского мировоззрения в России.

Обращение к этому аспекту идейной борьбы вокруг наследия великого русского мыслителя важно для выявления истоков многих суждений в современной буржуазной литературе о Чернышевском.

Характерной особенностью современной буржуазной историографии Чернышевского, также восходящей к русскому идеализму, является стремление растворить его идеи среди множества течений зарубежной мысли XIX в., представить талантливейшего и оригинального русского мыслителя эпигоном западноевропейских и американских буржуазных мыслителей. Суждения этого рода выдвигаются в книге С. Утечина «Русская политическая мысль» (Лондон, 1964), где Чернышевский представлен пропагандистом экономических идей Милля, последователем утилитаризма Бентама (это говорится о мыслителе, чья критика буржуазной политической экономии была высоко оценена Марксом!). Р. Пайпс во многих своих работах, в том числе в докладе на Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970), отодвигает Чернышевского на периферию русской философско-социальной мысли, выдвигая вопреки исторической объективности в центр духовной жизни России 50—70-х годов XIX в. идеологов консерватизма. При этом идеи Чернышевского и всех русских революционных демократов рассматриваются как «западный позитивизм, доведенный до гротеска».

Аналогичный подход к философии Чернышевского мы находим в статье Д. Скенлена «Николай Чернышевский и советская философия».

Генетически этот подход к идеям русского революционного демократизма восходит к работам Н. Страхова — идеолога русского почвенничества, объявившего всю материалистическую линию русской философии прямым перенесением в Россию идей Бюхнера и Дарвина, философией, якобы чуждой традициям, духу, психологии русского народа. Суждения этого рода носили субъективистский характер: в их основе лежал не объективный анализ истории философских идей в России (он показал бы наличие солидной материалистической традиции, продолженной Чернышевским), а желание представить эту историю не в реальном, а в «нужном», с точки зрения логики почвеннической системы, свете.

Искажение действительно великой роли идей Чернышевского в истории русской общественной мысли проходит в форме противопоставления ему буржуазного либерализма, объявленного многими современными американскими исследователями чуть ли не высшим достижением русской социальной мысли и общественной жизни второй половины XIX—начала XX в. (Д. Биллингтон. «Михайловский и русский радикализм» (1958), Н. Перейра. «Н. Г. Чернышевский как основоположник антилиберализма в России» (1973)).

Как и в случаях, о которых речь шла выше, здесь имеет место не объективный анализ реальной роли социально-политических течений в России, а стремление утвердить предвзятую и ложную идею, будто бы русский либерализм от Каверина и Чичерина до Милюкова и был магистральной линией «истинно демократического» развития России, против которого выступили в прошлом веке Чернышевский, в XX столетии — большевики. Объективный анализ здесь подменен антикоммунистической схемой. Реальный же анализ показывает безусловную правоту и значение ленинской методологии исследования социально-экономической жизни и мысли России 60-х годов XIX в. Две противоположные тенденции — либерально-монархическая и революционно-демократическая — определили структуру социальной мысли этого времени; носителями их выступали Кавелин и Чернышевский.

Особой формой извращения идей Чернышевского выступает их мещанско-потребительская оценка, особенно отчетливо проявившаяся в книге американского историка Р. Мэтьюсона «Положительный герой в русской литературе» (1958 и 1975).

В ней откровенно отвергается героическое начало в русской литературе и мысли, полностью отрицается образ Рахметова, как якобы противоречащий человеческой природе. Под флагом критики «рахметовщины» на деле утверждается антиобщественная потребительская позиция, имеющая своей целью размывание нравственных и социальных идеалов и ценностей советского на-

рода. Однако Мэтьюсон также неоригинален. Еще в начале 1912 г. русский буржуазный идеолог Щепетев отвергал идеи Чернышевского, ссылаясь на то, что «альтруистические чувства» якобы подавляют запросы личности, заботы о благе народа заставляют забывать о себе.

Основательная критика этой концепции была дана в статье В. И. Ленина «Еще один поход на демократию» (1912).

Таким образом, выявление генезиса фальсификаторских концепций позволяет глубже раскрыть истоки и смысл этих концепций, противопоставляя им научную, объективную характеристику идей великого русского мыслителя.

Е. А. Будилова

И. М. СЕЧЕНОВ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

И. М. Сеченов приехал в Петербург в феврале 1860 г. После защиты в Медико-хирургической академии диссертации на степень доктора медицинских наук он был приглашен на кафедру физиологии. Сеченов создает при кафедре физиологическую лабораторию, начинает чтение публичных лекций. «Лекции эти, — вспоминал потом ученик Сеченова, продолжатель его дела Н. Е. Введенский, — составляли в то время одно из выдающихся явлений петербургской жизни и, собирая в аудиторию многочисленную и разнообразную публику из общества, встречались с живыми симпатиями»¹.

В это время и состоялось знакомство Сеченова и Чернышевского. Познакомились они через Н. Б. Бокова, врача, участника революционного движения 60-х годов, друга Чернышевского. Жена Бокова была слушательницей лекций И. М. Сеченова в Медико-хирургической академии и занималась у него в физиологической лаборатории. Как известно, Сеченов всемерно помогал развитию женского образования в России и у него учились первые русские женщины, ставшие врачами: М. А. Бокова и Н. П. Сулова.

Немногие сохранившиеся документы свидетельствуют, что между Сеченовым и Чернышевским установились дружеские отношения. Сохранилась визитная карточка Бокова с надписью: «П. И. Боков и И. М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Николаевича (Пыпина, двоюродного брата Чернышевского. — *Авт.*) по случаю окончания экзаменов Марии Алек-

¹ *Введенский Н. Е.* Иван Михайлович Сеченов. — В кн.: *Сеченов И. М. Павлов И. П., Введенский Н. Е.* Физиология нервной системы. М., 1952, вып. 1, с. 74.

сандровны (Боковой)»². Даты на карточке нет. Но Чернышевский был арестован 7 июня 1862 г., значит, приглашение относится к 1861—1862 гг. В письмах Сеченова к М. А. Боковой, которая вскоре стала его женой, не раз упоминаются Чернышевский и его старший сын Александр (его называют просто Саша). Когда Чернышевский был осужден и выслан в Сибирь, Сеченов вместе с Боковым помогал его семье, заботился о детях. По свидетельству Н. А. Пыпина, в воспитании и образовании старшего сына Чернышевского принимали участие друзья Чернышевского и А. Н. Пыпина: И. М. Сеченов и П. И. Боков³. В одном из писем жене Сеченов сообщает: «Сегодня перед самым вечерним чаем пришел бедный Саша Ч(ернышевский) — явился проститься с тобой перед твоим отъездом в деревню и поручил непременно передать тебе сей мотив его визита. Угостил беднягу апельсином, орехами и чаем. Разговаривали мы безумолку, и ушел, он конечно, довольный»⁴.

18 октября 1889 г. Сеченов пишет жене: «Читая это письмо, ты, вероятно, будешь уже знать из газет о кончине бедного Николая Гавриловича. Так-таки судьба не улыбнулась ему до конца жизни»⁵.

Среди современников Сеченова и Чернышевского, а позже среди исследователей романа «Что делать?», написанного им в 1862 г. в Петропавловской крепости, был распространен взгляд, что прототипом Кирсанова является И. М. Сеченов, Веры Павловны — М. А. Бокова, а Лопухова — П. И. Боков. Это мнение бесхитростно высказывается в мемуарах современников, полемика по этому поводу идет у исследователей творчества Чернышевского. В статье С. А. Рейсера о романе «Что делать?» приведена обширная библиография по этому вопросу⁶. Как всегда, нельзя говорить о прямой связи художественного произведения с событиями из жизни тех или иных людей. Однако те отношения, которые сложились у Сеченова, Боковой и Бокова, автор романа, близко их знавший, мог иметь в виду.

Философское учение Чернышевского связало воедино те мысли Сеченова, которые, по его словам, бродили у него, когда он избирал своей специальностью физиологию: в ней он надеялся найти ответы на давно интересовавшие его вопросы о сущности сознания, мышления, воли. Самостоятельная экспериментальная работа по физиологии нервной системы породила у него стремление отыскать новые пути познания психики человека. Идеи Чер-

² Коштованц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. М., 1948, с. 222.

³ См.: Пыпин Н. А. Сыновья Чернышевского: (Из воспоминаний). — Звенья, 1932, № 1, с. 266—267.

⁴ Научное наследство. Т. III. Иван Михайлович Сеченов. М., 1956, с. 252.

⁵ Там же, с. 262.

⁶ См.: Рейсер С. А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?». — В кн.: Чернышевский Н. Г. Что делать?. Л.: Литературные памятники, 1975.

нышевского не только определили методологические позиции Сеченова в решении тех задач, которые он перед собой поставил, но и направление его научного творчества, его становление как материалиста-психолога. Вступление Сеченова на этот путь связано с главным философским трудом Чернышевского «Антропологический принцип в философии», опубликованном в 1860 г. в «Современнике».

Известно, какую бурную полемику вызвали изложенные в нем философские материалистические воззрения, обоснованные данными естествознания, и провозглашенные автором революционные и атеистические идеи. Особое негодование вызвало то, что Чернышевский отвергал деление человека на душу и тело, отстранял всякую мысль о дуализме человека и утверждал, что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам...»⁷. Он вводил «нравственные науки», в том числе и психологию, в «союз точных наук» и предлагал разрабатывать психологию способами, принятыми точными науками, т. е. объективным методом. Психология только тогда, писал русский мыслитель, «выйдет из нищеты», когда откажется от субъективного метода и примет объективный.

Богослов профессор Киевской духовной академии П. Д. Юркевич не случайно избрал для нападения на философские воззрения Чернышевского психологические проблемы. «Вопросы о душе, — заявлял он, — сделались в нашей современной литературе знаменем, по которому каждая партия с глухой легкостью узнает своих и открывает противников»⁸.

История появления замечательного трактата И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» связана с философским трудом Чернышевского и возникшей по его поводу полемикой. После ареста Чернышевского Н. А. Некрасов начинает переговоры с Сеченовым о статье для «Современника». Написанная Сеченовым статья под названием «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы» была набрана для № 10 за 1863 г. Под давлением цензуры автор согласился на новое название — «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Все же цензура запретила печатать эту статью в «Современнике». В отзыве, представленном в Совет Министров в внутренних дел по делам книгопечатания, отмечалось, что статья развивает общие положения материалистической доктрины, ее содержание связывалось с романом «Что делать?», где, как писал рецензент тайный советник Пржедлавский, «изложены главные основы этого исповедания веры»⁹. Совет нашел, что

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 293.

⁸ Юркевич П. Язык физиологов и психологов. — Русский вестник, 1862, № 4, с. 917—918.

⁹ Научное наследство... с. 58.

имеющееся в статье «рассуждение... направлено к отрицанию нравственных основ общества, к потрясению догмата о бессмертии души и вообще религиозных начал». Совет полагал «воспретить помещение этой статьи в «Современнике» и дозволить напечатание оной в медицинском или другом специальном периодическом издании» и потребовал изменить заглавие, «слишком ясно указывающее на колючие, вытекающие из нее выводы»¹⁰. Статья Сеченова была помещена в газете «Медицинский вестник» под заглавием «Рефлексы головного мозга».

В 1866 г., когда «Рефлексы головного мозга» вышли отдельной книгой, Управление по делам печати запретило ее распространение, подвергло аресту, а против автора возбудило судебное дело. Однако суд не состоялся. Переписка между Министерством юстиции и Министерством внутренних дел показывает, что чиновники побоялись гласного обвинения, поскольку оно возбудило бы еще больший интерес к содержанию книги. Было решено не давать дальнейшего хода судебному делу и снять с книги арест.

В «Рефлексах головного мозга» И. М. Сеченов обосновал новый принцип объяснения психической деятельности: идею рефлекторной работы головного мозга. Его теория отвечала принципу материалистического единства человека. Читатели «Рефлексов головного мозга» видели в этом труде развитие исходного положения о единстве природы человека, высказанного Чернышевским. По словам самого Сеченова, он выступал против «строгих средневековых опекунов общественной мысли», подавляющих «брожение умов», поднял голос в защиту тех, «кому дорога истина», «за бескорыстных искателей будущих истин». К бескорыстным искателям относился и тот человек с идеально сильной волей, действующий во имя высокого нравственного принципа, горячо любящий правду, готовый идти из-за правды на муку, которого Сеченов ярко охарактеризовал в «Рефлексах головного мозга». Эти строки писались, когда Чернышевский был узником Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Можно ли сомневаться, что думы о нем волновали автора этих строк.

Сеченов развивал и научно обосновывал материалистическое учение о психике и главным в нем считал решение вопроса о детерминации произвольных действий. «Моя задача заключается в самом деле в следующем: объяснить деятельность человека... с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге, — писал он, — одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности»¹¹. Речь шла о нравственном регулировании поступков и о психофизиологических механизмах этой регуляции.

¹⁰ Там же, с. 59—60.

¹¹ Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. — В кн.: Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 111.

Труд Сеченова с энтузиазмом встретили соратники Чернышевского: для них он был естественнонаучным доказательством философских положений Чернышевского. В пропаганде рефлекторной теории психики объединились передовые ученые, писатели, публицисты: К. А. Тимирязев, Н. О. Ковалевский, И. Р. Тарханов, С. П. Боткин, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Н. В. Шелгунов и др. Против Сеченова поднялись идеалисты-философы и психологи, богословы. Споры, вспыхнувшие после выхода «Рефлексов головного мозга», продолжили полемику вокруг философского труда Чернышевского¹².

Ответом на философско-теоретические споры была напечатанная в 1873 г. статья И. М. Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию?», направленная против основного принципа идеалистической психологии, против «самостоятельного и самостоятельного духовного начала». В предисловии автор сообщал, что мысли о психологии созрели у него в 1862 г., т. е. соотносил их с полемикой Чернышевского и Юркевича.

В статье была развернута программа развития материалистической психологии, опиравшейся на рефлекторную теорию психики, определялись ее предмет и задачи, утверждалась необходимость введения в психологию объективного метода для изучения объективных «непреложных», как определял автор, законов психической деятельности.

В 1881 г. Сеченов опубликовал статью «Учение о не-свободе воли с практической стороны». Он считал ее «практическим приложением к разрабатывавшимся мною... некогда теоретическим вопросам», под этими теоретическими вопросами имелись в виду вопросы о воле и произвольных движениях, разбиравшиеся в «Рефлексах головного мозга». Вновь утверждая, что воля детерминирована внешними и внутренними условиями жизни человека, автор подводил к мысли: какова почва — таковы и поступки. Подлинно научное понимание воли, говорилось в статье, «действительно урезывает у человека некоторый придаток, навязанный ему теоретически, но такой, который, не будучи необходимым для произведения действий, ставит человека вне законов земли, т. е. той среды, где он действует»¹³.

Близость идеям Чернышевского обнаруживается и в последующие годы научной деятельности Сеченова. Он продолжает пропаганду идей Чернышевского в новых исторических условиях, когда актуальной становится борьба с кантианством.

В далекой ссылке, оторванный от общественно-политической жизни, Чернышевский заметил опасность возрождения кантианства. В письмах к сыновьям он многие строки уделяет критике субъективного идеализма, высмеивает агностиков, не доверяющих

¹² См.: Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1960.

¹³ Сеченов И. М. Учение о не-свободе воли с практической стороны. — В кн.: Избр. филос. и психол. произв., с. 318.

органам чувств, и отстаивает мысль, что ощущения достоверно отражают действительность. «Масса натуралистов говорит: „Мы знаем не предметы, каковы они сами по себе, каковы они в действительности, а лишь наши ощущения от предметов, лишь наши отношения к предметам“. Это чепуха. Это чепуха, не имеющая в естествознании ровно никаких поводов к своему существованию»¹⁴. В одном из писем он особо разбирал вопрос о зрительных ощущениях. «Мы видим предметы такими, какими они действительно существуют»¹⁵, — утверждал Чернышевский.

С величайшей прозорливостью Чернышевский решал проблему, вокруг которой в то время сосредоточивалась борьба материализма и идеализма в психологии. В предисловии к предполагаемому третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» он выступал против кантовской теории субъективности знания и тех натуралистов, которые «толкуют со слов Канта, что формы нашего чувственного восприятия не имеют сходства с формами действительного существования предметов, что поэтому предметы, действительно существующие, и действительные качества их, действительные отношения их между собою непознаваемы для нас»¹⁶.

Можно предположить, что Сеченов, друг семьи Чернышевского, участвовавший в воспитании его сыновей, имел возможность познакомиться и с упомянутыми письмами, и с предисловием, посланным Пышину. В этой связи большой интерес представляют три связанные между собой статьи Сеченова: «Впечатления и действительность», «Предметная мысль и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения»¹⁷. Они решали вопрос об отражении действительности в чувственных образах и в элементарном чувственном мышлении, которое ученый обычно называл предметным, так как считал, что оно представляет мышление чувственными образами предметов. Целью этих работ был ответ на вопросы: в какой мере чувствуемые нами связи и отношения между предметами представляют собой «сколок с действительности» и не навязаны ли они умом внешнему миру?

В опровержении агностицизма Сеченов был единомышлен с Чернышевским. В своих публичных лекциях и статьях он доносил до слушателей и читателей мысли Чернышевского и доказывал выдвинутые положения психологическими и физиологическими дан-

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 273—274.

¹⁵ Там же, с. 275.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 125.

¹⁷ Статья «Впечатления и действительность», помещенная в «Вестнике Европы» (№ 5, 1890 г.), воспроизводила публичную лекцию, имевшую шумный успех. Статья «Предметная мысль и действительность» была опубликована в 1892 г. в «Сборнике в помощь голодающим». С докладом «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» Сеченов выступил в 1894 г. на IX съезде русских естествоиспытателей.

ными. Он утверждал, что образы предметов верно передают форму и величину объективно существующих предметов материального мира, их пространственные и временные отношения. В статье «Предметная мысль и действительность» он писал: 1) «...чувствуемая и мыслимая нами раздельность предметов в пространстве навязана нашему уму извне»; 2) «...все чувствуемые нами перемещения предметов в пространстве суть реальности, и все атрибуты движения навязаны нашему уму извне»; 3) «...хотя акты узнавания предметов представляют результаты очень сложной переработки повторяющихся внешних воздействий, но в них нет никаких признаков извращения реальных впечатлений»; 4) «...всем элементам предметов мысли, насколько она касается чувствуемых нами предметных связей и отношений в пространстве и времени, соответствует действительности»¹⁸.

И. М. Сеченов на основе материалистической философии революционной демократии и прежде всего идей Н. Г. Чернышевского создал новое детерминистическое учение о психике, которое заложило фундамент новой, материалистической системы психологии.

Многие сеченовские идеи получили доказательство в экспериментальных данных современных психологических исследований. Оказавшись включенными в совокупность современных знаний, они развиваются на новом научном уровне.

С. С. Волк, В. С. Никоненко

Г. В. ПЛЕХАНОВ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Деятельность Н. Г. Чернышевского и Г. В. Плеханова принадлежит важнейшим историческим этапам в жизни России. Разночинский период освободительного движения, нашедший яркое отражение в мыслях и деятельности Чернышевского, в середине 90-х годов сменяется периодом пролетарским; дело революционной демократии нашло подлинного преемника в лице марксизма, распространение которого в России является крупнейшей заслугой Плеханова и его группы «Освобождение труда». Неверно было бы упрощать указанный процесс смены идеологии. Он был сложным и трудным. Слишком противоречивыми были социально-политические и экономические отношения России последней трети XIX в., и это непосредственно отражалось в области идеологии, где шла острая полемика между марксистами и народниками о путях экономического развития России и зада-

¹⁸ Сеченов И. М. Предметная мысль и действительность. — В кн.: Избр. филос. и психол. произв., с. 348, 358, 362.

чах освободительного движения. Эта идейная борьба отразилась на первых произведениях Г. В. Плеханова, посвященных Чернышевскому, в его работе «Н. Г. Чернышевский», относящейся к 1890-м годам. Идеологическая борьба в русском обществе в годы реакции после революции 1905—1907 гг. нашла свое отражение во 2-м издании этой книги Плеханова о Чернышевском, вышедшей в 1909 г. Уже в силу только различия условий появления работ Плеханова их исследование — сложная историко-философская проблема.

Возможно несколько аспектов рассмотрения поставленной проблемы. Первый аспект предполагает рассмотрение историко-философского анализа Плехановым воззрений Чернышевского. В этом случае речь идет о полноте изложения в работах Плеханова взглядов Чернышевского, о теоретической глубине и основных принципах анализа, об определенном изменении позиции Плеханова в отношении некоторых положений Чернышевского, особенно его критики либерализма, которое обусловлено в значительной мере ошибочными меньшевистскими политическими позициями Плеханова после 1903 г., его пониманием ряда вопросов стратегии и тактики революционного движения. Второй аспект включает в себя рассмотрение исторического фона, общественно-политического значения работ Плеханова о Чернышевском в плане отношения русских марксистов к наследству 60—70-х годов и роли этих работ для утверждения и развития марксистских воззрений в России. Первый аспект проблемы в значительной степени освещен в нашей литературе. В исследованиях В. Е. Евграфова, М. Т. Иовчука, Б. А. Чагина и других показаны особенности всестороннего марксистского анализа Плехановым взглядов Чернышевского. В меньшей степени в имеющихся исследованиях затрагивается второй аспект.

Плеханов предпринял первую попытку теоретического анализа мировоззрения вождя русской революционной демократии 50—60-х годов еще при его жизни (в работах «Наши разногласия», «А. П. Щапов» и др.), а в книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-демократ» за 1890 г., изданные в 1894 г. отдельной книгой по-немецки) Плеханов, писал В. И. Ленин, «вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»¹. В замечаниях же на ее второе, дополненное издание 1909 г. Ленин подвергает определенной критике некоторые положения Плеханова и в связи с этим его подход к наследию Чернышевского. Он отмечает внимание Плеханова исключительно к теоретическим взглядам Чернышевского, в частности к идеалистическим положениям об истории общества, что приводило к недооценке революционного крестьянского демократизма. Критика Лениным ошибочных положений 2-го издания книги Плеханова была обусловлена прежде всего

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.

развитием революционного движения за 20 лет, необходимостью более четкого размежевания между силами революции и либерализма в России.

С деятельностью Плеханова и руководимой им группы «Освобождение труда» связано распространение марксистской теории в России, открытие в русском освободительном движении эпохи научного социализма. Как известно, Плеханов и его товарищи пришли к марксизму от народнических концепций. В этом случае важно учитывать признание Плеханова, что его умственное развитие совершилось «под огромнейшим влиянием Чернышевского»².

Утверждение новой идеологии, ее распространение требовали широкой пропагандистской работы. И такая задача стояла перед Плехановым, ее намечала в своей программе создаваемая им группа. Однако выполнение пропагандистской задачи предполагает теоретическую критику распространенной формы идеологии и чуждых новой идеологии взглядов. Именно таким путем, например, добился всестороннего, глубокого и убедительного изложения марксизма Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг».

Могли ли члены группы «Освобождение труда» ограничиться изданием на русском языке работ основоположников марксизма? Очевидно, нет. Необходимо было «расчистить почву» и прежде всего в теоретическом отношении. Необходимо было подвергнуть серьезной критике основные идеи, владевшие умами представителей русского социалистического движения XIX в. Именно выполнению указанной задачи были посвящены работы Плеханова по вопросам русской передовой общественной мысли XIX в., написанные в 80—90-х годах. В своих первых марксистских статьях Плеханов, провозглашая наступление социал-демократического периода революционного движения, заявлял, что «пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества», критики старых программ, учений и традиций³. Задача осложнялась тем, что народники стремились опереться на Чернышевского и Герцена, называли себя воспреемниками их традиций. Вот почему Г. В. Плеханову представлялось необходимым вскрыть теоретическую несостоятельность не только самого народничества, но и его родоначальников.

Еще в народнический период своей деятельности Плеханов проявляет определенную близость к взглядам Чернышевского. В статье об А. П. Щапове, опубликованной в «Вестнике „Народной воли“», Плеханов уже замечает весьма существенные различия между программами народников и Чернышевского. В последующих работах он неоднократно говорил, что после Чернышевского начинается определенный спад уровня теоретической мысли в освободительном движении России. Народники, которые

² Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1925, т. 6, с. 382.

³ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1923, т. 2, с. 20—21.

подчеркивали свое родство с Чернышевским, часто поверхностно воспринимали суждения и основные понятия его социальной концепции, не говоря уж о том, что в философском отношении они не смогли разглядеть основную тенденцию развития философской мысли в послегегелевский период. Чернышевского Плеханов рассматривает как своего предшественника в России⁴. До распространения в России научного мировоззрения Маркса и Энгельса «взгляды Чернышевского являлись самым важным приобретением русской философской и общественной мысли»⁵, — утверждает он. Обращение к теоретическому наследию Чернышевского позволяло марксистам использовать его воззрения, его цельный материализм и преданность социалистическим идеалам в качестве действенного оружия в борьбе с народническими иллюзиями, субъективным идеализмом и т. п. Практически нет ни одной более или менее крупной работы Плеханова, где наследие Чернышевского не было бы использовано для критики враждебных марксизму взглядов.

Из различного отношения Плеханова к Чернышевскому и народничеству вытекает и различие в характере критического отношения к ним. Критикуя взгляды народничества, Плеханов раскрывает их отсталость, метафизичность, ненаучность. В то же время, по мысли Плеханова, взгляды Чернышевского «нельзя было превзойти иначе, как развивая дальше основные положения его собственного миросозерцания»⁶. Такая плодотворная критика, считал Плеханов, возможна только с позиций марксизма. В ходе указанного преодоления Плеханов стремится всесторонне оценить достижения Чернышевского в области теории, выделить ростки, подлежащие развитию, и т. д., вместе с тем критический аспект в оценке утопических концепций Чернышевского был преобладающим.

Как показывают уроки ленинского анализа народничества, после теоретического разгрома его доктрины необходимо было перенести логическое ударение на выделение из шелухи народнических утопий наиболее ценного, что в них содержалось, — тенденций демократизма и революционности. Это же следовало сделать и в отношении Чернышевского. Однако Плеханов во 2-м издании книги (1909) не придавал значения этой задаче, хотя и по другим причинам, чем раньше.

Отличия плехановской оценки Чернышевского от ленинской проявились довольно наглядно при чтении Плехановым книги Ю. М. Стеклова, которую внимательно штудировал тогда и В. И. Ленин. Плеханов очень чутко отреагировал на замечания Стеклова о том, что некоторые современные авторы, признавая заслуги великого демократа, не признают современного значения

⁴ Там же, с. 19.

⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 6, с. 337.

⁶ Там же.

его материализма. «Против меня», — отметил на полях Г. В. Плеханов.

Вполне обоснованно возражая в некоторых случаях против переоценки близости Чернышевского к Марксу, Плеханов вместе с тем определяет (1909 г.) Чернышевского главным образом как просветителя, недооценивая, таким образом, его революционно-демократическую позицию, которую так подчеркивал В. И. Ленин. Как известно, В. И. Ленин упрекал Плеханова за то, что тот из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взглядов на историю «*просмотрел* практически-политического и *классовое* различие либерала и демократа»⁷. В книге Стеклова В. И. Ленин сочувственно подчеркнул приведенные там слова Чернышевского о революционерах: «С либералами они расходятся органически». Иное отношение к оценке либералов Чернышевским Плеханов обнаружил в изданной своей книге в 1909 г. К словам Стеклова о том, что Чернышевский показывал «лицемерную маску либералов», он сделал примечание: «Этого он не мог показать».

Следует отметить, что появление 2-го издания книги Плеханова о Чернышевском в годы столыпинской реакции имело злободневное значение в связи с походом буржуазных либералов против лучших традиций освободительного движения. Плеханов показал, что нападки «Вех» на русских демократов 60-х годов, на их «грубый материализм» служат нынешней буржуазии.

В резко критической рецензии на сочинение эсеровского литератора Иванова-Разумника Плеханов справедливо указал также на недопустимость ставить в один ряд Чернышевского и Михайловского, поскольку последний «в философии был настоящим карликом по сравнению с автором статьи „Антропологический принцип в философии“»⁸.

Марксистский анализ мировоззрения Чернышевского, данный Плехановым, был обусловлен не только его личным пристрастием к предшественнику российской социал-демократии. Заслуга Плеханова заключалась в том, что он верно определил необходимость и безотлагательность этого анализа.

Отношение Плеханова к Чернышевскому — сложная историко-философская проблема. Лейтмотив произведений Плеханова о Чернышевском заключается в словах: «Мысль Чернышевского шла по тому пути, идя по которому нельзя было не прийти при новых исторических условиях, к точке зрения научного социализма»⁹. И в этом с Плехановым соглашался В. И. Ленин, когда неоднократно подчеркивал роль и значение прогрессивного идейного «наследия» 60—70-х годов для русских социал-демократов. Революционная мысль Чернышевского и его соратников, их теоре-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 560.

⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 5, с. 248.

⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 6, с. 370.

тическая и практически-политическая деятельность, их поиски правильной революционной теории имели весьма важное значение для процесса становления и мужания русской социал-демократии.

Политическое грехопадение Плеханова к меньшевизму после 1903 г. вызвало определенную ограниченность его работ о Чернышевском. Эта ограниченность, как показал Ленин, выражалась в сглаживании принципиального революционно-демократического характера воззрений Чернышевского, в затушевывании коренных различий позиций Чернышевского и русского либерализма и т. д. В то же время Плеханов видит в Чернышевском идейного предшественника русской социал-демократии. Такой подход позволил ему рассматривать взгляды Чернышевского в исторической связи с марксистским мировоззрением и его утверждением в России, с процессом освободительной борьбы российского пролетариата. Вывод Плеханова гласил, что, хотя некоторые утопические положения социальной доктрины Чернышевского близки взглядам народников, тем не менее в конкретных исторических условиях конца XIX в. не народники, а марксисты являются законными преемниками Чернышевского. Именно русские марксисты «представляют органический продукт истории русского революционного движения»¹⁰. Это все сообщило работам Плеханова о Чернышевском непреходящую теоретическую ценность и сделало невозможной полную и всестороннюю оценку идейного наследия великих деятелей революционной демократии 60—70-х годов без глубокого изучения этих работ и осмысления ленинского отношения к ним.

---

¹⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 9, с. 5.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И П. Н. ТКАЧЕВ (к постановке вопроса)

Одному из виднейших идеологов русского революционного народничества — П. Н. Ткачеву не пришлось быть соратником Чернышевского¹, но он был, несомненно, одним из продолжателей и последователей его дела, революционером и мыслителем школы Чернышевского. Это признается в той или иной степени всеми, кому приходилось писать о Ткачеве. Но важно знать, каким учеником, каким последователем и каким продолжателем он был.

Как ни странно, но в полном объеме все эти вопросы специально в литературе не рассматривались и даже не ставились. Категоричность этого заявления может вызвать недоумение, основанное хотя бы на том, как много сделано уже различными исследователями по сравнению, сопоставлению народнических идеологов, в том числе и Ткачева, и идеологов революционной демократии, прежде всего Чернышевского. Русские марксисты при этом рассматривали главным образом революционные, социалистические программы, тактические установки и наиболее близко к ним примыкающие теоретические, в основном социальные, концепции². Методологическое значение их работ, так же как и работ Ф. Энгельса, неопределимо, верность их оценок поразительно точна, и последующие исследователи-марксисты находят в них все новые и новые грани³.

Вместе с тем, что было известно, скажем, о Ткачеве как философе? Что знали об этой стороне его деятельности современники и последующие исследователи?

¹ Вопрос о возможном знакомстве Ткачева с Чернышевским не исследовался, хотя не исключено, что они могли встречаться. Известно, что в 1861—1862 гг. у них были общие знакомые, например студенты И. А. Пиотровский и Е. П. Печаткин (см.: *Лемке Мих.* К биографии П. Н. Ткачева. — *Былое*, 1907, № 8/20, с. 152, 154; *Пангелеев Л. Ф.* Воспоминания. — *ГИХЛ*, 1958, с. 272, 296), что Ткачев присутствовал на литературном вечере в зале Руадзе 2 марта 1862 г., на котором Чернышевский выступал с воспоминаниями о Н. А. Добролюбова (см.: *Ткачев П. Н.* Соч. В 2-х т. М., 1975, т. 1, с. 564—566, 635), и что И. Н. Мышкин в 1875 г. обсуждал с Ткачевым свой замысел освобождения Чернышевского (см.: *Антонов В. С.* И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959, с. 38).

² Поэтому вряд ли справедливо распространение оценок социалистической доктрины Ткачева на все его творчество. См., например: *Водомозов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову: (Об особенностях развития социалистической мысли в России). [М.], 1969, с. 129.

³ См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» — В кн.: *К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия*. М., 1967, с. 112.

В начале нашего века Д. Рязанов обратил внимание на философскую полемику Ткачева с Лесевичем, но эта полемика для него была всего лишь фактом, свидетельствующим, что и «семидесятники» (т. е. народники) не были чужды философии⁴. В сочинениях В. И. Ленина не встречается никаких упоминаний о философских работах Ткачева⁵. Советский историк Б. Козьмин, глубоко знавший работы Ткачева, изучавший и издававший его рукописное наследие, видел в Ткачеве уже философа, но философа неисследованного⁶. Ныне, когда Ткачев как философ и социолог включается во все отечественные истории философии, а его основные философские и социологические сочинения изданы, появилась возможность исследовать его философское творчество вполне, сравнить с творчеством его предшественников и в первую очередь Н. Г. Чернышевского.

Однако сравнение или, точнее, всесторонняя сверка творчества народнического мыслителя с творчеством его великого предшественника — необходимая часть, но всего лишь часть задачи. Новые условия, в которых приходилось действовать и теоретически, и практически соратникам, последователям и ученикам Чернышевского и среди них Ткачеву, порождали новые проблемы, новые вопросы, ответы на которые нельзя было найти у их вождя. Сам перевод идей Чернышевского в революционное «дело» совершался далеко не адекватно⁷. Тех, кто пытался следовать Чернышевскому, надо принимать такими, какими они были, и оценивать как их взгляды, так и «заветы» самого Чернышевского, сообразуясь уже со временем и задачами первых, а не только с формулами последнего. Только рассматривая всех этих деятелей как в том, в чем они пытались следовать Чернышевскому, так и в том, в чем они отказывались это делать; исследуя, что они усвоили от Чернышевского (по их мнению и на самом деле) и что отстаивали в его наследии, сравнивая все это с действительной ролью наследия Чернышевского в борьбе последующих поколений, можно оценить подлинные размеры влияния

⁴ См.: *Рязанов Д.* Две правды. М., 1918, с. 60.

⁵ Правда, В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что В. И. Ленин «внимательно изучал „Набат“ и другие издания П. Ткачева и очень хотел собрать все то, что Ткачев писал в легальной прессе». Один из сотрудников библиотеки РСДРП специально просматривал различные журналы 70-х годов, чтобы отыскать произведения Ткачева. См.: *Бонч-Бруевич В.* Библиотека и архив РСДРП в Женеве. — Красная летопись, 1932, № 3 (48), с. 113.

⁶ См.: *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России: Избранные труды. М., 1961, с. 691.

⁷ См.: *Володин А.* Раскольников и Каракозов: (К творческой истории статьи Д. Писарева «Борьба за жизнь») — Новый мир, 1969, № 11, с. 219; *Володин А. И.* Выстрел Каракозова. — В кн.: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976, с. 223—224; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, с. 235—237.

Чернышевского на судьбы русской истории, русской общественной мысли, русской науки, культуры и т. д. И, конечно, необходимо учитывать, как это влияние менялось от поколения к поколению, переживая периоды упадка и усиления, как оно менялось от мыслителя к мыслителю, учитывать и влияние других мыслителей. Так, уже между идеологами одного лагеря, одного направления — революционного народничества (Бакунин, Лавров, Ткачев) — в отношении к Чернышевскому находим наряду с положениями, общими всем им, существенные различия и даже борьбу вокруг его наследия⁸, объясняемые самими разнообразными причинами, среди которых немалую роль играли и различия воззрений, биографий, характер окружения, направление интересов и т. п.

Тем не менее первыми шагами в исследовании темы «Чернышевский и Ткачев» должны стать выявление и освоение материала. Достаточно сказать, что в литературе до сих пор нет простейшего свода и тем более анализа высказываний и работ Ткачева о Чернышевском. Одна из них — наиболее доступная — предисловие к французскому переводу романа «Что делать?», опубликованное по-русски Б. П. Козьминым в 1932 г.⁹ Менее известно другое предисловие Ткачева к работам Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» и «Экономическая деятельность и законодательство», изданных в Женеве в 1877 г. журналом «Набат»¹⁰. Вот и все. Остальные высказывания Ткачева о Чернышевском (а их немало) в научный оборот не включались, и не только в применении к настоящей теме.

Казалось, объяснение такому положению лежит на поверхности. Обе названные выше работы Ткачева опубликованы открыто за границей; позиция Ткачева выражена в них с предельной ясностью. В работах же, опубликованных им в легальной, подцензурной печати (а они составляют большую часть его литературного наследия), имени Чернышевского ввиду известного

⁸ В этом смысле примечательны отличия в публикациях известной речи молодого Г. В. Плеханова на демонстрации 6 декабря 1876 г. у Казанского собора в Петербурге (в которой он говорил о Чернышевском), осуществленных народническими изданиями «Набат» и «Вперед!». См.: *Клевенский М. Н. Г. Чернышевский в нелегальной литературе 60—80-х годов.* — Литературное наследство. М., 1936, № 25/26, с. 561.

⁹ См.: *Ткачев П. Н.* Избр. соч. М., 1932, т. 4, с. 413—414. Неоконченный французский перевод «Что делать?», печатавшийся в 1880 г. в газете бланкистов «Ни бога, ни господина» в Париже, также еще не исследовался. См.: *Травушкин Н. Г.* Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 91—92.

¹⁰ Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского/ Предисловие издателей. Женева: Изд. журнала «Набат», 1877. Хотя предисловие подписано «Издатели», авторство Ткачева не вызывает сомнений. И идеи, и стиль предисловия ткачевские, хотя возможно и соавторство другого редактора «Набата» — К. М. Турского. Не следует забывать при этом, что все статьи в «Набате» (в том числе и Ткачева) анонимны.

правительственного запрета мы нигде не встретим. Как и большинство его современников, Ткачев в своих работах называет Чернышевского то «автором „Эстетических отношений...“», то «автором „Антропологического принципа...“», то «редактором „Современника“», то «любимейшим молодежью писателем» и т. п. Исследователям знакомы подобные приемы, и поэтому их невнимание к этой группе отзывов Ткачева о Чернышевском скорее можно объяснить все той же приверженностью к привычным представлениям о народническом мыслителе; любые его взгляды нередко с легкостью подводятся под аналогию с его политической позицией. Ею обычно и удовлетворяются.

Между тем спектр высказываний о Чернышевском, хотя он и специфичен именно для Ткачева и отмечен печатью его политической позиции (что само по себе интересно исследовать), дает достаточно широкие возможности для заключений об отношении народнического мыслителя ко всем основным компонентам наследия вождя революционной демократии, которые не могут быть экстраполированы прямо из его политической позиции. Даже предисловие к статьям Чернышевского об общине, наиболее политически насыщенное из всех отзывов Ткачева о значении наследия Чернышевского для революционной народнической практики, содержит в себе ряд проблем, рассмотрение которых плодотворно для нашей темы не только в плане политическом. Среди них наряду с вопросами о русской общине, ее судьбе, об определении стратегии и тактики русской революции также и общетеоретические проблемы: о закономерном и поступательном характере общественного развития, о месте в нем революции и ее движущих силах, о сущности, природе и роли государства в общественных преобразованиях, о соотношении экономики и политики и т. п., т. е. почти вся основная проблематика понимания исторического процесса. В сопоставлении с другими работами Ткачева, в которых данная проблематика рассматривалась в развернутом виде, но в которых имени Чернышевского нет, легче понять истоки теоретических построений народнического мыслителя, понять, в чем он следовал Чернышевскому, в чем видел развитие и продолжение его традиций.

Становится ясным, например, что знаменитая теория «скачков» в общественном развитии, характерная для социологии Ткачева, коренится в соответствующих положениях статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения»¹¹. Становится ясным также и то, где оканчивается в построении этой теории следование букве положения Чернышевского о возможности ускоренного развития некоторых общественных институтов народа (в частности, русской общины), перескакивания с низших ступеней развития на высшие, минуя промежуточные стадии, и где начинается следование духу этого

¹¹ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. V, с. 388—389.

положения, разработка заложенных в нем возможностей, логически направляемые Ткачевым на обоснование якобинской революционной программы.

Свою разработку названного положения Чернышевского Ткачев основывает на двух неоднозначных теоретических допущениях. «Если, — начинает он первое из них, — община из той первобытно патриархальной стадии развития, на которой она стоит у нас в России, может быть прямо и непосредственно переведена на высшую ступень своего развития (на которой она теряет свой патриархальный характер и превращается в *общину-коммуну*), то, очевидно, то же самое можно сказать и относительно всех других общественных учреждений, а следовательно, относительно всего данного социального порядка вообще»¹². В этом допущении нет ничего, что не соответствовало бы и букве, и духу статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения». Более того, всем своим изложением, всеми своими доводами, опирающимися, в частности, на авторитет Гегеля, на его диалектический метод¹³, всеми своими примерами из разных явлений природы, жизни отдельного человека и общества Чернышевский доказывает объективный характер теории ускоренного развития, ее универсальность, указывает на объективный, закономерный характер скачка в общественном развитии или, что то же самое, насильственной революции. И Ткачев был отчасти прав, когда «урок Чернышевского» «защитникам „черепашьего шага“» преподносил и «рыцарям постепенности», т. е. сторонникам П. Л. Лаврова. Вернее, отчасти теоретически прав, так как исторически и его программа революционного действия, и программа пропаганды Лаврова каждая в отдельности одинаково не могли в условиях тогдашней России привести к ожидаемым результатам.

Ткачев понимает сложность перехода от теории к практике. «Весь вопрос только в том, — пишет он, — когда и при каких условиях возможен этот *ускоренный* процесс общественного развития, этот скачок общества с низшей ступени общественности на высшую, минуя промежуточные ступени?»¹⁴.

По мнению Чернышевского, этот процесс происходит в том случае, когда отсталый народ подвергается влиянию передового народа. Ткачев согласен с этим, но не может удовлетвориться ожиданием такого исторического случая по отношению к России, и он делает второе допущение, кажущееся ему столь же очевид-

¹² Издатели [Ткачев П. Н.]. Предисловие к кн.: Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского, с. VI.

¹³ Исследователи творчества Ткачева обычно отмечают его отрицательное отношение к гегелевской философии. В этой связи интересно обратить внимание на опосредованное влияние на него диалектики Гегеля. Работы Чернышевского (и в данном, и в других случаях) могли быть одним из каналов такого влияния.

¹⁴ Издатели [Ткачев П. Н.]. Предисловие к кн.: Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского, с. VII.

тым, как и первое. «Но если отсталый народ может перейти, под влиянием передового народа, из низшей стадии общественного развития в высшую, минуя средние степени¹⁵, — рассуждает он, — то, очевидно, тот же факт должен повториться и в том случае, когда *передовая часть* народа, т. е. его умственно и нравственно развитое *меньшинство*, подчинит своему влиянию *остальную часть*, т. е. невежественное и нравственно забитое *большинство*. Иными словами, если среди народа, стоящего на низшей ступени общественности, существует группа людей, усвоившая себе высшие, более разумные идеалы общественности, и если эта группа в силу каких-нибудь счастливых обстоятельств получила возможность влиять на остальное общество, то этому обществу не будет надобности переходить все те фазисы исторического развития, которые пережили народы, выработавшие идеалы, усвоенные его передовыми людьми; оно может непосредственно перейти к такому общественному состоянию, которое наиболее соответствует этим идеалам»¹⁶.

На первый взгляд и во втором допущении Ткачева нет противоречия с теоретическими построениями Чернышевского. Возможность такого вывода была, так же как была возможность и выводов, прямо противоположных, равным образом не противоречащих исходным принципам Чернышевского. Однако сам Чернышевский таких выводов не делал, преднамеренно подчеркивая, что он предпочитает оставаться в сфере теории, хотя и писал в статье «Экономическая деятельность и законодательство»: «Нелегко удерживать других и самому удерживаться от односторонности в практике, где часто один какой-нибудь факт, режущий глаза своей нелепостью, заставляет человека забывать обо всем остальном, кроме средства, служащего противоядием именно против этого факта»¹⁷.

Ткачев же односторонне развивал теорию захвата государственной власти революционным меньшинством и последующего преобразования общественных отношений в духе социалистического идеала. Об этой стороне его взглядов, об их волюнтаризме много написано в нашей литературе. Мы не будем разбирать, что в них идет от влияния Чернышевского, а что привносится в концепцию вождя революционной демократии Ткачевым, чтобы сделать ее более близкой своей концепции. Для этого необходимо специальное исследование, которое к тому же не может ограничиваться материалом одного названного предисловия Ткачева.

Но еще на одном обстоятельстве, связанном с этим предисловием, хотелось бы остановиться. Его содержание не исчерпывается названными выше вопросами теории. Ткачев дает в нем

¹⁵ Н. Г. Чернышевский писал «степени» вместо «ступени». В данном случае Ткачев сохранил это написание.

¹⁶ Издатели [Ткачев П. Н.]. Предисловие к кн.: Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского, с. VII—VIII.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 578.

также оценку полемическому искусству Чернышевского, характеру, глубине и меткости его аргументации в борьбе со своими противниками и оппонентами. «Чернышевский, — пишет он, — хорошо знал своих противников. Он едва ли не лучше их самих был знаком с несложным арсеналом их софистической аргументации. Сбитые со своей якобы научно-философской позиции, они обыкновенно ударялись в пошлый либерализм буржуазных доктринеров»¹⁸. Чернышевский, замечает Ткачев, «не подкупился лавочным либерализмом их теорий». Он разбил их «аргумент от либерализма» столь же победоносно, как разбил их «аргумент от философии». «Он снял с них, — продолжает Ткачев, — либеральную маску, и под нею оказалась гнусная рожа жандарма; он обернул медаль с великолепными на ней словами „священное право личности“, „неприкосновенность человеческой свободы“ и т. п. и на ее обратной стороне открыл другие надписи: „эксплуатация слабого сильным“, „безграничная конкуренция“, „рабство рабочего“, „хищничество хозяина“ и т. д.»¹⁹.

Для Ткачева, как и для Чернышевского, классовая, партийная позиция и в теории, и на практике оставалась всегда актуальной и должна была быть всегда актуальной. Публицистический характер многих работ Ткачева, сила воздействия его полемических выступлений в значительной степени обязаны традициям Чернышевского и его соратника Добролюбова. Но обязанная тем же традициям обостренность классового чутья в полемических выступлениях Ткачева обращала отработанный, отточенный Чернышевским механизм разоблачения классовых противников иногда и против концепций мыслителей, теоретическая слабость которых казалась народническому идеологу проявлением перехода на противоположные ему классовые позиции, отступлением от революционного «дела». Такими моментами может быть объяснима, например, значительная часть выступлений Ткачева против Лаврова, в том числе и отождествление в названном предисловии позиции последнего с позицией «буржуазных доктринеров», отрицание ее революционности. В то же время по отношению к анархизму Бакунина такое опирающееся на аргументацию Чернышевского отождествление оказалось логически и исторически справедливым²⁰.

Наблюдая такого рода противоречие, важно, таким образом, отметить как то, что оно опирается на некоторые традиции, идущие от Чернышевского, но в конечном счете обязано своеобразному их толкованию Ткачевым, так и то, что сама возможность такого толкования была заложена в тех элементах творческого наследия великого революционного демократа, которые превра-

¹⁸ Издатели [Ткачев П. Н.]. Предисловие к кн.: Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского, с. IX.

¹⁹ Там же, с. X—XI.

²⁰ В предисловии Ткачева нет имен Лаврова и Бакунина, но читатель без труда догадывается, о ком идет речь.

тились впоследствии в ту или иную традицию. Важно отметить также, что это относится не только к народническим компонентам теории Чернышевского (равно как и Герцена), на которые обращается преимущественно внимание исследователей²¹, но и к восприятию, толкованию и развитию других, ненароднических компонентов традиций, идущих от основателей революционной демократии, традиций не только в содержании их теорий, но и в способе изложения, в форме подачи материала, в приемах литературной борьбы.

Исследователи творчества Ткачева склонны обычно искать истоки политической программы, теории революции и вообще мировоззрения народнического мыслителя в теории «исторического реализма» Д. И. Писарева²², в экономическом учении и материалистическом понимании истории К. Маркса, в политическом учении О. Бланки²³ либо, что еще чаще, в эклектичном сочетании влияния всех этих и других мыслителей²⁴, порой не замечая и тем более не учитывая ближайшего источника — трудов Н. Г. Чернышевского и его соратника Н. А. Добролюбова²⁵.

Такое положение кажется нам неправомерным прежде всего с точки зрения хронологии. Влияние творчества Чернышевского, безусловно, наиболее раннее по сравнению с влиянием на Ткачева названных выше мыслителей. Приведенный нами пример толкования Ткачевым статей Чернышевского об общине лишь усиливает этот тезис²⁶. Общеизвестно значение этих статей для эволюции идеологии и практики русского народничества. Вполне вероятно, что специальное исследование всех вопросов, рассма-

²¹ В применении к названному предисловию Ткачева это подчеркнуто, например, В. А. Твардовской. См.: *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов, с. 92—93.

²² В последнее время эту точку зрения наиболее развернуто выразил Р. Н. Блюм, указавший по отношению к теории революции Ткачева и на те положения, в которых, по его мнению, их позиции расходятся. См.: *Блюм Р. Н.* П. Н. Ткачев о теории революции: Научные доклады высшей школы. — *Философские науки*, 1977, № 6, с. 80—83.

²³ О влиянии Бланки на Ткачева и особенностях его «бланкизма» см.: *Седов М. Г.* Некоторые проблемы истории бланкизма в России. (Революционная доктрина П. Н. Ткачева). — *Вопросы истории*, 1971, № 10.

²⁴ См.: *Недоступенко Д. И.* Философские и социологические взгляды П. Н. Ткачева: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. [М.], 1969, с. 4.

²⁵ Указание на преимущественное влияние на Ткачева работ Н. Г. Чернышевского сформулировано в некоторых работах А. А. Галактионова, П. Ф. Никандрова и И. К. Пантина. См.: *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, с. 552; *Пантин И.* Ткачев. — В кн.: *Филос. энциклопедия*. М., 1970, т. 5, с. 235—236.

²⁶ Статья Чернышевского «Критика философских предубеждений...» опубликована в 1858 г., а активная творческая жизнь ее автора была прервана арестом в середине 1862 г.; труд Маркса «К критике политической экономии» вышел на немецком языке в 1859 г., а первый том «Капитала» — в 1867 г.; главные статьи Писарева появились после реформы 1861 г., а в целом его литературная деятельность проходила уже после ареста Чернышевского; о каком-либо распространении в России 50—60-х годов прошлого века работ Бланки в исследовательской литературе не имеется сведений.

риваемых Ткачевым в его предисловии, еще яснее обнаружит, что и их решение в том варианте, которое им дает Ткачев, также коренится в статьях Чернышевского, как и концепция «русского социализма» в целом.

Что касается влияния идей Бланки, то оно может быть отнесено с достоверностью лишь к 70-м годам, когда Ткачев эмигрировал за границу. К этому времени его политическая доктрина, в том числе и его «бланкизм», уже сложились, и скорее можно говорить, что в лице Бланки и его последователей (с которыми он лично познакомился) он нашел единомышленников, чем учителей, — единомышленников, опыт которых он мог использовать в своей теоретической деятельности. Речь Ткачева на могиле Бланки (1884 г.), в которой он называет последнего «нашим вдохновителем и нашим вождем в великом искусстве заговора» и на которую обычно ссылаются²⁷, говорит скорее о глубоком уважении к памяти революционера, героическое подвижничество которого было идеалом для Ткачева и его сторонников. В идеях Бланки Ткачев нашел знамя для своей деятельности, и в этом смысле следует понимать его заявления о том, что он считает себя последователем выдающегося французского революционера.

Позиции Писарева и Ткачева в ряде ключевых вопросов теории нередко совпадали, еще чаще они выглядели таковыми. Это совпадение и эта похожесть, по нашему мнению, легко сбивали исследователей на определение Ткачева в число последователей Писарева, тем более напрашивающегося, что оба они были сотрудниками одних и тех же журналов («Русское слово» и «Дело»), причем Писарев начал сотрудничать в них раньше, а Ткачев как бы заменил в них Писарева после его ареста. Однако при этом не учитываются прямые критические высказывания о Писареве самого Ткачева, высказывания нередкие в творчестве последнего. Достаточно указать на подробную характеристику творчества Писарева, данную Ткачевым в 1882 г. в одной из последних своих статей — «Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благодетельского».

Статья не была пропущена цензурой и впервые опубликована по корректурным графкам Г. Прохоровым лишь в советское время. В этой статье содержится и интересная для нашей темы сравнительная характеристика значения творчества Чернышевского и Писарева. Она проводится через сопоставление влияния на читателей начала 60-х годов двух ведущих демократических журналов — «Современника» и «Русского слова», главными сотрудниками которых были соответственно Чернышевский и Писарев. Успех «Современника», писал Ткачев, обуславливался прежде всего «замечательными, из ряда вон выходящими, почти гениальными талантами редактировавших его тогда писателей (т. е. Чернышевского и Добролюбова. — Б. III.). Существоуй «Современник»

²⁷ См.: Козьмин В. П. Из истории революционной мысли в России, с. 373.

и теперь, при тех же литературных силах, он и в настоящее время (т. е. в 1882 г. — *Б. III.*) пользовался бы таким же успехом, как и 20 лет тому назад. Произведения его главных вкладчиков и теперь читаются с таким же интересом, как и прежде, мало того, их теперь даже понимают гораздо лучше и ценят гораздо выше, чем понимали и ценили в „медовый месяц“ нашей журналистики. Но о „Русском слове“ и его публицистах, не исключая и Писарева, сказать этого никак нельзя. Книжки „Русского слова“ могут иметь интерес теперь разве только в глазах историка русской литературы. Произведения такого талантливого и даровитого его сотрудника Писарева или совсем перестали читаться, или, если и читаются, то не производят и половины того впечатления, которое они производили на читателей начала 60-х годов. Очевидно, успех „Русского слова“ и его публицистов зависел не столько от внутреннего достоинства, логичности, стройности, глубины и цельности развиваемого ими мирозерцания, сколько от данного, минутного настроения тогдашней интеллигентной среды»²⁸.

Мы не рассматриваем здесь вопрос о правомерности такой характеристики Ткачевым роли Писарева в истории русской мысли и противопоставления ему Чернышевского и Добролюбова (в остальном содержании статьи эти моменты еще более усилены Ткачевым), нас интересует только, кому отдает Ткачев предпочтение в этом противопоставлении, важное для понимания, кому он следовал в своих теоретических исканиях.

Первое упоминание имени К. Маркса встречается в работах Ткачева в конце 1865 г. в рецензии на книги сотрудника «Современника» Ю. Г. Жуковского, в которой Ткачев цитирует известное место из «К критике политической экономии», кратко излагающее суть материалистического понимания истории²⁹. К этому времени Чернышевский уже прочтен Ткачевым, а принцип экономического объяснения социальных явлений, достаточно ясно сформулированный и у Чернышевского, проводился во многих статьях народнического мыслителя. Поэтому правы те исследователи, которые пишут, что Чернышевский облегчил Ткачеву усвоение некоторых идей Маркса³⁰.

Однако для выяснения влияния Чернышевского и Маркса на Ткачева важно отметить еще два обстоятельства, связанные с тем, что в этом влиянии наблюдается определенная эволюция. Если на первом этапе знакомство с работами Чернышевского облегчает Ткачеву восприятие Маркса, что влечет за собой даже и не-

²⁸ *Жане [Ткачев П. Н.]*. Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благовостолова. — В кн.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940, с. 224.

²⁹ См.: *Ткачев П. Н.* Соч. В 2-х т., т. 1, с. 100.

³⁰ См.: *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков, с. 552; *Недоступенко Д. И.* Философские и социологические взгляды П. Н. Ткачева, с. 4.

которые издержки, так как на этом начальном этапе заметна некоторая «подгонка» Маркса под Чернышевского³¹, то впоследствии более глубокое знакомство с работами Маркса позволило Ткачеву вернее определить значение творчества вождя революционной демократии, его место в ряду других мыслителей. В конце своей литературной деятельности, в предисловии к французскому переводу романа Чернышевского «Что делать?» (1880), Ткачев уже прямо подкрепляет свою характеристику Чернышевского как мыслителя авторитетным мнением о нем Маркса. «Автор романа „Что делать?“, — начинает Ткачев предисловие, — был, бесспорно, одним из наиболее глубоких и наиболее умных мыслителей нашего столетия. Его этюды о капитале, о ренте, об отношениях между капиталом и трудом, о теории ценности имеют неизмеримое и неоспоримое научное значение. По мнению одного из наиболее знаменитых современных экономистов, Чернышевский как экономист занимает в науке важное место наряду с прославленными основателями политической экономии Адамом Смитом и Рикардо»³².

Таким образом, факт влияния идей названных выше мыслителей на Ткачева бесспорен, характер и степень этого влияния различны и нуждаются в дополнительных исследованиях, но несомненно, что их идеи ложились на четкую канву, созданную могущественным влиянием наследия Чернышевского, каждая статья которого с жадностью прочитывалась Ткачевым сразу же по выходе очередной книжки «Современника» и обсуждалась с друзьями еще с гимназических лет³³.

Конечно, вопрос о влиянии трудов Чернышевского на творчество Ткачева не сводится к примерам и соображениям, приведенным в настоящей статье, так же как само влияние не сводится даже ко всей совокупности высказываний Ткачева о Чернышевском. Но исследование этого влияния хотя и не может объяснить все, но уже объясняет многое, так как в любом исследовании многое зависит от начала, от первых шагов, от их правильности. Всестороннее же, комплексное рассмотрение темы «Н. Г. Чернышевский и П. Н. Ткачев» нуждается в исследовании.

---

³¹ Из содержания той же рецензии, в которой Ткачев цитирует Маркса, можно заключить, что народнический мыслитель, хотя и отдает пальму первенства Марксу в провозглашении принципов экономического детерминизма, еще не видит разницы между материалистическим пониманием истории основоположника марксизма и «экономическим методом» Ю. Г. Жуковского, пропагандируемым последним в «Современнике» при редакторстве Чернышевского.

³² Ткачев П. Н. Избр. соч., т. IV, с. 413. Ткачев приводит в своей интерпретации известное высказывание Маркса о Чернышевском из послесловия к второму изданию I тома «Капитала».

³³ См.: Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1932, т. II, с. 293.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Р. Щербина

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. Г. Чернышевский — выдающийся представитель русской литературы, науки, революционной мысли, ярко выразивший разум, энергию, прогрессивные общественные стремления своего времени. Органическое восприятие освободительных идей, их глубокое развитие, проникновение в сущность борьбы классов и политических направлений определили формирование Чернышевского как революционного демократа.

В научных исследованиях о Чернышевском вполне справедливо указывается на энциклопедическую многосторонность его трудов. Но во всех сферах его литературного и научного творчества отчетливо сказывается единая, объединяющая их направленность, их общее начало. Воинствующий революционный демократизм, утверждение интересов народных масс — основа как его художественной, эстетической, так и исторической и экономической концепций, важный фактор формирования его философских взглядов.

Именно в этом можно прежде всего видеть определяющие побуждения деятельности Чернышевского в «Современнике», его решимости на раскол в редакции, когда он пошел на разрыв с рядом крупнейших писателей во имя осуществления своей революционной общей и литературно-критической программы. И история подтвердила ее действенность и перспективность.

Чернышевский сплотил вокруг «Современника» революционно настроенных литераторов своего времени, объединенных общностью взглядов и стремлений. В числе их можно назвать Добро-

любова, Салтыкова-Щедрина, Серно-Соловьевича, Михайлова, Курочкина, Помяловского, Шелгунова, Антоновича и др. Имена этих выдающихся сотрудников «Современника» навсегда вошли в историю русской литературы и общественной мысли.

Революционный демократизм Чернышевского определил внутренний пафос его первой крупной программной работы — диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», ставшей боевым манифестом материалистической эстетики революционных демократов 60-х годов.

Постоянное пристальное углубление Чернышевского в тему «искусство и жизнь» связано не только со всесторонним общим теоретико-историческим концептуальным утверждением общего значения литературы, но и с признанием ее особой миссии в исторических условиях России. Поэтому столь могучее воздействие его эстетическая и критическая концепция оказала на развитие всего русского искусства.

Идеалистическому взгляду на искусство Чернышевский противопоставил материалистическое положение о том, что прекрасное уходит своими корнями в реальную действительность. Его работы по теории искусства и критике имели важнейшее значение для развития передовой общественной мысли, эстетики и литературной критики, стали знаменем художественного реализма, народности и идейности искусства.

Классическое материалистическое положение «прекрасное есть жизнь» — центр эстетических воззрений Чернышевского.

Напомним, что отношение искусства к действительности всегда являлось и является центральной проблемой эстетики. В настоящее время эта проблема приобрела невиданную ранее обостренность и стала предметом широкой разветвленной полемики. Материалистическому пониманию искусства противопоставляется огромное количество опровержений разного типа — от газетной заметки до многотомного «академического» исследования. Все они сходны в отрицании понимания искусства как отражения жизни. И отсюда главным образом исходят обвинения концепции Чернышевского в натурализме, иллюстративности и в недооценке эстетической природы искусства.

Однако на самом деле Чернышевский совсем не думал признать действительность внешне, статично. Понятие «действительность» включает у него все грани непосредственно наиболее близкого искусству духовного, субъективного интеллектуального и эмоционального мира. К действительности он относит также стремление к свободе, к лучшему устройству общества, мечту о будущем.

В понятие «действительность» Чернышевский включал ее развитие, ее прошлое, настоящее и будущее в движении от низших форм к высшим. «Действительность обнимает собою не только мертвую природу, но и человеческую жизнь, не только настоя-

щее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом, и будущее, насколько оно готовится настоящим»¹.

Особого внимания заслуживает тезис Чернышевского о том, что прекрасна жизнь, какой она должна быть по нашим понятиям. Этот момент соприкосновения действительности и идеала, человеческой активности в его осуществлении и перспективы имеет огромное значение, поскольку выделяет активный преобразующий характер передового искусства.

Критик так объясняет свое понимание действительности: «Под действительную жизнь, конечно, понимаются не только отношения человека к предметам и существам объективного мира, но и внутренняя жизнь человека; иногда человек живет мечтами, — тогда мечты имеют для него (до некоторой степени и на некоторое время) значение чего-то объективного; еще чаще человек живет в мире своего чувства; эти состояния, если достигают интересности, также воспроизводятся искусством. Мы упомянули об этом, чтобы показать, как нашим определением обнимается и фантастическое содержание искусства»².

Следовательно, мечты и мысли о будущем человечества, идея совершенствования, преобразования жизни также включаются в сферу художественного творчества, поскольку они являются необходимыми атрибутами содержания понятия «действительность». Тем самым Чернышевский утверждал, что роль писателя не ограничивается только пассивным отображением окружающего мира. Задача художника — увлечь читателей в завтрашний день, учить бороться за него, быть активными участниками революционно-преобразующей деятельности человечества.

Сила произведений Чернышевского в том, что они несли в народ передовые идеи своего времени, были устремлены в социалистическое грядущее, о котором он вдохновенно писал в своих политических, эстетических и художественных произведениях. Убежденно призывал он в «Что делать?» бороться за это будущее, всеми силами приближать его.

«Что делать?» — так назван знаменитый роман Н. Г. Чернышевского. Стремление писателя дать свой ответ на центральную, решающую проблему эпохи отличает все сферы его творческого наследия, — его критические, философские, эстетические, исторические труды. В этом отношении вся его деятельность отличается удивительной внутренней целеустремленностью, объединена пафосом поисков путей преобразования жизни на демократических основах. Прежде всего с этим связано характерное для Чернышевского подчеркивание значения принципа активности, преобразующей силы искусства.

Пolemическое острое работы Чернышевского направлено против эстетической системы известного теоретика искусства сере-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 403.

² Там же, с. 85.

дины XIX в. гегельянца Фишера, фундаментальный труд которого «Эстетика, или наука прекрасного» считался в 50-х годах наиболее авторитетным и новым. Критикуя его, Чернышевский выступал против общих основ гегельянской эстетики и идеализма в целом.

Для революционера-демократа Чернышевского задача критического рассмотрения идеалистической философии и эстетики являлась насущной жизненной необходимостью.

Положение о несовершенстве природы, действительности приводило идеалистическую эстетику к отрицанию наличия истоков прекрасного в реальной жизни, к утверждению, что идеал красоты появляется только в искусстве, открывающем мир более высоких и совершенный, нежели мир реальный, действительный. Отражение действительности в произведениях искусства для Гегеля не главное в творческом процессе, так как она есть лишь бледный отблеск абсолюта.

В соответствии со своим материалистическим мировоззрением Чернышевский в противоположность идеализму последовательно утверждал определяющую роль действительности. В основу его философии и эстетики легло положение об объективном существовании природы и человека. Сознание, мысль были поставлены в зависимость от реального бытия. Природа (т. е. внешний мир и человек) — первоисточник, основа искусства. И в зависимости от этого основного положения Чернышевский решает проблему прекрасного.

Идеалистическому взгляду на прекрасное Чернышевский противопоставил материалистическое положение о том, что чувство прекрасного уходит своими корнями в реальную действительность.

Решительно восстав против идеалистической эстетики, он подчеркивал примат действительности в искусстве. Утверждение им примата действительности являлось теоретической основой его взглядов на реализм. Требование сближения литературы с жизнью, типичное для всех революционно-демократических критиков, получило теоретическую опору в материалистическом освещении русским мыслителем эстетических отношений искусства к действительности.

Для Чернышевского прекрасна жизнь, построенная на началах разума и справедливости. Поэтому и его эстетика, и все его мировоззрение направлены против неразумной, гнетущей действительности крепостнического и буржуазного обществ. Призыв революционера-демократа искать прекрасное в жизни неотделим от идеи необходимости ее революционного преобразования, а это прочная теоретическая предпосылка возвеличения красоты революционного подвига, могущества творческих сил народа.

Насколько важный смысл таится в формуле «прекрасное есть жизнь», можно судить по тому, какие выводы делали из нее передовые современники — литераторы второй половины про-

плого века. Вслед за Чернышевским Добролюбов настаивал, чтобы передовой художник-реалист отражал не только положительные, светлые, но и темные начала жизни и защищал прекрасное в действительности. Но перед писателями вставал вопрос, где найти прекрасное в старой, задавленной крепостниками России. И Добролюбов отвечал — в народе, в его замечательных качествах, в труде, свободолюбивых стремлениях. Чтобы правдиво отразить положительное начало жизни, пишет критик в статье «Стихотворения Ивана Никитина», «нужно выработать в душе твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическим образом, хотя бы и тоном сатиры. Тогда только обычно неприятные картины грязной нищеты и соединенных с нею обманов, пошлостей, невежества и даже преступлений предстанут нам в своем настоящем свете, когда мы добьемся мыслью или инстинктом до истинных причин их, не в одной натуре того или другого лица, а в целом строе окружающей его жизни. Тогда только сумеем мы отделить нормальное, человеческое, законное в этих явлениях от всего насильного, искусственного, случайно им навязанного, и только тогда с светлой мыслию и с горячим чувством можем мы приступить к поэтическому воспроизведению этих явлений»³.

Формула «прекрасное есть жизнь» имеет и другое важнейшее теоретическое значение. В противовес положениям идеалистической эстетики Чернышевский утверждает объективность прекрасного⁴.

Решительно восстав против отрицания идеалистами творящей силы действительности, Чернышевский защищал материалистическое положение, что главным источником прекрасного является жизнь. Критик последовательно доказывает объективность прекрасного, являющегося одним из свойств, одним из атрибутов действительности. Он заявляет, что нет истинно прекрасного вне жизни, которая может удовлетворить человеческое стремление к прекрасному: прекрасное возникает из самой реальной действительности, а не привносится в нее извне. Мысль Чернышевского «прекрасное есть одно из проявлений реальной жизни» материалистически объяснила сущность искусства. Формула Чернышевского «действительность выше искусства» не противопоставляет искусство жизни, а выражает основное положение его эстетики: искусство есть часть жизни, одно из проявлений действительности.

³ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. II, с. 578.

⁴ Проблема объективности прекрасного в эстетике Н. Г. Чернышевского обстоятельно освещена в статье А. В. Луначарского «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности», в книге А. Караганова «Чернышевский и Добролюбов о реализме» (М.: Советский писатель, 1955), в работе А. Лавренко (глава «Чернышевский в „Истории русской критики“», т. II, 1958) и в книге Г. Соловьева «Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова» (Худож. лит., 1974).

Пропаганда материалистической философии и критика идеализма были насущными потребностями науки и политической жизни России 40—60-х годов. Критика системы Гегеля и утверждение материализма отвечали коренным интересам освободительного движения в России, являлись важнейшим моментом развития революционной теории. Если учесть распространенность и влияние в то время гегелевской философии в кругах не только европейской, но и русской интеллигенции, то критика гегельянства Белинским и Чернышевским являлась актом большой революционной целеустремленности и теоретической самостоятельности. Освобождая умы от неправильных представлений, эта критика пролагала пути новым идеям. С полным основанием в трудах советских философов и литературоведов материализм Белинского и Чернышевского определяется как могучее идейное оружие сформировавшейся русской революционной демократии в ее борьбе против самодержавия и крепостничества, за дальнейшее плодотворное развитие России, за освобождение народа, за процветание русской культуры.

Полемику Чернышевского с идеалистической эстетикой Гегеля нельзя считать каким-то частным эпизодом в истории русской литературы и искусства. Воинствующий материалист, представлявший молодые, передовые общественные силы России, Чернышевский дал бой идеалистической эстетике в ее вершинных, наиболее значительных достижениях. Это — крупнейшее и значительнейшее в домарксовской науке столкновение двух противостоящих крупнейших теоретических систем, столкновение, имеющее подлинное историческое значение, определившее дальнейшее направление развития науки об искусстве. И в этой исторической борьбе революционно-демократический мыслитель, предшественник марксистской науки, одержал победу над всеми видами идеализма в науке об искусстве.

Замечательная мысль, выраженная в поэтической формуле «прекрасное есть жизнь», не потеряла своей актуальности и глубокого жизненного смысла и в наши дни. Эта материалистическая идея исторически явилась фундаментом художественной программы реализма.

Высшая ступень художественного творчества для Чернышевского — реализм, сочетающий верность изображения с передовой мыслью и действенным идеалом. Знаменитые слова Чернышевского, что высшее назначение искусства не только отражать жизнь, но и произносить свой приговор над явлениями действительности, стали классической основой русской передовой эстетики. Боевая проповедь высокоидейного искусства, ведущего борьбу за лучшие стремления народа, оказала огромное влияние на судьбы русского искусства и литературы.

В воззрениях на общественное назначение литературы Чернышевский развил традиции критики Белинского. Не случайно в учении Белинского критик особенно выделяет социальную на-

правленность «критики сороковых годов». Два важных принципа, замечает он, особенно должны быть хранимы нашей критикой: «понятие об отношениях литературы к обществу и занимающим его вопросам; понятие о современном положении нашей литературы и условиях, от которых зависит ее развитие. Оба эти принципа были выставляемы Белинским, как важнейшие основания нашей критики. . .»⁵.

Вслед за Белинским Чернышевский теоретически обосновал принцип связи литературы с жизнью. Утверждая целью искусства воспроизведение действительности, объяснение ее и приговор над ней, он не только защищал идеи Белинского, но и существенно обогащал материалистическую эстетику на основе нового опыта эпохи, литературы и эстетики. Особое значение имело положение о «приговоре» над жизнью, развивавшем активную, преобразующую и формирующую сущность искусства. Под влиянием идей революционно-демократической критики, выражавших самые основные передовые стремления эпохи, литература приобрела в жизни общества исключительное значение. В силу своеобразия исторических условий России прошлого века художественная литература и литературная критика стали главным рупором прогрессивной мысли. Чернышевский и другие видные деятели демократической критики утвердили за писателем назначение быть учителем общества.

В свою очередь высокий социальный пафос критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова есть обобщение замечательнейших прогрессивных черт классической русской литературы.

В отвлеченной эстетической доктрине «чистого искусства» Чернышевский ясно разглядел узкие интересы привилегированного меньшинства. В противовес этому великий критик-демократ свою борьбу за принципы художественного реализма открыто связывал с интересами широких народных масс.

Белинский и Чернышевский исторически утвердили новые отношения эстетики, истории литературы и критики. С их точки зрения, они выступают во взаимоотношении в органическом синтезе. И во всей полноте как эстетическую, так и критическую концепции можно осмыслить лишь в аспекте этой взаимосвязи.

История убеждает в величайшем влиянии Чернышевского, который своими художественными произведениями, критическими выступлениями содействовал развитию русской литературы по пути реализма, философско-эстетическими трудами обращал ее к главным вопросам общественной освободительной борьбы.

Изумительно точно оценил критик тенденции развития русского искусства, творчество многих писателей, предсказал их славное будущее. Он определил огромное историческое значение «гоголевского направления» в литературе, завоевавшего новые вершины художественной правды. В то время, когда реакционная

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 298.

критика отрицала ценность стихов Некрасова, он предсказал ему славу и вечную любовь народа. Чернышевский отстоял замечательный реалистический талант Островского от ложных славянофильских влияний. Поддержал и на верный путь направил он сокрушительную сатиру Салтыкова-Щедрина. Первым критик высказал уверенность в великом будущем начинающего писателя Л. Толстого.

Для понимания реальной сложности исторического развития русской литературы было бы необоснованным при характеристике отношений Чернышевского с крупнейшими писателями-реалистами (Тургеневым, Островским, Гончаровым, Толстым) ограничиваться лишь освещением их разногласий по ряду политических вопросов и особенностей личных отношений. Живая диалектика развития литературы гораздо сложнее. Особенно существенно иметь в виду единодушие, общность мнений Чернышевского и названных выше писателей по многим центральным вопросам литературного творчества, прежде всего касающихся защиты принципов реализма. Это позволяет утверждать наличие общих позиций в понимании решающих принципов и тенденций реализма в классической русской литературе.

Понятие «литература „гоголевского периода“» предстает у Чернышевского в разнообразии творческих индивидуальностей. В произведениях группы писателей, близких себе по характеру художественного дарования, он видит лишь одну линию в литературе своего времени. Это подтверждает необоснованность распространной ранее точки зрения, будто Чернышевский является теоретиком лишь так называемого революционно-демократического реализма. Критика и теория искусства революционера-демократа представляют изложение принципов художественного реализма в самом широком понимании этого слова, а не только какой-либо разновидности этого направления.

Не случайно поэтому именно к Чернышевскому восходят такие важные и актуальные для нас сегодня идейно-художественные понятия и критерии, как «связь с действительностью», «идейность», «существенные черты действительности» и т. д.

Обязательным условием реалистического искусства Чернышевский считал необходимость уметь понимать сущность характера в действительном человеке, раскрывать внутренние движущие силы и смысл событий, воспроизводить «не случайные и ничтожные мелочи ее (жизни. — В. Щ.), а то, что есть в жизни существенного и характеристического»⁶.

Материалистическая разработка проблемы типического — большая и историческая заслуга всей классической эстетики и критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова, обобщивших художественный опыт русской и всей мировой реалистической литературы, а также теоретические достижения своих предшественни-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 276.

ков и современников. Типичность в трактовке классической материалистической критики — один из основных законов реалистического искусства, выражающих своеобразие художественной литературы, специфичность эстетического познания мира.

Кроме литературных типов, большинство которых воплощает массовидные, распространенные, миллион раз повторяемые явления, есть типические характеры, основой которых является прежде всего значительность, существенность воплощаемых в них черт и процессов.

При решении затронутого вопроса нельзя сходить с конкретно-исторической точки зрения, выпускать из виду, что всякие характеры, в том числе и типические, развиваются, переживают процесс возникновения и распространения. Исключительное связано с типическим в реалистическом искусстве в том случае, если оно отражает ростки нового. Если бы это было не так, если бы в них не было потенции развития к массовому, они были бы обречены на забвение. В этом именно смысле говорили об образах «новых людей» в литературе революционные демократы Чернышевский и Добролюбов.

Концепция реализма Чернышевского неразрывно связана с его пониманием назначения искусства как воспроизведения и объяснения жизни, приговора над ее явлениями. В реалистической литературе он видит два основных направления. Первое характерно бесстрастно объективным воспроизведением жизни. Наблюдательность у таких талантов отличается холодностью, равнодушием. По мнению Чернышевского, такие писатели не показывают ни своего сочувствия, ни негодования, подобно старцу Пимену, который

Спокойно зрит на правых и виновных.

В небольшой рецензии на «Квинта Горация Флакка» он противопоставил два типа художественного изображения: искусство созерцательное, спокойное и искусство, насыщенное эмоциями и гуманистическим пафосом.

Противопоставление двух типов искусства — созерцательного и активного — Чернышевский обосновывает также примерами из истории эстетики. Большой интерес в этом смысле представляет его сопоставление эстетики Аристотеля и Платона в рецензии на перевод «Поэтики» Аристотеля. Неожиданно для многих критик поставил эстетику Платона выше эстетики Аристотеля. Благородная, но не мечтательная, не умозрительная (как для Аристотеля), а деятельная, практическая жизнь была для Платона идеалом человеческой жизни. Односторонность критики искусства со стороны Платона очевидна для русского мыслителя, но он видит также и ее рациональное содержание. Полемику Платона против искусства Чернышевский характеризует как чрезвычайно суровую, по порожденную высоким и благородным взглядом на человеческую деятельность. Главное, на что обращает

внимание критик, это не то, что «не с ученой или артистической, а с общественной и нравственной точки смотрел он на науку и на искусство, как и на все. Не человек живет для того, чтобы быть артистом или ученым... а наука и искусство должны служить для блага человека»⁷.

Мысль о двух типах реалистического воспроизведения действительности критик развивает и в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Если у писателей-борцов «есть враги, то есть и многочисленные друзья; и никогда „незловивый поэт“ не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто... „питая грудь ненавистью“ ко всему низкому, пошлому и пагубному, „враждебным словом отрицанья“ против всего гнусного „проповедует любовь“ к добру и правде. Кто гладит по шерсти всех и все... кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла»⁸.

Чернышевскому близок тип писателя — общественного борца, стойко отстаивающего идеи передовой партии, имеющего и страстных друзей, и непримиримых врагов. Писатель должен быть общественным борцом, тогда его произведения успешнее осуществят свое высшее назначение приговора над явлениями действительности. Активное социальное начало, глубокий общественный интерес, любовь к народу и знание его нужд — вот требования Чернышевского к передовому художнику. С точки зрения революционера-философа, движение истории поставило перед художественной литературой задачу активно отстаивать интересы народных масс.

Величайшая художественная пронизательность Чернышевского ярко обнаружилась в его статьях и отдельных высказываниях, посвященных творчеству Л. Н. Толстого. Особый интерес в этом отношении представляет статья, написанная по поводу выхода в свет отдельных изданий ранних произведений Л. Толстого «Детство и отрочество» и «Военных рассказов», а также разбор «Утра помещика» в «Заметках о журналах».

Выдающаяся особенность творчества Толстого, открытая Чернышевским, — исключительное мастерство психологического анализа, воплощение перехода чувств в другие. Созданный великим критиком термин «диалектика души» явился не только наиболее точным определением особенностей творчества одного Л. Толстого. Постепенно он приобрел широкое общее значение, поскольку принципы психологического анализа Толстого в дальнейшем нашли богатое и разнообразное развитие в русской и во всей мировой литературе.

Главнейшая отличительная особенность Толстого-художника, отмеченная Чернышевским, — это связь его мировоззрения с крестьянским сознанием: «Теперь очень ясно для нас только

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 268—269.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 21, 22.

одно то, что граф Толстой с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта крестьян, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи...»⁹. Критик здесь гениально подметил важнейшие тенденции произведений молодого Толстого, впоследствии ставшие основным содержанием его творчества и мировоззрения.

Мысль Чернышевского о великом даре писателя воспроизводить понятия русских крестьян близко подводит нас к ленинскому взгляду на Толстого как писателя, изобразившего великое море народное, выразившего силу и слабость крестьянского движения.

Существенно подчеркнуть, что Чернышевский не просто констатировал эти новаторские особенности таланта Толстого. Для критика-демократа эти особенности имели огромное историческое значение как проявление коренной демократизации искусства, расширения его сферы и воздействия, поскольку с жизнью народных масс он связывал будущее страны.

Как известно, в это время личные отношения Чернышевского и Толстого сложились не совсем благоприятно. Толстой высказывал, например, в письмах к Некрасову чрезвычайно отрицательные отзывы о нем. Отзывы эти, несомненно, были известны Чернышевскому. Но было нечто более важное, что двигало пером великого критика, когда он писал свои значительные статьи о Толстом, предвещал ему великое будущее. Было также в их отношениях и нечто малоуловимое, но чрезвычайно сильное. Это глубинная духовная связь, сказывающаяся прежде всего в общем пафосе служения народу.

Чернышевский показал, что характерная черта поступательного движения русского реализма прошлого века состоит во все более полном слиянии индивидуального начала, силы изображения духовных и нравственных исканий личности с широтой воссоздания народного бытия эпохи. В этом русле постепенно формируется и победно утверждает себя такой жанр, как эпопея. И закономерно становление и развитие эпопей связало в литературе с именами писателей, наиболее органично обращенных к исследованию нарастающих смещений в самых глубинных пластах народного бытия.

Для всей последующей истории русской литературы характерно возрастание значения темы облика и судьбы простого человека труда, углубление и разнообразие ее разработки. Для осознания этого важнейшего процесса достаточно сопоставления произведений начала прошлого века и Толстого, чтобы отчетливо увидеть, какой большой путь прошла в освещении этой коренной темы литература, насколько глубокие, коренные обогащающие изменения произошли в реалистическом изображении еще не раскрывшегося духовного потенциала народных масс.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 682.

Для Чернышевского несомненна связь между строгим реализмом и чистотой нравственного чувства, искренностью социальных исканий Толстого. Чистота и искренность Толстого в значительной степени обусловили силу его критического реализма.

Важно отметить постоянное углубленное внимание критика-демократа в отношении к драматическому, тяжелому и славному опыту народа, последовательность утверждения им приоритета интересов и роли людей труда во всех областях жизни. У Чернышевского и других классиков революционно-демократической критики отчетливо выражена новаторская черта социалистической литературы — стремление связывать с бытием и самосознанием народных масс самые сложные вопросы политической и духовной жизни эпохи. Многим тогда казался странным его тезис о первостепенной необходимости связывать такие высшие, считавшиеся элитарными формы духовной деятельности, как философская эстетика, история и т. д., с опытом и стремлением простых людей. Но развитие жизни все более широко подтверждает историческую истинность и перспективность этой мысли, свидетельствует о том, что с ней связаны многие основные великие творческие открытия литературы. И эти начала нашли бурное развитие в дальнейшем — во всей литературе, рожденной социализмом.

Впоследствии Ленин блестяще показал, что без сопоставления идей каждого из крупных передовых деятелей русской литературы и общественной мысли XIX—XX вв. с настроениями широких народных масс, без анализа их произведений под углом зрения отражения в них определенных сторон современного им народного движения невозможен и научно обоснованный марксистский ответ на вопрос о социальном содержании их творчества, верная оценка их места и значения в истории литературы и общественной мысли.

Убежденность Чернышевского в необходимости для подлинного прогресса и обновления жизни общества опоры на творческие силы народных масс, признание их роли в судьбе страны — яркая демократическая черта его эстетических и исторических взглядов. По этому вопросу он высказал много ценнейших мыслей, поднимающих его над уровнем современной ему западноевропейской социологии.

Веря в силу и будущее масс, критик ждал от писателей правдивого изображения народной жизни со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. В статье «Не начало ли перемены?» чрезвычайно отчетливо выражены его революционные требования к литературе. Как известно, гуманное критическое направление творчества Гоголя вызывало горячую любовь и восхищение критика-демократа, хотя смиренная фигура Акакия Акакиевича не могла удовлетворить Чернышевского в качестве фигуры основного героя литературы. В статье «Не начало ли перемены?» он ставил вопрос о жизненной необходимости героя —

сознательного борца против самодержавно-крепостнического строя. Именно в достижении этого он видит особую значимость ряда образов произведений Н. Успенского.

В 60-х годах тема «лишнего человека», по мнению Чернышевского, уже потеряла свое центральное значение. Критик утверждал, что отображение современности возможно только через беспощадное отрицание существующего уклада¹⁰.

В новой обстановке 60-х годов революционно-демократическая мысль и литература в этом отношении далеко ушли вперед. И это движение времени прежде всего сказалось в творческой позиции и в самом творчестве Чернышевского, который в центре своих критических и художественных произведений поставил задачу изображения нового человека-борца, пролагающего путь в социалистическое будущее. Революционер-демократ смело решается показать облик нового человека.

Чернышевский расширил круг идей и образов литературы, во весь рост показав облик нового героя. Образы Рахметова и Волгина давали исторически действенный ответ на вопрос «что делать?» и служили примером для многих поколений, становящихся на путь революционной борьбы.

Проблему нового героя можно рассматривать во многих аспектах. Остановимся лишь на одном из них. Облик нового героя Чернышевского, отчетливо выраженный в ряде его трудов, органически связан со всепроникающей идеей его эстетики и критики — идеей утверждения социальной активности. С позиций утверждения нового героя, способного слить свои убеждения с жизнью, слово с делом, он критиковал безвольного героя повести И. С. Тургенева «Ася».

Именно революционно-демократическая критика и литература начали определение реальных путей слияния идеала и действия.

Проблема согласования духа и действия, слов и дела человека, драматичность их расхождения выдвинулась с 40-х годов как одна из наиболее актуальных в жизни и литературе. В этом нашла выражение одна из основных потребностей эпохи, связанной с нарастанием в стране освободительного движения, требовавшего нового героя — активного, убежденного борца, способного к реальному действию во имя преобразования страны.

Нравственная проблема слияния слова и дела, теории и практики в жизни человека получила в новых исторических условиях на основе нового общественного опыта дальнейшую разработку в советской литературе. Можно сказать, характер отношения к ней выступает вплоть до наших дней как один из важнейших критериев при оценке нравственной сущности героя.

«Ничто, — говорил Л. И. Брежнев, — так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 397.

повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — **задача нравственного воспитания**»¹¹.

Исторически актуальным и перспективным вплоть до наших дней оказалось своеобразие утверждения и развития Чернышевским героического, гражданского и нравственного начала, причем движущего историю на основе реальных сил, заложенных в самой действительности.

Рахметов — героическая натура. Люди героического подвига нашли разнообразное воплощение в русской литературе и до Чернышевского. Таков ряд героев писателей-декабристов, Лермонтова, Тургенева. Однако никто из них так непосредственно не представляет историческое дело своего времени, не предстает так органически связанным с практическим решением коренных преобразовательных задач эпохи, с глубинными стремлениями самих народных масс. Ленин видел величайшую заслугу Чернышевского в том, что он показал, каким должен быть революционер, каковы его жизненные правила, как он должен идти к своей цели, какими способами и средствами добиваться ее осуществления.

Особенности облика Рахметова, весь дух сочинений Н. Г. Чернышевского, устремленных к подвигу, представляют выдающееся, новаторское явление в истории русской литературы, оказавшее влияние на дальнейшее ее развитие. Нельзя представить себе историю и настоящую литературу, рожденную социализмом, без этого революционно-героического преобразующего начала, которое оказало огромное влияние на облик современной мировой литературы.

Величие Чернышевского в том, что он дал свой смелый, новый для того времени ответ на вопрос о пути страны, указав путь народной крестьянской революции. Он также сделал попытку раскрыть облик будущего, хотя и представлял его конкретные черты в духе утопического социализма.

Вдохновенные слова Чернышевского о будущем, призывающие приближать его, написаны им в мрачной одиночной камере Петропавловской крепости. Писатель открывал перед людьми картины свободного социалистического общества. Чудесно преображена земля. Ранее непосильный труд стал источником полноты бытия и радостью, их внутренней потребностью. Расширились духовный кругозор и творческие силы людей. Прекрасны их вид, отношения и стремления. И, кроме утопического, в этих картинах есть много жизненного, перспективного. Для «Что делать?», а также эстетических и критических произведений Чернышевского характерны постоянная новаторская, можно сказать, всецело обращенная в будущее тема созидательного труда как естественной первоосновы и цели бытия свободных людей.

---

¹¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 537.

Писатель далеко выходит за пределы традиционной в литературе «страдательной» трактовки этой темы, ее освещения преимущественно со стороны физически и психологически угнетающего воздействия подневольного труда. Чернышевский не ограничивается такой трактовкой, уже нашедшей в литературе богатое и разностороннее воплощение. В своем предвидении социалистического будущего он выделяет также общественно, духовно и нравственно формирующую и возвышающую, исторически созидательную миссию трудового творчества человечества. В этом смысле Чернышевский — великий предшественник передовой литературы XX столетия (прежде всего М. Горького), выдвинувший тему труда, созидания в центр художественного творчества эпохи.

Стремление Чернышевского строить критику на объективных научных основах определило новый этап в ее истории, усилило возможности ее общественного воздействия.

Выдающийся русский искусствовед В. Стасов в статье «Двадцать пять лет русского искусства» писал о жизненной силе эстетики Чернышевского: «Ни Курбе, ни вся остальная Европа тогда не могла, конечно, и подозревать, что у нас, помимо всех Прудонов и Курбе, был свой критик и философ искусства, могучий, смелый, самостоятельный и оригинальный не меньше их всех и пошедший, невзирая на иные заблуждения свои, еще дальше и последовательнее их. Это — тот неизвестный автор, который еще в 1855 году выпустил в свет юношескую, во многом заблуждающуюся, но полную силы мысли и энергической независимости книгу «Эстетические отношения искусства к действительности».

... Необозримые области, прежде забытые или с презрением оттолкнутые вон, становятся на первое место; бесчисленные сцены, личности, события, люди, прежде забракованные, теперь становятся краеугольными камнями здания... Когда прежде искусство брало так высоко и так глубоко? Когда оно было так смело и так дерзко? Когда оно в такой мере сознавало свою силу и значение?»¹²

Под влиянием идей Чернышевского формировалось и творчество писателей ряда народов нашей страны. Его революционно-демократическая мысль и эстетика нашла убежденных сторонников в лице Тараса Шевченко и Ивана Франко на Украине, Калиновского и Богдановича в Белоруссии, Налбандяна в Армении, Церетели и Николадзе в Грузии, Ахундова в Азербайджане, Иванова в Чувашии, Куратова в Коми, Абая в Казахстане. Общественные и эстетические идеи Чернышевского направляли их на путь служения народу. Под их влиянием эти писатели принимали деятельное участие в охватившем все края России процессе подготовки демократической революции.

Идеи Чернышевского оказали большое влияние на передовых людей многих зарубежных, особенно славянских, стран: Ботева

¹² Стасов В. В. Избранное. В 2-х т. М.; Л., 1950, т. 1, с. 446, 458, 459.

в Болгарии, Сераковского, Огрызко и Дембовского / в Польше, Марковича в Сербии, Неруды в Чехословакии, Петефи в Венгрии, Волческу в Румынии и др.

Необходимо сказать, что героический образ и пример Рахметова, его устремленность в социалистическое грядущее нашли признание или вызвали стремление к подражанию у ряда известных зарубежных литераторов, среди которых можно назвать Золя, Стринберга, Йоргенсена, Хендейстама, Де Губернатиса, Чамполи, Марковича и др.

Воплощение облика нового человека — подлинное знамение эпохи и художественное открытие Чернышевского. Поэтому таким сильным оказалось его духовное формирующее воздействие на читателя.

Характеризуя великих деятелей эпохи Чернышевского, настойчиво через перевалы истории пролагавших дорогу в будущее, А. М. Горький писал:

В это время «уже являлись люди с гордой, самонадеянной силой, они шли вперед своим путем, не спотыкаясь о развалины прошлого, — а свой путь в ту пору мог быть лишь один — к народу, к массе крестьянской, значит, прежде всего — против крепостного права...

В переходные эпохи всегда особенно ярки два типа людей — одни полностью воплощают в себе все отмирающее, все отжитое... другой тип живет исключительно стремлением к будущему, совершенно чужд старине и враждебен ей — это для нас Бел[инский], Добр[олюбов], Чер[нышевский]»¹³.

Подчеркнем, что полемика в 40—60-х годах вокруг проблемы воплощения начал будущего совсем не представляла лишь столкновения личных точек зрения отдельных литераторов. Реально, исторически речь шла о центральной проблеме эпохи — о проблеме закономерностей и путей обновления России, утверждения ее развития на новом пути.

К Чернышевскому, самоотверженно и неуклонно пролагавшему путь в грядущее, вполне можно отнести его характеристику подлинно великих передовых людей, которые, опережая свою эпоху, имеют силу предусматривать зарю грядущего дня, имеют мужество приветствовать его приход, возвышать в честь его независимый и гордый голос и с непреклонной душой, со святой жаждой справедливости, не озираясь, идти к цели.

---

¹³ Горький А. М. История русской литературы. М., 1939, с. 158.

СЛАВА РОССИИ

Издавна и многосложно сроднила их судьба России — Волгу и Неву — не только Мариинской системой шлюзов, но и совместно пролитой кровью, слезами, светлыми мыслями их сыновей и дочерей.

Бывало так: вольница на Волге — державная длань на Неве. С Невы выпускала царица ястребов на волжскую вольницу.

Оба они — Чернышевский и Ленин — с Волги. Каждый в свой урочный час был приведен на Неву властным зовом Родины.

Каждый по-своему объединил в себе мощь Волги, как матери России, и интеллект, организованную волю Невы.

«Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как он любил Чернышевского, — приводит слова Крупской Луначарский. — Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость... Я думаю, что между Чернышевским и Владимиром Ильичем было очень много общего».

За девять лет (1853—1862) Чернышевский в Петербурге написал много и глубоко, самобытно, хотя на пути его стоял черный медведь цензуры, далеко не благодушный, верный своему звериному призванию грызть живое слово. И все же Чернышевский «умел влиять на политические события его эпохи в революционном духе», как писал Ленин.

В крови Чернышевского было что-то от волжской вольницы, от самой могучей Волги. В водице Волги крестили его. А когда скончался, обмывали его волжской водой перед тем, как похоронить. Был он близорук, носил очки, но взгляд его — зоркий по-соколиному. Человек мужества и гуманной цели, он заглянул в сердце России и не оробел позвать мужика к топору, интеллигента — к жертвенному подвигу во имя народа и его прекрасного будущего.

В своей мести духовным подвижникам России царские власти были неостроумны, упрощенно жестоки: навесили на шею Чернышевскому дощечку с надписью «Государственный преступник», сломали шпагу над его головой, потом запрятали в сибирский острог. А ведь ему было всего в то время 34 года, лишь входил он в полную силу. На родину, на Волгу, в Саратов дозволили вернуться незадолго до смерти...

Чернышевский вместе с русским народом выстрадал социальный идеал будущего, верил в его осуществимость, тосковал по нему до ясновидения, когда идеи становятся образно зримыми. Пластическую выразительность обрели новые люди в мастерски сработанном романе «Что делать?». Вроде бы живой явью стали картины труда в будущем в снах Веры Павловны.

Могучий дух водил пером узника Петропавловки. Отважные натуры черпали в романе силы и вдохновение для своей непримиримой, нередко со смертельным исходом борьбы с царизмом. Вспомним юношу Александра Ульянова.

«Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее?.. Все черпали из него и нравственные силы, и веру в лучшее будущее», — писал Плеханов.

В чем поучительная тайна всесторонней живучести романа — идейной, философской, этической и эстетической? В нем угаданы истоки течения народной реки, пусть пока лишь в самом верховье, может быть, даже струйки родника, которому суждено впасть в могучую реку. Будущее глянуло на читателя всепонимающим светлым взором и позвало в полет к обновлению во всем — в любви и общественной жизни. Романа о Революции и о Любви до тех пор не было.

Идея стала страстью, смыслом жизни; нравственная сила крылато пронесла роман через сердца поколений. Роман — целое и прекрасное в своем единстве мысли и поступков героев произведение. В нем едва ли не впервые был создан сильный, активный положительный герой.

«Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были отдельные личности, предвещавшие его ... как исключение, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали или унывали, или экзальтировались, романтизировались, то есть не могли иметь главной черты этого типа — хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности».

В литературе освоение классического наследия не простое дело. Глазами домашней добродетели не распознать многотрудный XIX в., богатый борьбой за социальную справедливость, насыщенный духовным драматизмом и возведенными в степень бессмертия гениальными произведениями всемирной значимости. Достаточно назвать имена современников Чернышевского, как воскреснут своей жизненной правдой, совершенством создания Тургенева, Тютчева, Некрасова, Щедрина, Островского, Достоевского, Льва Толстого. Не ослабел к тому времени, как, впрочем, и к нашему, мощный импульс Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Трезвой эстетикой Чернышевский смутил не только апостолов «чистого искусства», но и Тургенева, и Льва Толстого.

Как поучительна научная объективность Чернышевского, его способность стоять выше личных обид. Так, в повестях молодого Льва Толстого он с отрадой увидел то новое, что присуще лишь Толстому, — юношеское непосредственное восприятие явлений жизни, свежесть и чистоту нравственного чувства, глубокое знание тайных движений психической жизни, диалектики души.

Чуток он был к новому в литературе. «Не начало ли перемены?» — с надеждой писал он о Николае Успенском, томимый

жаждой поскорее увидеть приход в искусство талантов из народа. Тут уместно вспомнить, что его сверстник, одноклассник Лев Толстой также жаждал появления художника из народа.

Горький — прямой наследник Чернышевского в его самых сильных проявлениях. Закономерно, что Горький — титаническая личность, стал родоначальником литературы новой эпохи. Человек рожден, чтобы расплавить тьму загадок тайных, гармонию создать между собой и миром, в самом себе гармонию создать. А путь к ней многосложен. Вспомним редчайший по народной глубине гениальный «Тихий Дон» Михаила Шолохова, лучшие произведения Леонида Леонова.

Богатое наследство властно. Временами оно изумляет до благоговения перед ним, открывающим нам великие истины. Оно живо усваивается, если наследники пашут поглубже своих отцов, опираясь на их опыт.

Дух Чернышевского вошел в творческое сознание советской литературы. Положительный герой стал главным в советской литературе. Деятельный, умный, организованный, он стремится к ладу сердца и разума, исторический оптимизм как бы в крови у него.

Чернышевский всегда с нами!

А. А. Баженова

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И РУССКАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Литература и поэзия имеют для нас, русских, такое огромное значение, какого, можно сказать, наверное, не имеют нигде.

Н. Г. Чернышевский

Понять эстетику Чернышевского, оценить ее подлинное теоретическое и практическое значение можно лишь в контексте развития всей русской эстетической и художественной культуры, всего того, что было сделано в этой сфере его предшественниками, современниками и последователями, наследниками передовых материалистических идей великого мыслителя-революционера, имея в виду исторический процесс развития эстетической мысли в целом.

Тема эта чрезвычайно широка и многогранна. В данной статье предпринята попытка уяснить лишь некоторые теоретико-методологические аспекты, связанные с отношением Чернышевского

к предшествующей русской эстетической мысли, влиянием его эстетики на его современников и значением эстетических идей великого мыслителя для последующего развития отечественной эстетической культуры. Актуальность и научная значимость поставленных проблем определяются не только теоретической потребностью всестороннего выявления подлинной роли великого революционера-демократа в истории русской духовной культуры, но и задачами современной идеологической борьбы. Художественно-эстетическое наследие Чернышевского, как и многих других выдающихся отечественных мыслителей, явилось сферой острой идейно-политической борьбы, объектом фальсификации со стороны буржуазных исследователей. Следует отметить, что в последнее десятилетие на Западе появилось значительное количество работ, посвященных анализу жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, его философским, общественно-политическим воззрениям, концепции художественного творчества, в особенности в американских центрах по исследованию русской культуры. Это и специальные монографии, и разделы в книгах по русской философии и культуре, и главы энциклопедий, словарей и т. д. Умолчание или огульное негативное неприятие сменилось более разноплановым отношением к наследию русского мыслителя. Так, в книге W. Y. Gavin, T. J. Blakely. *Russia and America* (New York, 1976), где дается сравнение русской и американской философской мысли с XIX по XX столетие, наследие Н. Г. Чернышевского рассматривается в русле философских направлений позитивизма и прагматизма, философия и эстетика Чернышевского неправомерно отождествляются с философией Дьюи¹.

Вместе с тем представление о Чернышевском как по существу чистом западнике, не имеющем глубоких корней в русской культуре, довлеет над современными западными интерпретаторами наследия Чернышевского. Многие из современных авторов по-прежнему опираются в своих оценках места и значения Чернышевского в истории русской культуры на такие «авторитеты», как Н. Бердяев, В. Зеньковский, Н. Рязановский, Р. Хэйр и др. Большинство из них критикуют советских исследователей за «чрезмерное» преувеличение роли Чернышевского в истории русской культуры, подчеркивая или его нетипичность для русского национального духовного начала, или его нигилистический, отрицающий пафос по отношению к русскому эстетическому наследию. Так, американский «советолог» Дж. П. Скэнлен в работе о Чернышевском считал роман «Что делать?» основным трактатом русского нигилизма².

¹ *Woerhlin W. F. Chernyshevsky — the Man and the Journalist.* Harvard Univ. Press, 1971; *Lampert E. Sons against Fathers.* Oxford, 1965; *Randall F. N. G. Chernyshevsky.* N. Y., 1967; *Scanlan J. P. Chernyshevsky.* — In: *The Encyclopedia of Philosophy.* N. Y., 1967.

² *Scanlan J. P. Op. cit., p. 87.*

Ф. Б. Рэндолл в названной ранее монографии о Чернышевском не отрицает исторического контакта эстетики Чернышевского с достижениями Герцена и Белинского, но в вопросе об общей оценке его эстетической теории и ее значения для русской литературы и искусства делает ложный вывод, акцентирующий внимание на том, что мировоззрение и эстетика Чернышевского не давали ему возможности верно оценить большую часть произведений искусства и что его теория искусства и литературы была враждебной по отношению к большей части искусства и литературы³.

В работе профессора У. Уорлина «Чернышевский — человек и журналист» утверждается, что в философском наследии, которое Чернышевский оставил радикальному движению, самое ценное заключено в нигилизме, критике и разрушении старых эстетических ценностей; Чернышевскому как лидеру «нового просвещения» приписывается «грандиозная задача дискредитирования институтов и традиций прошлого»⁴.

Э. Ламперт в книге «Дети против отцов»⁵ пытается объяснить причины «нигилистического» отношения Чернышевского к наследию предшественников «односторонностью» русского философа, будто бы склонного недооценивать или игнорировать теории и ценности, лежащие вне его поля зрения. Чернышевский, по мнению Ламперта, оставлял без внимания мыслителей, которые не соответствовали его модели, и преувеличивал значение тех, кто, по его мнению, шел в верном направлении.

Нет надобности умножать подобные примеры. Каковы бы ни были причины подобных трактовок философско-эстетического наследия Чернышевского (недостаточное знакомство с историей русской философии и культуры или сознательная фальсификация), в них искажается суть дела, вся сложность проблемы отношения Чернышевского к различным противоречивым направлениям в развитии русской культуры подменяется однозначным отрицанием. Многогранное теоретическое и художественное наследие великого мыслителя решительно опровергает подобное искажение и недомыслие.

Н. Г. Чернышевский принадлежит к числу тех великих русских мыслителей, кто с чрезвычайным вниманием изучал достижения предшествующей эстетической культуры, как западной, так и отечественной. Предметом его тщательного, всестороннего изучения, исследования были не только произведения Гегеля и Фишера, Фейербаха и Лессинга, Бальзака и Жорж Занд и др., но и главным образом русских авторов. В огромном эстетическом и литературно-критическом наследии Чернышевского, естественно, львиная доля принадлежит разработке и анализу эстетических

³ *Randall F. Op. cit., p. 159.*

⁴ *Woerhlin W. F. Op. cit., p. 140.*

⁵ *Lampert E. Sons against Fathers. Oxford, 1965.*

проблем, вытекающих из потребностей социально-политического и культурно-эстетического развития России. Причем следует отметить необычайную широту охвата художественно-эстетических явлений Чернышевским-критиком. Буквально не было ни одного сколько-нибудь значительного литературно-критического или художественного произведения, на которое бы не обращал внимания великий революционер-демократ. Его перу принадлежит немало блистательных страниц, посвященных анализу творчества Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Островского и многих других писателей, включая всю текущую периодику.

Можно без преувеличения сказать, что эстетика Чернышевского глубокими корнями уходит в первую очередь в отечественную художественную и эстетическую культуру, изучение которой хронологически предшествовало знакомству с западными историками. Еще будучи студентом, он глубоко изучал русскую литературу XVIII в., писал работы: «О „Бригадире“ Фонвизина», «Участвовали ли поэты в развитии народной жизни?» и др.

Как человек разносторонне одаренный, Чернышевский глубоко освоил древнерусскую культуру. Н. М. Чернышевская писала на основе исследованных архивов: «Большой интерес в это время проявлял Чернышевский к славянской филологии и к памятникам древней русской письменности, имея в виду создание магистерской диссертации на тему о падежах в Ипатьевской летописи»⁶.

Будучи выдающимся учеником профессора И. И. Срезневского, Чернышевский много сил потратил на составление словаря к Ипатьевской летописи (см.: ПММИ, т. XIV, с. 219—220). Хотя научные планы молодого Чернышевского изменились, его интересы, связанные с славяноведческими проблемами и вопросами изучения древнерусской культуры, сохранились надолго и нашли широкое отражение в его научных трудах⁷.

Настольными книгами Чернышевского саратовского периода были сочинения классиков русской литературы, начиная с XVIII в. и кончая последними изданиями Жуковского, Лермонтова, Гоголя, Пушкина⁸.

Аналитический ум Чернышевского с юных лет стремится выявить наиболее существенные черты при изучении трудов русских предшественников.

⁶ См.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958, с. 418.

⁷ См., например, работы Н. Г. Чернышевского: «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (ПСС, т. V); «Иконы господских праздников» (т. V); «Исследование о летописи Якимовской» (т. II); «Записка по делу сосланных в Вилюйск старообрядцев» (т. X); «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» (т. II) и др.

⁸ См.: Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1938, с. 52.

Русских мыслителей и писателей XVIII в. он называет людьми «очень замечательными по благородству и энергии характера. Память некоторых наших писателей прошлого века всегда будет нам так же священна, как память других деятелей на пользу просвещения и других благ национальной жизни»⁹.

Значительное влияние на формирование эстетических воззрений Чернышевского, его материалистической концепции искусства оказал кружок И. И. Введенского (Чернышевский посещал этот кружок, будучи студентом 4-го курса Петербургского университета). Члены кружка за радикальность взглядов называли молодого Чернышевского Сен-Жюстом. Поражаясь всесторонней образованности, глубоким познаниям русской и мировой культуры молодого Чернышевского, Введенский замечал, что Чернышевский, несмотря на свои какие-нибудь 23—24 года, «успел уже овладеть такой массой разносторонних познаний вообще, а по философии, истории, литературе и философии в особенности, какую за редкость встретить в другом патентованном ученом... Замечательно организованная голова...»¹⁰.

В эти годы Чернышевский внимательнейшим образом следит за трудами отечественных мыслителей, в особенности за работами Герцена и Белинского, оказавшими решающее влияние на его духовное развитие в целом и формирование материалистической концепции искусства в частности. Журналы «Отечественные записки» и «Современник», в особенности статьи Белинского, становятся главным источником формирования его эстетических воззрений. Г. В. Плеханов был совершенно прав, когда писал, что эстетика Чернышевского «являлась дальнейшим развитием тех взглядов на искусство, к которым пришел Белинский в последние годы своей литературной деятельности»¹¹. Не случайно в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский называет Белинского своим учителем; говорит о том, что его поколение было привязано к критике гоголевского периода «горячей любовью преданных и благодарных учеников»¹².

Чернышевский глубоко освоил, воспринял и развил далее в целостную оригинальную концепцию идеи Белинского о народности и высоком общественном назначении искусства, объективной основе художественного творчества, развил материалистическую трактовку проблемы соотношения искусства и действительности.

В «Очерках» в борьбе со сторонниками «чистого искусства» (Дружининим, Дудышкиным, Боткиным, Анненковым и др.) Чернышевский восстановил в ее истинном значении эстетическую теорию Белинского, очистив ее от субъективистских трактовок,

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 611—612.

¹⁰ См.: Новый мир, 1978, № 7, с. 258—259.

¹¹ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, с. 417.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 135.

показав подлинную ценность ее основных положений и критериев оценки художественного творчества. «В критике Белинского, — писал он, — как бы повторилась вся история русской литературы»¹³.

«Как и всякая другая, достойная внимания умственная или нравственная деятельность, литература, — делает вывод революционер-демократ, — не может не быть служительницей стремлений века, не может не быть выразительницей его идей. Вопрос состоит только в том, каким идеям должна служить она, — таким ли, которые, не имея важного места в жизни века, сообщат и литературе, ими ограничивающейся, характер пустоты, празднословия, или тем идеям, которыми движется век ... только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельные потребности эпохи»¹⁴.

Таким направлением в русской литературе Чернышевский справедливо считал гоголевское направление, «натуральную школу», которая развивала «истинные понятия о сущности и значении искусства»¹⁵, широко ввела в литературу «простолюдина», отразила народную жизнь и народные интересы глубоко и серьезно, во всей полноте, не игнорируя негативных сторон действительности, показав, что народ — это такая сила общественного развития, которая имеет право быть и объектом, и субъектом художественного творчества. Горячо защищает он Гоголя как глубокого реалиста, как великого национального художника.

Для всех работ по эстетике Чернышевского характерен один главный лейтмотив — поиски выхода из идеалистического понимания эстетической культуры, субъективизма. Он максимально стремился выявить объективные основы эстетического сознания, материалистически точные критерии оценки всех форм художественной деятельности человека; попытался связать эстетические критерии оценки с критериями естественнонаучного знания, с учением о человеке (хотя и с антропологических позиций), количественными характеристиками предметов и явлений, возможностью точных, конкретных измерений в гуманитарном знании, а главное — с практической деятельностью людей. Все это очень актуально для современной эстетической науки, для выявления и использования новых методов исследования в эстетике.

Начиная с «Эстетических отношений искусства к действительности» и до конца жизни Чернышевский был подлинным демократом в эстетике, отстаивал в художественной культуре интересы и потребности широких народных масс, боролся с узким элитаризмом в эстетике. Литературу и искусство он рассматривал «не в отдельности от других сторон жизни, как чисто худо-

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., с. 248.

¹⁴ Там же, с. 301—302.

¹⁵ Там же, с. 297.

жественную деятельность, а в связи с общею историею народа, как силу, властвовавшую над умами, правами и жизненными стремлениями и приготовлявшую события, — словом, — смотришь на нее не как на исключительное достояние искусства, а как на один из великих фазисов общей истории народа»¹⁶. Отсюда антипатия Чернышевского к абстрактным построениям в определении эстетических категорий, страстный гимн действительности, горячее провозглашение ее примата над искусством, объективное основание художественной трактовки личности, характера, социального типа и т. п. С этих материалистических революционно-демократических позиций были написаны все его основные работы по эстетике и художественной критике в период революционной ситуации, опубликованные в основном в «Современнике».

Влияние оригинальной эстетической теории Чернышевского на современников было исключительно сильным, во многом ошеломляющим свежестью и полемичностью суждений. Его эстетические идеи оказали могучее воздействие на развитие русской эстетической мысли, передовых направлений русского национального искусства, тех направлений, которые были названы «критическим реализмом», «натуральной школой» в литературе, «передвижничеством» — в живописи, «могучей кучкой» — в музыке.

Величие эстетической теории Чернышевского, новое слово, произнесенное им об искусстве, в особенности трактовка искусства как такой области человеческой деятельности, которая выступает в роли «оценщика и судьи жизни», давая художнику возможность активно вмешиваться в жизнь, влиять на нее, пустили глубокие корни как в теории, так и в практике русского искусства. Писатели, художники, музыканты включились в борьбу за подлинно народное искусство, несущее в себе глубокое содержание, выражающее современные им мысли и понятия об изображаемой действительности. Идеи Чернышевского глубоко проникли в самые широкие круги читающей публики, художников, мыслителей, никого не оставляя равнодушными. «Новые художники, быть может, и не читали никогда новых трактатов, перевернувших вверх дном эстетику, осуществляли, однако же, в своих созданиях все те положения, которые составляли главную основу этих трактатов»¹⁷. Писатели, художники стремились не ограничивать искусство областью прекрасного в прежнем понимании, а воспроизводить все наиболее важное, значительное, интересное в человеческой жизни, объяснять эту жизнь, выносить ей свой приговор.

Философская система искусства Чернышевского начиная с 50-х годов нашла точный адрес. Появилось в духовной жизни России то согласие между созданиями художников и теорией искусства, т. е. тем, что об искусстве пишут, которое дало прекрасные результаты. Наивно и неисторично было бы думать, что

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 9.

¹⁷ Стасов В. В. Избр. соч.: В 3-х т. М., 1952, т. 2, с. 421.

это соответствие относилось ко всему русскому искусству и ко всей эстетической мысли в целом. Конечно, нет. Но главное, что оно было, это соответствие между передовой революционно-демократической мыслью и передовым реалистическим искусством, сделавшим правдивое изображение жизни народа основным предметом искусства, его содержанием и смыслом.

О громадном влиянии статей Чернышевского в «Современнике» неоднократно писал Герцен в «Колоколе»: «... статьи его с жадностью читались молодежью во всей России»¹⁸. В период сотрудничества в «Современнике» с Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым, беллетристами-разночинцами М. Л. Михайловым, Н. В. Успенским, Н. Г. Помяловским, Ф. М. Решетниковым и другими Чернышевский был вождем, теоретической и нравственной опорой во всех вопросах.

Либерально-дворянские теоретики подвергали резкой критике пресловутый утилитаризм эстетики Чернышевского. «Библиотека для чтения» помещала саркастические статьи против нее, обвиняя Чернышевского в утилитаризме, уничтожении прекрасного и т. д. Там же была помещена обширная статья А. В. Дружинина (1856, № 11—12) под названием «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», направленная против основных положений «Очерков гоголевского периода русской литературы». И реакционеры, и либералы в лице И. Цитовича, А. Немировского, К. Случевского и другие очень усердствовали в «проработке» Чернышевского как эстетика. Борьба вокруг его эстетической концепции была острой, драматизм этой борьбы захватил буквально все направления, всех представителей русской художественной культуры.

В защиту идей Чернышевского выступила демократическая критика. Д. И. Писарев в «Русском слове», вдохновленный эстетикой Чернышевского, резко воевал с идеализмом в эстетике, которая, с его точки зрения, должна решать насущные проблемы социального бытия, активно помогать бороться с нищетой и бесправием низших классов. «Современник» выступил со статьями М. Антоновича в защиту Чернышевского от метафизической ограниченности Писарева. Но оба мыслителя все-таки упрощали эстетическое учение Чернышевского, отрывали его по существу от наследия Белинского.

Заслуги Чернышевского как теоретика искусства признавали и представители идеалистической эстетики, например известный философ и поэт В. Соловьев, для которого также главным философским основанием искусства была жизнь, бытие, индивидуальность, хотя и трактуемые с идеалистических позиций. Он верно уловил главный пафос эстетики критика-демократа, его онтологический подход к определению и сущности красоты, имеющей

---

¹⁸ Колокол, 1864, 15 окт., № 190.

в первую очередь онтологические основания. Он считал, что Чернышевский верно отвергает «эстетический сепаратизм».

Были ли объективные основания для обвинения Чернышевского в односторонности, чрезмерном утилитаризме и других «грехах», против которых грозно восстали все сторонники «святого» искусства? В известной степени были. В его диссертации имеется ряд неудачных выражений, что искусство — суррогат действительности, художественный образ — «дагерротип» и т. п. (Надо сказать, что эти понятия имеются только в «Эстетических отношениях. . .» и не повторяются более в других трудах Чернышевского по эстетике).

Упрекали великого революционного демократа в недооценке художественного наследия Пушкина. Чернышевский выступил с четырьмя статьями о Пушкине, откликнувшись на выход в свет в 1855 г. Собрания сочинений Пушкина в 6 томах под редакцией П. А. Анненкова. Следует подчеркнуть, что в отличие, например, от Писарева Чернышевский в целом высоко оценивает пушкинское художественно-эстетическое наследие, отмечает важность его поэзии для всех направлений русского искусства, солидаризируясь с позицией Белинского по этому вопросу. Он блистательно анализирует гениальное владение Пушкиным ясной, лапидарной формой изложения, способной прояснить «основную мысль романа или драмы», способность «вникнуть в сущность характеров, которые будут ее проявлять своими действиями, сообразить положения лиц, развитие сцен»¹⁹. В тщательном обдумывании плана произведения (анализ «Бориса Годунова» и «Египетских ночей») Пушкин преподносит, по мнению Чернышевского, драгоценный урок для тех писателей, которые, подумав полчаса, пишут полгода и потом поправляют год²⁰.

Чернышевский чрезвычайно высоко ценил художественный талант Пушкина, подчеркивал сущность его художественной натуры, то, что у него «художественность составляет не одну оболочку, а зерно и оболочку вместе»²¹ (положение, чрезвычайно важное и для марксистской эстетики, отстаивающее единство формы и содержания, содержательность художественной формы), видел художественную красоту пушкинских творений, их жизненную силу, то, что «каждая страница его кипит умом и жизнью образованной мысли»²², и т. д. Много глубоких, верных, очень метких суждений мы найдем в статьях Чернышевского о гениальном поэте. И все же были в ряде случаев справедливы упреки Тургенева, Достоевского и Плеханова, указавших на определенную недооценку Чернышевским гения русской поэзии.

Одна из существенных заслуг Чернышевского как эстетика — разработка им принципа историзма в эстетике. Он подходил ко

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 452.

²⁰ Там же, с. 455.

²¹ Там же, с. 473.

²² Там же, с. 475.

всем явлениям строго с позиций историзма. Антропологизм его философии оказал влияние на решение сложного вопроса о диалектике вечного и исторически преходящего в искусстве. Однако большинство произведений русского мыслителя, в особенности «Очерки гоголевского периода русской литературы», статьи о Лессинге и другие являют образец глубокого, органического применения принципа историзма к развитию эстетической мысли, систематического применения принципа детерминизма в оценке деятельности представителей русской эстетической и художественной культуры, к созданным ими художественным ценностям (в этом аспекте «Очерки...» как попытка систематического анализа многих направлений русской эстетической мысли еще недостаточно изучены советской философской эстетикой). В этом труде Чернышевский предстает перед нами не только блистательным художественно-литературным критиком, обстоятельным историком литературы, но и глубоким теоретиком-методологом.

Обстоятельно рассматривается в «Очерках...» наследие Пушкина, Герцена, Белинского, Гоголя, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Загоскина, Лажечникова, Нарезного и др.; дается детальный анализ критических воззрений и эстетической теории Н. А. Полевого, представителей русского сатирического направления (Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, Крылова и др.) как предшественников Гоголя; всесторонняя характеристика русского романтизма (Марлинский, Полевой); анализируются эстетические воззрения Шевырева, А. Григорьева; подробнейшим образом рассматривается эволюция взглядов Надеждина, славянофилов и западников. В ряде статей проанализированы и оценены с позиций революционно-демократического направления деятельность почти всех литературно-художественных журналов того времени («Библиотека для чтения», «Московский телеграф», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Москвитянин», «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Московский вестник», «Сын отечества» и др.).

Чернышевский предстает в «Очерках...» как разносторонний исследователь, глубокий ученый, знаток отечественной культуры, глубоко овладевший богатым художественным и эстетическим наследием, объективно оценивающий деятелей разных направлений с позиций материалистической эстетики и революционного демократизма.

Историзм как критерий содержательных и формальных оценок Чернышевским многообразия, богатства русской литературы теснейшим образом связан с его постоянным стремлением расширить круг эстетического наследия, не ограничиваясь хотя и гениальными, но все же отдельными представителями русской литературы, включая в круг своего внимания как теоретика и историка литературы всю полноту живого творческого процесса.

Органичным и закономерным в контексте мыслей и идей Чернышевского о творческих возможностях человека выступает его

определение гения. «Гений — просто человек, который говорит и действует так, как должно па его месте говорить и действовать человеку со здравым смыслом, гений — ум, развившийся совершенно здоровым образом . . . Если хотите, красоте и гению не нужно удивляться; скорее надобно было бы дивиться только тому, что совершенная красота и гений так редко встречаются между людьми, ведь для этого человеку нужно только развиться, как бы ему всегда следовало развиваться. Непонятно и мудрено заблуждение и тупоумие, потому что они неестественны, а гений прост и понятен как истина: ведь естественно человеку видеть вещи в их истинном виде»²³.

Таким подлинным гением в русской литературе Чернышевский считал Гоголя, которого особенно ценил, назвав его именем ведущее направление русской литературы 40—50-х годов. Предельно раскрыв природу гоголевского таланта, состоявшего в необыкновенно тесном родстве с действительностью, подчеркнув непреходящую значимость идейности и содержательности произведений гоголевского направления, Чернышевский в последующих трудах по эстетике и литературно-художественной критике ставит дальнейшее развитие русской эстетической мысли и методологических оснований художественной критики в прямую зависимость от конкретно-исторического процесса художественного творчества, появления новых произведений и новых имен в литературе, связанных с гоголевским направлением, но несущих новые существенные особенности, вытекающие из принципов воспроизведения непрерывно изменяющейся действительности. Это многоликое новое он глубоко рассмотрел в творчестве Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, осветивших в своем творчестве новые, глубинные пласты русской жизни, что и явилось причиной изменений в господствующем характере литературы.

Особо важное теоретическое и методологическое значение для дальнейшего развития русской эстетической мысли (в том числе и для марксистской) имели такие замечательные работы Чернышевского, как анализ «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина, в котором великий мыслитель развивает далее теорию русского реализма, дает актуальную и для нас, удивительно точную и правильную трактовку личности в искусстве, ставит проблему генезиса социальных типов. Статья о «Детстве и отрочестве» Л. Н. Толстого, четко определила новый аспект подхода Чернышевского к понятию предмета и содержания произведений искусства, соотношение им различных форм общественного сознания (искусство и политика): в ней выдвинуто требование глубокого психологизма в искусстве, диалектического, разностороннего раскрытия характеров. Чернышевский с удивительной прозорливостью на основании первых произведений Толстого же только предсказал на-

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 139.

правления и характер его гения, но и сформулировал новые положения материалистической эстетики.

Вклад великого революционера-демократа не только в отечественную, но и в мировую историю эстетической мысли чрезвычайно велик. Марксистско-ленинская эстетика наследует живые традиции эстетики Чернышевского прежде всего по основным, глобальным проблемам: материалистическая трактовка сущности искусства, отношение искусства к действительности, отстаивание колоссального значения искусства в идейной и политической борьбе, высокого призвания искусства — служение передовым идеалам общества. Для советской эстетики чрезвычайно важны демократические традиции эстетики Чернышевского, отстаивание подлинной народности творчества и все те действительно пострадавшие великим революционным демократом принципы, близкие нам, явившиеся живым источником эстетики и искусства социалистического реализма.

И. И. Квасова

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ИСКУССТВА

Н. Г. Чернышевский является не только предшественником, олицетворившим высший этап домарксистской мысли в России, но и нашим современником, так как выработанные им ценные научные положения в ряде областей обществоведения могут быть включены в массив культуры развитого социалистического общества, должны быть использованы в формировании гармонично развитой, духовно богатой личности. К таким положениям относятся, в частности, размышления русского революционера-демократа, материалиста-эстетика, гуманиста по вопросу о нравственном содержании искусства.

Нравственное содержание искусства осмысливается Чернышевским в разных аспектах — социологическом, методологическом, художественно-эстетическом, практически-воспитательном. Прежде всего вопрос о нравственном содержании искусства — это часть более общей проблемы революционно-демократической эстетики — об общественной роли литературы и искусства. В условиях острейшей идейной борьбы вокруг вопросов о социальной и гражданской роли художника перед ним стояли задачи: понять сложные проблемы художественного сознания эпохи, найти формы и пути общественного самоопределения искусства в рево-

люционной борьбе, теоретически обосновать место деятелей искусства в жизни общества, их нравственно-эстетическую миссию. Именно поэтому проблема взаимоотношения этического и эстетического в жизни и в искусстве выдвинулась как одна из центральных в социально-философской и эстетической концепции мыслителя. А мысль о гражданском, нравственном предназначении литературы и искусства стала нервом его литературно-критического и эстетического творчества.

Материалистический подход позволил ученому увидеть взаимосвязь этического и эстетического под углом зрения реальных социальных потребностей и интересов, которые обуславливают общность, различие и динамику взаимоотношения искусства и нравственности.

Чернышевский показал, что нравственное начало неотделимо от изображения человека в искусстве потому, что оно неотделимо от него в жизни. Поэтому он рассматривает единство нравственных и эстетических отношений как конкретно-историческую систему, обусловленную прежде всего широкой и многообразной социальной действительностью, созидательной человеческой деятельностью, ее потребностями и стремлениями.

В концепции великого русского мыслителя мы находим плодотворные подходы к истинному пониманию этой проблемы, свидетельством чего является его положение о синтетичности всех отношений человека к миру, их неразрывном диалектическом единстве. Он был на верном пути в раскрытии природы реально существующих отношений между людьми, вполтную подходя к позициям исторического материализма. «Действительность, нас окружающая, — замечает мыслитель, — не есть нечто однородное и однохарактерное по отношениям своих бесчисленных явлений к потребностям человека... Природа не всегда соответствует его потребностям; поэтому человек для спокойствия и счастья своей жизни должен во многом изменять объективную действительность, чтобы приспособить ее к потребностям своей практической жизни»¹.

Из всей гаммы общественных и межличностных отношений Чернышевский особо выделяет отношения эстетические и нравственные. Это предпочтение объяснялось их большой социальной значимостью, общей направленностью на то, чтобы сделать человека чище, выше, сознательнее, воспитывать его как активного участника общественных преобразований.

Классифицируя эстетические отношения², Чернышевский специально рассматривает отношения искусства к действительности. Справедливо считая, что реальные нравственные отноше-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 116—117.

² Во-первых, отношения, складывающиеся в соответствии с объективными потребностями практической деятельности, выступающие в качестве внутренней организации человеческой деятельности; во-вторых, отношения эстетического сознания к действительности.

ция глубоко и всеобъемлюще пронизывают все социальное бытие, все человеческие отношения, он логично утверждает, что при создании и восприятии художественных явлений неизбежно возникают сравнения и ассоциации и морального порядка. Эта мысль им конкретизируется в обосновании главного содержания искусства, которым является отношение человека к миру. В произведении искусства отражается не просто сама жизнь, а и отношение к ней человека. Поэтому искусство направляется на мир, соотношенный с человеком, с учетом его потребностей, интересов и особенностей восприятия. Вследствие этого искусство способно выступать как учебник жизни, который обращается к народу, к каждой отдельной личности как к субъекту, к ее жизненному опыту, переживаниям, раздумьям. Эта мысль заключена в тезисе Чернышевского о предмете искусства как «общеинтересном» для человека в жизни. Сюда относятся прежде всего проблемы нравственные, как наиболее интересные, близкие человеку, непосредственно отражающие его общественное и личное бытие, а также обнаруживающие все стороны человеческой природы, взаимоотношения человека в обществе, строй его мыслей, чувств, психологии.

Можно сказать, что вопрос об эстетических отношениях искусства к действительности становится центральным в эстетике Чернышевского, ибо предметом искусства выступают человек, отношения индивида, личности к обществу. Это обусловило в свою очередь и соответствующий подход к нравственной проблематике. Поскольку ученый стремился раскрыть социальную природу искусства, постольку он показывал и его нравственную сторону. Вся эстетика русского революционера-демократа проникнута любовью к жизни. В писателе он видит одну из сил, способную содействовать ее развитию в направлении, желательном для потребностей человека и человеческого общества. Именно поэтому художник выступает провозвестником новой морали в самом высоком смысле этого слова.

Другим важнейшим аспектом рассмотрения проблемы нравственного содержания искусства является выяснение связи природы и сущности самого искусства с моралью. Чернышевский настаивал на органическом включении нравственности в самое художественное творчество, не допуская мысли о том, что она умозрительно «вносится», навязывается искусству и потому чужда его природе. Напротив, общественно-политический, идейно-нравственный моменты как бы «изначально» входят в содержание эстетического сознания и деятельности. Искусство воссоздает действительность «в формах самой жизни», по словам революционера-демократа, заботясь о полноте жизненных подробностей. Но это также и творческое воссоздание объективной действительности, так как система нравственных принципов, представлений и норм, господствующих в обществе, преломляется через чувства, понятия и идеалы художника.

Главное требование к художнику — верность жизненной правде. Нравственное же значение произведения искусства будет зависеть от истинности и совершенства его жизненного эстетического содержания. Нравственность, по убеждению критика, вытекает непреднамеренно из системы художественных образов. Поэтому, продолжает он, мысль В. Г. Белинского, как невозможно разделить огонь на свет, тепло и силу горения, так и вопрос о нравственности отделить от вопроса об искусстве. Убедительное обоснование этого находим в концепции типического автора «Очерков гоголевского периода русской литературы», замечательных статей о М. Е. Салтыкове-Щедрине и др. Как реальная нравственность функционирует и проявляется во всем многообразии связей и отношений человека в обществе, говорит в этих работах критик, так и художественный тип представляет собой синтетический образ, выражающий сложность и противоречивость жизни. В типическом образе отражается глубинная сущность социальной среды.

Изображение типического характера в определенных жизненных обстоятельствах означает его мотивировку, объяснение, предполагает необходимость исчерпывающего выявления жизненных ситуаций, в которых действуют персонажи и которые обусловили соответствующее поведение, направление мыслей, строй чувств. По словам Н. Г. Чернышевского, «с изменением положения человека изменяется подчас его точка зрения, изменяется и характер его убеждений»³. Для революционного демократа была бесспорна истина: чтобы человек становился выше, нравственнее, надо изменять обстоятельства жизни, создавать такие условия, в которых он мог бы с наибольшей полнотой и многосторонностью воплотить в себе свою сущность, обнаружить неисчерпаемость человеческих возможностей. В этом вопросе он близко подошел к марксизму, в котором положение о формирующем по отношению к личности значении социальных обстоятельств и практической деятельности находит свое всестороннее диалектико-материалистическое обоснование.

И сегодня сохраняет свою научную ценность отстаивание Чернышевским активного отношения человека к жизни, постоянного стремления к той целостности, которая удовлетворяет «нашим понятиям» о прекрасном, что в свою очередь требует неутомимой и последовательной борьбы с системой зла и угнетения, служения общественному прогрессу. Поистине прекрасен тот человек, по убеждению революционного демократа, который является участником общественных преобразований. Именно поэтому он придавал большое значение социальной мотивировке характеров в художественном произведении, видя в ней возможность выяснения истоков общественной активности героев, в этом усматривал плодотворность дальнейшего развития прогрессивной реалистической литературы.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 294.

С особой силой единство этического и эстетического раскрывается Чернышевским в категориях трагического и комического.

Трагическое в его трактовке имеет три основные разновидности: «трагическое судьбы», «трагическое нравственного столкновения», «трагическое зла». Во всех случаях трагическое связывается с нравственными конфликтами и столкновениями. Но, пожалуй, с наибольшей полнотой сущность концепции Чернышевского о нравственном содержании искусства проявилась в трактовке им «трагического зла». Гибель героя, крах носителя прогрессивного начала, великое страдание по поводу утраты жизни всегда воспринимаются как трагическое. В результате создается впечатление, что «трагический эффект производится собственно только страдающим или погибелю людей, гибнущих от преступления»⁴. Но значительно более грозными, по убеждению великого гуманиста, являются «злодейства и преступления милые, веселые, от которых терпит явным образом нравственное достоинство человека, терпит все общество, а не отдельные лица»⁵. Носители этих злодейств не имеют никаких признаков злодея, напротив, милы, никто конкретно от них не пострадал, не погиб. Но тем опаснее скверна, исходящая от них и заражающая все окружающее, ибо они «враги суровой нравственности». Не той, от нарушения которой — кровь, борьба, пылкие страсти, бури, а той, что пробуждает печаль и страдание к оскверненному и заражаемому обществу.

Комическое Чернышевский исследует как способ обнаружения внутреннего достоинства человека, его высокой нравственности и нравственного здоровья. По его мысли, для того чтобы смеяться над уродствами души, надо самому иметь душу чистую и высокую. Такой нравственной высоты, несомненно, достигли, по оценке критика, корифеи сатирического искусства Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин.

Наиболее прочно нравственная тема в искусстве, по убеждению Чернышевского, связана с проблемой положительного героя, ибо именно через него можно выразить прогрессивные исторические идеалы, которые должны рассматриваться неизменно в связи с сегодняшней реальной действительностью.

Он анализирует проблему нравственного содержания искусства и в практическом плане — в плане воздействия литературы на нравственный облик человека. Ему было ясно, что искусство включается в жизнь свойственным только ему способом — влиянием на сознание, чувства индивида. При этом, аккумуляруя в себе общественные потребности, цели, задачи, искусство через сознание людей как бы «управляет», ориентирует их в общественной жизни. Тогда искусство и становится «эстетической силой», т. е. содействует воспитанию и самовоспитанию.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 184.

⁵ Там же, с. 184.

Гуманистическая направленность эстетики Чернышевского проявляется в обнаружении им, а также в ожидании от художественных произведений «свежести нравственного чувства», без которого, по его глубокому убеждению, нет индивидуального художественного метода, обнаруживающего контакт идейно-нравственных исканий писателя и эмоционально-нравственных ожиданий читателя. Его мысли о доступности произведений литературы широким массам, их незавершенности без читательского восприятия и оценки; мысли о том, что чтение хороших книг — это всегда сотворчество писателя и читателя; о том, что ценность произведения тем выше, чем шире круг людей, вступающих в это сотворчество, имеют актуальное значение. В самом деле, отклик в душе и мыслях читателей получают и сегодня книги, не просто хорошо написанные, умные, тонкие, мастерски воссоздающие время, его особенности, его дух и направленность, но те, в которых искренне и глубоко выражены мысли и чувства, думы и чаяния каждого человека в отдельности и всего общества. Только тогда осуществляется предназначение искусства, как его понимал и революционер-демократ, — делать человека духовно богаче, умнее, сердечнее, гуманнее, добрее, лучше во всех отношениях; помогать человеку формировать его мировоззрение, нравственные идеалы, истинно человеческие формы общения людей, правдивое и светлое отношение к миру, поднимать человека к осознанию своего места в историческом прогрессе.

Концепция Чернышевского о нравственном содержании искусства имеет значение и для борьбы против современных реакционных течений в искусстве и эстетике, которые выступают против гуманистических и нравственных функций искусства, против человеческой личности и ее отражения в произведениях искусства. Выступая за нравственно-эстетическое освоение действительности посредством метода реалистического искусства, за демократический гуманизм, близость к жизни народа, требуя уважения к достоинству человека, великий гуманист своими теоретическими размышлениями и выводами, критическими оценками, художественными исканиями и практическими делами утверждал, что на той высоте, на которой стоят изображенные им в романе «Что делать?» «новые люди», «должны стоять, могут стоять все люди». Его гуманизм и демократизм действительны, так как и сегодня мобилизуют человека на борьбу за революционное переустройство мира на коммунистических началах, за создание общества людей духовно богатых, нравственно чистых, эстетически воспитанных. В этом Чернышевский видел и предвидел высокое назначение и миссию передового реалистического искусства. Вот почему многообразное наследие великого русского революционера-демократа, особенно его мысли и откровения о нравственном содержании искусства, оказывает активное воздействие на формирование личности и нашего современника, благодарно наследующего все лучшее, прогрессивное, ценное из прошлого.

А. Л. Андреев, М. А. Маслин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ БОРЬБА ИДЕЙ

Эстетическая теория великого русского революционного демократа явилась результатом критического переосмысления достижений предшествующей мысли, ее обобщения, анализа, оценки с точки зрения его философской концепции, актуальных потребностей развития современного ему искусства, общественной жизни в целом. Чернышевский рассматривал исследование вопросов эстетики не как изолированную задачу. Он тесно связывает ее с изменением всей системы знания, с эволюцией представлений о природе и человеке, которые обуславливают развитие взглядов на искусство.

В частности, большое значение для формирования эстетических воззрений русского мыслителя имело изучение им философии Аристотеля, Гегеля и Канта, работ Ф. Т. Фишера и других видных представителей эстетической мысли первой половины XIX в. Его знаменитая диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» в значительной степени представляет собой полемическое выступление против идеалистической эстетики Гегеля и его продолжателей, против характерного для гегелевской философии метафизического, умозрительного подхода к явлениям художественной культуры. Выступая против гегелевской эстетики, он стремился опереться на авторитет факта, положительного знания. Вместе с тем его учение не имеет ничего общего с узкопозитивистским подходом к искусству, получившим в результате упадка гегелевской школы значительное влияние во Франции, Англии и Германии.

Не изучение элементарных эмоциональных реакций на простейшие формы и цветовые сочетания, а богатство духовного содержания искусства — вот что интересовало критика. Великая историческая заслуга русского мыслителя состояла в том, что он не отбросил ценных сторон эстетики немецкого классического идеализма, а подошел к ней диалектически. Он признавал выдающиеся теоретические заслуги создателей немецкой классической эстетики, справедливо считая, что в ней было заложено немало ценных и прогрессивных идей, которые следовало очистить от идеалистических и метафизических наслоений, разграничить с теми положениями, которые были обязаны своим возникновением не наблюдению за реальной художественно-эстетической практикой, а оторванному от жизни конструированию

спекулятивно-философских схем и которые зачастую прямо противоречили теоретическим находкам великих немецких мыслителей.

Полемически отталкиваясь от гегелевской концепции, Чернышевский обратился от умозрительной красоты абсолюта к реальной красоте окружающей нас действительности. Истинная, высочайшая красота, говорил он, есть красота, встречаемая нами в жизни. Это определение, указывал он далее, «возводит в основную мысль эстетики достоинство и красоту действительности»¹. Идеалистическая линия в эстетике со времен Платона проводила мысль о том, что прекрасное в окружающем нас вещественном мире несовершенно, ибо оно непостоянно в своей красоте, единично, а зачастую также неотделимо от грубых, антиэстетических явлений. Огромное преимущество точки зрения великого русского мыслителя заключается в том, что, решая проблему субъекта эстетической оценки и восприятия, критериев прекрасного, он обратился к реальным переживаниям человека, к особенностям его психологии и вкуса.

Красота для человека, утверждает критик, не умозрительное понятие. Она воспринимается не отвлеченным мышлением, а прежде всего человеческими чувствами. Человек не ищет идеального, математически строгого совершенства, не жаждущего даже микроскопических изъянов. Его понятие о прекрасном формируется в реальной жизни и удовлетворяется теми реальными примерами красоты, которые он находит в материальной действительности. Оттого, что можно найти вещи, значительно более прекрасные или изящные, чем тот или иной красивый предмет, последний не становится для нас хуже. Это верно применительно как к нашей непосредственной жизненной практике, так и в отношении искусства. Скажем, величие Рафаэля вовсе не уничтожает для нас привлекательности картин Греза. Это значит, утверждает ученый, что прекрасное многообразно и несводимо к некоей мифической идее прекрасного, якобы неизмеримо превосходящей все реальные предметы.

Таким образом, по существу прекрасное для Чернышевского — это определенное обобщение реальных жизненных впечатлений. Эту же точку зрения он проводил при анализе содержания других эстетических категорий. Определяя прекрасное, возвышенное, трагическое, критик особо подчеркивает «отношение к человеку вообще и к его понятиям тех предметов и явлений, которые находит человек прекрасными и возвышенными: прекрасное то, в чем мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем ее, как она радуется нас; великое то, что гораздо выше предметов, с которыми сравниваем его мы»². Вместе с тем русский материалист несколько не сомневается в том, что наши эстетические оценки

¹ Чернышевский П. Г. Избр. филос. произв. М., 1950, т. I, с. 804.

² Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 21.

характеризуют свойства и реальные качества вещей и явлений, а не наши мысли, восприятия и переживания этих последних.

Поскольку Чернышевский принимает такую концепцию эстетического, ему удастся убедительно решить ряд теоретических проблем, неразрешимых с точки зрения признания вневременного идеала прекрасного. В частности, он высказывает чрезвычайно важную мысль об исторической изменчивости наших представлений о прекрасном:

«Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их; иначе они покажутся нам непонятными, странными, но не прекрасными... Сколько у Шекспира, у итальянских живописцев такого, что понимается и ценится только тогда, когда мы перенесемся в прошедшее с его понятиями о вещах»³.

В тесной связи с этим утверждением находится идея Чернышевского о социально-культурной обусловленности эстетических представлений. Так, скажем, понятия о красоте в аристократическом обществе и в народной среде различаются чрезвычайно сильно; идеал томной, воздушной красавицы совершенно не соответствует народным представлениям, тогда как ценимый в народе идеал женской красоты кажется светскому обществу слишком грубым. Утверждая эти положения, ученый по существу намечает пути выхода за ограниченные пределы антропологического материализма с его недооценкой социально-исторических факторов, влияющих на сознание человека, на весь строй его личности, хотя окончательно освободиться от антропологических представлений он не сумел.

Развивая свой тезис о безусловном превосходстве окружающей нас материальной действительности над творениями человеческого духа, в том числе и над искусством, и нередко придавая ему полемически заостренную форму, Чернышевский, однако, был далек от пренебрежительного отношения к художественному творчеству. В своих работах он говорил о высоком и прекрасном назначении искусства, о его благодетельном влиянии на жизнь. Для того чтобы правильно оценить высказывания революционного демократа, касающиеся ценности искусства, необходимо рассматривать их не изолированно, а в целостном контексте его эстетического учения. Следует указать на то, что искусство согласно теории великого русского мыслителя представляет собой сложное явление, отнюдь не сводимое лишь к созданию эстетических ценностей. Это также средство познания действительности, важный элемент общественной мысли эпохи. И хотя искусство не может превзойти жизнь эстетически, содержащиеся в нем обобщения, идеи вносят немалый вклад в ее осмысление. Тезис о превосходстве действительности над искусством в ряде

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 51.

случаев приобретает у Чернышевского смысл утверждения первичности материального мира по отношению к продуктам человеческого сознания (воспроизведение действительности не может быть «выше» оригинала). Эта материалистическая по своей направленности идея сыграла огромную роль в борьбе против идеалистической эстетики.

Одной из самых сильных сторон эстетической теории русского мыслителя является материалистическое решение проблем гносеологии искусства. Художественное творчество, считает он, не должно быть лишь украшением жизни, игрушкой пресыщенных эстетов, «Первая цель искусства — воспроизведение действительности»⁴. Развивая этот тезис, Чернышевский выдвигает ряд гениальных диалектических идей, явившихся выдающимся достижением русской материалистической эстетики и представляющих значительный интерес для марксистской эстетической теории.

Воспроизведение, говорит Чернышевский, не следует понимать как механическое копирование в духе теории «подражания природе», господствовавшей в XVII—XVIII вв. Жизнь не объясняет нам причин тех или иных явлений, не показывает их отдаленных последствий. Подлинный смысл различных фактов нередко оказывается скрытым в паутине событий, в переплетении обстоятельств. Осмыслить жизненные явления, раскрыть их связи и отношения — центральная задача художника. Поэтому искусство включает в себя также объяснение окружающего и его оценку (суждение о нем). Следовательно, заключает критик, «верное воспроизведение жизни искусством не есть простая копия»⁵, оно органически включает в себя элемент фантазии, работу мышления.

Исходя из этой точки зрения, Чернышевский подчеркивает познавательную ценность искусства, которое в этом плане не менее ценно, чем теоретическое познание, наука. Согласно учению русского мыслителя эстетическое чувство и мышление в искусстве гармонически связаны, едины. Если художник становится мыслителем, указывает он, «произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное»⁶. Это касается не только наиболее насыщенного мыслью вида творчества — поэзии, но и таких его сфер, как, скажем, живопись. В качестве примера интеллектуально, идейно насыщенной живописи критик приводит работы известного английского художника и гравера В. Хогарта.

Определяя искусство как воспроизведение, осмысление, отображение действительности, Чернышевский дает необычное для эстетики XIX в. решение вопроса о соотношении художественного и эстетического, которое характеризуется глубоко диалек-

⁴ Там же, т. II, с. 78.

⁵ Там же, т. II, с. 150.

⁶ Там же, т. II, с. 86.

тическим подходом к трактовке связи этих категорий. Прежде всего он обращает внимание на то, что в определенных аспектах содержание искусства шире, чем понятия прекрасного, возвышенного, трагического. В живописи под эти рубрики не подходят, например, многие жанровые картины, в музыке — лирические и грустные мелодии. Еще шире в содержательном плане область поэзии. Искусство, далее, неизменно проявляет огромное внимание к нравственно-этической проблематике, которая не может быть сведена к эстетическим категориям. И здесь великий русский критик подходит к своему знаменитому определению предмета искусства, которое приобрело огромное влияние на развитие эстетической мысли прежде всего в силу тесного соотнесения содержания искусства со всем миром человеческих интересов, переживаний, мыслей и побуждений. «Сфера искусства... — пишет он, — обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека — не как ученого, а просто как человека; общеинтересное в жизни — вот содержание искусства»⁷. Таким образом, человек как субъект искусства выступает в качестве целостной личности, во всей полноте своих духовных и жизненных проявлений. В этом состоит одна из существенных черт, отличающих искусство от науки.

Опираясь на определение искусства как воспроизведения действительности, Чернышевский проводит дальнейшее концептуальное разграничение художественного и эстетического, показывая, что эстетическое в свою очередь в ряде аспектов оказывается более широким термином, чем художественное, даже если и не принимать во внимание возвышенное и прекрасное в природе. Ведь далеко не все сферы человеческой деятельности, в которых реализуются эстетические отношения, могут быть рассмотрены как воспроизведение действительности, а значит, как искусство. Таковы, скажем, работа ювелира и садовника, а также архитектора. Ведь в данном случае не может быть вопроса о том, каковы отношения красоты их произведений к красоте окружающего природного мира: в природе нет предметов, с которыми можно было бы сравнивать художественную утварь, ювелирные изделия, архитектурные сооружения. Создавая их, автор не воплощает своих мыслей о тех или иных явлениях, их оценок, его задача в другом: он эстетически обогащает наше предметное окружение.

Эти положения Чернышевского предвосхитили некоторые тенденции развития современной эстетики, которые могли вполне оформиться лишь впоследствии, на основе осмысления роли и значения таких видов эстетической практики, как дизайн. Свою дальнейшую разработку они получили и в трудах исследователей-марксистов.

---

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 81—82.

Н. Г. Чернышевский не был сухим кабинетным теоретиком. Он всегда с интересом следил за художественной жизнью, за развитием современного ему искусства. В качестве критериев художественного мастерства русский мыслитель неизменно выдвигал единство мысли художника, глубину идейного содержания произведения со способностью живо и ярко изобразить конкретные явления действительности. «Создание искусства, — писал он, — должно стремиться к тому, чтобы в нем было как можно менее отвлеченного, чтобы в нем все было, по мере возможности, выражено конкретно, в живых картинах, в индивидуальных образах»⁸. Чернышевский последовательно выступал с обоснованием и защитой творческих принципов реализма и высокой общественной идейности искусства, против «мелочной» отделки подробностей в ущерб правдивости и естественности произведения, гармонии его композиционных элементов и их соответствия авторской идее.

Эстетика Чернышевского, пожалуй, чаще других разделов его философии подвергается тенденциозной обработке современными западными историками. Одна из причин этого в том, что идеи Чернышевского о народности искусства, глубокие догадки о тенденциозности, социально-политической детерминированности художественного творчества, о роли искусства в борьбе за достижение социалистических идеалов, об эстетическом познании и соотношении формы и содержания в искусстве, опиравшиеся на художественную практику критического реализма, были использованы и развиты эстетикой социалистического реализма.

Резонанс, вызванный эстетической концепцией Чернышевского, был настолько велик, что полемика вокруг основных идей «Эстетических отношений искусства к действительности» и ряда других важнейших его произведений не прекращалась несколько десятилетий после их выхода в свет. Популярность его эстетики в революционно-демократических кругах и враждебное отношение к ней официальных и либеральных кругов объяснялись ее глубокой взаимосвязью с общефилософской материалистической позицией и утопически-социалистической программой русского мыслителя. Эта полемика положила начало борьбе двух линий в оценке идейного наследия великого революционного демократа. К числу защитников и пропагандистов его эстетики в те годы принадлежали Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, М. А. Антонович, А. А. Слепцов, Н. А. Серно-Соловьевич и др. Противниками теории Чернышевского выступили М. Катков, П. Юркевич, В. Соловьев, К. Случевский, Е. Эдельсон и другие представители идеалистической критики.

В последние годы буржуазные историки русской философско-эстетической мысли активизировали деятельность по изучению

⁸ Там же, с. 83.

идейного наследия Чернышевского. Только в США, например, за сравнительно небольшой период вышли три монографии, посвященные Чернышевскому: работы Ф. Б. Рэндолла, У. Ф. Уорлина и Н. Г. О. Перейры.

Наиболее типичным приемом извращения эстетики Чернышевского является примитивизация его взглядов на искусство, художественное творчество, эстетическое познание. Так, американский специалист по истории русской эстетической мысли В. Террас утверждает, что Чернышевский с порога отрицал такие эстетические категории, как воображение, гений, фантазия, считая их более подходящими для медицинских исследований в качестве «патологических явлений человеческой психики», но не для эстетики. Но русский демократ-революционер вовсе не отрицал ни в «Авторецензии» на «Эстетические отношения искусства к действительности» (на нее в данном случае ссылается Террас), ни в какой-либо другой работе продуктивной роли фантазии, воображения. Он выступал прежде всего против разного рода маниловских мечтаний, его не устраивала лишь «праздная мечта, которая родилась от безделья и остается забавою человеку, любящему сидеть, сложа руки и зажмурив глаза»⁹. Справедливо критикуя абстрактность, созерцательность идеалистической эстетики, он выдвигает задачу заменить господствующую теорию искусства на другую, «более сообразную с новыми воззрениями науки на природу и человеческую жизнь»¹⁰.

Эти новые воззрения Чернышевский усматривает в философской теории, исходящей из материалистического решения проблемы человека и его сознания. За кажущейся отстраненностью творческой фантазии художника от действительности, замечает он, на самом деле всегда стоят вполне реальные объекты и явления. Окончательным же критерием эффективности творческой фантазии «в делах чувства и мысли», т. е. в искусстве и науке, является согласно учению выдающегося русского мыслителя практика. Эти положения его эстетики не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Глубоко неверным является тезис Терраса о грубом физиологизме эстетических воззрений Чернышевского. Автор «Эстетических отношений...», напротив, критикует крайности, в которые впадал, например, Э. Берк, пытавшийся выводить чувства прекрасного и возвышенного из инстинктов общительности и самосохранения и полагавший, что прекрасное и возвышенное — качества, оказывающие непосредственное воздействие на нервную систему (возвышенное согласно этой точке зрения потрясает нервы, прекрасное их расслабляет и т. п.). Указывая на упрощенный характер представлений Берка, Чернышевский подчеркивает, что «до понятия прекрасного в его целостности Берк не до-

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 103.

¹⁰ Там же, с. 103.

ходит, потерявшись в случайных и внешних сторонах его проявления»¹¹.

В прямом противоречии с тезисом о «физиологизме» эстетики Чернышевского находится тот факт, что для теоретика революционной демократии важнейшее значение имело общественное значение всех форм человеческой деятельности, в том числе и искусства. «Во всех отраслях человеческой деятельности, — пишет он, — только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества»¹². С его точки зрения, само существование искусства следует рассматривать прежде всего с социальной точки зрения. Эту мысль он конкретизирует рядом примеров. Так, готическая архитектура достигла блестящих успехов потому, что она была «выразительницей средневековых стремлений», а причиной высоких достижений итальянских живописцев было то, что их творчество служило «духу века, состоявшему в слиянии классического поклонения красоте человеческого тела с заоблачными стремлениями средних веков»¹³.

В. Террас, Ф. Рэндолл и другие западные авторы пытаются доказать, что эстетическая концепция Чернышевского характеризуется утилитаризмом, стремлением подчинить искусство «нормам обыденной жизни», непониманием специфики эстетического, желанием «разрушить все барьеры, отделяющие искусство от политики, от публицистики и от обычной практической деятельности»¹⁴. Здесь мы имеем дело с традиционной для буржуазной рустистики теорией «антиэстетизма» Чернышевского, основанной на явной передержке фактов. Так называемый антиэстетизм в действительности был присущ не самому Чернышевскому, а проявлялся в отдельных критических статьях его видного последователя Д. И. Писарева. Однако, не вдаваясь в подробный анализ эстетической концепции последнего (его позиция существенно отличалась во многих пунктах от взглядов Чернышевского), отметим, что и в данном случае следует с осторожностью подходить к ее оценке. Так называемый антиэстетизм Писарева не огульное и беспорядочное отрицание всякого искусства ради самого отрицания, а своеобразная и внутренне сложная эстетическая позиция, правильное понимание которой возможно лишь при условии рассмотрения его взглядов в контексте особенностей идейной борьбы и своеобразия социально-политической ситуации в России 60-х годов XIX в.

Несостоятельны попытки провести линии исторической преемственности от школы Чернышевского и тем более от самого Чернышевского к современному «левому» нигилизму, получив-

¹¹ Там же, с. 136.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 299.

¹³ Там же.

¹⁴ Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism. Univ. Wisconsin Press, 1974, p. 237.

шему распространение на Западе¹⁵. Рассмотрим, например, версию «антиэстетизма» Чернышевского, изложенную в книге У. Д. Гэвина и Т. Д. Блэкли «Россия и Америка: философское сравнение», где есть специальный раздел, посвященный взглядам Чернышевского на соотношение искусства и науки. Русский мыслитель, по их мнению, стремился представить искусство «заменой науки» (т. е. отводил ему роль популяризатора научных истин), не понимал специфики художественного творчества, его несводимости к другим видам человеческой деятельности¹⁶. Это «непонимание» привело к тому, что Чернышевский поставил перед искусством задачи, вовсе «несвойственные» для него, например вынесение приговора отрицательным явлениям жизни, решение определенных общественных проблем и т. д. Глубоко разработанную русским ученым концепцию о социальном назначении искусства Блэкли и Гэвин квалифицируют просто как инстинктивную позицию критика, «увлеченного задачей разоблачения идеализма посредством реалистического подхода к искусству». Эта увлеченность, заявляют также авторы, виновна якобы в «резком сужении» сферы эстетического опыта в результате вмешательства политических и утопических идей. Нетрудно заметить, что объектом для критики в данном случае является не сама идея «искусство — замена науки», (кстати говоря, никогда не выдвигавшаяся Чернышевским), а демократическая заостренность эстетики революционного мыслителя, органическая взаимосвязь ее с социалистическими идеями, подчеркивание активной, социально-преобразующей роли искусства.

Тщетны попытки современных буржуазных фальсификаторов истории русской эстетической мысли представить труды Чернышевского по эстетике компилятивными, а самого его изобразить как человека, «лишенного эстетического чувства», исключив тем самым учение выдающегося русского мыслителя и революционера из панорамы эстетических учений XIX в.

В марксистской эстетике, как и в марксистской философии в целом, учение Чернышевского заслуженно получило высокую оценку, а его теоретические работы — научное признание. В силу отсталости русской жизни он не сумел, не смог подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса, который послужил методологической основой того переворота в эстетике, который знаменует собой возникновение эстетической теории марксизма. Но Чернышевский значительно расширил и укрепил позиции материалистической эстетики и литературно-художественной критики, обогатил их новыми, оригинальными и глубокими идеями. В этом его большая историческая заслуга.

¹⁵ Современные эстетические теории «новых левых» подробно рассматриваются в кн.: *Давыдов Ю. Н. Эстетика нигилизма*. М., 1975.

¹⁶ *Gavin W. J., Blakely T. J. Russia and America. A Philosophical Comparison*. Dordrecht, 1976.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО,
ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. А. Цаголов

КРУПНЕЙШИЙ ЭКОНОМИСТ
ДОМАРКСОВА ПЕРИОДА

Чернышевский вышел на арену революционной практической и теоретической деятельности в исторический период, когда Россия находилась еще в оковах крепостничества, а на Западе капитализм показал уже не только свои преимущества перед крепостничеством, но и глубокие противоречия, демонстрировавшие, что прогресс при капитализме покупается ценой ухудшения положения рабочего класса. В это время на Западе уже началась критика капитализма и в качестве альтернативы капитализму были выдвинуты разные формы социализма. Рабочий класс Западной Европы уже набирал силу исторического движения.

Чернышевский владел всеми знаниями, выработанными в области экономической науки передовыми мыслителями России и Запада. Однако никто из его предшественников — ни из буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, ни из утопических социалистов — не дал такой развернутой характеристики важнейших производственных отношений крепостничества и капитализма. Никто из его предшественников по утопическому социализму не подошел так глубоко к пониманию роли капитализма в процессе исторического развития общества.

Хотя Чернышевский, как и другие утопические социалисты, не сумел раскрыть объективный закон неизбежной смены капитализма социализмом, критикуя капитализм, русский ученый раскрыл некоторые основные преимущества социализма перед капитализмом, и если большинство его предшественников по социализму видели их прежде всего в сфере распределения, то Чернышевский подчеркивал экономические преимущества социализма как формы производства.

Никто из утопических социалистов не обнаружил такого понимания необходимости отыскания условий перехода к социализму в современной экономической действительности, как Чернышевский, который связывал его не только с интересами эксплуатируемых классов, но и с их борьбой.

Экономические труды русского революционного демократа изучались Марксом, Энгельсом и Лениным. Многочисленные сочувственные пометки Маркса на полях книг Чернышевского и его упрек, что русские ничего не сделали для ознакомления Запада с трудами русского мыслителя, который, по меткому выражению Маркса, мастерски вскрыл банкротство буржуазной политической экономии. Ленин также характеризовал Чернышевского как замечательного, глубокого критика капитализма.

Совершенно верны характеристики экономических воззрений Чернышевского в качестве революционно-демократических и утопически-социалистических. Однако, взятые в общем виде, они не в состоянии выразить всего богатства и глубины того идейного оружия, которым он вооружил освободительное движение, причем не только в России.

Борьба с феодализмом была определяющей чертой революционного демократизма французской буржуазной революции. Но для решения вопросов, которые поставили перед экономической мыслью кризис русского крепостничества и его падение, Чернышевский не мог найти ответа в произведениях своих предшественников — революционных демократов.

Революционный демократизм Чернышевского не был простой разновидностью известного на Западе и в России революционного демократизма. Так же точно и его утопический социализм не может быть поставлен в обычный ряд утопического социализма.

Все революционно-демократические программы и их теоретические обоснования всегда были направлены против остатков феодализма и играли исторически прогрессивную роль. Но нигде кризис феодализма не поставил в качестве узла антифеодальных революционных преобразований ликвидацию помещичьего хозяйства и победу хозяйства крестьянского как основного пути экономического развития.

Революционный демократизм Чернышевского был *крестьянским* революционным демократизмом. И для такого, *крестьянского* революционного демократизма, который ставит во главу угла ликвидацию феодальной системы, победу самостоятельного крестьянского хозяйства, уже не было объективной основы на Западе. И теория Чернышевского была первой в истории теорией крестьянской демократической революции. Это была теория самой глубокой антифеодальной революции.

Ориентация на свободное от крепостнической кабалы крестьянское самостоятельное производство была ориентацией на реальную, возможную перспективу, прямо отражающую реальные требования крестьянства. Ленин писал, характеризуя классовую

борьбу периода реформы: «Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»¹.

До Чернышевского экономическая проблема ликвидации крепостного права ставилась в плоскости выгодности вольнонаемного труда по сравнению с принудительным. Она ставилась, таким образом, в плоскости решения экономической задачи помещичьего хозяйства.

Чернышевский переводит проблему в совершенно другую плоскость.

Сопоставление выгодности крепостного, помещичьего и капиталистического хозяйств теоретически несостоятельно, а методологически оно свидетельствует о непонимании коренных различий между способами производства, определяемыми различиями в основном отношении способа производства. Оно выражает ограниченность буржуазного подхода к экономическим проблемам, когда ко всем явлениям подходят с меркой капиталистической формы хозяйства. Рассуждения о сравнительных преимуществах хозяйств на наемном и принудительном труде имели в качестве основы эту методологическую ошибку. Если все формы хозяйства суть разновидности капиталистического хозяйства, тогда есть основание для сравнения их эффективности и выгодности.

Чернышевский не идет в фарватере этой постановки вопроса. Он резко противопоставляет капиталистическое и крепостническое производства, показывает, что капиталистическое хозяйство ведется на коммерческих началах, на основе расчета издержек производства и сопоставления их с выручкой. Крепостническое же хозяйство, правильно констатирует он, не имеет и не может иметь расчета издержек производства. Помещик не приобретает орудий производства, не оплачивает труд работников производства.

Этот вопрос в литературе позднего крепостничества занимал значительное место. Были разные решения этой проблемы. Как известно, А. Смит полагал, что выгодность наемного труда по сравнению с принудительным беспорна и не подлежит обсуждению. Но тогда возникал вопрос: почему, если наемный труд более выгоден, чем принудительный, он существовал и продолжает существовать во многих местах? На этот вопрос Смит давал

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 216.

весьма наивный ответ: гордыня побуждает пользоваться трудом принудительным.

Сама постановка вопроса о выгодности наемного или производительного труда страдает тяжелым методологическим пороком: предприятия на наемном или принудительном труде суть производства, предполагающие совершенно разнородную структуру производственных отношений. Способ соединения средств производства с непосредственным производителем есть основное отношение любого способа производства, оно предполагает и определенных субъектов этого производственного отношения. Выгодность есть мера эффективности. Сравнение выгоды той или иной формы хозяйства возможно в рамках единого типа основного производственного отношения, только тогда имеется единообразный числитель и одинаковый знаменатель, т. е. только тогда можно сравнить соотношение результатов и затрат. Но когда основное производственное отношение меняется, то сравнительное определение эффективности оказывается невозможным даже при единстве результата. Можно сопоставлять эффективность только в том случае, если эффект и затраты на получение эффекта сравнимы в обоих случаях.

Но можно ли сравнивать затраты в хозяйстве с принудительным трудом с затратами в хозяйстве с наемным трудом? Хозяйство с наемным трудом предполагает авансирование стоимости на приобретение объектов производства. Крепостной принудительный труд никаких авансов на приобретение орудий производства и на живой труд не предполагает. Таким образом, нет никакой сопоставимости затрат крепостного хозяйства на получение эффекта (дохода) и затрат капиталистического хозяйства на получение дохода.

Ссылки на то, что помещичьи хозяйства могли быть предметом купли и продажи, не являются аргументом в пользу сравнимости выгоды помещичьего крепостнического и капиталистического хозяйств, т. е. сравнимости выгоды крепостного, принудительного и наемного труда.

«Цена» помещичьего хозяйства определялась не «стоимостью» его элементов, а представляла собой капитализированный доход этого хозяйства. Между тем цена капиталистического предприятия при переходе его из рук в руки определяется стоимостью факторов производства, которые все без исключения приобретаются на рынке и цена которых определяется их стоимостью, а не капитализированным доходом.

Но капитализация дохода предполагает, что этот доход по сумме принимается за сумму процентов, полученных за ссуженный капитал. Известно, однако, что процент есть лишь часть прибыли, а часть всегда меньше целого. Таким образом, если свети затраты крепостного и капиталистического хозяйств к единой «стоимостной» основе, то обнаружится, что эта основа искусственна, ибо в одном случае это действительно стоимость, а во

втором — это капитализированный доход. Капитализированный доход, взятый как определенная величина «стоимости», предполагает, что доход на него равен проценту. Между тем функционирующее капиталистическое предприятие ориентировано не на процент (часть прибыли), а на всю величину средней прибыли.

Таким образом, «стоимости» помещичьего и капиталистического хозяйства формируются на совершенно разнородных основах. Если же капитализировать капиталистическое предприятие, то его капитальная «стоимость» всегда будет больше капитальной «стоимости» помещичьего хозяйства. Ибо в первом случае в основание капитализации положен процент, а во втором случае — прибыль. Капитализация дохода, приравненного к проценту, даст всегда меньшую сумму, чем капитализация прибыли, представленной как сумма процентов.

Во всех случаях сопоставление помещичьего крепостного хозяйства и капиталистического хозяйства неправомерно. Оно игнорирует коренные различия способов производства, определяющим для которых является основное производственное отношение.

Как мы видели выше, Чернышевский отвергает по существу сопоставление этих двух типов хозяйств, как совершенно разнородных. Таким образом, он становится на голову выше всех своих предшественников по анализу этой проблемы, в том числе выше А. Смита, который вообще не видел в этом вопросе экономической проблемы.

Но сила Чернышевского в анализе крепостнического хозяйства не только в этом. Из критики крепостнического хозяйства он не сделал кажущегося естественным вывода о том, что следует заменить хозяйства без расчета хозяйством с расчетом. Тогда была бы критика крепостничества, выводящая на признание превосходства капиталистической формы земледелия.

Сила Чернышевского в том, что, проведя столь кардинальное различие крепостного и капиталистического хозяйств, он не остается на плоскости последнего, когда ставит кардинальный вопрос о том, какой тип хозяйства должен прийти на смену помещичьему хозяйству.

Он не делает того как бы напрашивающегося вывода, который связан с сопоставлением помещичьего крепостнического и капиталистического хозяйств, а ставит вопрос о том, какая форма производства является наиболее производительной. Отвечая на него, Чернышевский делает вывод, который является новой по классовому содержанию постановкой вопроса об альтернативе крепостному хозяйству. Это крестьянская, а не капиталистическая постановка вопроса. Эта крестьянская альтернатива крепостному хозяйству помещика имеет у Чернышевского ясное теоретическое обоснование. Такая форма земледелия является наиболее производительной, при которой все три фактора производства принадлежат одному и тому же лицу. Крестьянское хозяйство как раз и является таким хозяйством, если оно обеспечено

землей. Если земля будет передана в руки крестьянства, то не будет трехчленного деления продукта и тогда будет наиболее производительная форма хозяйства в земледелии.

Таким образом, Чернышевский обосновывает необходимость смены помещичьего хозяйства крестьянским, что предполагает ликвидацию помещичьего землевладения.

Это было теоретически обоснованная постановка задач крестьянской революции.

Нельзя сказать, что задачи экономического преобразования Чернышевский ограничивал ликвидацией помещичьего хозяйства и созданием условий для свободного самостоятельного крестьянского хозяйства. Но это было исходным пунктом крестьянской революции, имевшим громадное, определяющее значение с точки зрения создания условий ускоренного экономического развития страны, за которое ратовал он прежде всего.

Чернышевский знал, что победа крестьянского хозяйства приведет к разложению его на капиталистические полюсы. Поэтому он выдвигает перед крестьянской революцией вторую задачу: ликвидировав помещичье хозяйство, не допустить развитие капитализма в земледелии и создать условия для социалистического развития его.

Эти две задачи четко различались Чернышевским, и каждую из них он теоретически обосновывает.

Будучи вдохновителем и теоретиком крестьянской революционной мысли, Чернышевский не обнаружил в своих экономических воззрениях ни грана мелкобуржуазности. Он видел, что освобожденное от пут крепостничества крестьянское хозяйство обязательно будет втянуто в водоворот капиталистических отношений и все процессы разложения его, которые связаны с известными тогда уже противоречиями капиталистического производства, станут уделом русского земледельческого производства.

И он смело выдвигает социалистическую альтернативу капиталистическому развитию крестьянского хозяйства. Конечно, выдвинутый им в этой связи тезис о роли общины как средства противостоять капиталистическому разложению крестьянского хозяйства, есть типично *крестьянская* утопия — элемент идеологии крестьянской революции. Однако следует обратить внимание на то, что и здесь, кроме решения, которое себя исторически не оправдало, налицо важная с точки зрения теоретической и в особенности методологической *постановка вопроса* о возможности миновать капитализм на путях к социализму.

Социалистическая перспектива, которую Чернышевский लेकर, борясь за ликвидацию крепостничества и недопущение развития капитализма, не была лишь прекраснородушной мечтой. Он искал тот конкретный социальный фундамент, на который можно было опереться в борьбе за социалистическую альтернативу. В то время как утопические социалисты апеллировали к чувству справедливости, природе человека и т. д., и т. п., русский мы-

слитель ищет в материальных условиях экономической жизни опору своей социалистической альтернативы. Этот поиск не вывел его теоретически за рамки утопического социализма, но он представлял переход на новую методологическую дорогу. И в этом вопросе *методологически* философ движется по пути, ведущему к историческому материализму. Он ищет материальной опоры социализма в экономическом базисе общества.

Борясь против крепостничества, Чернышевский развенчивает и капиталистическую эксплуатацию. И, однако, характер критики крепостничества и капитализма резко различен.

Крепостничество Чернышевский критикует с позиций капитализма. Он вскрывает пороки крепостничества с точки зрения капиталистического *производства*, показывает преимущества капитализма перед крепостничеством.

Капиталистическая форма производства прогрессивна. И там, где она развилась, она несет с собой развитие промышленности. Поэтому Чернышевский не выступал с программой ликвидации капиталистической промышленности в России, которую он рассматривал как необходимый элемент прогресса.

В этой связи революционер-демократ характеризует ту сторону капитализма, которая выражает его товарный характер, подчиненность законам конкуренции, которая разрушает рутинные формы производства и требует развития производства и совершенствования его форм.

Положительно оценивая эту роль капиталистической промышленности, Чернышевский глубоко вскрывал противоречия капиталистического производства. И хотя эта критика иногда носит нормативистский характер, с позиций долженствования, она по своему существу является критикой капитализма с позиций *социализма*. Апелляция к разуму — это апелляция к *социалистическому* разуму (конечно, нельзя упускать из виду, что в критике капитализма у Чернышевского явственно прощупывается угол зрения не пролетарского, а крестьянского социализма).

И тем не менее это не апелляция лишь к морали, к справедливости, к сочувствию угнетенным капиталистической системой производства, а критика, опирающаяся на понимание преимуществ социалистического производства. Мотив производства, следовательно, по сути дела рассмотрены экономических отношений как форм развития производства является определяющим для метода изучения капитализма Чернышевским.

Он критикует тех экономистов, которые пытаются пересмотреть формы отношения распределения, оставляя неизменными формы производства.

Изменить капиталистическое распределение, по Чернышевскому, может только коренное изменение формы производства, т. е. ликвидация капиталистической формы производства.

Известно, что применение принципа примата производства может сочетаться с метафизическим, неисторическим подходом

к самим экономическим формам как вечным и естественным, что имело место, например, у Рикардо.

В отличие от Рикардо у Чернышевского принцип примата производства сочетается с принципом историзма. Экономические формы производства не являются вечными, они подвержены изменениям и являются продуктом исторического развития.

Чернышевский предпринимает имеющий огромное методологическое значение опыт исследования вопроса о том, каковы факторы, определяющие изменение экономических форм, исторический процесс смены их. Он не знал учения о производительных силах. Но его ответ на поставленный вопрос свидетельствует о том, что русский мыслитель двигался в направлении исторического материализма. Помимо общественной формы процесса производства, он фактически делает предметом своего анализа также технический процесс производства, который он ставит в прямую связь с орудиями производства, их характером.

«При грубых процессах производства, — пишет Чернышевский, — какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно.

Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества... Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для этого необходим вольный человек»².

В приведенном отрывке совершенно ясно прощупывается следующая логическая нить: развитие орудий производства вызывает соответствующие изменения в технических процессах производства, орудия производства и техника производства на каждой ступени своего развития требуют и определенной экономической формы производства.

Что же Чернышевский считал важнейшим в экономической форме производства? Положение непосредственного производителя в производстве, что революционер-демократ называет формой труда.

В приведенной цитате Чернышевский оперирует двумя формами труда — невольническим, или рабским, трудом, с одной стороны, и трудом вольного человека — с другой.

Чернышевский устанавливает и закономерность невольничества, и необходимость труда вольного человека. И та, и другая формы труда сообразны определенному типу орудий труда.

Но в качестве факторов, вызывающих необходимость изменения в формах труда, он рассматривает не только орудия труда, но и масштаб производства.

---

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 220.

Анализ влияния размеров производства на производительность труда выводит русского мыслителя на исследование различий видов труда вольного человека.

Видя необходимость труда вольного человека при определенном состоянии производства, Чернышевский резко различает два вида труда вольного человека: один — когда вознаграждением является *плата* за труд, и другой, когда вознаграждением труда является продукт труда.

Чернышевский знает, что производительность труда вольного человека различна в зависимости от того, что является вознаграждением этого труда. Но он знает также, что производство, в котором сконцентрировано определенное количество работников, более производительнее, чем индивидуальное производство. Капиталистическое производство оказывается более производительным, чем производство единоличного производителя, так как индивидуальный производитель не может применять те орудия производства, которые могут быть применены в капиталистическом производстве. Но Чернышевский говорит и об определенных пределах этих преимуществ.

Если вольный человек является наемным, то он хорош только в небольшой мастерской, «потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью»³.

При крупном производстве вольный, но наемный труд уже оказывается недостаточно производительным, ибо за ним не может уже уследить хозяин производства. «Вместо наемного труда выгоду дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу... Тут нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате»⁴.

Таким образом, Чернышевский видит различия между трудом невольника и трудом вольного человека. Он говорит также о том, что наемный труд вольного человека целесообразен только в небольшой мастерской. Труд, вознаграждением которого является плата за труд, есть наемный труд. Он не представляет несообразности в небольшой мастерской. Когда же производство оказывается крупным, то такой труд не обеспечивает возможной производительности труда.

Почему такой труд вольного человека не может обеспечить возможной производительности труда? Ответ на этот вопрос Чернышевский ищет в природе наемного труда. Он показывает, что, хотя формально, юридически между трудом раба, невольника и трудом наемным вольного человека огромное различие, между наемным трудом и трудом невольника фактического различия нет. Вот соответствующие высказывания Чернышевского:

---

³ Там же, с. 221.

⁴ Там же.

«Юрист и администратор могут интересоваться разницею между покупкою труда и невольничеством; но политикоэконом, находящий сущность невольничества в обязательном труде, бывает неверен самому себе, если находит существенно различными от невольничества те договоры, по которым человек подчиняется обязанности трудиться на другого человека»⁵.

«Для теории очевидно, — продолжает мыслитель, — что обязательный труд есть обязательный труд, каким бы способом ни возникло обязательство — взятием ли в плен на войне, покупкою ли человека на рынке, или заключенном с человеком договора о том, что он обязался работать на другого человека»⁶.

Таким образом, Чернышевский, ясно различая невольнический и паемный труд, не менее ясно показывал, что оба они являются результатом принуждения. Во втором случае речь идет об экономическом принуждении, но это экономическое принуждение облачено в форму юридической свободы.

Поскольку современное производство есть крупное производство, обладающее преимуществами по сравнению с мелким, поскольку, далее, наемный труд не может обеспечить при крупном производстве возможной производительности, естественно, возникает необходимость отыскания такой формы, при которой сохранится преимущество крупного производства, но будет устранен порок наемного труда. Это такая форма, при которой труд вознаграждается не платой за труд, а *продуктом* труда. Такая форма была известна Чернышевскому. Это социалистическая форма труда и производства, которая только и превратит труд вольного человека в действительно свободный труд.

С большой обличительной силой разоблачает Чернышевский отождествление формальной и реальной свободы труда. Он знает, что буржуазная апологетика покоится именно на этом отождествлении.

Критикуя Тюрго, Чернышевский показывает чисто формальный характер лозунга Тюрго о «праве работать», так же как и его лозунг свободы. Эта критика Чернышевским Тюрго очень метко бьет и по современным апологетам капитализма, которые в защите капитализма не ушли дальше Тюрго.

«Нет свободы там, — писал Чернышевский, — где слабый остается беспомощным»⁷. Право же работать означает не что иное, как «право искать работы, а не право иметь ее»⁸.

«Мало того, чтобы сказать: „ты имеешь право“; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»⁹.

Эти слова можно повторить современным апологетам капитализма, которые все еще не хотят отличать социалистическое

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 538—539.

⁶ Там же, с. 539.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 299.

⁸ Там же, с. 302.

⁹ Там же, с. 303.

право на труд, которое обеспечено экономическим законом всеобщей занятости социалистической системы хозяйства, что зафиксировано в Конституции СССР, от буржуазного права на труд, которое есть только право *искать работу*.

Чернышевский привлекает внимание к безработице и показывает, что формальное право на труд при капитализме часто не может быть реализовано. Он подвергает острой и яркой критике апологетов безработицы типа Мальтуса, который пытался причину нищеты, вызванной развитием противоречий самого капитализма, перенести на природу, на сам рабочий класс.

В этой критике Чернышевский явил пример глубокого проникновения в сущность экономических явлений, умения разоблачить фальшивые сопоставления разнородных статистических материалов, которые содержались в книге Мальтуса. Работа русского ученого явилась крупным научным вкладом в критику мальтузианства, и она имеет значение и в настоящее время.

Чернышевский обращает внимание и на то, к каким последствиям приводят кризисы. Он акцентирует внимание на противоположности прибыли и заработной платы, имея в виду по существу прибавочную стоимость. Он подчеркивает возрастание ее по сравнению с заработной платой, обнажает экономические противоречия классов капиталистического общества.

Великий русский мыслитель анализирует все экономические отношения капиталистического общества и, вполне естественно, также ренту, с которой связано существование третьего большого класса буржуазного общества — земельных собственников. Четко проводя различие между рентой при феодализме и при капитализме, он показал, что и худшая земля в условиях капитализма приносит ренту. По сути дела здесь налицо теория абсолютной ренты, в которой Чернышевский поднялся над уровнем толкования этой проблемы Родбертусом.

Как показал Маркс, Родбертус свел основание абсолютной ренты к неправильному счету издержек, к тому, что помещики не учитывают в качестве издержек семена. Таким образом, Родбертус был далек от понимания роли земельной собственности в качестве основы абсолютной ренты, он не понял, что абсолютная рента повышает цену сельскохозяйственного продукта над обычной ценой производства всякого продукта капиталистического производства.

Конечно, вопрос об абсолютной ренте получил законченное научное решение только у Маркса. Однако Чернышевский движется в этом вопросе в направлении критики монополий частной собственности на землю как силы, поднимающей цену сельскохозяйственного продукта над обычной ценой.

Он способствует, таким образом, пониманию паразитической роли частной земельной собственности. Не случайно, когда революционер-демократ ставил вопрос об условиях, при которых мо-

жет быть не допущен капитализм, он предлагал общинное владение при государственной собственности на землю.

Чернышевский был выдающимся критиком не только капитализма, но и буржуазной политической экономии.

Анализ основных отношений капиталистической экономики позволил ему дать яркую картину эволюции буржуазной политической экономии от научного анализа к апологетике и вскрыть причину этого в изменении классовой роли буржуазии.

Он видел и подъем буржуазной политической экономии, связав его с исторической миссией класса, интересы которого он представлял, и ее падение.

Чернышевский великолепно показывал, что в период борьбы против феодализма среднее сословие, под которым имелась в виду буржуазия, играло прогрессивную роль, а ее идеологи, ведя борьбу с феодализмом, не апеллировали к меркантильным интересам буржуазии и ее отдельных отрядов. Он писал, что в период борьбы против феодализма «требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»¹⁰.

Победа над феодализмом меняет расстановку классовых сил и содержание классовой борьбы. «Как только, — пишет Чернышевский, — одерживает в своем союзе верх над получающим ренту классом сословия капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом»¹¹.

Под народом Чернышевский имеет в виду трудящихся, которые теперь выдвигают новые требования, связанные с новыми формами эксплуатации, утвердившимися после падения феодализма. Среднее сословие напугано требованиями народа. «Борясь против них в жизни, оно старается, — говорит ученый, — опровергнуть их теории»¹².

Таким образом, Чернышевский вскрывает классовое содержание буржуазных теорий после победы капитализма над феодализмом. Новые классовые задачи буржуазии находят свое выражение и в новом теоретическом содержании буржуазных теорий. Их задача сводится теперь к защите интересов буржуазии. Отсюда беспощадная критика русским мыслителем буржуазных экономистов, которые приняли на себя роль апологетов буржуазии после победы над феодализмом.

Чернышевский великолепно сознавал коренное различие между классиками буржуазной политической экономии и вульгарной политической экономией буржуазии XIX в. Характерно, что самые едкие характеристики он дает тем буржуазным экономи-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 38.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 516.

¹² Там же, с. 36.

стам, которых и Маркс подвергал наиболее серьезной критике, как вульгарных апологетов буржуазного строя. «Мало того, — писал русский критик, — что теория Сэя мертва для нас. Она сама по себе поверхностна и фальшива»¹³.

С саркастической издевкой Чернышевский характеризует теорию Бастиа: «У Бастиа уже доказано, что бедным не на что жаловаться, что каждый работник получает надлежащее вознаграждение, что если и есть на свете люди, получающие меньше, чем им следовало бы, то эти люди не какие-нибудь ткачи, швеи, земледельческие батраки — нет; а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другие обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающие зависть в неразумных чернорабочих»¹⁴. Апологетизм теории Бастиа обнажается в этом высказывании с предельным сарказмом.

Огромное значение Чернышевский придавал трудовой теории стоимости. Он высоко ценил ее основателей Смита и Рикардо. Не преодолев полностью внеисторизм в трактовке законов стоимости, русский ученый по сути дела шел к этому преодолению, ибо проводил водораздел между меновой стоимостью и внутренней стоимостью. Он показывает, что в современных условиях действует закон меновой стоимости, который несет на себе характерные для буржуазного способа производства черты: это прежде всего колебания цен, вытекающие из несоответствия спроса и предложения. Но и это не самое главное. Закон стоимости, действующий в форме меновой ценности, не обеспечивает осуществления внутренней ценности, которая, однако, только и выражает действительную суть ценности.

Может показаться, что теория внутренней ценности является отголоском тех попыток сужения действия закона стоимости, которые были довольно широко распространены в первой половине XIX в. на Западе.

Теория так называемой конституированной стоимости Прудона — наиболее яркая разповидность подобных мелкобуржуазных утопий. Ее автор хотел оставить все условия действия закона стоимости и ликвидировать необходимые формы его проявления, сохранить частное, анархическое производство и не допустить отклонения цены от стоимости.

Это насквозь мелкобуржуазная теория, суть которой в попытке устраним следствия, сохранив причину. Не случайно обращение Чернышевского к Прудону. Он писал о Прудоне: он «был невежда и нахал, кричавший без разбора всякую чепуху, какая забредет ему в голову из какой газеты ли, идиотской ли книжонки, умной ли книги, этого различать он не мог по недостатку образования»¹⁵.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 740.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 468.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 550.

Господство внутренней ценности, по Чернышевскому, предполагает коренное изменение организации общественного производства, между тем как все его предшественники (в особенности Прудон), говоря о необходимости реформирования действия закона стоимости, оставляли неизменной форму общественного производства.

О каком же изменении формы производства идет речь у Чернышевского?

Он имеет в виду такое производство, где общество само сознательно распределяет труд по сферам производства с учетом значимости каждого из них, с точки зрения благосостояния членов общества, которые все являются тружениками.

В этом случае действует закон внутренней ценности. Здесь, собственно, дана элементарная основа планомерной организации производства социалистического общества.

Теория внутренней ценности превращается в орудие критики анархической буржуазной формы производства, взятой в целом. Она включает в себе и критику меновой ценности, и критику буржуазной формы распределения труда между сферами общественного производства.

Может создаться впечатление, что Чернышевский проводит здесь линию «неурезанного» трудового дохода, которую подверг острой критике Маркс в «Критике Готской программы». Но и это отнюдь не так.

Авторы Готской программы забыли о необходимости накопления, а русский мыслитель рассматривает в качестве признака производительного труда то, что этот труд дает возможность увеличить количество орудий производства. Таким образом, трактовку им внутренней ценности нельзя подвести ни под один из вариантов утопических, мелкобуржуазных вариантов совершенствования закона стоимости.

Социализм противопоставляется Чернышевским капитализму не только как такая форма, которая вырывает из лап нищеты трудящегося, но и как та форма экономического быта, которая обеспечивает наибольшую производительность общественного труда, или, как мы сказали бы сегодня, более высокую эффективность общественного производства. Она дает возможность накопить большое количество средств производства. К тому же производительность каждого отдельного труженика также оказывается более высокой, поскольку он, как член товарищества, заинтересован в успешности своего труда.

Можно сказать, что Чернышевский во многом уловил главные преимущества социализма перед капитализмом, когда в связи с теорией внутренней ценности поставил вопрос об условиях ее осуществления.

Хотя революционер-демократ не поставил вопроса о планомерной организации всего общественного процесса производства, которая приходит на смену капиталистической анархии, его уче-

ние о внутренней ценности молчаливо покоится на предпосылке плапомерного распределения ресурсов общественного производства по сферам производства. А это есть основное условие социалистического производства.

Конечно, тот факт, что эта проблема не поставлена формально, не является случайным. Она является результатом классовой исходной основы социализма Чернышевского. Для крестьянского социализма характерно сведение социализма к товарищескому производству отдельных коллективов.

Но внутренняя ценность антикапиталистического учения Чернышевского в том, что оно содержит в себе возможность вывести проблему за пределы вопроса о том, какова норма обмена одного продукта на другой.

Он поставил вопросы о структуре совокупного общественного производства и о цели формирования определенной структуры общественного производства, связал оба вопроса с экономической природой общества, с тем, какова его классовая структура. Он поставил, таким образом, вопрос о том, что внутренняя ценность есть способ разрешения тех противоречий капиталистического общества, которые кое-кто пытался разрешить методом частных поправок к системе экономического строя капитализма.

Отсюда его гневная критика в адрес Дж. С. Милля, комментарии к «Основаниям политической экономии» которого Чернышевский считал наиболее подходящими для выражения своих собственных мыслей.

Чернышевский видел, что Милль, подвергая критике некоторые отношения капитализма, своими реформами не дает никаких решений по существу, поскольку он оставляет старую основу производственных отношений. Таким образом, русский мыслитель видел эклектический характер системы Милля.

По сути дела это попытка оставить экономические отношения собственности неизменными в своей основе, ввести только некоторые коррективы в то распределение экономических благ, которое органически связано с этой формой собственности.

Характеризуя русского революционера-демократа как крупнейшего политикоэконома домарковского периода, нельзя обойти и некоторых других выводов, которые он сделал из трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии.

Как бы ни оценивались собственные исходные позиции самого Чернышевского, он нащупал самое слабое звено классической школы буржуазной политической экономии. Создавая трудовую теорию стоимости и определяя стоимость величиной затрат труда, классики не смогли согласовать это свое утверждение с фактом уравнивания цен товаров не по затратам труда, а по затратам капитала. Это было результатом того, что классики не сумели понять различия обмена продуктов овеществленного труда и обмена овеществленного труда на живой труд. Между тем тайна возрастания капитала лежит именно в различии резуль-

татов этих двух видов обмена, наличие которых и является необходимым условием капитализма.

Оставаясь в плоскости неразличения обмена живым и овеществленным трудом и обмена двух видов овеществленного труда, нельзя понять капиталистический способ производства. Противоречие между этими двумя видами обмена открыл своей теорией прибавочной стоимости Маркс. Эта теория в качестве своей основы предполагала учение о разграничении труда и рабочей силы. Это был теоретический ключ к пониманию различий обмена продуктами овеществленного труда и обмена живого труда и труда овеществленного. Чернышевский знает слабости классической школы, противоречие между ее теорией трудовой стоимости и признанием правомерности того, что значительная и возрастающая часть этого продукта достается в буржуазном обществе тем, кто не затрачивает труда.

Эта критика независимо от ее формальной правильности плодотворна, будучи направлена в адрес классиков, которые в качестве основного оправдания частной собственности выдвигали положение о том, что основой собственности является труд. Если основой собственности является труд, то как может собственность принадлежать тем, кто не трудится?

«Адам Смит, — пишет Чернышевский, — не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, и основным своим учением о труде как источнике всякой ценности»¹⁶.

Однако Чернышевский ставит перед классической школой и другую проблему, связанную с трудом. Он выдвигает положение о том, что труд не может иметь стоимости, и ставит, таким образом, под сомнение ту форму обмена, которая является обменом овеществленного и живого труда.

Буржуазные критики трудовой теории стоимости Рикардо говорили, что, так как труд имеет стоимость, она сама не может быть мерой стоимости. В противоположность им русский ученый пишет: так как труд есть мера стоимости, он сам не может иметь стоимости. И раз труд не имеет стоимости, он не может быть товаром.

Чернышевский стоит неизмеримо выше буржуазных экономистов, поскольку защищает принцип трудовой стоимости. Но он выше их и в методологическом отношении, поскольку он правильно поставил вопрос о том, что труд не имеет стоимости.

Вульгарные экономисты критиковали Рикардо, чтобы опровергнуть его трудовую теорию стоимости. Чернышевский критиковал учение о труде как стоимости, чтобы защитить трудовую теорию стоимости. Этим он внес большой вклад в развитие экономической мысли. Однако разорвать порочный круг классической школы, в который она попала тогда, когда, обосновывая

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 38.

стоимость затратой труда, не могла объяснить, как в результате обмена одного труда на другой капиталист становится обладателем большего количества труда, смог только Маркс учением о рабочей силе и ее стоимости. Только Маркс объяснил, почему «стоимость труда» меньше стоимости созданного им продукта.

Теория, которую провозгласил и которой служил Чернышевский, была по своему содержанию не только антикрепостнической, но также и антикапиталистической.

Отражая интересы крестьянства, выходящего из оков крепостничества и еще не охваченного товарными отношениями, Чернышевский не отдал дань мелкобуржуазным критическим сентенциям против капитализма. Он критиковал мелкое производство с позиций крупного. Он критиковал крупное капиталистическое производство с позиций крупного социалистического производства, подняв, таким образом, критику капитализма не только над уровнем его мелкобуржуазных критиков, но и над уровнем всех других социалистических критиков капитализма до Маркса и Энгельса.

Связывая изменения в экономических формах общественного производства с «характером производительных процессов» и «характером труда», Чернышевский подходит к историческому материализму, а устанавливая, какие классы заинтересованы в изменении экономического строя, он связывает их смену с борьбой классов. Это — свидетельство того, что учение Чернышевского явилось вершиной общественно-экономической мысли домарковского периода.

Теория, разработанная Чернышевским, явилась непосредственным предшественником теории научного социализма в России, она подготовила почву для органического восприятия в России марксизма, который гением Ленина был поднят на новую ступень. Учение Чернышевского подготавливало то движение, которое под знаменем марксизма-ленинизма стало определяющей силой современного мира.

А. Д. Косичев

ВЕЛИКИЙ СОЦИАЛИСТ ДОМАРКОВОГО ПЕРИОДА

Н. Г. Чернышевского необходимо рассматривать прежде всего как идеолога трудящихся масс, в том числе нарождавшегося рабочего класса или тех его социальных слоев, которые были предшественниками современного пролетариата, а не только как выразителя интересов крепостного крестьянства России. Он считал, что власть должна принадлежать крестьянам и рабочим. «Прав-

ление *de jure* и *de facto* перешло в руки самого низшего и многочисленнейшего класса — земледельцы + поденщики + рабочие»¹.

Великий интернационалист, Чернышевский глубоко анализировал положение рабочего класса капиталистических стран Запада, определял его задачи, теоретически обосновывал пути его освобождения.

Чернышевский, как считал В. И. Ленин, отразил определенную историческую тенденцию, которая проявлялась на разных этапах революционной борьбы трудящихся за демократию и социализм. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию... В революции 1905 г. те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий...»².

Как гениальный предшественник марксизма, Чернышевский пытался с точки зрения передовой науки обосновать закономерности развития человеческого общества и неизбежность его революционного преобразования на социалистических началах. Он многое сделал для создания передовой революционной теории, которая вооружала прогрессивные слои общества мощным идейным оружием борьбы за новый, справедливый общественный строй. Теория служила для него оружием революционного социалистического изменения мира. Политические теории и ученые трактаты, считал Чернышевский, служат отражением общественной борьбы, имея целью задержать или ускорить ход исторических событий.

Свое учение о социалистическом преобразовании общества русский мыслитель с гордостью называл теорией трудящихся. Он подчеркивал принципиальное отличие теории трудящихся от мелкобуржуазных концепций социализма. Чернышевский видел трудности борьбы за новый, социалистический строй на Западе в широком распространении ненаучных социалистических концепций, в частности прудонизма. Трудящиеся массы Запады, пишет он, еще держатся устарелых принципов. Но наступает время, когда они будут придерживаться правильных взглядов, и тогда дело освобождения трудящихся будет обеспечено. «Нет никакого сомнения, — замечает революционер-демократ, — что и простолюдины Западной Европы ознакомятся с философскими воззрениями, соответствующими их потребностям и, по нашему мнению, соответствующими истине. Тогда найдутся у них представители не совсем такие, как Прудон: найдутся писатели, мысль которых не будет, как мысль Прудона, спутываться преданиями или за-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 355.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—176.

держиваться устарелыми формами науки в анализе общественного положения и полезных для общества реформ. Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западноевропейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы»³.

Находясь на вершине научных знаний своего времени, Чернышевский для обоснования революционно-демократической концепции социализма использует в органическом единстве материалистическую философию, политическую экономию, социологию, этику, эстетику, достижения социалистической мысли. В своих философских, социологических и социалистических воззрениях он отразил более высокий этап общественного развития и революционной борьбы трудящихся по сравнению с периодом жизни и деятельности Сен-Симона, Фурье, Оуэна. В силу этого его социалистические воззрения являются более зрелыми и передовыми.

Важное место в революционно-демократической философии Чернышевского отводится закону единства и борьбы противоположностей. Русский мыслитель пошел значительно дальше и глубже Гегеля в понимании этого закона. Он применяет его для обоснования революционных социалистических преобразований. В отличие от Гегеля Чернышевский не притупляет и не примиряет противоречия, а доводит их до логического конца. В работе «Экономическая деятельность и законодательство» он раскрывает формы борьбы противоположных сил в природе и обществе. Особое внимание ученый уделяет борьбе между старым и новым. Он говорит, что старое не сразу сдает свои позиции, оно сопротивляется наступлению нового. Новое не сразу одерживает победу над старым и иногда терпит поражение в борьбе с ним. Но в конечном счете новое, порождаясь самой жизнью, побеждает старое, которое отжило свой век. Критикуя метафизиков и маловеров, которые при первом же поражении нового впадают в панику и кричат о могуществе и непобедимости старого, Чернышевский писал: «Странные люди! Они не могут сообразить, что никогда еще не было войны, в которой не потерпела бы несколько уронов побеждающая сторона»⁴.

Общественный прогресс, писал Чернышевский, совершается через борьбу противоположных социальных сил, через революции, через скачки: «Мирное, тихое развитие невозможно... без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»⁵. В другой работе он отмечает, что скачки знаменуют новые ступени в развитии общества и в целом прогресс осуществляется через скачки. «Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет

³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. III, с. 203.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. II, с. 496.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, 1939, с. 357.

спора, по все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком»⁶.

При помощи диалектики Чернышевский обосновывал неизбежность ликвидации частной собственности на орудия и средства производства и создания общественной, коллективной собственности. На многочисленных примерах развития природы и общества ученый доказывает, что высшая ступень развития по форме сходна с его началом. При этом, продолжает он, содержание на высшей стадии развития безмерно богаче и выше, нежели вначале.

Н. Г. Чернышевский подчеркивает всеобщее господство излагаемого закона во всех проявлениях жизни. Показав действие этого закона развития в природной сфере, он переходит к исследованию его действия в социальной области. А это было для него главным.

С этих философско-методологических позиций революционер-демократ анализирует развитие собственности, особенно земельной собственности. На первых этапах развития общества существует общественная собственность на землю. На следующих ступенях возникает частная собственность, которая является прямой противоположностью первому этапу (общественной собственности на землю) и его отрицанием. Следующий этап развития характеризуется отрицанием второй ступени (частной собственности) и возникновением новой ступени, появлением общественной собственности на землю. Третья ступень по форме похожа на первую, но она значительно богаче содержанием, чем первая.

Но Чернышевский как диалектик не был бы так велик, если бы он ограничился абстрактным приложением общих законов к социальным явлениям без их конкретного анализа. Неизбежность наступления социализма он обосновывает не только общими диалектическими законами, но прежде всего конкретным анализом реальной действительности. Он замечает, что вопрос о времени наступления высшей ступени развития и конкретном содержании этого процесса должен решаться не с помощью логических наведений и выводов из общих мировых законов, а анализом фактов. Неизбежность утверждения общественной собственности великий критик выводит из анализа объективной логики развития материальных процессов, экономической жизни общества. В выводах этого конкретного анализа находят свое проявление всеобщие диалектические законы. Конкретный анализ подтверждает правильность законов диалектики.

Неизбежность ликвидации эксплуататорского общественного строя, основанного на частной собственности на орудия и средства производства, и победы нового, социалистического общества,

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 13.

построенного на основе коллективной, общественной собственности, свободного от эксплуатации и угнетения, Чернышевский выводит из объективных экономических законов развития общества. «Сущность социализма, — писал он, — относится собственно к экономической жизни»⁷. Говоря о неизбежности наступления новых общественных порядков, русский революционер-демократ писал: «Сколько хотите отворачивайтесь от них, а все-таки хода истории не остановите». Для него социализм — закономерный этап общественно-исторического развития человеческого общества. В этом состоит новый и большой шаг в развитии и обосновании Чернышевским социалистической мысли домарковского периода.

В связи с этим он подвергает критике утопический социализм Фурье и Сен-Симона, которые рассматривали социализм не как закономерный результат общественно-экономического развития, а как идеал, порожденный сознанием людей, как проявление «справедливости», «добра» и «разума», как стремление людей ко «всеобщему счастью». По его мнению, учение Сен-Симона «более походит на поэзию, чем на серьезную науку»⁸. Вместе с тем он не теряет чувства исторической перспективы, подчеркивает заслуги сен-симонизма, его историческую обусловленность, указывает на необходимость «ценить историческую важность» сен-симонизма, этого «первого проявления мысли о преобразовании общества»⁹.

Взгляды Чернышевского об утопическом социализме Фурье и Сен-Симона созвучны взглядам Маркса, Энгельса, Ленина по этому вопросу. Критикуя социалистов-утопистов, Ф. Энгельс писал, что «социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта»¹⁰.

Основой общественного прогресса, движения общества к социализму Чернышевский считал развитие производства, особенно промышленности. В его работах есть понятие производительных сил, которое приближается к марксистскому пониманию этой категории. «Будем оптимистами, — пишет он, — это тем легче, что в наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденция многих прошлых эпох. . . Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна без-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 828.

⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. III, с. 123.

⁹ Там же, с. 160.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 19.

опасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей . . . Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен»¹¹. Развитие средств труда определяет, по Чернышевскому, характер общественного строя.

Победу нового, социалистического строя мыслитель связывает с развитием производства, усложнением орудий труда или, как говорит Чернышевский, с развитием производительных процессов.

На основе всестороннего экономического анализа он вплотную подходит к пониманию основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, хотя, разумеется, он не понимал во всей глубине сущности этого противоречия и не мог в силу этого открыть законы капиталистического способа производства. Для него ясно, что частная собственность является тормозом развития производства, ибо она не пробуждает у работников желания хорошо трудиться. Крупное общественное производство требует упразднения частной собственности на орудия и средства производства и создания общественной собственности.

Производство, основанное на частной собственности на орудия и средства производства, служит не для удовлетворения потребностей трудящихся, а предназначено, как полагает Чернышевский, для сбыта продуктов. Но сбыт, пишет он, «не идет размеренным шагом», «он вечно находится в лихорадочных пароксизмах». В результате возникают кризисы, застой производства. «Производство капиталиста, — пишет ученый, — подвержено . . . застою, а весь экономический порядок, основанный . . . на сбыте, подвержен неизбежному промышленному и торговому кризисам, из которых каждый состоит в потере миллионов и десятков миллионов рабочих дней»¹².

Чернышевский зорко подметил процесс концентрации производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, что приводило к гибели мелкого производства и росту числа наемных работников¹³.

То же самое происходит в движении частной земельной собственности. Революционер-демократ отмечает, что концентрация земельной собственности может привести к сосредоточению всех земель целой страны в руках нескольких сот собственников, если бы законы, управляющие этими процессами, действовали беспрепятственно¹⁴. Из этого конкретного анализа реальных процессов экономической жизни он делает вывод о неизбежной гибели эксплуататорского капиталистического строя. На его место приходит товарищество, ассоциация трудящихся.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 860—861.

¹² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. II, с. 749.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 429, 430.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 459.

В сельском хозяйстве также должны создаваться ассоциации трудящихся. Мелкое крестьянское хозяйство, полагает Чернышевский, не может с успехом использовать сложную сельскохозяйственную технику. Выход он ищет на пути создания коллективных объединений крестьян в товарищество по совместной обработке земли с общими средствами производства. Мелкие землевладельцы должны или отказаться от возделывания своих участков, или соединиться в обществе для обработки земель.

Чернышевский был чужд мелкобуржуазным идеалам раздробления крупной общественной собственности. Он был сторонником общественной, государственной собственности, руководимой и управляемой властью трудящихся. «Та форма поземельной собственности, — писал русский экономист, — есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»¹⁵.

Осуществление социализма Чернышевский связывал с победоносной революцией, с активным участием в ней широких народных масс. Он убежден в неизбежности победы революции, которая является не мимолетным актом, а длительным процессом упорной борьбы за социализм. Революционер-демократ пишет, что в вековой борьбе за социализм в передовых странах Западной Европы было дапо несколько великих сражений, среди них — июльское восстание парижского пролетариата в 1848 г. Эти сражения потерпели поражения, но в конечном счете победа будет на стороне трудящихся.

Неизбежность победы революции, осуществленной народными массами, коренится в объективных условиях жизни людей. На основе экономического и политического развития растут новые общественные силы, которые приходят в противоречия со старыми формами жизни и разрушают их. «Каковы бы ни были неудачи многих отдельных битв, — пишет критик, — но в результате торжество остается за тою стороною, которая имеет больше сил и силы которой с каждым годом возрастают. Будто может прекратиться развитие новых интересов? Нет, они с каждым днем крепнут. А если так, возможно ли сомневаться в окончательном торжестве тех форм, какие требуются новыми интересами?»¹⁶. Эта закономерность лежит в основе борьбы и неизбежной победы трудящихся против эксплуататорского строя.

Преодолевая узкие рамки утопического социализма, Чернышевский высказывает догадки о роли рабочего класса в борьбе против эксплуататоров: «Существенный смысл борьбы, начатой французскою нациею... ясен даже для людей самых непроницательных: все говорят, что волнения возникли от недовольства

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 434.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. II, с. 496.

городских работников своим экономическим положением: Из этого начала не ясен ли конец? Промышленная деятельность во Франции с каждым годом увеличивается, следовательно, возрастает и число работников. С тем вместе они становятся год от года просвещеннее. Не ясно ли, что они приобретают силу предъявить свои требования с большей настойчивостью, с большей расчетливостью, следовательно, с большим успехом? Не ясно ли, что победы старого порядка вещей над ними могут быть только мимолетными задержками окончательного торжества новых экономических интересов?.. И не ясно ли, что, чем круче средства, за которые должен браться старый порядок вещей, чтобы удержаться против напора новых интересов, тем сильнее свидетельствуется ими сила новых интересов»¹⁷.

Чернышевский не рассматривает наступление социализма как мгновенный акт. Все социалисты-утописты считали, что социализм рождается немедленно, как Афина Паллада из головы Зевса. Социалисты-утописты не связывали возникновение и развитие социализма с экономическими условиями, которые невозможно создать сразу. Чернышевский считал, что невозможно немедленно ввести всеобщее экономическое равенство. Поэтому он устанавливает различие между социализмом и коммунизмом, считая коммунизм более высокой ступенью по сравнению с социализмом. В «Дополнениях к политэкономии по Миллю» русский мыслитель писал: «Коммунизм берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма»¹⁸.

Различие между социализмом и коммунизмом Чернышевский видит в том, что при социализме еще полностью не упразднена частная собственность. Для социализма требуется, «чтобы земля и орудия производства были собственностью не отдельных лиц, а товариществ или ассоциаций, или правительства»¹⁹. При коммунизме же, продолжает он, «не только орудия производства, земля и капитал составляют общую собственность ассоциации, но продукт разделяется между членами и труд назначается для них с соблюдением всевозможного равенства... Системы, говорящие, что вознаграждение должно быть соразмерно труду, уже различные от строгой теории коммунизма»²⁰.

Коммунизм, по мнению Чернышевского, не сводится только к экономическим преобразованиям. Он вносит принципиальные изменения в положение личности, обогащает и развивает ее. «Не

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 830.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 831.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 340, 345.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 395.

в одном экономическом быте, — замечает русский ученый, — должны произойти коренные перемены: им подвергается вся жизнь человека: и его отношение к другим людям по кровным или душевным привязанностям, и его воспитание, и его национальные отношения и т. д.»²¹. Он опровергает реакционные утверждения, будто коммунизм кладет конец свободе. Напротив, «узы коммунизма были бы свободой по сравнению с нынешним состоянием большинства людей», коммунизм дает «больше личной и умственной свободы, чем сколько имеют теперь люди, которых теперь, по правде говоря, нельзя назвать свободными»²².

Чернышевский считал возможным переход к социализму, минуя предшествующие ступени общественного развития, в том числе и капиталистическую стадию. Обоснованием для этого служило разработанное им учение о «средних логических звеньях». Он учил, что то или иное явление, чтобы достигнуть высшей степени своего развития, проходит ряд предварительных ступеней или звеньев. Например, производство машин, выращивание пород животных и растений или добывание огня шли от менее совершенных форм к более совершенным. Но в определенных благоприятных условиях народы могут и не повторять всех этих ступеней, а начнут сразу с достигнутых наивысших результатов.

Свое учение о «средних логических звеньях» Чернышевский применяет к развитию общества, к движению к социализму. Обязательно ли тому или иному обществу или народу, отставшему в своем социально-экономическом и политическом развитии, проходить все те ступени, которые прошли народы, ушедшие далеко вперед в своем прогрессивном развитии? В общественной жизни, считает он, это необязательно: «... у отставшего народа развитие известного общественного явления благодаря влиянию передового народа прямо с низшей ступени перескакивает на высшую, минуя средние ступени. Это ускорение совершается через сближение отставшего народа с передовым»²³.

Исходя из этих предпосылок, русский мыслитель обосновывает возможность миновать этап капиталистического развития и непосредственно перейти к коллективной общественной собственности. Плацдармом, на базе которого станет возможным переход к социализму, он считал общину, которую, однако, не идеализировал и не считал уникальной особенностью России.

Община может стать основой перехода к социализму, полагал ученый, если в ней будет развита промышленность, наука и культура, если труд людей будет основываться на машинном производстве.

К. Маркс и Ф. Энгельс интересовались исследованиями Чернышевского по вопросу о некапиталистическом пути развития.

²¹ Там же, с. 828.

²² Там же, с. 344.

²³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. II, с. 489.

В предисловии ко второму русскому изданию в 1882 г. «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»²⁴.

Чернышевского можно рассматривать как предшественника теории некапиталистического пути развития, разработанной Марксом, Энгельсом, Лениным.

Сделав гигантский шаг в развитии философской и общественной мысли, преодолевая узкие рамки утопического социализма, Чернышевский не стал и не мог стать представителем научного коммунизма. Он не выделял из всей массы трудящихся рабочий класс, не понимал его всемирно-исторической освободительной миссии. Он не знал законов развития социалистической революции, не имел понятия о диктатуре пролетариата. Это обуславливалось эпохой, в которой жил и действовал Чернышевский. Он «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»²⁵. Но это не умаляет великих заслуг Чернышевского. Его жизнь была подвигом во имя революции и освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации.

Р. П. Конюшая

К. МАРКС ЗА ИЗУЧЕНИЕМ ТРУДОВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Жизнь, деятельность и судьба Н. Г. Чернышевского вызывали живой и горячий интерес у К. Маркса и Ф. Энгельса. Они осповательно знакомились с богатейшей духовной жизнью русского мыслителя, отдали должное редкостной разносторонности и глубине знаний, силе и новаторскому характеру его интеллектуального творчества, а также его самоотверженной революционной практической деятельности в защиту и в интересах угнетенного народа и поставили его в ряд наиболее значительных ученых и общественно-политических деятелей своего времени.

Для К. Маркса Чернышевский представлял исключительный интерес сразу в двух важнейших отношениях. Во-первых, он аккумулировал духовную суть революционной России, был ее

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

знаменем, ее кредо. Во-вторых, как ученый он стремился решать проблемы той науки — политической экономии, которая была научной специальностью самого Маркса.

Мы располагаем несколькими десятками документов, принадлежащих К. Марксу и Ф. Энгельсу, в которых прямо и четко выражено их отношение к Чернышевскому. Это, во-первых, их публичные заявления, сделанные в увидевших свет трудах и выступлениях, в том числе в «Капитале». Это, во-вторых, 13 писем Маркса и Энгельса, в которых характеризуется творчество и деятельность великого русского писателя и революционера.

Нельзя не сказать далее о сравнительно новых, по-настоящему еще не введенных в арсенал научных знаний ценнейших источниках, которые раскрывают новые горизонты в изучении темы об отношении Маркса и Энгельса к историческому развитию нашей страны, ее будущему, к ученым современной им России, в первую очередь к Чернышевскому. Имеется в виду большой фонд (около 150 авторских листов) рукописных подготовительных материалов К. Маркса о России, а также сохранившаяся коллекция различных русских изданий (статистических сборников, исследовательских монографий, публицистических и иных произведений) с различными пометками и замечаниями на полях, сделанными Марксом в процессе изучения этих изданий, в том числе на главном политико-экономическом труде Чернышевского и на других его работах.

К рукописным материалам Маркса, отражающим его оценку творчества Чернышевского, относятся: составленный Марксом конспект работы Чернышевского «Письма без адреса»¹, его рукопись «К вопросу об отмене крепостного права в России»², «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» (в своем анализе Маркс использовал и выводы Чернышевского)³, записи Маркса, сделанные при изучении работы французского писателя-публициста А. Леруа-Болье «Царская империя и русские»⁴, приводящего сведения о Чернышевском; составленный Марксом список «Русское в моей библиотеке»⁵.

Книги и другие печатные издания не были для Маркса и Энгельса единственными источниками для ознакомления с жизнью и творчеством Чернышевского. Большую роль сыграло их непосредственное общение с русскими общественно-политическими деятелями, самоотверженно преданными делу освобождения русского народа. Свыше трех десятков лучших людей из России посещали Маркса и Энгельса и еще большее число — более полусотни — общались с ними посредством переписки. Неко-

¹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1948, т. XI.

² Там же, с. 18—20.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. XII. М., 1952, с. 3—28.

⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Частично опубликовано в кн.: *Копылова Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.

⁵ См.: Вопросы истории КПСС, 1975, № 9.

торые из них были прямыми учениками и боевыми соратниками Чернышевского. Благодаря их сообщениям и рассказам Маркс и Энгельс получили возможность ярче и конкретнее представить себе черты живого облика Николая Гавриловича, значение его деятельности для революционной России.

Из числа свидетельств такого рода в особенности бесценны сообщения Г. А. Лопатина, человека богато одаренного, блестяще образованного и, как подчеркивал Маркс, с необыкновенно живым, критическим умом. Лопатин смог дать Марксу не только общее представление о содержании и отдельных идеях учения главного русского социалиста, но и оказался в состоянии изложить ему основные элементы концепции — общего замысла, системы его политико-экономических воззрений. Именно поэтому и загорелся так Маркс-экономист желанием поскорее, преодолев языковой барьер, взяться за изучение в оригинале превосходных, как он заявил, экономических трудов Чернышевского.

О практической революционной деятельности Чернышевского очень много важного, существенного, неизвестного другим его сторонникам Маркс узнаёт от другого своего русского друга и соратника — от руководителя Русской секции Интернационала Николая Утина, главного помощника Чернышевского по тайной революционной работе в годы первой революционной ситуации в России в связи с отменой крепостного права.

В письмах от 15 (27) декабря 1872 г., 16 (28) января и 20 марта (1 апреля) 1873 г. Н. Ф. Даниельсон, друг Лопатина, завершивший начатый им перевод на русский язык первого тома «Капитала», сообщал по частям достававшиеся ему с трудом библиографические данные о Чернышевском и его процессе. Эти данные были запрошены самим Марксом, желавшим написать очерк его жизни и творчества.

Русским, посещавшим в 70-х годах дом Маркса, узнаем мы из воспоминаний Д. И. Рихтера, бросалась в глаза в рабочем кабинете великого человека вместе с портретами Энгельса, жены и дочерей хозяина дома «в простенькой рамочке фотография Н. Г. Чернышевского», копия с известной его фотографии, снятой еще до ссылки, подарок одного из его русских друзей (вероятно, Г. А. Лопатина)⁶. Сведения разного рода о Чернышевском Маркс и Энгельс не могли не получить, помимо названных, и от ряда других лиц — известных революционеров: П. Л. Лаврова, находившегося с Марксом и Энгельсом в дружеских отношениях долгие годы, Н. А. Морозова, Л. Н. Гартмана, С. М. Степняка-Кравчинского и от таких «друзей по науке», как М. М. Ковалевский, Н. И. Зибер, С. А. Подолинский, В. И. Танеев (старший брат композитора).

---

⁶ Рихтер Д. И. Житнейские встречи. — В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969.

Все ширившееся с начала 70-х годов «русское окружение» Маркса имело свое объяснение. Оно было связано с начавшимся на рубеже 60—70-х годов новым этапом в изучении Марксом России. Это было уже на основе свободного владения русским языком обращение к появившимся после 1861 г. наиболее ценным русским источникам интенсивное, непрерывное, длившееся до последних недель жизни исследование Марксом социально-экономического и политического развития страны, возможного революционного вклада стомиллионного народа в общий баланс общеевропейских революционных сил во главе с западноевропейским пролетариатом.

Интерес Маркса, политика и вождя международного пролетариата, к России совпадал и переплетался с его интересами ученого, автора «Капитала». Россия в силу особенностей ее исторического развития давала богатый материал для выяснения, уточнения, конкретизации ряда теоретических проблем, связанных с переходом от феодальной формации к формации капиталистической.

В 1871 г. в письме от 21 января З. Мейеру Маркс обстоятельно разъясняет, почему он принялся за новые исследования для своего основного труда — для обогащения второго и третьего томов «Капитала» новыми фактами и обобщениями — на этот раз на основе изучения русских источников. Он пишет, что ему «пришлось самому заняться изучением русского языка», что он уже читает на этом языке «довольно бегло». И далее: «Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющую весьма значительный интерес книгу Флеровского «Положение рабочего класса (в особенности крестьян) в России» и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность приговоренного 7 лет тому назад к сибирской каторге). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков. Идеиное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»⁷.

Предпринятые Марксом специальные научные исследования экономического и общественно-политического развития России помогли ему увидеть в Чернышевском идеолога, выражающего интересы революционной крестьянской массы в особых исторических обстоятельствах и условиях — в эпоху падения крепостного права и возникшей в стране революционной ситуации.

Анализируя на примере России экономические явления, характеризовавшие смену одной экономической формации другой, Маркс внимательно изучал все существенные социальные моменты, все проявления антифеодальной борьбы масс, революци-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 147.

онной демократии. Благодаря изданиям А. И. Герцена, «Письмам без адреса» Н. Г. Чернышевского, различным миновавшим царскую цензуру публикациям Маркс хорошо знал о наиболее крупных проявлениях классовой борьбы 1861—1863 гг., в том числе о зверствах властей в селе Бездя, о расправе с крестьянами в Кандеевке. В «Заметках о реформе 1861 г.» основной обобщающий раздел, озаглавленный «Подлинная сущность освобождения крестьян», Маркс начинает тезисом: «Между крестьянами и помещиками шла партизанская война»⁸.

В годы, когда не только официальная русская печать, но и вся европейская либеральная пресса превозносили до небес «великую реформу» и «царя-освободителя», Маркс в соответствии с данными, приводимыми Чернышевским, оценивал реформу как «разбой и обман», разоблачал с цифрами и документами в руках «мошенническое сколачивание помещиками капитала из крестьянских выкупных». Ф. Энгельс, с которым Маркс постоянно обменивался мыслями о содержании изучаемых им материалов, который и сам читал по-русски и переводил многое из наиболее ценных русских публикаций, с таким же праведным гневом отзывался о реформе 1861 г. как об антинародном акте, как о жульнической проделке⁹.

Как видно из рукописей Маркса, из сделанных им пометок на русских бесцензурных изданиях, он в особенности подчеркивал тот факт, что «Положения» 19 февраля вызвали взрыв народного возмущения, вводились в обстановке крестьянских волнений, протестов и неповиновения. Свою характеристику реформы, в основном сложившуюся благодаря изучению трудов Чернышевского, Маркс начинает с констатации именно этого факта. «После обнародования Манифеста об освобождении 19 февраля (3 марта) 1861 г., — писал он, — общее волнение и бунты среди крестьян; они считали его сфабрикованным, поддельным документом; военные экзекуции: общая порка крепостных в течение первых трех месяцев после „Манифеста“»¹⁰.

Обратившись к специальному изучению России, Маркс начал с исследования именно того времени, которое породило самого Чернышевского, — переломной эпохи в социально-экономическом развитии страны, европейских революций 1848—1849 гг. на Западе и вскоре после них первого революционного натиска народа в России. Идеиное богатство боевой эпохи крушения крепостничества, обострения классовой борьбы, возникновение революционной ситуации, взлет литературной и философско-экономической революционно-демократической мысли были со всей определенностью, яркостью и конкретностью охарактеризованы и запечатлены в публичных выступлениях, в переписке Маркса и Энгельса, в документах, отражавших исследования Марксом России.

⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. XII, с. 14.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 430.

¹⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. XII, с. 3.

Для Маркса и Энгельса Чернышевский не был гениально одаренным одиночкой. Они видели в нем наиболее выдающегося главу целого направления, выразившего своим творчеством революционность крестьянской демократии. Они знали, что к этому направлению принадлежал Добролюбов, высоко ценили его яркий литературный талант, исключительный публицистический дар, в особенности последовательный революционный демократизм политического мышления. Им были известны имена Белинского, Некрасова, Шевченко. Маркс с красным карандашом в руках изучал политические сатиры Салтыкова-Щедрина.

Духовное приобщение Маркса и Энгельса к делам и идейному творчеству великого русского революционера и мыслителя волею исторических судеб было подкреплено и практическим союзом основоположников научного коммунизма с лучшими из русских революционеров, действовавших перед этим в России под непосредственным руководством Чернышевского. Речь идет о тех русских революционерах, воспитанных на идеях Чернышевского, с которыми Маркс и Энгельс сблизились особенно тесно в совместной деятельности в рядах I Интернационала.

Школа Чернышевского, опыт активного участия в борьбе во время общедемократического революционного подъема благотворно сказались на формировании идейно-политического мировоззрения молодых революционеров, образовавших в Женеве в 1870 г. русскую ветвь Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом. Утин, Бартеневы, Томановская (Дмитриева), Трусов и другие члены Русской секции не замкнулись в эмигрантских кружках, а сознательно и со всей энергией включились в западноевропейское рабочее движение и старались приобщиться к идеям основоположников научного социализма, которых избрали своими руководителями. В свою очередь Маркс и Энгельс вовлекли русских революционеров в дело решения самых животрепещущих вопросов международного пролетарского движения в наиболее ответственный период существования Интернационала, когда появилось на свет его духовное детище — Парижская Коммуна, когда разгорелась борьба против анархистов, за сохранение и упрочение наиболее важных принципов теории и организации рабочего класса.

Вожди международного пролетариата с ясно выраженным одобрением характеризовали партийно-политическую деятельность учеников Чернышевского, высоко оценивали их глубокую и горячую преданность делу пролетарского интернационализма. В результате практического участия в международном рабочем движении, под воздействием идей и образа действий его вождей в сознании членов Русской секции совершалась идейная эволюция от революционно-демократической идеологии, утопического социализма к усвоению все большего круга идей научного социализма, пролетарской идеологии.

Изучая труды и выступления Чернышевского, выслушивая рассказы и сообщения лучших людей России, Маркс во все большей мере убеждался, что Чернышевский был действительно великой личностью, объединившей в себе мыслителя и вождя подготавливавшейся народной революции.

Марксу и Энгельсу было лучше, чем кому бы то ни было в Западной Европе, известно содержание развернутой в России в период отмены крепостного права пропаганды революционных идей — пропаганды, главным органом и центром которой был руководимый Чернышевским, Некрасовым и Добролюбовым «Современник», выходявший в самой России наиболее массовый, боевой журнал. Их не могло не восхищать отличное понимание Чернышевским значения пропаганды революционных идей с открытой трибуны, в печатном органе, находящемся в руках революционеров, обращающихся к массе, стремящихся сплотить для успеха революционного движения лучшие силы страны. Они прекрасно понимали, с какими неимоверными трудностями было сопряжено издание «Современника» для его главного руководителя. Тем больше было их преклонение перед диалектической гибкостью ума, политической опытностью и даром Чернышевского пользоваться «эзоповым языком», блестяще, умело и ловко обходить цензуру, неизменно и непреклонно отстаивая коренные интересы народных масс.

Маркс и Энгельс не могли не отмечать как исключительно положительный факт революционной практической деятельности Чернышевского и то, что, помимо издания открытого печатного органа, умело осуществлявшего пропаганду революционных идей, он стал главой тайной организации, возникшей благодаря усилиям самого Чернышевского и воспитанных на его идеях соратников. Можно легко себе представить, сколь важным считали и то и другое Маркс и Энгельс с их опытом создания первых революционных газет во главе с «Новой Рейнской газетой» и первых организаций рабочего класса во главе с «Союзом коммунистов».

Объектами самого основательного изучения Марксом стали работы почти всех видных революционных демократов 60-х годов, крупных представителей русской философской, экономической, исторической мысли, наиболее ярких представителей переживавшей в XIX в. невиданный расцвет культуры народов России. Когда у Маркса образовалось целое собрание (в несколько сот названий) книг и источников о пореформенной России и он уже проделал большую работу по их изучению, еще больше окрепло его первоначально сложившееся убеждение, что работы Н. Г. Чернышевского — лучшее из всего, что дала богатая русская общественная мысль переломной эпохи 60—70-х годов.

Идейное движение в России эпохи падения крепостного права, порожденное революционным подъемом масс, нашло одно из своих выражений в попытке создания Чернышевским нового,

передового направления экономической мысли — политической экономии трудящихся. К. Маркс первым в Западной Европе ознакомился с этим направлением, выразил свое отношение к выдвинутым идеям и положениям, охарактеризовал значение трудов Чернышевского в историческом развитии политико-экономической науки. В послесловии ко 2-му изданию первого тома «Капитала» Маркс счел необходимым специально подчеркнуть, что именно Чернышевский, «великий русский ученый и критик»¹¹, мастерски показал банкротство буржуазной политической экономии.

Это суждение Маркса было основано на изучении им главных политико-экономических работ Чернышевского: «Дополнений и примечаний к курсу „Основания политической экономии“ Джона Стюарта Милля» (изданы в Женеве в 1869 г.) и «Очерков из политической экономии (по Миллю)» (женевское издание 1870 г.). Ознакомление с пометками Маркса на принадлежавших ему экземплярах этих работ убеждает, что он самым внимательным образом и с явно выраженным сочувствием выделил и отметил все, что выражало подлинный демократизм автора, его горячую приверженность интересам трудящихся, а также его социалистические устремления.

Своим трудом Чернышевский сумел показать, что даже в лице лучших своих представителей, каким был Милль, стоявший на позициях классической школы, буржуазная политическая экономия терпела банкротство как наука, будучи неспособной дать ответы на поставленные жизнью вопросы. Она не имела мужества сделать вывод о неизбежности крушения капитализма и замены его новым социально-экономическим строем — социализмом. В противоположность реформисту Миллю Чернышевский выступил как принципиально убежденный сторонник этого нового строя.

Пометки Маркса на страницах труда Чернышевского показывают, что он проследил все основные моменты в его воззрениях на труд, стоимость, капитал, заработную плату, прибыль, земельную ренту и аграрные отношения в целом. Маркс фиксировал тот факт, что Чернышевский последовательно проводил через всю свою концепцию принцип трудовой стоимости. В особенности привлекли внимание Маркса положения Чернышевского, в которых он выявлял и обосновывал экономическую роль труда и подчеркивал право трудящихся на плоды своей трудовой деятельности. Одно из таких мест Маркс подчеркивает в тексте, отчеркивает на полях и, не довольствуясь этим, выражает свое одобрение соответствующей оценкой: «Good!».

Высказанную Чернышевским мысль об исторически преходящем характере основанных на эксплуатации обществ и о неизбежности крушения капитализма и победы социализма Маркс

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17—18.

сопроводил восклицанием «Браво!» на полях книги. Исследователи общественной мысли и биографы Маркса не раз обращали внимание на то, что, крайне сдержанный в похвалах, скупой на лестные отзывы, творец научного социализма «сделал исключение» для Чернышевского, назвал его великим ученым и критиком, неизменно относился к нему с величайшим уважением.

Для уяснения истинного значения работ Чернышевского и, следовательно, для правильной оценки его самого как личности Маркс не только принял во внимание его произведения, но и сопоставил их с конкретной исторической обстановкой (также специально исследованной Марксом) в стране и вне ее. Самое основательное изучение эпохи в жизни русского общества, правильное понимание ее объяснили Марксу и появление соответствующих идей, выразителем которых стал великий русский деятель и мыслитель. А превосходное знакомство с историей экономических учений позволило автору «Капитала» верно определить степень оригинальности русского писателя-экономиста.

В результате Марксом и было принято решение осветить должным образом во втором томе «Капитала» выступление Чернышевского как теоретика политической экономии.

Много получил Маркс для уяснения революционно-демократической и социалистической направленности воззрений Чернышевского, когда читал его работы, посвященные революционному движению на Западе, особенно во Франции, в Италии. Так, его чрезвычайно заинтересовала работа Чернышевского «Кавеньяк» (Жешева, 1874), содержащая ряд замечательно правильных суждений о роли народных масс в обеспечении исторического прогресса.

Изучая работы Чернышевского, Маркс имел возможность убедиться, что революционный мыслитель не ограничивался критикой самодержавно-крепостнического строя России и капиталистического строя Западной Европы и Соединенных Штатов. Он отдал должное Чернышевскому за выработку им определенной программы борьбы против крепостничества и самодержавия с помощью народной революции и социального развития, минуя капиталистическую стадию, к социалистическому обществу. Об этом красноречиво говорит интерес, проявленный Марксом к работам Чернышевского о русской крестьянской общине, в первую очередь к его важнейшему труду «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». В этом произведении Чернышевский выступает как материалист-диалектик, хотя и не преодолевший вполне идеалистические представления об общественном развитии.

Важно отметить, что главное внимание Маркс обращает не на утопические черты в воззрениях Чернышевского, надеявшегося перейти к социализму через крестьянскую общину (без идеализации существовавшей тогда ее формы в отличие от народников), а на чрезвычайно определенно сформулированные положе-

пия о преимуществах коллективной собственности на землю и вообще на средства производства по сравнению с частной собственностью. По пометкам Маркса видно, какой интерес и сочувствие вызвали у него соображения автора о теоретической возможности при обеспечении определенных условий перехода к социалистическому строю, не проходя через все мытарства капиталистической стадии, высказывания о значении «духа коллективизма и товарищеской ассоциации» для успешного построения нового общества, о необходимости использования в коллективном сельском хозяйстве усовершенствованных орудий и машин.

Н. Г. Чернышевский по условиям времени, по уровню развития тогдашней России не смог указать реальные исторические силы, которые могли бы обеспечить будущее социалистического развития страны. Но Маркс, суждениям которого о деятелях науки был всегда присущ объективный принцип историзма, высоко ценил то, что Чернышевский ставил чрезвычайно важные общественные вопросы, будил и мобилизовывал передовую мысль на решение наиболее актуальных задач по преобразованию общества. Безусловно, велико значение исторически новой постановки такой проблемы, как возможность миновать капиталистический путь развития, — проблемы, жгуче назревшей для многих и многих народов мира в переживаемое нами время. Ею занимались Маркс и Энгельс, затем Ленин, а теперь коммунистические и рабочие партии.

Хорошо ознакомившись с Чернышевским-политэкономом и получив ясное представление о его концепции общеисторического процесса, Маркс с понятным интересом прочитал и изучил и его работы, посвященные анализу русских социально-экономических отношений в период подготовки реформы 1861 г. и ее проведения. Он был хорошо знаком почти со всеми выступлениями Чернышевского по крестьянскому вопросу этого времени. Маркс видел, что в своих работах Чернышевский открыто встал на защиту крестьянских интересов, заявив, что он представляет точку зрения крестьян. Читая его статью «Труден ли выкуп земли?», Маркс отмечает все те места, где автор разоблачает захватнические устремления помещиков, показывает абсурдность постановки вопроса о выкупе крестьянами своих собственных земель.

Уже в момент самого осуществления реформы Чернышевский оказался в состоянии, как подчеркивал Ленин, определить ее буржуазный характер, антагонистичность классовых отношений, неизбежность разорения, экспроприации крестьянства. Именно поэтому труды Чернышевского были так широко использованы Марксом в его творческой работе по изучению русской пореформенной действительности.

Особенно основательно и всесторонне были проанализированы Марксом «Письма без адреса» — замечательное произведение, в котором Чернышевским уже через год после осуществления реформы 1861 г. дана глубокая и развернутая критика ее классовой

сущности. Цензура не пропустила «Писем без адреса», предназначенных для опубликования в «Современнике»: корректурные графки были перечеркнуты шкряб. Спустя десять лет, в 1872 г., Маркс получил от Даниельсона копию рукописи Чернышевского. Ознакомившись с ее содержанием, найдя ее «очень интересной», он принимает самые энергичные меры к опубликованию «Писем».

Рукописи Маркса, явившиеся результатом изучения «Писем без адреса», и принадлежавший ему печатный экземпляр, снабженный его пометками, показывают нам, как привлекла Маркса ясная и необычайно сильная мысль Чернышевского, а также своеобразие его стиля, с каким вниманием он входил в детали расчетов и аргументации автора, с каким интересом следил за его обобщениями и выводами.

К. Маркс, как после него и В. И. Ленин, вновь и вновь возвращался к оценке Н. Г. Чернышевским реформы 1861 г. как к наиболее верной и глубокой. Об этом свидетельствует работа Маркса «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России», в которой он подводил итоги своего изучения социально-экономического развития страны. Правильная оценка этой рубежной исторической вехи — реформы 1861 г. — в истории России предопределяет правильный анализ всей последующей истории страны, вступившей на путь быстрого развития капитализма и массового формирования рабочего класса — ведущей силы социального прогресса.

Масштаб богатейшей теоретической и захватившей умы блестящей литературной деятельности Чернышевского был настолько значителен, что приезжавшие в Россию западноевропейские путешественники и исследователи не могли не отмечать этого явления русской интеллектуальной жизни. Так, в работе французского знатока пореформенной России А. Леруа-Больё «Царская империя и русские» говорится, что Чернышевского соотечественники относят к числу «гигантов человеческой мысли» и «величайших пионеров будущего». Маркс занес это свидетельство в свою записную тетрадь вместе с заявлением французского автора, что русские видели в Чернышевском «второго Фурье или, вернее, другого Карла Маркса».

Конечно же, заслуги Н. Г. Чернышевского в истории развития общественной мысли не ограничиваются рамками его родины. Большую его научную заслугу перед мировой наукой, помимо мастерской критики буржуазной политической экономии и мира капиталистической эксплуатации с позиций выработанной им политической экономии трудящихся, Маркс и Энгельс видели в том, что этот великий мыслитель, наблюдая бедствия, обрушенные развитием капитализма на трудящиеся массы Западной Европы, самостоятельно выдвинул идею о желательности и возможности миновать эту жестокую фазу экономического и политического развития народов. Тем самым подобно им самим Чернышевский

отверг как ненаучный и метафизический взгляд на историческое развитие как на нечто predetermined, обрекающее роковым образом все народы на неизбежность, несмотря на меняющиеся исторические условия, пройти имевшие место у других фазы развития.

В соответствии со своим диалектико-материалистическим мировоззрением, на основе длительного изучения российской действительности Маркс дал как общие научные прогнозы, так и конкретную обрисовку некоторых особенно важных обстоятельств, связанных с перспективами исторического развития нашего народа и страны, которых не смог увидеть Чернышевский.

Глубочайшим образом изучив социально-экономическое развитие России после 1861 г., К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что Россия не сможет миновать капиталистическую стадию и что интенсивно формировавшийся и крепнувший пролетариат откроет для нее «новые перспективы и новые надежды»¹². «Капиталистическое производство, — писал Ф. Энгельс Н. Даниельсону — готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России»¹³.

В силу ряда экономических, социальных, политических условий к началу XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию, где 75 лет назад, в 1903 г., на гранитной базе марксизма сформировалась благодаря титаническим усилиям В. И. Ленина, принявшего великую революционную эстафету от Карла Маркса и Фридриха Энгельса, партия большевиков, истинных марксистов-коммунистов. Став во главе масс, партия эта привела народы России к победе социалистической революции, к построению развитого социалистического общества.

Выработанная Чернышевским философия революционного демократизма, общий материалистический и диалектический характер его воззрений, созданная им политическая экономия трудящихся, развивавшаяся им теория социализма с ее элементами правильного взгляда на роль классов и классовой борьбы, на черты будущего общества — все эти и другие непреходящей ценности, творческие завоевания великого революционного демократа прямо служили делу идейной подготовки распространения марксизма в нашей стране.

Ленин, характеризовавший Чернышевского как самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса, на себе испытал огромное, благотворное воздействие «могучей проповеди» Чернышевского. Знакомство с философскими работами Чернышевского облегчало российским революционерам усвоение диалектики Маркса и Энгельса, а его экономические работы оказывались для них хорошей подготовкой для постижения содержания «Капитала» Маркса.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 130.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 401.

Будучи прекрасно осведомленными о всем существенном в жизни и творчестве Чернышевского, Маркс и Энгельс могли уверенно судить об общем значении его деятельности в историческом развитии страны, русской и мировой общественной мысли. В их глазах Николай Чернышевский — «великий ученый и критик» мирового масштаба, величайший революционный писатель, целиком подчинявший все свое творчество актуальным задачам политической борьбы и разъяснению конечной цели социального движения к построению нового общества. Он вместе с тем умелый, отважный и самоотверженный агитатор — «апостол», обладавший редчайшей силой внушения; он «идейный вдохновитель» совершавшегося в России революционного движения. Деятельность таких людей навсегда входит в историю народа как его общенациональное достояние, как его основной капитал для настоящего и для будущего.

Высокая оценка Марксом и Энгельсом духовного творчества Н. Г. Чернышевского драгоценна для всех патриотов своей Родины. Для них священны слова Энгельса о «великом мыслителе, которому Россия обязана бесконечно многим».

Изучение жизни, деятельности, творчества Н. Г. Чернышевского, отношения к этому славному деятелю России основоположников научного коммунизма — одно из действенных средств выработки у советских людей, молодежи идейной убежденности и стойкости, активной общественной позиции, благородных нравственных качеств — таких черт и свойств, которые всегда призывала и призывает сегодня воспитывать и укреплять наша Коммунистическая партия.

А. И. Володин

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЭНГЕЛЬС

Тема, обозначенная в заголовке, может рассматриваться в двух ракурсах.

Один из них — *отношение Энгельса к Чернышевскому*, к его творчеству, революционной деятельности, жизненной судьбе. Рассматриваемая таким образом данная тема получила в общем и целом достаточно широкое освещение в статьях таких советских ученых, как А. А. Янсюкевич, М. В. Серебряков, Г. В. Логачев, И. А. Мороз, М. И. Атюрьевская, А. К. Воробьева и других, анализировавших высказывания основоположников марксизма о выдающемся русском революционере и мыслителе.

Правда, на наш взгляд, некоторые из аспектов данной проблемы требуют еще дополнительного изучения. Так, к примеру,

более внимательного анализа заслуживает отношение Энгельса к тем некрологам, статьям и отзывам о Чернышевском, которые появились в западноевропейской и русской печати в конце 80-х и в 90-х годах¹. Речь идет также и о необходимости тщательного исследования того круга источников, на основании которых складывались представления Энгельса о Чернышевском. Известно, что Маркс внимательно изучал некоторые из произведений русского мыслителя, например такое ключевое для оценки его социально-политических идей сочинение, как «Письма без адреса»². Что же касается Энгельса, то мы не знаем точно, с какими именно работами Чернышевского он был знаком.

В этой связи стоит заметить, что некоторые суждения Энгельса о Чернышевском в «Послесловии к работе „О социальном вопросе в России“», написанном в 1894 г., генетически связаны с теми оценками, которые были даны Чернышевскому в книге Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (1885).

И Плеханов, и вслед за ним Энгельс сосредоточивают основное внимание на характеристике Чернышевским «значения общинного землевладения в настоящей и будущей экономической жизни русского народа»³. По книге Плеханова Энгельс цитирует и два отрывка из статей Чернышевского, относящихся к 1857 г. («Заметки о журналах» и «Исследования о внутренних отношениях народной жизни...») и вошедших в пятый том женевского издания Сочинений Чернышевского, который был издан в 1879 г. под общим заглавием «Об общинном владении землею».

Любопытно, однако, что одно из положений, которое Энгельс развивает по поводу второго из этих отрывков, не имеет аналога в работе Плеханова: в отличие от последнего, а также и от Чернышевского, Энгельс рассматривает и ту возможность, что отмеченное Чернышевским традиционное для жителей Урала общественное землепользование будет со временем использовано против интересов трудящихся. «Не следует... при этом забывать, — пишет Энгельс, — что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемой от гибели из соображений военного характера (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас подворные общины *Gehöferschaften* на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешнее устройство сохранится у них до момента введения машин, то от этого получают выгоды

¹ Отчасти этот вопрос освещается в статьях: *Дювель В.* Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868—1889). — Литературное наследство, т. 67; Революционные демократы: Новые материалы. М., 1959; *Травушкин Н. С.* Написал ли Чернышевский статью о «Капитале» К. Маркса. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1975, т. 7.

² См.: Архив Маркса и Энгельса, т. XI, с. 3—20, 171—199.

³ *Плеханов Г. В.* Соч. М., 1923, т. 2, с. 120; ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 442.

не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются»⁴. Уже само по себе сближение Энгельсом таких социальных институтов, как пережитки общинного коммунизма в России и «казарменный коммунизм» на Западе, заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания.

Не будет к тому же лишним заметить, что характеристика, данная Плехановым в «Наших разногласиях» Чернышевскому как социальному мыслителю, была в силу полемических задач этой работы несколько односторонней: Плеханов акцентировал утопизм Чернышевского, его народничество, идеи крестьянского социализма, особенно активно проповедовавшиеся русским мыслителем в произведениях 1857—1858 гг. Характерно, что более поздние произведения Чернышевского по существу не рассматривались Плехановым⁵. Естественно, что и в «Послесловии» Энгельса в центре внимания оказались проблемы, связанные с «аграрным коммунизмом», с оценкой Чернышевским роли крестьянской общины.

При всем своем большом уважении к Чернышевскому Плеханов в «Наших разногласиях» подчеркивал — к этому вынуждала его логика идейной борьбы с современными ему народниками — «промахи и односторонности» в социально-исторической концепции Чернышевского⁶. Отчасти слабости Чернышевского он объяснял тем, что Чернышевский, «как это по всему видно, не был знаком» с произведениями Маркса и Энгельса⁷. Подобным образом писал в вышеупомянутом «Послесловии» и Энгельс: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Виллюйске, среди якутов. Все его духовное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим ин-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 442—443.

⁵ Этим, по-видимому, отчасти и объясняются не совсем справедливые упреки Плеханова в адрес Чернышевского: «...если бы Н. Г. Чернышевский лучше выяснил себе тот „трудный и долгий путь“, по которому идет Запад к „лучшему порядку экономических отношений“, если бы он, кроме того, точнее определил экономические условия этого „лучшего порядка“, то он увидел бы, во-первых, что „Запад“ стремится к обращению средств производства в государственную, а не в общинную собственность, а во-вторых, понял бы, что „язва пролетариата“ сама по себе создает свое лекарство» (Плеханов Г. В. Соч., т. 2, с. 121). Как показывают примечания Чернышевского к Миллю, он увидел и в общем понял — применительно к Западу, во всяком случае — и то, и другое. Подробнее см.: Володин А. И. Будущее в социалистической концепции Н. Г. Чернышевского. — Социологические исследования, 1975, № 1.

⁶ Сравним с позицией Энгельса. «...Если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше», — так говорит он о Чернышевском (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 442).

⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 2, с. 120.

теллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России»⁸.

Как показал опыт последующего изучения, на самом деле созданный царистским режимом цензурный «интеллектуальный барьер» между Россией и Западной Европой во многих случаях весьма успешно преодолевался русскими мыслителями XIX в. Это касается и их знакомства с произведениями основоположников марксизма⁹.

Правда, что касается второго ракурса рассмотрения темы «Чернышевский и Энгельс», т. е. исследования отношения Чернышевского к Энгельсу, то анализ этой проблемы оказался связанным с немалыми трудностями и осложнениями. Они вызваны в первую очередь тем, что вполне достоверными данными, исходя из которых можно было бы выдвинуть какие-то более или менее категоричные, определенные суждения по данному вопросу, мы практически не располагаем.

Достаточно уверенно мы можем говорить лишь о том, что Чернышевскому в начале 60-х годов было известно имя Энгельса как крупного ученого-экономиста и характер основных идей его работы «Положение рабочего класса в Англии» (1845).

Вполне допустимо также предположение о сочувственном отношении Чернышевского к основным положениям этой работы Энгельса, хотя познакомился он с ними скорее всего из вторых рук. Об этом свидетельствует та позиция, которую занял руководимый Чернышевским журнал «Современник» в отношении к дискуссии, возникшей в русской печати в связи с опубликованием в конце 1860 г. перевода книги немецкого экономиста Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего»¹⁰. В связи с ней в «Современнике» были напечатаны: сначала (1861, № 3) анонимная рецензия на эту книгу, в которой Энгельс (его имя в рецензии не называлось) брался под защиту от нападок Гильдебранда, а полгода спустя (1861, № 9) — первая часть статьи Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», написанная на материалах книги Энгельса.

Некоторые авторы, обращаясь к этому эпизоду из истории идейной борьбы в отечественной журналистике, выдвигают положения о том, что именно Чернышевский (а не Шелгунов) был первым в России пропагандистом книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», что он «с большим научным тактом

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 441.

⁹ Литература об этом обильна. См., в частности: Реуэль А. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1965; Корочкин В. М. Был ли знаком Н. Г. Чернышевский с «Капиталом» К. Маркса? — Вопросы истории, 1968, № 3; Володин А. И. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века. М., 1978.

¹⁰ Строго говоря, было два перевода этой книги. Второй был опубликован в 1861 г. под названием «Историческое обозрение политико-экономических систем».

защищал экономические взгляды Энгельса», «отстаивал его идейные позиции»¹¹.

К сожалению, эти положения не только не имеют достаточно аргументированного обоснования, но и вступают в очевидный конфликт с рядом исторических фактов, на что уже указывалось в нашей литературе¹².

Конечно, очень заманчиво выглядит предположение А. Ф. Ефремова о том, что уже в статье «Капитал и труд» («Современник», 1860, № 1) Чернышевский «разумел Энгельса (а может быть, и Маркса с его «Нищетой философии»), когда говорил о продолжателях Роберта Оуэна»¹³, достойных «стоять с ним рядом и по гениальности и по благородству стремлений»¹⁴. Не менее привлекательным кажется и то предположение, что, говоря в этой же статье об «истинных представителях экономической науки в наше время», Чернышевский опять-таки имел в виду не кого-либо иного, а «только Энгельса»¹⁵.

Но от привлекательности и заманчивости тех или иных соображений еще очень далеко до их истинности (если вообще эта связь существует) или даже вероятности. Требуются еще факты, аргументы, доводы, доказательства и уж во всяком случае отсутствие противоречия с уже твердо установленными фактами и доказанными положениями. В данном же случае с «полной уверенностью» А. Ф. Ефремова в том, что «уже в конце 50-х годов Чернышевский знал учение Энгельса, с глубоким сочувствием выражал его мысли и был первым их пропагандистом»¹⁶, никак не согласуется, помимо всего прочего, такое фундаментальнейшее обстоятельство, как глубокое различие между научно-социалистическим пролетарским мировоззрением Энгельса и теоретическими позициями Чернышевского.

Хорошо сознавая те опасности, которые подстерегают всякого, осмелившегося обратиться к зыбкой сфере гипотез и предположений, мы хотим привести некоторые соображения к обоснованию мысли об одном из возможных контактов идей молодого Энгельса с творчеством Чернышевского. Речь идет об известном памфлете Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842) как вероят-

---

¹¹ См.: *Ефремов А. Ф.* К вопросу об авторе безымянной рецензии на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». — В кн.: Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958, т. 1, с. 490; *Корочкин В. Ф.* Энгельс и русская экономическая мысль второй половины XIX в. — Вопросы экономики, 1970, № 11, с. 34.

¹² См.: *Боград В.* Мнимый Чернышевский. — Вопросы литературы, 1966, № 11, с. 191—193.

¹³ *Ефремов А. Ф.* Указ. соч., с. 491.

¹⁴ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 30.

¹⁵ *Ефремов А. Ф.* Указ. соч., с. 492.

¹⁶ Там же, с. 493.

ном источнике «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855—1856).

Почти общепризнанным является мнение о том, что даваемый Чернышевским в «Очерках...» анализ существа философии Гегеля, ее внутренней противоречивости и исторических судеб не только очень ярок и глубок, но в своей содержательной части весьма схож с тем, что писал по этому поводу Энгельс. Так, еще в 1909 г. Г. В. Плеханов утверждал, что те строки «Очерков...», где говорится о противоречии между гегелевскими принципами и выводами, «очень напоминают» ему «отзыв Энгельса о двойственном характере философии Гегеля»¹⁷. Чернышевский, писал два десятилетия спустя В. Я. Кирпотип, оценивает систему Гегеля «точно таким же образом, как и Энгельс»¹⁸. Критика Чернышевским теоретических основ учения Гегеля, отмечал в 1950 г. М. М. Григорьян, «во многом совпадает с той критикой гегелевской философии, которая была дана Энгельсом»¹⁹. Наконец, в одной из сравнительно недавних работ говорится, что Чернышевский «удивительно верно и точно формулирует основное противоречие всей немецкой идеалистической философии» «подобно молодому Энгельсу»²⁰.

И в самом деле, в «Очерках...» Чернышевский с бросающейся в глаза настойчивостью и категоричностью многократно пишет о внутренней противоречивости учения Гегеля, строго говоря, о его непоследовательности, о содержащемся в нем противоречии между основными «возвышенными» принципами и «фальшивыми» выводами.

В общем контексте рассуждений Чернышевского на эту тему обращают на себя особое внимание следующие положения: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны...». И несколько страниц спустя: «Все немецкие философы, от Канта до Гегеля, страдают тем же самым недостатком, какой мы указали в системе Гегеля: выводы, делаемые ими из полагаемых ими принципов, совершенно не соответствуют принципам. Общие идеи у них глубоки, плодотворны и величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты»²¹.

Эти положения Чернышевского почти текстуально и по содержанию, и по лексике, и даже по конструкции фраз совпадают с тем, что было сказано в работе Энгельса «Шеллинг и открытие»: «Принципы (у Гегеля. — А. В.) всегда носят печать не-

¹⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. IV, с. 267. Плеханов ссылался при этом на первую главу работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

¹⁸ Кирпотип В. Чернышевский и диалектика — Под знаменем марксизма, 1928, № 11, с. 51.

¹⁹ Григорьян М. М. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. М., 1950, т. 1, с. 19.

²⁰ История философии в СССР. М., 1968, т. 3, с. 44.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 205, 240.

зависимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — передко осторожны, даже пелиберальны»²². У нас нет никаких данных о том, что Чернышевский читал это произведение Энгельса.

Разумеется, к формулам, похожим на энгельсовские, подобным им, Чернышевский мог прийти и самостоятельно, на основе собственных знаний о Гегеле и тех характеристик, которые давали его учению Герцен и Белинский. Кстати говоря, идеи памфлета «Шеллинг и откровение», с которыми эти русские мыслители познакомились в начале 40-х годов²³, нашли отражение в их произведениях, вошли в ткань их философских размышлений, в частности о сущности учения Гегеля, о процессе разложения его школы и исторической роли левогегельянства, развившего далее «принципы» Гегеля вопреки его «выводам».

Однако, скорее всего, вышеприведенные формулы Чернышевского из его «Очерков...» связаны с положениями работы «Шеллинг и откровение» более прямой преемственной связью.

Дело в том, что в первом номере «Отечественных записок» за 1843 г. была опубликована одна из серии статей В. П. Боткина — статья «Германская литература», которая содержала сокращенный и несколько видоизмененный перевод вступительной части памфлета Энгельса. Излагая в ней мысль Энгельса относительно внутренней противоречивости гегелевских воззрений в области философии права и философии религии, Боткин так передавал по-русски цитированную выше формулу: «Принципы в них всегда независимы, свободны и истинны, заключения и выводы часто близоруки»²⁴. Номер «Отечественных записок», в котором была напечатана эта составленная в значительной степени «по Энгельсу», столь восхитившая Белинского²⁵ статья Боткина, был в руках Чернышевского, когда он работал над «Очерками гоголевского периода...»: он штудировал помещенный в нем обзор Белинского «Русская литература в 1842 году»; в седьмой статье «Очерков...» дана краткая характеристика этого обзора и цитируются два больших извлечения из него²⁶. Вполне можно допустить, что, изучая этот номер журнала, Чернышевский заметил те яркие высказывания Энгельса, которые Боткин в несколько от-

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 176.

²³ Подробнее см.: Володин А. Гегель и русская социалистическая мысль XIX в. М., 1973, с. 156—164, 281—282. Отметим, что в России была известна также и пространная рецензия А. Руге на этот памфлет (см.: Deutsche Jahrbücher, 1842, № 126—128), в которой последний обильно цитировался. На эту рецензию 22 сентября 1842 г. ссылался в своем дневнике А. И. Герцен (см.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 2, с. 229), получивший ее, по-видимому, от В. П. Боткина.

²⁴ Отечественные записки, 1843, № 1, с. 3.

²⁵ Вот его отзыв о ней: «Умно, дельно и ловко» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 131).

²⁶ Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 251—254.

редактированном виде включил в свою статью, а затем воспроизвел их содержание в своих «Очерках...».

Думается, что в конце концов именно в этом состоит отгадка удивительного созвучия между положениями Чернышевского и Энгельса насчет внутренней противоречивости философии Гегеля.

Другое дело, что при раскрытии «принципов гегелевой философии» Чернышевский идет по пути их своеобразной интерпретации, в результате которой эти «принципы» выступают под его пером по существу как принципы философского мировоззрения самого автора «Очерков...». Но это уже особая тема.

В. С. Афанасьев

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О КРИЗИСЕ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Величайшим вкладом в развитие мировой и русской экономической мысли явился критический анализ Н. Г. Чернышевским буржуазной политической экономики. В его трудах фактически дан анализ всех ее направлений, как современных Чернышевскому, так и характерных для предшествующих эпох, как классической школы, так и вульгарной буржуазной экономической мысли. Особое место в этих исследованиях Чернышевского занимает изучение им социально-экономических причин, содержания и форм проявления, а также некоторых последствий кризиса буржуазной политической экономики. Характеризуя попытки буржуазных экономистов в середине XIX в. «согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата», К. Маркс писал: «Это — банкротство буржуазной политической экономики, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономики (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»¹.

Будучи революционным демократом, Чернышевский в своих исследованиях сделал гигантский шаг вперед от утопического к научному социализму. В этом же направлении развивался и его анализ кризиса буржуазной политической экономики, павшего всестороннее научное освещение в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Значение критики Чернышевским буржуазной политической экономики, прежде всего раскрытия им объективных условий, с необходимостью определяющих ее кризисное состояние, ее направ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17—18.

ленность на защиту эксплуататорского, капиталистического строя и проистекающий отсюда ее антинаучный характер, тесно связано с общей исторической ролью Чернышевского как предшественника русской социал-демократии. Его критическая работа послужила важным фактором борьбы прогрессивной мысли России XIX в. против вульгарной буржуазной политической экономии. Эта борьба препятствовала распространению антинаучных апологетических теорий и подготавливала почву для усвоения трудящимися массами России научной политической экономии марксизма-ленинизма. Тем самым Чернышевский внес весомый вклад в развернувшийся в XX в. великий исторический процесс освобождения трудящихся масс от гнета капиталистической эксплуатации.

Блестящий анализ движущих пружин и содержания кризиса буржуазной политической экономии, проведенный Чернышевским, весьма актуален в условиях современного этапа углубления этого кризиса, наличие которого вынуждены сегодня признавать ведущие буржуазные теоретики. И тот факт, что современная буржуазная экономическая мысль в этом вопросе оказалась не в состоянии подняться до уровня исследований Чернышевского, хотя ее отделяет от его времени около ста двадцати лет, в свою очередь представляет собой яркое свидетельство объективного характера и глубины кризиса буржуазной политической экономии.

Критические исследования Чернышевским кризиса буржуазной политической экономии вызывают тем большее восхищение, что в них он сумел в условиях отсталой России, в обстановке полицейских преследований, независимо от работ К. Маркса и Ф. Энгельса близко подойти к высшим достижениям мировой экономической мысли, нашедшим свое наиболее яркое воплощение в революционной теории основоположников научного социализма.

Важной заслугой Чернышевского явилось установление самого факта начала кризиса буржуазной политической экономии и раскрытие содержания этого явления. Русский революционер-демократ совершенно отчетливо понимал, что после «великих людей политической экономии», к которым он относит прежде всего А. Смита и Д. Рикардо, развитие научной буржуазной политической экономии прекратилось.

Чернышевский совершенно правильно датировал начало кризиса буржуазной политической экономии, отмечая, что именно в первой трети XIX в. произошел переход от научной буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо к учению «отсталых экономистов» Ж. Б. Сэя, Ф. Бастиа, В. Рошера и др.

Показательно, что Чернышевский относил эту характеристику ко всей буржуазной политической экономии, а не к какому-либо ее отдельному течению или группе экономистов. Рассматривая деятельность наиболее видных буржуазных экономистов послерикардовского периода, он заключает, что ни один из них не решил ни одной сколько-нибудь крупной политэкономической

проблемы. Буржуазная политическая экономия в целом, резюмирует ученый, «утратила способность иметь в своих рядах людей великого ума, утратила способность открывать что-нибудь новое и развивать науку»².

Причины столь глубокой для своего времени трактовки Чернышевским содержания кризиса буржуазной политической экономии не составляют особой загадки. Они коренятся в удачном сочетании его высокого таланта и его революционной социально-классовой позиции, требующей дать объективную картину развития буржуазной политической экономии, с тем чтобы использовать и развить дальше научные положения классической школы в целях социалистической критики капиталистического строя и разработки в противовес вульгарной буржуазной политической экономии «политической экономии трудящихся», направленной на научное обоснование социалистического строя. Вместе с тем именно реакционный в целом характер классовой точки зрения современных буржуазных идеологов является главной причиной их односторонней, ограниченной и в целом несостоятельной трактовки кризиса буржуазной политической экономии, в том числе и проблемы его содержания.

Возникновение вульгарной буржуазной политической экономии Чернышевский связывает с победой буржуазии над феодалами и превращением ее в господствующий класс. Он прекрасно понимает, что буржуазная политическая экономия защищает не интересы народа, а лишь капиталистическую форму производства и интересы буржуазии. Ее заботой, пишет русский мыслитель, о буржуазной политической экономии, является «не развитие производства вообще, а, именно, развитие той формы его, успехи которой измеряются расширением оборотов каждого отдельного хозяина»³.

Всесторонний анализ обстоятельств возникновения «господствующей школы», ее основных теоретических позиций, отношения к интересам основных классов позволяет Чернышевскому правильно раскрыть ее классовую природу. «Определить сущность ее, по нашему мнению, — писал он, — очень легко: эта теория выражает взгляд и интересы капиталистов»⁴. Вместе с тем критик ясно сознавал, что и школа А. Смита и Д. Рикардо также защищала интересы буржуазии. Однако она в отличие от «школы экономистов» внесла много ценных научных идей в политическую экономию. И здесь перед Чернышевским возникает проблема: как объяснить причину того, что школа А. Смита и «отсталые экономисты», имеющие в своей основе одну и ту же классовую

---

² Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв. М., 1948, т. II, с. 333.

³ Там же, с. 338.

⁴ Там же, с. 343. Под «школой экономистов», «господствующей школой» и «отсталыми экономистами» Чернышевский имеет в виду вульгарную политическую экономию.

природу, дают в науке диаметрально противоположные результаты.

Заслуга Чернышевского состоит в том, что он правильно раскрыл специфику классовой природы вульгарной буржуазной политической экономии, когда отмечал, что она отражает интересы буржуазии того периода, когда этот класс уже утратил свою прогрессивность, перестал вести борьбу с феодалами, в которых он теперь видел союзника в борьбе против трудящихся масс. «Отсталые экономисты», — писал он, — отражают интересы капиталистов, «отчасти уже сделавшихся владельцами недвижимой собственности, а вообще проникнутых снисходительностью к побежденному врагу, феодальному сословию, которое оказывается их союзником в вопросе о распределении ценностей»⁵. Вместе с тем русский ученый отмечает и другую основную особенность классовой природы школы «отсталых экономистов», из которой, собственно, и вытекает предыдущая ее черта, — защиту интересов буржуазии, ведущей борьбу с рабочим классом, поднявшимся к «самостоятельному историческому действию»⁶.

Таким образом, Чернышевский выявил глубокие классовые корни возникновения кризиса буржуазной политической экономии. Он обнаружил, что буржуазия, которая боролась с феодализмом в союзе с трудящимися массами, теперь, в новых условиях, после достижения ею господствующего положения в обществе, вступает в новый союз — с феодалами и существенным образом меняет направление своей борьбы, выступая против трудящихся, против «работников».

Весьма ценным результатом анализа, осуществленного Чернышевским, является его вывод о том, что именно антикоммунистическая направленность буржуазной политической экономии завела ее в теоретический тупик. Он показывает, что в условиях «окончательного и бесповоротного разрыва» между рабочими и буржуазией научные положения классической школы становятся опасными для класса капиталистов, поскольку трудящиеся массы могут их использовать в своей борьбе против буржуазии. «Результатом анализа (классической школы. — В. А.); — пишет революционер-демократ, — был вывод, что всякая ценность создается трудом и что самый капитал есть произведение труда». Отсюда с несомненностью следует заключение, отмечает он, что «труд должен быть единственным владельцем производимых ценностей»⁷. Однако это заключение паносит удар в самое сердце буржуазии, поэтому-то его и «не хотят принять отсталые экономисты, но оно необходимо следует из основных понятий о ценности, капитале и труде, найденных Адамом Смитом»⁸. В совер-

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв., т. II, с. 343.

⁶ Там же, с. 345.

⁷ Там же, с. 344.

⁸ Там же, с. 345.

шенно ином положении, но мысли Чернышевского, находилась классическая школа. А. Смит и Д. Рикардо вовсе не имели цели опровержения коммунистических теорий, поскольку во времена А. Смита этих теорий вообще не существовало, а при Рикардо они не представляли для буржуазии никакой опасности. Отсюда и проистекала для классической школы возможность беспристрастного научного анализа экономических процессов.

Таким образом, фактически Чернышевский обнаруживает, что отказ «отсталых экономистов» от научных положений классической школы проистекает из идеологических причин, из классово-ограниченности этих экономистов, из характерной для них антикоммунистической направленности их теорий. Они отказываются, например, от трудовой теории стоимости вовсе не потому, что она перестала быть научной, а потому, что она перестала в новых исторических условиях отвечать классовым интересам буржуазии, более того, стала для нее опасной.

С этих пор теоретическая деятельность буржуазных экономистов, как отмечает Чернышевский, фактически превращается в антикоммунистическую пропаганду. «Нынешний французский экономист, — пишет он о вульгарных теоретиках, — которому каждая блуза, встречаемая на улице, представляется символом коммунизма . . . не может ни одной буквы написать, не думая о коммунизме». В свою очередь антикоммунистическая направленность теоретической деятельности «отсталых экономистов» вынуждает их вульгаризировать экономическую науку.

Отсюда видно, сколь глубоко понимал русский мыслитель причины краха классической школы и смены ее вульгарной апологетикой капитализма. Кризис буржуазной политической экономики, сущность которого сводится к ее превращению в ненаучную, реакционную буржуазную идеологию, он трактовал как объективный процесс, проистекающий в конечном счете из глубоких изменений классовой структуры буржуазного общества, превращения буржуазии из прогрессивного в реакционный класс и выхода на историческую арену революционного рабочего класса. Его анализ подтверждается всем ходом развития буржуазной политической экономики и ее современным кризисным состоянием, получающим даже в западной экономической литературе нередко весьма рельефное отражение.

Многие современные буржуазные исследователи признают кризисное состояние своей экономической теории. «Сегодня мы можем говорить о втором кризисе экономической теории на протяжении жизни нашего поколения»⁹, — пишет английский экономист Дж. В. Робинсон. В статье с характерным заглавием «Возможен ли прогресс в экономической науке?» английский экономист Дж. Уорсвик, отметив, что по всем внешним признакам экономическая наука «процветает и развивается», выражает глу-

⁹ The American Economic Review, 1972, May, p. 1.

бокое беспокойство по поводу ее состояния ввиду присущей схоластичности и оторванности от действительности. «Мне кажется, — пишет он о буржуазных экономистах, — что они занимаются не изготовлением орудий для анализа и измерения действительных фактов, а скорее создают арсенал с претензией на то, что он мог бы совершить чудеса, если бы только попался набор фактов в соответствующей форме»¹⁰. Весьма образно выразил это состояние современной буржуазной политической экономии известный американский экономист П. Самуэльсон: «Мы подобны хорошо тренированным атлетам, которые никогда не бегут дистанцию»¹¹.

Несмотря на признание самого факта кризиса современной буржуазной политической экономии, буржуазные экономисты не поднялись до свойственного Н. Г. Чернышевскому уровня объяснения причин этого явления. Так, Дж. В. Робинсон усматривает причину кризисного состояния современной буржуазной политической экономии в частных и случайных обстоятельствах, носящих в целом субъективный характер, — в ошибках и просчетах отдельных экономистов и экономических школ. «Все проблемы, — пишет автор, — возникли из-за одного простого упущения: когда Кейнса превратили в ортодокса, забыли поставить, а также решить вопрос о том, в каких целях, собственно, нужно использовать высокую занятость»¹².

Обращает на себя внимание, что кризис буржуазной политической экономии трактуется в буржуазной литературе как явление периодического характера, перемежаемое периодами «революционного» обновления.

Широкое признание кризисного состояния современной буржуазной политической экономии буржуазными авторами сочетается у них с апологетическим истолкованием его содержания и причин, его обуславливающих. Буржуазные идеологи оценивают как кризисные лишь отдельные течения буржуазной политической экономии. Они фиксируют кризисное состояние преимущественно у теорий государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, а его содержание сводят лишь к неспособности буржуазной экономической теории вырабатывать реалистические рекомендации экономической политике буржуазных государств, а нередко и более того — ее неспособности решить некоторые частные проблемы такого регулирования.

Между тем хорошо известно, что кризис теорий государственно-монополистического регулирования экономики выражается не только и не столько в нерешенности ими данных проблем.

Неспособность дать реалистические рекомендации по решению всей совокупности, а отнюдь не отдельных острых экономических

¹⁰ The Economic Journal, 1972, March, p. 37.

¹¹ Цит. по: Мировая экономика и международные отношения, 1973, № 2, с. 103.

¹² The American Economic Review, 1972, May, p. 7.

проблем современного капитализма характерна для кризисного состояния буржуазных теорий государственно-монополистического регулирования экономики.

Разумеется, кризис охватывает все элементы буржуазной политической экономики, а не только вырабатываемую ею систему практических рекомендаций по государственному регулированию капиталистической экономики: методологические принципы ее анализа, ее категорийный аппарат, идейный арсенал, с которым она обращается к массам, структуру ее течений и направлений и т. п. Вместе с тем он вовсе не ограничивается теориями государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики. Кризис распространяется и на второе главное направление современной буржуазной политической экономики — теории «неокапитализма» и «трансформации капитализма», — направленные к апологетическому истолкованию социально-экономической природы современного капитализма и его исторических судеб.

Со времени Чернышевского кризис буржуазной политической экономики прошел значительный путь своего развития и углубления; содержание его стало более сложным. Первоначально этот кризис выступал лишь как кризис буржуазной экономической науки, как обусловленный объективными причинами процесс разрушения аналитического аппарата буржуазного экономического мышления, выразившийся в смене в первой трети XIX в. классической школы буржуазной апологетики. Разумеется, это фундаментальное изменение в познавательном процессе буржуазной политической экономики тесно связано с кризисными явлениями в ее идеологической функции, с ее превращением в реакционную, ненаучную буржуазную идеологию. В условиях же общего кризиса капитализма кризис буржуазной политической экономики выступает не только как кризис науки, но и как глубокий кризис буржуазной экономической идеологии. Он приобретает характер своеобразного «общего кризиса» буржуазной политической экономики.

Буржуазные экономисты не считают кризисное состояние основной и постоянной характеристикой буржуазной политической экономики послерикардовского периода, игнорируют его объективную обусловленность, его истоки, коренящиеся в классовой природе буржуазной политической экономики, а потому и исходят из возможности его преодоления в рамках этой специфической формы буржуазной экономической идеологии. В силу своей классовой ограниченности они оказались не в состоянии раскрыть действительную социальную причину кризиса буржуазной политической экономики, проистекающую из несоответствия коренных интересов буржуазии поступательному развитию общества в условиях, когда явственно обнаружился исторически преходящий характер капитализма, когда рабочий класс поднялся к «самостоятельному историческому действию», что уже вполне определенно видел более 100 лет назад Чернышевский.

Высокая результативность анализа Чернышевским содержания и причин кризиса буржуазной политической экономии показывает, сколь мощным фактором научного исследования в политической экономии является прогрессивная, а тем более революционная позиция ученого. Будучи представителем революционно-демократического движения в России, стремясь к устранению как феодальной, так и буржуазной формы эксплуатации трудящихся масс, он по необходимости должен был беспристрастно исследовать те объективные процессы, которые подготавливали предпосылки для освобождения трудящихся масс от ига эксплуататорских классов и которые вместе с тем составляли главные причины кризиса буржуазной политической экономии.

Вместе с тем и свой критический анализ буржуазной политической экономии Чернышевский подчинял целям революционной борьбы, разоблачая буржуазную апологетику капиталистического строя, научную несостоятельность буржуазных экономических теорий, обосновывая необходимость формирования «политической экономии трудящихся», которая смогла бы с подлинно научных позиций выступить защитником интересов трудового народа. Чернышевский искал выход из того теоретического тупика, в который завела экономическую мысль классовая ограниченность буржуазной политической экономии, в направлении революционного преодоления эксплуататорского строя и создания новой, принципиально иной по своей классовой сущности политической экономии. Научная обоснованность этого пути подтверждается всем ходом исторических событий XX в., процессами углубления кризиса буржуазной политической экономии, так и не сумевшей преодолеть этот кризис, несмотря на упорные усилия в этом отношении, с одной стороны, и величайшими достижениями марксистско-ленинской экономической теории, ставшей боевым знаменем революционных преобразований и нашей практическое воплощение в ходе социалистического строительства в странах мировой социалистической системы — с другой.

В. И. Гинев

КРИТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ КАПИТАЛИЗМА

Н. Г. Чернышевский внимательно изучал положение наемного работника в условиях капиталистического строя. «Одн из важнейших вопросов политической экономии... есть вопрос: улучшается или ухудшается положение рабочего класса при том ходе развития промышленных отношений, который господствует

в Западной Европе?»¹ — так ставил вопрос он еще в 1854 г. Во всех последующих сочинениях, касающихся быта и условий труда европейских рабочих, русский мыслитель подчеркивал, что положение их ухудшается. Он гневно разоблачал буржуазных экономистов, которые «по мере способностей» доказывают, что «фабричному рабочему жить лучше, нежели фабриканту»². Лично его положение рабочих в Европе «вызывает на самые серьезные размышления»³. Чернышевский отмечает, что заработная плата рабочих мала, их семьи часто остаются без хлеба, а в это время рынки завалены товарами, не находящими сбыта, и фабрики закрываются. Он видит, что при капиталистическом строе технический прогресс обращается в средство порабощения пролетариата, рабочий становится простым придатком машины⁴.

Чернышевский хорошо видел закон конкуренции в капиталистическом обществе, который называл законом соперничества. Согласно этому закону, отмечал он, капиталисты, конкурируя друг с другом, снижают заработную плату, их богатства возрастают, концентрируются в еще более немногих руках, а число пролетариев увеличивается, и положение их становится все тяжелее⁵.

Конкуренция, соперничество процветают и среди самих рабочих, которые вынуждены «оспаривать друг у друга работу, как будто добычу»⁶, что еще более понижает их заработную плату. Причем, отмечает Чернышевский, причина бедственного положения работников — не недостаток в обществе средств для улучшения жизни, а «несправедливое распределение этих средств»⁷.

Особое внимание Чернышевский обращал на такую важнейшую проблему капиталистического общества, как отсутствие в нем гарантированного права на труд. Он прекрасно разоблачал и в формальной сущности буржуазной демократии, указывая на «лживость пышных фраз о свободе, которыми усыпляют страдания обманутой массы». «Свобода бедняка» в буржуазном обществе, по его словам, — «только особенный вид рабства»⁸.

Подвергая критике буржуазное общество за его неспособность обеспечить нормальное человеческое существование для массы наемных работников, Чернышевский внимательно следил за развивающейся классовой борьбой в странах Западной Европы, борьбой между пролетариатом и буржуазией. Все его симпатии в этой борьбе были, конечно, на стороне «класса, живущего наемной работой». Но он не только симпатизировал бедствующим

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 389.

² Там же, с. 392.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 731.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 157.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 729.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 300.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 726.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 305.

«городским простолюдинам». В его статьях и политических обзорах мы находим глубокий анализ социальных отношений в буржуазном обществе, сделанный с позиций демократа и социалиста. И хотя его социализм был утопическим, хотя в его воззрениях были сильны черты антропологизма, во многих случаях он верно подметил основные классовые противоречия, присущие капитализму, а порой давал такую характеристику явлений, которая приближала его оценки к анализу, позже сделанному с позиций исторического материализма.

Очень скоро, писал он, после того как «прибыль» одержала победу над «рентой», против которой «среднее сословие» и «простой народ» выступали сообща, очень скоро после этого «история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом». В данном случае ученый под народом понимал класс наемных работников и имел в виду Англию и Францию. Но, указывая он тут же, «история всех цивилизованных стран — одно непрерывное свидетельство постоянства этой тенденции»⁹.

В XIX в., особенно с 1830 г., разрыв между «средним сословием», под которым Чернышевский понимал буржуазию, и наемными работниками стал окончательным¹⁰. «Работники», отмечал он, поняли, что улучшение их состояния противоположно интересам «среднего сословия», и если раньше они действовали с ним заодно против феодалов, то теперь они стали выдвигать особые требования и предъявлять их буржуазии¹¹.

Чернышевский отмечает восстание лионских рабочих в 1831 г. как первое волнение «нового рода»¹². О революции 1848 г. во Франции он писал, что республика там была провозглашена «по настоянию республиканцев и работников». Но затем работники, не видя в правительстве, которое пришло к власти благодаря их помощи, никакого желания улучшить их положение, стали волноваться и требовать «права на труд»¹³.

Чернышевский не питал иллюзий относительно возможности коренного улучшения положения рабочих в рамках буржуазного государства. Он писал, что у буржуазных правительств всегда находятся деньги на войну, но никогда нет средств для трудящихся¹⁴. Русский ученый отмечал, что когда дело доходит до коренных реформ переустройства экономического быта, то их «никогда не захотят совершить собственными средствами господствующие над экономическим бытом силы», так как этими реформами изменялись бы «принципы устройства, выгодного для

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 515—516.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 39.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 35—36.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 111.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 12, 15.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 623.

них»¹⁵. Только когда заботиться о своем благосостоянии начнет тот класс, для которого это дело является делом его «собственной надобности», указывал он, то «тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь»¹⁶.

От внимания Чернышевского не ускользнул факт усиления и развития рабочего движения в Европе. Он особо обратил внимание на стачку строительных рабочих в Англии в 1859 г., охарактеризовав ее как «величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом»¹⁷. Работники, писал он, все больше выходят из-под влияния среднего сословия и образуют свои собственные «громадные союзы», которые проводят «колоссальные отказы от работы для принуждения фабрикантов к повышению заработной платы»¹⁸.

Чернышевский понимал, что борьба за повышение заработной платы не может коренным образом улучшить положение рабочих и не устраняет основных причин их нищеты. Он резко критиковал тех экономистов, которые внушали рабочим эту иллюзию. Заработная плата при капитализме не может увеличиться настолько, чтобы полностью обеспечить всех рабочих: это невыгодно капиталистам. Такая же иллюзия и обеспечение права на труд¹⁹. Все эти вопросы, убеждал русский экономист читателей «Современника», разрешатся только тогда, «когда отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»²⁰.

Чернышевский отмечал, что правительства стран Западной Европы прибегают «к полицейским мерам» для подавления рабочего движения, начинающего принимать серьезное значение²¹. Тем не менее он считал, что исход борьбы между «классом наемных работников» и буржуазией будет в пользу работников.

Эта уверенность Чернышевского свидетельствует о его историческом оптимизме. Он писал, что экономическое положение работников на Западе так тяжело для большинства народа, что неминуемо должны были возникнуть идеи о новом устройстве, о «товариществе» и «братстве», которые также вследствие своей ответственности человеческой природе должны неминуемо осуществиться²². В этом рассуждении ясно видны черты идеалистического просветительства, которое сначала строит в голове разумное человеческое общество, исходя из своих понятий о справедливости и разумности, а затем ведет агитацию за его осуществле-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 578.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 185.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 406.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 39.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 477, 478, 482, 486.

²⁰ Там же, с. 487.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 407.

²² Там же, с. 729.

ние в действительности. Но Чернышевский, несмотря на ограниченность антропологизма, пытался найти также реальные, экономические и социальные обоснования для доказательств неизбежности смены капитализма социализмом. У него есть гениальные догадки о существенной роли в развитии общества самих производственных процессов.

Будущее, в представлении Чернышевского, за «товариществами» работников как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Для России, для крестьянства исходным пунктом создания такого «товарищества» должна была стать раскрепощенная свободная община. Именно община после соответствующего развития в сочетании с промышленностью, по его мысли, явится основой грядущего социализма. Сегодня мы понимаем, что эта идея не могла быть осуществлена в действительности, но тем не менее это был поиск материальной базы социализма.

Будучи социалистом, Чернышевский искал возможность, учтя опыт Запада, миновать стадию капитализма в России, избавив тем самым трудящихся своей страны от новой, капиталистической эксплуатации. Этот благородный поиск был в то время обречен на неудачу, но республиканские, социалистические идеи, развиваемые Чернышевским и его сподвижниками, пустили глубокие корни в российском освободительном движении, способствуя его демократизации, создавая в нем традицию борьбы не только с самодержавием и крепостничеством, но и с капитализмом.

Н. В. Хессин

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПУТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Современного читателя поражает прежде всего поистине энциклопедический характер научного творчества великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского. Нет буквально ни одного сколь-либо существенного уголка общественной жизни, куда бы не проникал его пронизательный взгляд. Все стороны общественных отношений, начиная с самых коренных, базисных, экономических и кончая многообразными надстроечными явлениями, были подвергнуты им тщательному и исключительно глубокому анализу.

Свыше ста лет тому назад русская революционно-демократическая мысль поставила и оригинально решила ряд новых проблем общественного развития, которые до нее никем во всем мире

не ставились. И это такие серьезные проблемы, к которым мы вновь возвращаемся и сегодня ввиду их возрастающей злободневности. К числу таких проблем относится и проблема о возможности отсталых стран перейти к социализму, минуя капитализм.

В трудах Чернышевского эта проблема занимает одно из центральных мест. Вокруг нее группируется и ей подчинен весь общефилософский, политико-экономический, исторический анализ. По этой проблеме не было готовых решений ни в русской, ни в западноевропейской, ни в американской литературе. Более того, она в такой форме вообще на Западе никем не поднималась. Для ее решения требовалась полная самостоятельность научного анализа, выработка соответствующей методологии, критический анализ реальной истории общественного развития, поиск объективных закономерностей исторического процесса, критическое переосмысление всего предшествующего теоретического багажа. Именно для ответа на этот вопрос русская революционно-демократическая мысль овладевала политической экономией, социализмом, диалектикой и материализмом, развивала их, пыталась распространить на познание общественных явлений, приближаясь вплотную к теории исторического материализма.

Научная правомерность, новизна и актуальность такой постановки проблемы в дальнейшем были признаны Марксом и Энгельсом, которые приняли позднее участие в ее обсуждении. Этой же проблеме уделил большое внимание и Ленин, особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Разумеется, решение классиков марксизма-ленинизма отличалось от решения, данного Чернышевским. Но оно не отменяло научной важности и ценности его постановок вопроса. К. Маркс назвал «замечательными» те статьи, в которых Чернышевский впервые решал эту проблему.

«Этот ученый, — писал К. Маркс, — в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные»¹.

Центральный вопрос той эпохи — борьба с крепостничеством во всех его проявлениях. Но этот центральный вопрос имел две стороны — назовем их разрушительной и созидательной сторонами.

Важно было теоретически обосновать, с одной стороны, пути и метод ликвидации феодально-крепостнической системы, а с другой — ответить на вопросы: какой общественный строй придет ей на смену, как он отразится на положении широких трудящихся масс, прежде всего крестьянства, интересы которого последовательно представлял Чернышевский? Свободны ли люди в выборе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 119.

той или иной общественной формы, или история имеет свои собственные законы и не подчиняется разуму и идеалам тех или иных лиц, социальных групп, классов?

Чтобы успешно решить первую, разрушительную задачу, нужно было дать глубокий и всесторонний анализ феодально-крепостнической системы во всех ее внешних и внутренних связях, вскрыть экономические и политические основы этого строя, его социальную структуру и взаимоотношения классов. На этом пути русская революционно-демократическая мысль во главе с Чернышевским достигла выдающихся результатов. Был внесен серьезный вклад в политическую экономию феодализма и в решение вопроса о крепостничестве как внутренне связанной системе общественных отношений. Была вскрыта коренная экономическая основа крепостничества — монополия земельной собственности и вытекающее из нее внеэкономическое принуждение, обуславливавшие специфическую форму эксплуатации крестьянства. Было доказано также, что самодержавно-деспотическое государство не является надклассовой силой, а представляет собой политическую опору крепостничества, призвано охранять его экономические основы. На основе этого анализа был сделан вывод о том, что нельзя устранить экономические основы крепостничества, не устраняя его политической и военной опоры — царского самодержавия.

Исключительно ценным был разносторонний анализ социальной структуры современного революционным демократам самодержавно-крепостнического строя и движущих сил антикрепостнической революции.

Чернышевский глубоко понимал, что не все классы и социальные группы современного ему общества заинтересованы в последовательной ликвидации крепостничества и его пережитков. В своей повседневной борьбе он ясно фиксировал наличие мощных сил, стоявших за сохранение коренных основ крепостничества, сил, соглашавшихся на частичные реформы, и сил, выступавших за революционное решение вопроса. Он вел ожесточенную борьбу с ярыми крепостниками, дворянскими и буржуазными либералами. Все свои надежды ученый возлагал на крестьянскую революцию и ставил задачу перед революционной интеллигенцией возглавить эту борьбу. От его произведений, отмечал В. И. Ленин, веет духом классовой борьбы.

Силами крестьянской революции предполагалось ликвидировать монополию помещичьей собственности, национализировать землю, покончить с крепостным правом во всех его проявлениях, передать землю крестьянам без выкупа или с небольшим выкупом, сохранив при этом общинное землевладение. Так в основных чертах решалась первая, разрушительная, антифеодальная сторона проблемы. Но с нею неразрывно была связана и вторая, созидательная: по какому пути пойдет дальнейшее развитие России, для какого общественного строя будет расчищена почва в ре-

зультате крестьянской революции? Придет ли на смену феодализму буржуазный строй, как это было во всех странах Западной Европы, или имеется возможность направить развитие России по социалистическому пути?

Сейчас, когда история сама высказалась о путях развития России, нам нетрудно сделать вывод, что в тех исторических условиях страна стояла на пороге буржуазно-демократических преобразований. Никаких объективных возможностей для социалистического пути тогда не было. Как гениально показал В. И. Ленин, перед Россией после реформы стоял вопрос о двух возможных путях развития капитализма — прусском или американском, но отнюдь не о социалистическом. Но тогда, в период подготовки и осуществления реформы 1861 г., все это еще не обнажилось с достаточной ясностью. Русской революционно-демократической мысли приходилось самой нащупывать намечающиеся объективные тенденции общественного развития, исходя из наличного экономического материала, из собственных обобщений происходящих в России процессов. И особое значение в этих условиях приобретало изучение западноевропейского опыта исторического развития. Анализируя этот опыт, Чернышевский пытался выявить объективные тенденции развития общества, вскрыть объективные законы его экономического и политического развития. Изучение и обобщение опыта Запада должны были показать, какие из разрабатываемых программ развития России имеют шансы реально осуществиться, а какие заранее обречены на то, чтобы называться утопиями.

Исторический опыт Запада приобретал для революционных демократов тройное значение. Во-первых, это был опыт антифеодальной революционной борьбы, из которого многое можно было взять для революционного решения антикрепостнических задач России. Во-вторых, это был опыт развития общества на новой, буржуазной основе. Из этого опыта можно было взять многое для выводов об эксплуататорской природе этого строя, о том, что он не принес трудящимся массам подлинной свободы и подлинного равенства. Этот опыт доказывал, что буржуазный строй, пришедший на смену феодальному, отнюдь не принадлежит к числу наиболее «разумных» и «справедливых», ему присущи глубокие внутренние противоречия. Хотя он и более прогрессивен, чем феодализм, история не может остановиться на нем. Русские революционные демократы не могли в этих условиях предлагать, чтобы крестьянство, избавившись от феодальной эксплуатации, надело на себя новое ярмо буржуазной эксплуатации, как это было на Западе. В-третьих, опыт западноевропейского развития был опытом начинавшейся там борьбы трудящихся масс против капитализма, за социализм. Буржуазные революции 1848 г. показали, что пролетариат начинает выступать на арене как самостоятельная сила, со своей собственной, социалистической программой. Социализм из мечты отдельных ученых превращался

в реальное общественное движение. И это было предвестником того, что буржуазный строй на Западе тоже не вечен, он будет закономерно сменен социализмом. Вот эта основанная на изучении опыта исторического развития глубокая убежденность в том, что все народы рано или поздно придут к социалистическому общественному строю, и направляла внимание русской революционной демократии на поиски сокращенного, облегченного пути развития России к социализму. Отсюда и возникала проблема о возможности для России миновать капиталистическую стадию развития и сразу перейти к социализму.

На Западе борьба за буржуазно-демократические преобразования по времени была значительно отделена от последующей борьбы за социализм. Антифеодальная борьба одновременно выступала и как борьба за демократические свободы и торжество буржуазного строя, основанного на частной собственности. Лишь после того как буржуазный строй обнажил свою эксплуататорскую природу и глубокие противоречия, начался новый тур борьбы за социализм. Движущими силами каждого из этих этапов были разные классы и социальные группы. На буржуазно-демократическом этапе главную роль играла буржуазия и мелкая буржуазия города и деревни. На социалистическом этапе руководящая роль принадлежала рабочему классу.

Чернышевский ставит вопрос о том, чтобы в России слить воедино борьбу за демократию с борьбой за социализм. Антифеодальная борьба должна сразу же быть превращена в борьбу за утверждение социалистической системы отношений. Но эта борьба за демократию и социализм должна быть осуществлена силами одного и того же класса — крестьянства. В этой постановке наиболее ярко выявлялись и сильные и слабые стороны разработанной на этой основе практической программы, реальность и действенность ее революционно-демократической, антикрепостнической стороны и утопизм социалистической, антикапиталистической.

Исходной политической предпосылкой всей программы Чернышевского является крестьянская революция, переход власти в руки народа, формирование нового, революционно-демократического правительства, классовый состав которого он сам выражал формулой «земледельцы + поденщики + рабочие». Именно такое правительство было призвано осуществить всю программу антифеодальных, антикапиталистических и социалистических преобразований. «Политическая экономия, — писал он, — достаточно разъяснила ту истину, что реформы могут быть производимы только теми классами, для которых они выгодны»².

В отличие от Бакунина, который считал, что после революции и разрушения эксплуататорских порядков государство распускается и вся экономика должна развиваться стихийно, анархично,

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 871.

на основе свободного договора и товарно-денежных отношений, Чернышевский придает огромную роль государству в деле социалистических преобразований. Оно призвано выполнять не только политические, но и экономические функции. Русский мыслитель глубоко понимает, что социализм не может возникнуть и развиваться стихийным путем. Новые формы производства и общения могут получить развитие лишь при прямой помощи и поддержке народного государства. Он подвергает резкой критике буржуазные и анархические догмы о невмешательстве государства в экономическую жизнь. «Государство, — писал он, — не может не иметь прямого влияния на экономическую деятельность. Все те действия, которых требуют здравый рассудок и справедливость, все они составляют не только право, но и прямую обязанность государства»³.

Взятое в абстрактно-теоретической форме, положение Чернышевского о роли государства в социалистических экономических преобразованиях созвучно марксизму и резко отличает великого русского демократа от мелкобуржуазных концепций социализма прудоновско-бакунинского типа.

Но еще интереснее и оригинальнее постановка им вопроса о тех конкретных экономических преобразованиях, которые должны быть проведены, для того чтобы обеспечить переход России к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Чернышевский прекрасно понимает, что переход к социализму не может быть обеспечен сразу же, силой «одной попытки», он требует длительного времени и особого «переходного состояния». Вот эта постановка о «переходном состоянии» от современной ему экономики к социалистической — одно из ярких свидетельств диалектичности его мышления. К сожалению, в литературе о Чернышевском эта оригинальнейшая сторона его творчества длительное время либо совсем замалчивалась, либо получала очень бедное освещение. Между тем он сам придавал этому весьма важное значение. И им не только дана общая постановка вопроса о переходном состоянии, но и раскрыто его конкретное экономическое содержание. Предусматривается даже несколько этапов, на каждом из которых решается свой специфический круг задач.

Чтобы глубже понять содержание «переходного состояния», нам необходимо предварительно рассмотреть еще один принципиально важный вопрос — отношение Чернышевского к российскому капитализму. В решении этого вопроса он тоже проявил исключительную диалектическую гибкость ума. Уже в предреформенный период им был зафиксирован факт развития капиталистических отношений в промышленности и начало их проникновения в земледелие. Этот факт получил в его трудах оценку,

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 626.

резко отличающуюся от последующих народнических постановок. Он не предлагает «закрывать», «не допустить» развитие капиталистических отношений. Он очень глубоко понимает их закономерный и прогрессивный характер для тех условий и не ставит вопроса о немедленной ликвидации уже возникших капиталистических форм производства. Напротив, он даже приветствует появление крупных промышленных предприятий, акционерных обществ, связывая в ними оживление экономики, технический прогресс. «Как же не принесут некоторой пользы победы фабрикантов и инженеров, купцов и технологов? Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас. С каждым новым месяцем нам приходится записывать новые факты этого возрастания»⁴.

Признание прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством, признание того, что капитализм уже развивается и будет развиваться дальше, принося с собой технический прогресс, не противоречит социалистическим идеалам Чернышевского. Он глубоко понимает, что капитализм несет с собой не только технический прогресс, но и новые формы эксплуатации. Однако для тех условий России развитие капиталистических отношений в известных пределах и рамках оценивается им как необходимость. Капитализм еще только начинал свое развитие, он не занимал господствующих позиций в экономике, и ученый полагал, что с переходом власти в руки народа можно будет экономическим путем не допустить превращения капитализма в господствующую форму, постепенно ограничить его, а затем и полностью вытеснить из экономики страны. Проблема некапиталистического пути развития России понимается им не в народническом плане как проблема полного минования капиталистических форм производства, а как проблема допущения и использования капиталистических форм отношений на определенном этапе, но при условии, что они не превращаются в господствующую форму.

Во времена Чернышевского капиталистический уклад был еще недостаточно развит, и великий демократ полагал, что при поддержке народного правительства удастся противопоставить этому укладу более мощную экономическую силу в виде новых, социалистических форм производства. Выдвинутая им идея «переходного состояния» и сводится к тому, что после революции экономика России будет представлять собой сосуществование и борьбу двух секторов — создаваемого при помощи народного правительства социалистического сектора и стихийно развивающегося частнокапиталистического.

Чернышевский убежден, что эта борьба в конечном счете завершится победой социалистических форм производства. Но для

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 861.

определенного этапа такое сосуществование различных экономических форм признается им необходимым. Все феодальные формы производства ликвидируются в ходе революции, национализации помещичьих земель, отмены личной зависимости крестьян. Но капиталистические формы остаются еще на определенное время и после революции. Этим объясняется и тот факт, что в работах Чернышевского нет предложений наряду с национализацией земли сразу же провести и национализацию частнокапиталистической собственности на средства производства. Он считает полезным на определенном этапе использовать частнопредпринимательскую деятельность, конкуренцию для оживления экономики страны, но в определенных границах, не давая им возможности превратиться в господствующую форму. Он допускает сохранение частной собственности и на землю, но при условии, что она используется не на феодальных основах и не занимает господствующих позиций. «Государственные земли, — писал он, — должны преобладать в стране над выделенными в частную собственность»⁵.

Как же мыслилось Чернышевским создание и развитие социалистического сектора? Нередко полагают, что этот сектор мыслится им в виде сельского общинного землевладения. Однако такой взгляд чрезвычайно обедняет и даже искажает действительную позицию великого русского демократа. Внимательное изучение его работ показывает прежде всего, что социалистический сектор мыслился им не только в виде общин в земледелии, но и в виде коллективных предприятий в городах, а также государственных предприятий промышленного и земледельческого характера. Народное государство призвано обеспечить развитие всех этих форм, оказать им всяческую помощь и поддержку. Все эти формы защищались как формы *крупного*, технически оснащенного производства. Чернышевский прекрасно понимал огромные преимущества крупного производства над мелким и именно с ним связывал свою программу социалистического переустройства общества. Он ясно видел, что мелкое производство не может выдержать конкуренции крупного капиталистического производства, и потому полагал, что крупнокапиталистическому производству может быть противопоставлено только крупносоциалистическое производство. С этих позиций он решал и вопрос о судьбах сельской общины.

Чернышевский отлично понимал, что сама по себе отсталая крестьянская община не может превратиться в социалистическую форму. Он уже в то время отмечал факты наметившегося процесса разложения общины под натиском частнособственнических тенденций. Лишь при помощи и поддержке народного государства она может стать на путь социалистического развития. «Если это учреждение на самом деле полезно, — писал он, —

⁵ Там же, с. 468.

то для его сохранения нужна правительственная забота, потому что без законодательного охранения оно не может удержаться против частных интересов»⁶.

В своих последних работах Чернышевский уделял много внимания защите крупных государственных и коллективных предприятий. Он отдает предпочтение государственным предприятиям перед частными по той причине, что в условиях народной власти они будут использоваться «непрерывно в видах общественного благосостояния, что невозможно для частного собственника, обязанного заботиться прежде всего о собственных выгодах, которые далеко не всегда одинаковы с общественными»⁷.

Мысль Чернышевского противопоставить капиталистическому сектору мощную экономическую силу в виде крупных социалистических форм производства заслуживает внимания и свидетельствует о правильном направлении его теоретических поисков. Однако в целом его социалистическая программа была еще утопической. Если для развития капиталистических отношений в тот период имелись все необходимые предпосылки, то для развития социалистических форм не было ни объективных предпосылок, ни общественных сил, способных бороться за социализм.

Не поднявшись до понимания диалектики производительных сил и производственных отношений, не поняв объективных законов перехода от одной формации к другой, Чернышевский не смог оценить действительной исторической миссии капитализма, его роли в подготовке материальных предпосылок социализма, не смог понять исторической роли пролетариата как последовательного носителя нового, социалистического способа производства. Он мечтал силами крестьянской революции добиться решения и антифеодальных, и антикапиталистических задач. Между тем силами крестьянства можно было успешно решать только антифеодальные задачи.

Классики марксизма-ленинизма, решая эту проблему, указали, что Россия могла бы перейти к социализму, минуя капитализм, если бы на Западе уже произошла социалистическая революция и победивший пролетариат смог бы оказать русскому крестьянству всестороннюю материальную, техническую, научную, политическую помощь. В. И. Ленин показал, что после Великой Октябрьской социалистической революции перед народами отсталых стран открывается возможность некапиталистического пути развития и эта возможность реализуется в современных нам условиях. Но в тех специфически-исторических условиях, когда эта проблема впервые была поставлена в мировой науке, для ее правильного решения еще не было достаточных условий.

Но и сама постановка проблемы, творческий поиск решения даже в тех условиях сыграли огромную роль, заставив последую-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 725.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 680.

щую революционную теорию подняться на еще более высокую ступень развития. Теория некапиталистического пути развития вдохновляла сотни и тысячи людей на борьбу с царским самодержавием, подготавливала почву для последующего восприятия и развития идей научного социализма Маркса—Энгельса—Ленина.

П. Г. Рындзюнский, В. М. Жуков

ОБЩИНА И ТРУДОВАЯ АРТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В общественно-политической деятельности Н. Г. Чернышевского особое место занимают его выступления в печати во второй половине 50-х годов, совпадающие во времени с формированием революционной ситуации в стране. К ним, естественно, привлекалось внимание многих исследователей. Однако система взглядов Чернышевского в эти годы остается во многом непроясненной, о чем свидетельствует ряд расхождений в ее трактовке у советских исследователей. Можно предполагать, что одной из немаловажных причин к тому является обычно практикующееся рассмотрение работ Чернышевского за 1857—1859 гг. не в динамике. Может казаться, что это оправдано краткостью срока, когда эти работы выходили, отчего учет изменений во времени будет излишней детализацией. Но вспомним, какие это были годы. Во второй половине 50-х годов выявляются предвестия или начало промышленной революции в стране. В это время столь стремительно обособлялись и формировались течения общественной мысли (в том числе и в пределах демократического лагеря), что ситуация на идеологическом фронте изменялась с чрезвычайной быстротой, можно сказать, не только по годам, но и по месяцам. Это вызывало необходимость для вождя революционно-демократического лагеря быстро реагировать на меняющуюся обстановку. Следует учесть также и перемены в условиях издательской работы в связи с цензурными послаблениями.

Мы делаем попытку рассмотреть социально-утопические мысли Чернышевского в движении.

В статье «Славянофилы и вопрос об общине», появившейся в «Современнике» в апреле 1857 г., имеет место резкое противопоставление Запада и России. На Западе доведен до крайности принцип частной собственности. В России — «масса народа до сих пор понимает землю как общинное достояние»¹. Интересно, что здесь речь идет не только о коллективном владении, но

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 743.

также и об общинной обработке земли. Низведение частнособственнического начала в России до незначительного момента доходит до того, что даже распространение помещичьего землевладения признается слабым и сравнительно малозначительным обстоятельством. Такой странно звучащий тезис может быть отнесен за счет нередко применявшегося Чернышевским приема обхода цензурных запрещений: высказать явно неверное суждение с целью обратить внимание читателя на рассматриваемый объект (будем впредь такой прием условно называть приемом «обратного утверждения»). Тем же приемом обратного утверждения можно объяснить появление в статье «Славянофилы и вопрос об общине» уверения в независимости экономического строя от строя политического; оно в этой статье доводится до крайности².

Построения Чернышевского всегда находились в тесном сопряжении с реальной действительностью в стране, как он ее понимал. В статье «Славянофилы и вопрос об общине» много говорится о наступившем в России новом периоде интенсивного роста промышленности и торговли, но вместе с тем содержится важное ограничение: Россия «очень надолго останется государством по преимуществу земледельческим, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь, от сельскохозяйственного производства»³. Такому пониманию соответствует чрезвычайное значение сельской общины, какое придается ей в этой статье: она выступает в ней в качестве единственной основы грядущего социального строя.

Статья «Критика философских предубеждений против общинного владения», опубликованная в последнем номере «Современника» за 1858 г., создавалась в иной обстановке, чем предыдущая статья: положение в стране обострилось, возникла предреволюционная обстановка, объявлены были некоторые цензурные послабления. Автор возвестил свое намерение внести «добавления» в прежде обрисованную систему взглядов. На деле эти «добавления» оказались серьезными к ней поправками. В новой статье значение общины существенно снижается. Она не имеет самостоятельной роли — общинный принцип благотворно действует, «когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния»⁴. Эти последние состоят в том, что рента (доход от земледелия) принадлежит «тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении»⁵, и что лицо, получающее доход (ренту), «не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения»⁶.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 741—742.

³ Там же, с. 743—744.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 360.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Смысл сказанного чрезвычайно значителен. Общинный принцип действителен лишь тогда, когда поземельные отношения выведены из условий феодального и капиталистического строя. В статье «Критика философских предубеждений» сохраняется тезис, что общинная форма владения — это «высшая форма отношения человека к земле»⁷, но в ней ценность общинного владения возникает не спонтанно, а в результате включения аграрной сферы в общий поток буржуазного развития, ведущим элементом которого признается развитие промышленности и торговли⁸. Итак, в статье 1858 г. общинный принцип лишается своей самоценности.

Когда возникли возможности излагать свои мнения в печати не «по параболе», по выражению Чернышевского, а более прямолинейно, то по-иному зазвучало в его работах истолкование вопроса о соотношении политического строя и общественно-экономического уклада. «Государство не может не иметь прямого влияния на экономическую деятельность» — таково ведущее положение статьи «Экономическая деятельность и законодательство», опубликованной во втором номере «Современника» за 1859 г. Обычно смысл этой статьи усматривается в опровержении буржуазно-апологетического тезиса о независимости экономического развития от вмешательства правительства в «идеальном» государстве. Но мы хотим обратить внимание на то, что эта статья дальше развивает его суждения о ценности общинного устройства. Изменения в условиях опубликования текстов в печати позволили досказать в статье «Экономическая деятельность и законодательство» то, что, быть может, и раньше лежало в основе восхваления Чернышевским общинного быта. Оно состоит в том, что, по мнению автора, общинное устройство ограждало население от тягостного воздействия бюрократизма⁹. «Оно так просто, что отстраняет нужду во вмешательствах всякой центральной и посторонней администрации. Оно дает бесспорность и независимость правам частного лица»¹⁰. Как видим, община теперь истолковывается не только как низовая ячейка идеального общественно-экономического устройства, она оценивается также в публично-правовом плане. Вместе с тем перечеркивается прежнее утверждение об индифферентизме деревенского быта в отношении государственного устройства.

В новом свете предстает понимание Чернышевским общественно-экономической структуры России и тенденций ее развития в статье, также относящейся к 1859 г., «Суеверие и правила логики». Сразу укажем на главное. Примат в экономике теперь переносится на промышленность, вообще на внесельскохозяйст-

⁷ Там же, с. 379.

⁸ Там же, с. 378.

⁹ Там же, с. 616.

¹⁰ Там же, с. 619.

венную сферу. Земледение теперь уже не ведущее, а ведомое начало. Статья «Суеверие и правила логики» обнародована в период наивысшего подъема революционного брожения середины XIX в. В ней не только открыто обличается крепостное право, но достаточно ясно, хотя формально несколько прикрито, осуждается также и самодержавие. Оба «устоя» дореформенной России, крепостничество и самодержавный строй, внушает Чернышевский своим читателям, обусловили отсталость страны. Она выражается в плохом состоянии городов, транспорта, путей сообщений, в оторренности России от мировых рыночных связей и т. д. Состояние сельского хозяйства истолковывается в этой статье лишь в общем комплексе всех отраслей экономики и скорее понимается не в качестве первоосновы народнохозяйственной системы, а как страдательная ее часть, зависящая от таких факторов, как общественное разделение труда и развитие рыночных связей. Отсюда новые краски в обрисовке сельской общины: «...общинное владение при всем своем юридическом превосходстве далеко не оказывает у нас всех полезных действий, каких следует ожидать от его существенного характера»¹¹.

Статья «Суеверие и правила логики» значительна в развитии общественно-политической концепции Чернышевского тем, что она уже в предельной степени снижает роль общины в структуре общественных отношений в России. С предложением буржуазных экономистов ликвидировать общинное землевладение он не был согласен, но значение такой меры, если бы она была осуществлена, низводит к им до значения «приложения местной припарки»¹², т. е. до крайне незначительного по своим последствиям изменения. Снижение оценки общинного устройства обуславливалось не только тем, что земледельческий сектор в народном хозяйстве терял свое значение в глазах Чернышевского, но оно проистекало также из того, что в условиях революционной ситуации задача сохранения общинного строя померкла, поскольку на очередь дня выдвигались грандиозные перемены — перестройка всего общественно-политического строя России¹³.

Былое представление о длительном пребывании России в кругу земледельческих стран сменилось осознанием быстрого преобразования отечественной экономики, которое уже происходит и в недалеком будущем сравняет Россию с Западом. Для понимания некоторых сторон концепции Чернышевского весьма важно учитывать свойственную ему особенность: как бы видеть в настоящем времени пока еще не достигнутое, но, несомненно, утверждающееся. Эта черта его мышления, как нам кажется, обусловила противоречивое толкование в нашей литературе одного из наиболее значительных его выступлений в печати — статьи «Капитал

---

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 701.

¹² Там же, с. 710.

¹³ Там же.

и труд», написанной в конце 1859 г. и появившейся в № 1 «Современника» за 1860 г.

В этой статье большое место занимает анализ противоречий общественного строя капитализма. Вместе с тем здесь сформулирована основа социалистической теории Чернышевского: в противоположность капиталистам трудящимся свойствен коллективизм¹⁴. «Товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремления трудящихся к самостоятельности, — писал он, — и потому говорю, что производство должно иметь форму товарищества трудящихся»¹⁵.

В работе «Капитал и труд» изложен утопический план общественно-производственной ячейки, окончательно сформулированный Чернышевским. В среде советских исследователей в его истолковании имеется немало расхождений. Утверждение автора, что его план приспособлен «к нравам стран, потерявшим всякое сознание о прежнем общинном быте», по нашему мнению, должно начисто отстранить толкование, что Чернышевский имеет в виду Россию середины XIX в. Достаточно весомо за это же говорит содержащееся в плане признание возможности того, что первоначально в организационный период товарищество может находиться в руках директора, поставленного от правительства¹⁶. Чернышевский достаточно ясно обрисовал мертвящее воздействие на общественную жизнь царской бюрократии. Поэтому нам кажется несостоятельным утверждение Э. С. Виленской, что кредиторами и управителями утопического социалистического товарищества, по мысли Чернышевского, должны были быть современное ему царское правительство и его агенты¹⁷. Не принимается также предположение, что планирование получения кредита от правительства и назначение от него директора для товарищества могли быть помещены в статью Чернышевского для введения в заблуждение цензуры¹⁸. Слишком дорого обошелся бы такой обманный маневр: он сбил бы понимание читателем плана организации товарищества в существенной его части. Если бы действительно имелось опасение цензурного запрещения, то удачнее было бы обойти молчанием вопрос о кредитовании и управлении товарищества.

Как же понимать совмещение признаков российской действительности: широкое кредитование сахарозаводчиков и железнодорожных компаний из государственной казны (заметим, что эти признаки свойственны и другим капиталистическим странам) с обстоятельствами, исключающими возможность приурочивать

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 52.

¹⁵ Там же, с. 54.

¹⁶ Там же, с. 58.

¹⁷ Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 258.

¹⁸ Покровский С. А. Политические и правовые взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1952, с. 316.

осуществление плана Чернышевского к условиям царской России дореформенного времени? Для ответа на этот вопрос следует напомнить отмеченную выше особенность его построений, в которых на современную ему обстановку в России накладывалась еще не существовавшая, но уже отчетливо складывающаяся новая ситуация.

Ранее отмечалось, что Чернышевскому было свойственно постепенное признание ведущего значения промышленности в наступившей зре экономического прогресса. Это отразилось на основной части его утопически-социалистического проекта. Намечаемое товарищество трудящихся — это прежде всего промышленные мастерские; обрабатываемые членами товарищества поля выглядят как придаток к ним¹⁹. В организации земледельческого труда товарищество исходит из принципов, свойственных промышленным заведениям, а не общинному земледелию. Отсюда не принимаются имевшиеся в литературе утверждения, что теория Чернышевского, как она развита в статье «Капитал и труд», «имела в виду внедрение общинного начала в промышленность»²⁰, что товарищества строятся «по типу крестьянских общин»²¹. «Городское» по своему происхождению товарищество противостоит стихийно создавшейся в давние времена коллективности — сельской общине. Неточной кажется и мысль о стремлении Чернышевского увековечить «мелкую производственную единицу»²². Великим русским утопистом отчетливо сознавалось превосходство коллективного производства над мелким. Мы уверены в правоте В. Я. Зевина и Н. А. Цаголова, которые указывают на это обстоятельство²³.

Несомненна оригинальность проекта промышленно-земледельческих товариществ Чернышевского. Это не исключает того, что его автор учитывал имевшийся опыт поисков в том же направлении. Напомним, что в статье 1858 г. «Кавеньяк» русский мыслитель подробно рассмотрел «историю национальных мастерских и трагического их окончания» во Франции и разобрал ошибки Луи Блана²⁴. Здесь будет уместно сказать, что в «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих» (1864) К. Маркс отметил развитие кооперативного движения, в частности основание рабочими кооперативных фабрик как одно из значительных достижений. Оно показало, «что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями совре-

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 59.

²⁰ Виленская Э. С. Указ. соч., с. 257; Покровский С. А. Указ. соч., с. 308; Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948, с. 215.

²¹ Покровский С. А. Указ. соч., с. 315.

²² Штейн В. М. Указ. соч., с. 210—214.

²³ Зевин В. Я. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 158; История русской экономической мысли. М., 1958, т. 1, ч. 2, с. 697 (текст Н. А. Цаголова).

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 14.

менной науки осуществимо при отсутствии класса хозяев...»²⁵. Но именно этот успех, продолжал К. Маркс, еще раз обнаружил необходимость завоевания политической власти рабочим классом²⁶. Нам представляется, что эти слова в известной мере могут способствовать анализу утопических замыслов Чернышевского, как они сложились к самому концу 50-х годов.

Тема о создании производственных мастерских трудящимися ради избавления от эксплуатации занимает большое место в романе «Что делать?», но она развивается в нем в ином ключе, чем в предшествовавших публицистических произведениях, и потому должна быть предметом особого рассмотрения.

Разработка Чернышевским социально-утопических проектов за короткое время прошла большой путь. Статьи второй половины 50-х годов — вехи этого пути. Конечно, они должны рассматриваться в единстве, но в единстве развивающемся. Мысли, содержащиеся в этих статьях, при их исследовании не могут просто суммироваться, накладываться друг на друга. Они далеко не во всем совпадают: последующие статьи вносят «поправки» в предыдущие. Думается, что расхождения и неточности исследователей при рассмотрении ими «теории трудящихся» во многом обусловлены недоучетом необходимости рассмотрения этой теории не в статике, а в динамике.

Изучая творения Чернышевского в последовательности их появления, мы обнаруживаем необычайную чуткость их автора к явлениям текущей действительности. Наши исследования последних лет показали, что явления промышленной революции в России впервые стали отчетливо обнаруживаться с середины 50-х годов XIX в. Они были своевременно уловлены нашим великим просветителем. Поразительна необычайная отзывчивость Чернышевского на явления современности. Новые явления в общественно-экономической структуре страны лежали в основе существенных сдвигов в системе взглядов Н. Г. Чернышевского, происшедших за короткий срок последних предреформенных лет.

---

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 9.

²⁶ См.: там же, с. 10.

ОБОСНОВАНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ НОВОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

К одной из актуальных и малоизученных проблем из энциклопедического теоретического наследства Н. Г. Чернышевского относится *методология* обоснования им новой теоретико-практической программы развития политической экономии. Чернышевский был, по оценке К. Маркса, великим русским ученым и критиком, мастерски выяснившим банкротство буржуазной политической экономии. Констатация этого научного факта Марксом была признанием за великим русским мыслителем особого места в истории политической экономии.

Чернышевский выступил на поприще научной и революционной деятельности в годы кризиса феодально-крепостнической системы в России. Осмысливая конкретно-историческую обстановку России и Запада, он приходил к выводу, что во всем социально-экономическом развитии общества возникла новая политико-экономическая ситуация, требующая «радикального переворота» в теории и практике социальных отношений. Великий демократ мыслил целеустремленно, программно, системно и революционно. Его исследования осуществляются в высших сферах теоретического мышления, и в то же время они необыкновенно конкретны по своей направленности в будущее.

Первые успехи буржуазной политической экономии, формирование ее теоретической программы и системы Чернышевский связывал с борьбой «третьего сословия» против феодализма и юридическим господством его «с половины XVIII века». «К тому времени, — писал он, — когда среднее сословие приобрело фактический перевес над высшим (над классом феодалов. — А. Н., В. О.) в государственных делах, т. е. к последней половине прошлого столетия, относится и возникновение новой экономической теории, до сих пор пользующейся привилегией на имя политической экономии, как будто она единственная теория экономических учреждений. Дух ее совершенно соответствует положению среднего сословия в обществе и его занятий. Среднее сословие составляют хозяева промышленных заведений и торговцы; потому важнейшими из экономических явлений школа Адама Смита признает расширение размера фабрик, заводов и вообще промышленных заведений, имеющих одного хозяина с толпою наемных работников, и развитие обмена»¹. При такой акцентации внима-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 33.

ния теоретиков проблема «богатства» неизбежно становится центральным пунктом будущей системы, а общественное и мануфактурное разделение труда (как способы повышения производительности его) — средствами и путями его роста.

Это смысловое ядро теоретической системы классической политической экономии, превращающееся в исходный и конечный пункты ее, делает естественным предметом анализа понятия производства и капитала².

В связи с оценкой этого момента Чернышевский сразу же ставит важнейший методологический вопрос о «начале» теоретической системы. От решения этого вопроса, подчеркивает он, «в том или ином духе зависит характер всей системы» — ее полнота и правильность³. Каким же требованиям науки должно соответствовать нахождение *начала*? Началом политической экономии капитала должно быть «основное понятие науки», выражающее главное содержание экономических отношений. Оно только одно и может создать в теории «сеть систематического единства» идей и категорий, ибо «сложенные без цемента кирпичи — не дом». Начало должно обладать признаком всеобщности для всех остальных определений системы, развивать их и развиваться через них.

Поэтому начало выражает сущность данного экономического устройства общества и никак не может ограничиваться характеристикой средств, с помощью которых достигается функционирование общественных отношений. В строго научной теоретической системе в качестве начала не могут выступать ни полемические, ни публицистические моменты экономической жизни. У них своя логика, далеко не совпадающая с логикой теоретической системы. Начало, не «чуждое самому предмету», не может допускать смешения научного и ненаучного (поверхностного) подчинения системы «наперед составленным гипотезам». Тем более оно не может ставить задачу апологии данного общества, задачу «доказывать пользу неравенства». Иначе говоря, Чернышевский решительно отводил мысль о том, что в качестве начала может быть взято любое явление экономики чисто формально⁴. По этому пункту он недвусмысленно заявлял: «Если хотите, речь о предмете можно начинать с какой угодно стороны предмета, в каком бы духе ни хотели вы говорить о предмете. Но такие случаи бывают лишь тогда, когда вы имеете какое-нибудь особенное намерение, случайное, чуждое самому предмету»⁵. Очерчивая предметное поле системы экономических категорий, ученый специально подчеркивал: «Просим читателя заметить, что мы говорим не о материальном устройстве, не о технической стороне произ-

² Там же, с. 37.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 28.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 28—36; т. VII, с. 12—19.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 28.

водства, а именно только об экономических отношениях, по которым оно ведется»⁶.

Чернышевский во всеоружии аргументации убедительно доказывает, что понятие «богатство», выдвинутое буржуазной политической экономией в качестве начала ее системы, не соответствует ни одному из указанных выше критериев действительно научного анализа теории капитализма. Термин «богатство» имеет два смысла: богатство как показатель благосостояния и богатство как условия и способ увеличения имущественного неравенства между людьми. «Богатство, — писал он, — понятие чисто относительное, в нем нет самостоятельной внутренней мерки для предмета, а есть только вывод о превосходстве над другими сравниваемыми предметами». Далее: «Понятие богатства есть нечто случайное, внешнее, относящееся своим смыслом собственно не к тому предмету ... своего содержания в нем нет». На поверхности явлений богатство — понятие количественное, а не качественное; наука же обязана прежде всего выяснить качественную сторону дела. «Наука понимает под богатством сумму вещей полезных или приятных, имеющих меновую ценность, — указывал он. — Тут, как видим, дело состоит в качествах вещей, а не в их количестве ... Если богатство есть понятие положительное, а не сравнительное, если словами „исследование о способах и условиях увеличения богатства“ обозначается только изыскание об увеличении массы полезных и приятных вещей, тут еще ничего не предопределяется о содержании законов, какие должны быть найдены для распределения богатства»⁷. Итак, Чернышевский подчеркивает, что речь в этом случае идет об абстрактном производстве, как таковом, а не о сущности и содержании экономических отношений, которые следовало бы выяснить с помощью данной категории.

Категория «богатства», заложенная в фундамент теоретической системы классиков, будучи сама неопределенной и двойственной, вносит раздвоенность во все остальные построения экономистов — таков вывод Чернышевского. Богатство как центральный пункт системы делает их «программу тесной», «ограничивает науку». «Смитовская теория запутывается в этом разноречии». Правда, классики буржуазной политэкономии, исходя из «богатства», постоянно апеллируют к меновой ценности товаров, к различным формам экономических отношений, в которых проявляется ее инобытие.

Чернышевский отмечает, что здесь они нападают действительно на след ядра научной системы. Это ограничение предмета, пишет он, очень верно. На этом пути буржуазной политической экономии удастся создать обширную номенклатуру категорий, харак-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 193.

⁷ Там же, с. 29—30.

теризующих формы экономических отношений. Однако и это не делает программу буржуазной экономической теории более научной. Капитализм — это общество, «основанное на системе наемного труда»⁸, т. е. на системе отношений «капитал — наемный труд».

Научная методология, следовательно, обязывает именно эти отношения исследовать. Но буржуазная система всецело поглощена изучением лишь одной стороны этого отношения: интересами и действиями «коммерческого человека»⁹. Именно на этой основе и вырастает все «понимание» капитализма в этой системе. При таких понятиях, указывал Чернышевский, «не очень много места останется в теории на долю труда». Господствующий класс прямо заинтересован в уменьшении доли труда в продукте, так как его собственную долю «составляет сумма продуктов, за вычетом части, отданной труду»¹⁰. Именно поэтому в качестве точки отсчета для возрастания капитала (богатства) в форме прибыли и служит у них минимум средств существования, чтобы ограничить вычеты на долю труда и увеличить на долю капитала. Именно поэтому они акцентируют главное внимание на общественном и мануфактурном разделении труда, на конкуренции.

Политическая экономия невольно превращается в «паперики капиталу» и его творческой силе. Над всей теорией «выскапывается понятие обмена, будто живительного начала»¹¹.

Чернышевский отмечал, что классики буржуазной политической экономии понимали, что источником новой стоимости, источником возрастающего богатства и капитала является труд — «постоянное воспроизведение через труд». Причем речь идет не о замещении элементов капитала и «богатства», помещенных в производство, а об образовании новых. Казалось, что это должно было бы усилить их интерес к изучению экономических феноменов, связанных с наймом труда, стоимостью и оплатой труда наемных рабочих. Это обязывало их изучать и генезис этих отношений. Однако буржуазные экономисты вслед за заявлением Смита о бесполезности подобного рода изысканий, раз уж система наемного труда существует¹², оставляют эту одну из важнейших проблем политической экономии капитализма без всякого научного исследования. Чернышевский приводит в своих комментариях к системе Милля его собственные слова по этому пункту: «Сказав, что состояние дикого общества (описанного Миллем в очерке экономической истории человечества на разных этапах. —

⁸ Там же, с. 592.

⁹ Там же, с. 409.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 37.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 34.

¹² См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 63—64.

А. Н., В. О.), не имеющего ни жилищ, ни запасов пищи, есть состояние величайшей бедности, какая только известна нам по истории, Милль прибавляет: но „в обществах гораздо богатейших есть классы, находящиеся в состоянии столь незавидном, как эти дикари, несравненно беднейшие всех эскимосов, якутов и готтентотов“»¹³.

Однако Милль посвятил этому факту «ровно две с половиною строки», — заключает Чернышевский. «Больше этого не стоит, видно, говорить о нем: видно, что он не важен, не занимателен, да и больше сказать о нем нечего, как мимоходом упомянуть о нем: нет, видно, никаких особенных средств помочь ему; довольно в двух строках сказать, что есть вот такой факт, выразить сожаление о нем и заняться другими предметами, более важными»¹⁴.

Великий русский экономист видит в этом факте не только классовую ограниченность (более того, классовую заинтересованность), но и в конечном счете теоретическую и методологическую несостоятельность классической буржуазной политической экономии, которая фокусируется в «начале» ее системы — в «богатстве». Сосредоточив все свои силы на анализе одного полюса экономических отношений (на богатстве), буржуазные теоретики сознательно исключили из предметного поля своей теории другой полюс — наемный труд и категории, в которых он выражается, и тем самым по существу исключили возможность категориального синтеза буржуазной формы экономических отношений. Это, несомненно, свидетельствовало о несостоятельности их теоретической программы и разработанной системы, о неизбежности вытекающих из анализа каждого экономического явления неразрешимых антиномий.

Эти выводы Чернышевский фиксирует в своих комментариях к Миллю. Лишь для примера сошлемся на оценку русским экономистом анализа противоречивых тенденций развития общественного и мануфактурного разделения труда. «Мы имеем, — отмечал он, — две формулы, соединение которых дает тот вывод: элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, губителен для массы людей своим развитием... К подобному выводу сводятся почти все вопросы политической экономии. Долго недоумевали писатели, как разрешить эту антиномию»¹⁵.

Методологически несостоятельная программа развития буржуазной политической экономии сама, таким образом, лишила себя, свою систему «всякого научного характера», делал вывод Чернышевский, отсюда далеко не полный анализ стоимости, прибыли, капитала, условий и факторов роста «богатства», законов их распределения¹⁶.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 35.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 191.

¹⁶ Там же, с. 536—555.

Теория стоимости, не имеющая учения о «меновой ценности» рабочей силы, по существу остается без «коренного вопроса»¹⁷.

Обращаясь к характеристике исторических условий формирования программы буржуазной политической экономии, Чернышевский выделяет из массы других следующие: 1) недостаточная зрелость буржуазных экономических отношений и вследствие этого принятие за предмет политэкономии интересов и целей «коммерческого человека»-капиталиста; 2) традиционность предмета политической экономии (от меркантилистов до Смита и Рикардо включительно) с единой сквозной проблемой богатства; 3) исключение пролетариата из анализа системы экономических отношений как следствие признания его незрелости, пассивности; 4) слабость методологической базы политической экономии. «Адаму Смиту, — останавливает Чернышевский внимание читателей, — тем легче не предвидеть логических последствий найденного им принципа (теория стоимости. — *А. Н., В. О.*), что в те времена у сословия, которому принадлежит труд, не было . . . никаких стремлений к самостоятельному историческому действию и оно было в тесном союзе с средним сословием, с владельцами оборотного капитала, пользовавшимися помощью простолюдинов для своей борьбы с высшим сословием . . . Адам Смит не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, с основным своим понятием о труде как источнике всякой ценности. То были времена, когда требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»¹⁸.

Имея в виду традиционность предмета исследования («меркантильный недуг» теории Смита), Чернышевский писал: «. . . все это отростки того же корня, из которого некогда выростала она (система меркантилизма. — *А. Н., В. О.*), в предмете, где все зависит от расчета, смитовская теория, подобно меркантильной, забывает довести счет до конца, прекращает его на половине, как меркантильная теория прекращала на первой строке. . .»¹⁹. Поэтому, подчеркивает он, именно этот момент, банкротство, хотя оно и выражается в теоретическом и методологическом бессилии преодолеть старые противоречия и ошибки или поставить и решить новые вопросы прозелитами Смита и Рикардо, относится прежде всего к теоретической системе классиков буржуазной политической экономии, к их программе исследования, их методологии, их классовой ориентации, ибо в равнодушии к рабочим виноват не Милль один. «Нет, он еще гораздо лучше всех других последователей смитовской школы. Виновата теория этой школы, построенная так, что в ней нет места для факта, ставшего теперь

¹⁷ Там же, с. 537.

¹⁸ Чернышевский *Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 38.

¹⁹ Чернышевский *Н. Г.* Полн. собр. соч., т. IX, с. 34.

повсюду главным двигателем истории. Сто лет тому назад, когда она строилась, масса населения, от него страдающая, еще не имела твердой мысли о возможности изменить свое положение. . . Теперь оказалось иное, простолюдины находят, что для прочного улучшения их состояния нужны вещи. . . которые во многом несовместимы с выгодами среднего сословия. Оно испугалось этих новых требований; борясь против них в жизни, оно старается опровергнуть их в теории. Если это не изменится, если теория, созданная средним сословием, не будет перестроена сообразно потребностям нового, простонародного элемента жизни и мысли, она будет отвергнута прогрессом, уже начавшим быть во вражде с нею»²⁰.

Ярчайшей иллюстрацией банкротства политической экономии в коренных началах ее являются революции 1830 и 1848 гг., когда впервые рабочие выступили с самостоятельными требованиями, хотя еще нечетко понятыми и сформулированными; распад школы классической буржуазной политической экономии вследствие внутренних противоречий и неспособности объяснить новые факты жизни; возникновение нового, вульгарно-апологического направления в теории капитализма²¹.

Чернышевский понимал, что классическая политическая экономия периода Смита и Рикардо внесла значительный вклад в формирование этой новой отрасли знания, что положительные моменты их теории должны быть предпосылками создания и развития новой теоретической системы политической экономии. Однако главное место в этом критическом разборе истории политической экономии он придает не ее положительным моментам (несмотря на их общую значимость), а выяснению новой политической и научной ситуации, необходимости «радикального переворота» в политической экономии, обоснованию принципов построения новой теории. Именно эта мысль находит свое выражение в следующем высказывании революционера-демократа. По воспоминаниям А. А. Токарского, он говорил: «Все силы и мысли политико-экономов направлены на изучение законов накопления богатства. Это старый и ложный путь. Надо брать с другого конца. . . Но кто этим занимается в настоящее время? Только утописты. Но у всех у них такие куцые, короткие шаблоны»²². И как последний аккорд в оценке исторического значения системы Смита—Рикардо, прозвучали такие ее аттестации Чернышевским: это «только начало экономической науки», к будущей системе она относится, как арифметика к высшей математике²³.

Но какова же новая программа дальнейшего развития политической экономии? Каковы контуры теоретических построений

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 35—36

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 38—43; т. IX, с. 62—75.

²² Чернышевский Н. Г. в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, с. 345.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 518.

новой системы? Из какого «начала» должна она исходить? Какие практические функции возлагаются на новую теоретическую систему? Какова ее методология? Вот тот перечень основных вопросов, которые сформулировал и решал в своих политико-экономических изысканиях великий русский экономист и революционер. Очертим основные контуры намеченной им программы дальнейшего развития политической экономии.

Прежде всего Чернышевский считает необходимым (и сейчас мы видим, как он был в этом прав) дифференцировать в теоретической экономии две сферы: *общую* теорию политэкономии и *специальную* теорию отдельных форм экономических отношений. Основания для этого деления он находит в самой жизни. Во-первых, историческая последовательность смены различных форм экономических отношений в каждой отдельно взятой стране; во-вторых, одновременность сосуществования различных — от самых архаичных и до самых развитых — форм экономического устройства в разных странах разных континентов; в-третьих, растущее единство исторического процесса всемирной истории, которая вовлекает неизбежно все страны в единое русло формирования предпосылок синтеза новых, прогрессивных социально-экономических форм жизни. В общих принципах организации общества это, с одной стороны, различные формы отношений между людьми, а с другой — отношения между людьми и природой в целом; с одной стороны, это экономические отношения между людьми, а с другой — отношения к материально-технической основе их, т. е. к производительным силам.

Серьезным основанием для подобного расчленения теоретической системы политэкономии были и не разрешенные классиками буржуазной экономической науки противоречия их анализа. Здесь они столкнулись с трудностями различения материально-вещественной основы экономических категорий и их общественных форм. Не будучи в состоянии понять смысл этих противоречий и решить их, буржуазные экономисты постоянно смешивали эти две стороны экономических феноменов. Оценивая итоги анализа классиками буржуазной политической экономии самых различных экономических явлений капитализма, Чернышевский всюду фиксирует подобные антиномии и смешения элементов материально-вещественных и общественных. Вот некоторые наиболее характерные констатации этих противоречий и смешений. Оценивая уровень анализа Смитом и Рикардо «меновой ценности», русский экономист отмечал, что у них имеет место смешение «временных форм экономического устройства с коренною сущностью явлений, проходящих ныне через эти формы в известных странах, проходящих через другие формы в других странах и проходивших через третьи формы в прежние времена»²⁴. «Читателю известно, — писал он, — что сама эта теория (классиков бур-

²⁴ Там же, с. 164.

жуазной политэкономии. — А. Н., В. О.) различает два вида ценности — внутреннюю и меновую. О внутренней ценности она забывает тотчас же, как только скажет мимоходом, что есть кроме меновой ценности внутренняя, и сосредоточивает все свое внимание на одной меновой. Мы считаем это недостатком и, рассмотрев законы меновой ценности, исследуем . . . вопрос о том, какое влияние на экономическую судьбу общества должна произвести та неизбежная перемена, когда при развитии рассудительности (цензурный терминологический эквивалент революционных изменений. — *Ред.*), люди станут прилежнее нынешнего всматриваться во внутреннюю стоимость, ценность предметов»²⁵. Под внутренней ценностью Чернышевский понимал общественно необходимые трудовые затраты на производство продукта. Мы и сегодня знаем, как велико значение общественно необходимых затрат для общественного хозяйства.

Но какова ценность такой классификации разделов политической экономии и ориентации новых теоретических построений?

Выдающееся значение великого русского мыслителя в постановке и решении этой проблемы состоит в том, что он научно обосновал необходимость выхода политической экономии за границы *единственной* формы организации экономических отношений, необходимость изучения их не порознь, а в едином потоке анализа и синтеза различных форм, в процессе изучения «каузальных отношений между общим и частным». Уже сама идея о необходимости расчленения политической экономии на две сферы относится, несомненно, к выдающимся методологическим достижениям. Более внимательно рассмотрение этой проблемы по произведениям самого Чернышевского убедительно подтверждает это.

Великий экономист дает нам образцы двух различных типов воспроизведения действительности в теории. Он справедливо полагает, что политическая экономия сначала изучает экономические отношения одного строя общества (например, капитализма), чтобы все *особенное* в конечном счете свести ко всеобщему. Так создается одна система категорий. Но тут же возникает и другая задача: от этого *всеобщего* перейти к анализу предпосылок будущего с его новым особенным. Это дает вторую систему категорий.

Предметом одной сферы политической экономии является особенное — определенные общественные формы, покоящиеся на вполне определенных материально-вещественных основах.

Предметом другой сферы является новое всеобщее, т. е. изменяющиеся, развивающиеся, структурно перестраивающиеся в результате функционирования господствующих общественных форм материально-вещественной основы. Они (материально-вещественные основы), будучи источником развития господствующей

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 519—520.

щих форм, сами находятся под воздействием общественных форм производства, сами становятся предпосылками новых общественных форм, сами требуют их и стимулируют тем самым весь ход исторического развития. По существу Чернышевский подошел к пониманию (в применении к экономической теории) диалектики взаимоотношения формы и содержания. Конечно, следует не забывать, что вся эта диалектика осуществляется в ходе исторической деятельности людей. Эти две сферы отношений и две системы категорий относительно самостоятельны. Но в их самобытном развитии своя диалектика: общественная форма развивается на «прошлой» материально-вещественной основе, а последняя (являясь «прошлой» только относительно данной формы общественных отношений), развиваясь сама, готовит необходимые предпосылки общественной формы будущего. Из этого видно, что их обособленность связана единством противоположностей, диалектикой каузальных отношений между всеобщим и особенным в пределах данного строя и на стыке между старым и новым. В итоге оказывается, что специфическое особенно развивает, поднимает выше всеобщее, а обогащенное всеобщее неумолимо толкает к новому уровню особенное, точнее, ведет к новой особенности. Политическая экономия от этого только выигрывает: она становится наукой о синтезе различных форм экономических отношений, наукой о социально-экономическом прогрессе, теорией и историей (разумеется, в границах собственного объекта исследования) цивилизации.

Все произведения Чернышевского написаны в таком логическом ключе: диалектика общины, политико-экономические комментарии к Миллю, различные исторические и философские этюды. На таком методологическом базисе он строит свою политико-экономическую систему. Эта тема в указанном аспекте почти не изучена. Но характеристика категориального строя этой системы выходит за рамки предмета данной статьи.

Новая программа развития политической экономии Чернышевского вся по своим функциям устремлена в будущее. Неизбежность будущего, утверждал Николай Гаврилович, «доказывает себя почти математически», но до него еще далеко, ибо капитализм еще только начал делать карьеру; путь к нему непрост. Однако теоретик и революционер должен всегда исходить из перспектив. «Близка или далека цель, все равно, нельзя выпускать ее из мысли, пельзя потому, что, как бы далеко ни была она, ежеминутно представляются и в нынешний день случаи, в которых надобно поступать одним способом, если вы имеете эту цель, и другим способом, если вы не имеете ее»²⁶.

В заключение надо отметить, что теоретическое наследство Чернышевского нуждается в серьезной разработке. В последнюю четверть века теоретическое наследство великого революционера

²⁶ Там же, с. 352.

мысли почти не было объектом историко-научного исследования (особенно его экономическая теория). Первые ознакомительные работы, осуществленные советскими учеными-обществоведами в связи со 125-летним юбилеем со дня рождения, далеко не решили и не исчерпали проблему глубокого научного исследования его теоретического вклада. В. И. Ленин называл годы деятельности Николая Гавриловича «эпохой Чернышевского». Однако уровень исследований этой «эпохи» пока еще недостаточен. Необходимо осмыслить и раскрыть все величие многогранных идей (особенно в области экономической мысли) великого русского патриота, революционера второго этапа освободительного движения в России.

Потребность в исследовании духовной культуры России и патриотическая гордость за теоретический вклад лучших ее представителей вызывают необходимость предпринять новое издание Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, снабженное научными комментариями и примечаниями. Это будет достойным памятником его революционной и общественной деятельности.

П. М. Рогачев,* М. А. Свердлин

ВОПРОСЫ ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н. Г. Чернышевский был не просто великим патриотом Родины по характеру своей деятельности и степени энтузиазма, самопожертвования на благо Отечества, он был и мудрым теоретиком в проблеме патриотизма, соотношения национального и общечеловеческого, угадавшим благодаря гениальной интуиции многое из того, что нашло подлинно научное отражение в теории и практике марксизма.

«Содействовать славе не преходящей, а вечной своего Отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого»¹. Эти слова Н. Г. Чернышевского стали крылатой фразой, вошедшей в учебники современной школы как кредо патриотов всех поколений советских людей.

В двадцатилетнем возрасте Чернышевский в своем дневнике писал: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока»².

¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV, с. 43.

² *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 41.

Еще через несколько лет он, уже сложившийся антимилиитарист, враг самодержавия и его официальной идеологии патриотизма и отечества, с восторгом истинного патриота записал в рецензии на «Морской сборник» о военной доблести героев Севастопольской обороны следующие слова: «Да, мужественные защитники родных укреплений... ваши имена не остались безвестными, они внесены в летопись той осады, которая благодаря вашей беспредельной храбрости, вынудила у самих врагов признание о доблестях русского воина»³. «...Какой русский, — писал великий мыслитель в статье „Стихотворения А. Н. Майкова“, — не желал бы ныне стать поэтом, чтобы откликнуться на громкий вызов великих событий современности? Кто не хотел бы возвысить свой голос против врагов отечества...»⁴

Всей своей жизнью и деятельностью Чернышевский доказал, что это были не просто слова, на которые, кстати сказать, находилось немало охотников из числа его современников — либералов, прекраснодушных «квасных патриотов», способных не более чем умиляться «русской задней», показными бутафорскими атрибутами славянства и опошлявших, нередко на шовинистический манер, святое слово «патриот».

Разницу между настоящим и мнимым патриотизмом Чернышевский понял по существу уже в начале своей научной деятельности. «Как все высокие слова, как любовь, добродетель, слава, истина, — писал он в 1855 г., — слово „патриотизм“ иногда употребляется во зло не понимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом; поэтому, употребляя священное слово „патриотизм“, часто бывает необходимым определить, что именно мы хотим разуметь под ним»⁵.

И теперь этот вопрос не теряет актуальности. Что имеется в виду под патриотизмом, если выступать с позиций не кабинетного мечтателя, а радетеля интересов Отечества на деле? Стремясь ответить на этот вопрос, современный ученый-марксист найдет немало ценных положений в трудах Чернышевского.

Как известно, нет любви к Родине без определенной идеализации объекта патриотической преданности, без окружения романтическим ореолом ценностей (действительных ценностей!) Отечества. Это хорошо показал Чернышевский уже в ранний период своей деятельности, например в оценке патриотизма Петра I⁶. Но он не менее убедительно показал и то, что патриотизм предполагает не умиление всем и вся, что живет в Отечестве (это было бы выражением простой мещанской сентиментальности), а критическое отношение к общественным порокам,

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 582.

⁴ Там же, с. 645.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 136.

⁶ Там же, с. 136—138.

желание их искоренения. Чернышевский был решительным противником как «заоблачных мечтаний», так и «самохвальства». Вместе с тем он и не был пессимистом, склонным видеть только отрицательное.

В связи с этим небезытересно сопоставить взгляды Чернышевского с высказываниями, например, такого выдающегося мыслителя, как П. Я. Чаадаев, по вопросу об оценке исторических традиций народа. Представляют большую ценность выступления последнего против так называемого патриотизма «с закрытыми глазами», который «приспосаблиется все видеть в розовом свете». Чаадаев понимал, что такое слепое чувство любви к Родине может выливаться в любование всем, что есть и что было. Консерватизм и ретроградство нередко оказываются спутниками подобной любви к Родине. Известно, что Чаадаев резко осуждал как феодальный строй и самодержавие, так и капитализм. Вместе с тем, соглашаясь с идеей Чаадаева о необходимости критического отношения к действительности, нельзя не отметить односторонности его взглядов. В своих «Философических письмах», заглянув в прошлое России, он «сказал, только про боль», — так оценил позицию Чаадаева великий патриот и большой оптимист А. С. Пушкин. Полемизируя с Чаадаевым, он писал: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться»⁷.

Как бы критически ни оценивал историю страны мыслитель, он должен утилизировать все светлое в прошлом, чтобы ставить его на службу будущему Родины.

У революционеров-демократов, и прежде всего у Чернышевского, острый критицизм по отношению к российской действительности отнюдь не был чем-то таким, что похоже на желчь, разлитую в организме и отравившую его. Это был критицизм не ради голого отрицания, а во имя *совершенствования*. Патриотизм — это оптимизм или, еще лучше сказать, критицизм оптимистов, верящих в неисчерпаемые силы сынов Отечества. Заточенный на многие годы в острог, Чернышевский предсказывал блестящее будущее непобедимой русской нации: «Мы настолько сильны, что ни с Запада, ни с Юга, ни с Востока не может пахлынуть на Россию орда, которая подавила нас ... нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать свою жизнь все лучше и лучше»⁸. Что имеется в виду под этим «все лучше и лучше», ясно видно, например, из произведений ученого-революционера и политэкономии, где он строит планы переустройства общества на социалистических началах. Более того, он рисует контуры коммунизма, который берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем принципы социализма.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 40-ти т. М.; Л., 1949, т. 40, с. 867.

⁸ Чернышевская Н. М. Летопись..., с. 459.

Чернышевский был противником такого патриотизма, который сводится к увлечению «историей быта», мелкими деталями этнографического порядка, к консервированию любых традиций в истории культуры народа.

Настоящий патриотизм, по Чернышевскому, означает внимание к истории «крупных национальных событий, дающих тон жизни»⁹. В этих «событиях» главную движущую силу он видел в *народных массах*. Так, перечисляя факторы победы России в Отечественной войне 1812 г., Чернышевский на одно из первых мест поставил «патриотизм народа»¹⁰. Следовательно, объективно он работал на формирование научной концепции о прямой связи патриотизма народных масс и их роли как решающей силы исторического процесса.

Великий ученый хорошо видел бескорыстный характер патриотизма народных масс, «простолюдинов», его отличие от патриотизма помещиков и капиталистов, который по природе своей произан корыстолюбием. Представляет интерес следующая его запись по поводу суждений раненных под Севастополем матросов, когда их спрашивали, в чем они нуждаются, чего желают для себя или для родных. «Из 653 человек только 43, да и то единственно по повторному требованию, изъявляют определенные желания и надежды — и как скромны эти желания!.. Как ярко обрисовывается таким фактом жизнь русского воина, умирающего за Отечество, не ожидая воздаяний. Как хорошо обрисовывается им жизнь русского простолюдина вообще»¹¹.

Патриотизм в понимании Чернышевского означает не просто добрые пожелания, а *действие* на благо Отечества. Примечательно, что в одном из писем к своему сыну, давая последнему урок патриотизма, он в противовес платонической любви к Родине ссылается на пример римских патриотов, в частности Коклеса Одноглазого, который совершил выдающийся подвиг, когда «один отстаивал мост перед лицом полчища этрусков. Чернышевский писал, что «высочайший патриотизм» — это «страстное, беспредельное желание блага Родине, одушевляющее всю жизнь, направляющее всю деятельность...»¹².

Путь к этому благу он видел в народной, конкретно — крестьянской, революции. Еще в 1850 г. Чернышевский прямо заявлял, что его «образ мысли» о Родине — «неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее»¹³.

В свете сказанного, типизируя патриотизм Чернышевского и его сподвижников, мы можем квалифицировать его как революционно-демократический, занимающий относительно самостоятельное место среди других типов патриотизма — буржуазного,

⁹ Там же, с. 496.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 490.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 582—583.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 136.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 356—357.

мелкобуржуазного, пролетарского. Традиционно патриотизм перо-пролетарский рассматривался недифференцированно. А между тем патриотические идеи революционеров-демократов имеют ряд существенных особенностей по сравнению, например, с широко распространенным мелкобуржуазным патриотизмом крестьянина и ремесленника как *собственников*, далеких от революционной практики и национально ограниченных. Взгляды же Чернышевского выражали интересы простолюдина, особенно крестьянина, как *труженика*. Идеи и действия революционеров-демократов тем более отличаются от позиций классиков буржуазной идеологии, например таких, как Фихте, особенно много занимавшийся проблемой патриотизма. В нем Фихте видел средство объединения Германии. Он горячо выступал против деспотизма и сепаратизма князей, бывших главным препятствием на пути к созданию единой немецкой нации и единого германского государства.

Но патриотические идеи Фихте, как, впрочем, и Гегеля, в отличие от Чернышевского, во-первых, нельзя отнести к числу революционных; во-вторых, им не хватает демократизма: эти мыслители не выделяли народ, трудящихся как основную патриотическую силу. Чернышевский весьма точно определил существо буржуазной идеологии патриотизма, родоначальником которой в Германии были Фихте и Гегель. «... Немецкие патриоты и либералы, — писал Чернышевский, — подававшие адреса и требования, все свои надежды возлагают на патриотизм и мудрость немецких правительств, особенно прусского». Он спрашивает: «Могут ли немецкие правительства добровольно взяться за исполнение желания немецких патриотов?» — и отвечает отрицательно. «Революционные средства, — продолжает великий демократ, — не могут быть приняты консервативным правительством, а единство Германии при нерасположении к нему всех второстепенных правительств не может быть осуществлено иначе, как революционными средствами»¹⁴. В-третьих, патриотические воззрения немецких буржуазных идеологов были так или иначе национально ограниченными. И здесь мы тоже должны видеть принципиальное отличие буржуазных воззрений и революционно-демократических взглядов Чернышевского, свободных от национализма. К этой последней черте его концепции мы вернемся ниже.

Справедливость требует отметить и общее во взглядах классиков немецкой философии и Чернышевского. И Фихте, и Чернышевский среди прочих видов патриотической деятельности особо выделяли науку и с ней связывали судьбы и престиж нации, Отечества. Для русского мыслителя наука не есть сумма абстрактных истин. Он стремится поставить ее на службу решению социальных проблем. Наука, писал ученый-революционер,

---

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 409, 410.

«не отвлеченна и не холодна: она любит и негодует, преследует и покровительствует»¹⁵.

Еще в так называемый просветительский период своей жизни и деятельности Чернышевский в одном из писем к своему двоюродному брату А. Н. Пышину провозглашал: «Решимся твердо всюю силою души содействовать тому, чтобы прекратилась эта эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей, чтобы она перестала быть чужим кафтаном... Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самообытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни — в науке. И да совершится через нас, хоть частью, это великое событие!»¹⁶. Как это созвучно с предвидением В. Г. Белинского о роли России, которая в середине XX в. станет во главе просвещенного мира!

Обращают на себя внимание содержащиеся в призыве Чернышевского слова «спасительно для человечества». Это отнюдь не случайно оброненная фраза. Здесь, как и в ряде других высказываний, ученый-патриот выступает одновременно и как интернационалист. Это интернационализм, выросший из гуманизма, интернационализм, не ставший идеологией целого класса и не поднявшийся до уровня пролетарского интернационализма. Тем не менее это идейные взгляды людей, патриотизм которых ничего общего не имеет с национализмом.

Идеи Чернышевского едины по своей сущности с воззрениями зарубежных революционеров-демократов, таких, как Христо Ботев, Шандор Петефи, Светозар Маркович, Ян Неруда и др. Объективно известным продолжением такой идеологии являются воззрения некоторых современных революционеров-демократов — участников национально-освободительного движения. Они, как истинные патриоты, ориентируются на социалистический путь развития, ибо только он открывает простор для подлинного расцвета Родины и единения трудящегося человечества. И хотя многие из них не успели еще в полной мере усвоить марксизм, а следовательно, и пролетарский интернационализм, тем не менее они постепенно преодолевают национальную ограниченность, все больше убеждаясь в том, что борьба за социализм может быть успешной только в сотрудничестве с мировой социалистической системой.

Важной чертой революционно-демократического патриотизма Чернышевского является решительное отрицание любой формы притеснения или ограничения независимости слаборазвитых народов. Весьма современно звучат следующие его слова: «Утверждать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 118.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 48.

потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно»¹⁷.

Чернышевский резко критиковал утверждения реакционных историков, что под влиянием военной силы и завоеваний исчезают племенные различия и возникает единая нация. Он отмечал, что завоевания Кира, Александра Македонского и других полководцев, наоборот, мешали развитию национальных культур и сближению народов. Борясь со всей страстью против шовинизма и милитаризма, он очень метко окрестил их как «необузданный патриотизм». Заметим, что Л. Н. Толстой, хотя и с иных мировоззренческих позиций, примерно так же оценивал лжепатриотизм реакционных классов — как средство обработки сознания масс в духе милитаризма и покорности их перед самодержавным правительством¹⁸.

В трактовке патриотизма Чернышевский в отличие от других непролетарских идеологов исходил, во-первых, из идеи единства человеческого рода, имея в виду, конечно, трудящихся и их борьбу за социализм, во-вторых, из учета классового расслоения внутри нации (по его терминологии, сословное деление); в-третьих, из связи патриотических интересов с социалистическим идеалом. Все эти три момента объективно как-то взаимосвязаны и взаимообусловлены. Можно с достаточным основанием предположить, что к пониманию этой связи русский мыслитель подходил через идею решающей роли труда в жизнедеятельности человека и роли трудящихся в общественном прогрессе.

В произведениях великого ученого хорошо просматривается тенденция к раскрытию диалектики национального, классового и общечеловеческого. В решении этой проблемы он следует традиции В. Г. Белинского. Чернышевский с явным одобрением цитирует следующее положение великого критика: «Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура, но в действительности ее нет»¹⁹. А поскольку противоречие может все-таки возникнуть, то в этом случае, как писал он (и писал в основном своем методологическом произведении «Антропологический принцип в философии»), «общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации»²⁰.

В этом суждении он выступает как интернационалист-гуманист. К такому выводу великий демократ подходит отсюда не с позиций какого-то абстрактного космополитизма, который, кстати сказать, ныне представлен проповедниками так называемого «планетарного сознания», а благодаря пониманию единства интересов *трудящихся* разных национальностей. Здесь уже про-

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 105.

¹⁸ Особый интерес в этом отношении представляют статьи Л. Н. Толстого, относящиеся к 80—90-м годам: «Христианство и патриотизм», «Патриотизм или мир?», «Патриотизм и правительство».

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 290.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 286.

смачивается классовый подход, хотя и без достаточной дифференциации трудящихся. Корни национальных конфликтов Чернышевский видел в эгоистических интересах эксплуататорских классов. Так, например, анализируя причины галицийского конфликта, он писал: «Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен облегчению повинностей и вообще быта русинских поселян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельца русинского племени по этому делу много отличались от чувств польских землевладельцев. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в сословных, а не в племенных отношениях»²¹. Примечательно, что, подчеркивая противоположность классов внутри наций и общность однородных классов разных наций, великий демократ ссылается на соответствующее утверждение Т. Г. Шевченко²².

Ученый-революционер отчетливо понимал, что в основе социального расслоения и антагонизмов лежат не национальные различия, а эксплуатация чужого труда. «Нынче очень много говорят о национальностях, — писал он. — Но, как ни сильны симпатии и антипатии, возникающие из них, еще сильнее чувства, внушаемые каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодам все европейское общество разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая своим собственным: первая благоденствует — вторая терпит нужду»²³.

В своих воззрениях на общественный прогресс Чернышевский придерживается принципа единства истории человечества. Это позволяет ему глубже понять и конкретное, национально-особенное. Для иллюстрации приведем следующее высказывание ученого: «Русская история понятна только в связи со всеобщей, объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории»²⁴.

Важное значение с точки зрения борьбы с национализмом имеет трактовка проблемы национального характера, который нередко выдвигается в качестве основного и даже самодовлеющего признака нации. И здесь великий революционер-демократ выступает по существу как наш союзник.

В работе «О различиях между народами по национальному характеру» он последовательно выступает против идеи неизменной наследственности характера и других психических качеств людей. Так, не отрицая наличия природного темперамента, автор тем не менее указывает, что он «вообще заслоняется влияниями жизни, так что различить его несравненно труднее, чем обыкновенно предполагают», «врожденные склонности... слабы и гибки», и «главное дело не в них, а в том влиянии, какое ока-

²¹ Там же, с. 779—780.

²² См. там же, с. 792.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 337.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 268.

зывают на народы, племя или сословие народа обстоятельства жизни»²⁵. В другой статье — «О классификации людей по языку» — Чернышевский прямо объясняет фантазией утверждения националистов о биологическом единстве нации как основе общности характера и других признаков. «О нынешних европейских народах и американских народах европейского происхождения, — пишет он, — давно признано всеми специалистами, что они смесь людей разных физических типов»²⁶.

Чернышевский неоднократно подчеркивает, что особенности характера, идущие от сословных различий, более существенны, чем национальные. «Привычки, имеющие важное реальное значение, — отмечает ученый, — различны у разных сословий или профессий по различию их образа жизни»²⁷. Признавая, что «есть множество других привычек, имеющих не сословный, а национальный характер», он тем не менее прямо заявляет, что «в серьезном ходе пародной жизни их значение ничтожно»²⁸. И далее заключает: «Португальский вельможа по образу жизни и по понятиям гораздо более похож на шведского вельможу, чем на земледельца своей нации; португальский земледелец более похож в этих отношениях на шотландского или норвежского земледельца, чем на лиссабонского богатого негодяя»²⁹.

Чернышевский отмечал спекулятивный характер суждений социологов, абсолютизирующих национальные особенности психологии. Он писал, что «ходячие понятия о характерах» народов «составлены не только по материалам недостаточным, но страстно и небрежно. Самый обыкновенный случай небрежности тот, что случайно приобретенные сведения о качествах какой-нибудь малочисленной группы людей ставятся характеристикой целой нации»³⁰. Не мешало бы задуматься над всеми этими положениями великого мыслителя иным современным социологом, преувеличивающим значение национального характера и тем самым фактически недооценивающим общность психологии наций, идущих по пути тесного сближения на основе социализма.

Именно по поводу проблемы национального характера русский революционер-демократ резонно замечал, что, «сосредоточивая свое внимание па действительных или мнимых различиях предметов, мы привыкаем не обращать внимания на качества, общие всем им»³¹. В этой связи нельзя не отметить, что он гениально предвидел (хотя и явно преувеличивая сроки) возможность не только тесного сближения, но и *полного* слияния наций в новую общность — единый народ. «Быть может, через 1000 лет, — писал ученый, — не останется на свете ни сербов, ни бол-

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 889.

²⁶ Там же, с. 827.

²⁷ Там же, с. 890.

²⁸ Там же, с. 890—891.

²⁹ Там же, с. 891.

³⁰ Там же, с. 893.

³¹ Там же, с. 894.

гар, ни малороссов, а будут потомки этих народов составлять какой-нибудь один народ, которого теперь еще нет на свете»³².

С выступлениями Чернышевского, фактически направленными против национализма, в непосредственной связи находятся его критика расизма и обоснование социального равенства людей разных рас.

Накануне гражданской войны в Соединенных Штатах Америки он публикует в «Современнике» ряд статей-рецензий («Политико-экономические письма к президенту Соединенных Штатов» Г. К. Кэре», «Непочтительность к авторитетам» и др.), в которых выступает в защиту негров³³. Он обвиняет государственный аппарат США в том, что там по существу дела «наглое насилие, кулачное право, нашло себе свободный доступ в сенат»³⁴. Для великого демократа это был не просто «негритянский» вопрос. Его неразрешенность оставляла неизгладимую печать на всей общественной жизни страны и судьбах народа. Рабство негров, писал Чернышевский, «лежало гнетом на всей жизни всего североамериканского народа, пятном на доброй славе его»³⁵. Именно тогда он выдвинул положение: «нация губит сама себя, поработая человечество»³⁶. Оно по существу своему совпадает с известным афоризмом К. Маркса.

В последние годы своей жизни Чернышевский сосредоточивает внимание на раскрытии классовой природы расизма и критике попыток биологического «обоснования» его. «Рабовладельцы, — писал он, — были люди белой расы, невольники — негры; потому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории о коренном различии между разными расами людей»³⁷. Чернышевский зорко подметил, что расистская теория, «обосновывающая» рабство XIX в., не нова в своей сущности. «Уже греки, — писал он, — оправдывали свою власть над рабами тем, что масса рабов — люди другой природы»³⁸.

В противовес расистам ученый говорил, что «все расы произошли от одних предков», что «все особенности, которыми они отличаются одна от другой, имеют историческое происхождение»³⁹. Последующее развитие науки целиком подтвердило эти положения.

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 936.

³³ Еще раньше, в дневнике, Чернышевский писал: «Прочитал „Негрцию“ Ковалевского — весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас; с этим я от души согласен: когда говорят противное, мне всегда кажется, что это такой же вздор, как слова Аристотеля, что народы на север от Греции самым климатом и своею расою осуждены на рабство и варварство...» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 234).

³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 915.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 353.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 287.

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 809.

³⁸ Там же, с. 810.

³⁹ Там же, с. 819.

Конечно, некоторые высказывания Чернышевского, высказывания частного порядка (например, по анатомии черепа и мозга), ныне в свете современных данных науки устарели. Но основное направление его мыслей верное. Например, он с полным основанием показывает несостоятельность расистских измышлений о биологической «неполноценности» людей, родители которых принадлежали к разным расам. «Теперь все рассуждения о бесплодии мулаток или о неустойчивости мулатского типа, — писал ученый, — отброшены серьезными антропологами, как пустые выдумки ученых, бывших прислужниками рабовладельцев»⁴⁰. Известно, что многие нации, например кубинцы, сложились из представителей разных рас.

В заключение хотелось бы обратить внимание на цельность и неразрывную связь теоретических положений Чернышевского по рассматриваемым нами вопросам, его моральных установок как личности, практически-политических оценок ученым событий в национально-освободительном движении и его понимания путей решения некоторых проблем в жизни многонациональных государств. Не вдаваясь в решение частных вопросов, ограничимся указанием на следующие три важнейших момента. Во-первых, существо его кредо в национальном вопросе составляло требование полного равноправия и свободы для каждого народа самому определять свою судьбу. Во-вторых, он относил к революционным идеям принцип «национальности» — образования наций и национальной государственности⁴¹. В-третьих, возможность подлинного решения национальных проблем он видел только на путях революционной борьбы трудящихся за социализм.

Указанная цельность взглядов и действий великого революционера и ученого хорошо видна и на примере его солидарности с парижскими коммунарами и гарибальдийцами, и в выступлениях против великорусского шовинизма по отношению к украинскому народу, за утверждение, в частности, украинского литературного языка, и на фактах личной дружбы Чернышевского с передовыми представителями угнетенных народов Т. Шевченко, Ч. Валихановым, С. Сераковским и др.

В 60-х годах XIX в. оселком, на котором проверялся действительный революционно-демократический подход к национальному вопросу, было, как отмечал В. И. Ленин, отношение общественно-политических деятелей к борьбе поляков за национальное освобождение. И характерно, что Владимир Ильич в программной статье по национальному вопросу «О праве наций на самоопределение» указывает, что позиции Н. Г. Чернышевского в отношении восстания 1863 г. были подобными позициям К. Маркса⁴². Едва ли можно найти более высокую оценку ученому-революционеру, чем эта оценка, данная великим Лениным.

⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 815.

⁴¹ См., например: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 871.

⁴² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ, СУЩНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ГОСУДАРСТВА

Большое место в произведениях Н. Г. Чернышевского занимает вопрос о государстве. Как революционер-демократ, стремившийся к преобразованию общества, он на каждом шагу встречался с этой проблематикой и должен был выяснить для себя и своих читателей, как государство возникло, его сущность и роль в современном обществе и после победы революции, исторические судьбы государства.

Проследивая процесс происхождения государства, ученый-революционер опирается на теорию стадий хозяйственной деятельности. Как известно, и до Чернышевского эта теория широко использовалась в общественной науке, в частности на ее основе рассматривали вопрос о происхождении государства Смит и Тюрго, к произведениям которых он неоднократно обращался. Сторонниками этой теории были русские юристы, выступавшие в печати в конце XVIII—начале XIX в., С. Е. Десницкий, А. А. Артемьев, И. Ф. Тимковский, К. Ф. Михайловский, Ф. Л. Морошкин. Чернышевский также опирался на эту теорию.

На стадиях охоты и скотоводства существовала общинная собственность на землю; с переходом к земледелию возникает необходимость в личной поземельной собственности, которая постепенно вытесняет общинную. Изменение формы собственности приводит к возникновению государства. «Частная поземельная собственность была необходимым условием государственных прав»¹, — пишет Чернышевский. Он довольно подробно описывает особенности общественной организации в период общинного владения землей. «Вначале мы видим маленькие племена, из которых каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется в общий союз с другими однородными племенами, только в немногих случаях требующих общего действия»². Он говорит о полновластии членов племени, об отсутствии в условиях такой общественной организации особенных людей, заведующих отдельными отраслями управления. «Общество не знает отдельного сословия судей: суд и расправа в первобытном племени творятся всеми самостоятельными членами племени на общем собрании (мирской сходке)... Военное дело в первобытном обществе составляет принадлежность всех членов племени, без всякого специализма. Форма военной силы везде сначала одна и та же: ополчения, бе-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 573.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 371.

рущиеся за оружие с возникновением войны, возвращающиеся к мирным промыслам в мирное время»³.

Важную особенность государства Чернышевский видит в том, что значительная часть населения исключается из участия в управлении делами общества. Мыслитель видит причину этого нововведения в появлении людей, чуждых общине, но проживающих на ее территории. Эти последние лишены земельной собственности. «Везде мы видим, что первоначально участвовали в управлении государством только люди, имевшие поземельную собственность... Соединение государственных прав с поземельной собственностью произошло оттого, что первоначально была только общинная, а не частная поземельная собственность; земля принадлежала обществу, а не частным лицам, которым участки ее отдавались только в пользование... Рабы и покоренные, конечно, не получали от завоевавшей общины этих участков, они также не имели участия в государственном управлении»⁴, — отмечает Чернышевский.

С появлением частной собственности развивается имущественная дифференциация между членами общины: «... одни из владельцев богатели, другие — беднели, одни делались людьми могущественными, другие — слабыми, беззащитными»⁵. Число людей, участвующих в управлении обществом, в результате резко сокращается.

Причиной возникновения государства мыслитель считал рост общественных противоречий, однако, исходя из антропологического принципа в философии, он видел главное противоречие в отношениях между человеком и природой. Устройство внешней среды, утверждал ученый, не вполне удовлетворительно для человеческих потребностей, существует «дисгармония между условиями общей планетной жизни и частными нуждами человеческой жизни»⁶. Как отмечает В. Е. Евграфов, «антропологический принцип побуждал мыслителя искать основную причину общественных противоречий не внутри самого общества, а вне его, что придавало его рассуждениям натуралистический, т. е. в конечном счете идеалистический и метафизический характер»⁷.

Рисую картину возникновения государства и права, Чернышевский не обращается непосредственно к анализу классовых противоречий, развивающихся на основе сложившихся частнособственнических отношений. Он прежде всего рассматривает отношения человека к природе. «По натуре своей, — пишет мыслитель, — человек склонен к доброжелательству относительно других людей, но себя каждый любит более всего на свете. Каждый хочет удовлетворить своим потребностям, а средства, предлагае-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 372.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 569.

⁵ Там же, с. 570.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 607.

⁷ История философии в СССР. М., 1968, т. 3, с. 71.

мые природой, для удовлетворения всех людей не окажутся достаточными; из этого возникает вражда между людьми, расстройство лежащего в человеческой природе взаимного доброжелательства. Столкновение интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности. В каждом обществе необходимы правила для государственного устройства, для отношений между частными людьми, для ограждения тех и других правил. Таким образом, возникают законы политические, гражданские и уголовные»⁸.

Чернышевский неоднократно обращался к рассмотрению особенностей правительственной (государственной) власти. Обычно главный признак правительственной власти видят в обязанности «отдельного человека подчиняться правительственным распоряжениям, хотя бы он и не был согласен с ними», в принудительном праве правительства⁹. Однако, замечает революционный демократ, «правительственная власть — только одна из форм общественного действия»¹⁰; некоторые другие его формы также имеют этот признак. Неоднократно возвращаясь к этой мысли, он специально подчеркивает, что не имеет возможности подробно остановиться на характере этих иных форм, ограничивается лишь замечанием, что они существенно отличны от правительственной формы¹¹.

Выясняя специфические для государственной власти особенности, Чернышевский показывает, что для нее характерно отстранение граждан от непосредственного управления даже в местном масштабе. «Всем заведуют особенные люди, называющиеся чиновниками и полицейскими, по своему происхождению и личным отношениям не имеющие связи с населением округа, передвигающиеся из одного округа в другой чисто только по соображению центральной власти, действующие по ее распоряжению, обязанные отчетом только ей»¹².

В государстве появляется самостоятельное сословие судей, особое военное сословие. Чернышевский подчеркивает также неизбежную связь «идеи государства с идеей налогов и податей»¹³.

Великий демократ специально отмечает, что главная причина возникновения государства и права — несоразмерность средств к удовлетворению с потребностями — «имеет чисто экономический характер»¹⁴. Отталкиваясь от этой мысли, он определяет исторические границы существования государства и права. С ростом производительности труда и по мере сокращения производства бесполезных предметов, рассуждает мыслитель, для общест-

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 606.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 812.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 658, 790.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 372.

¹³ Там же, с. 601.

¹⁴ Там же, с. 608.

венной жизни возникнут новые условия. В таком обществе «каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта и все-таки останется за потреблением излишек средств удовлетворения; тогда, конечно, никто не будет спорить и ссориться за эти средства и распределение их вообще будет обходиться без всяких особенных законов, как ныне обходится без особенных законов пользование водами океана; пльви, кто хочет, — места всем достанет»¹⁵.

В новых условиях общественной жизни отпадает и необходимость в государственной власти. «Нет на свете ничего вечного, и могут возникнуть со временем такие формы быта, в которых или не будет вовсе ничего соответствующего нынешнему понятию о правительстве, или этот вид общественной силы и деятельности будет иметь гораздо меньше значения, чем теперь»¹⁶, — пишет Чернышевский.

Важное место в системе государственно-правовых взглядов ученого-революционера занимают его соображения о цели государства. «Для чего возникает государство и правительство, служащее органом его?»¹⁷ — спрашивает он. В данном случае речь идет не о конкретном государстве, а о государстве вообще.

Чернышевский в известной степени понимает надысторичность такой постановки вопроса. Отметив, что источником и целью правительства являются «пользы индивидуального лица», он замечает, что «содержание деятельности государства, направленной на содействие этим пользам, нельзя определить а priori, все будет зависеть от обстоятельств». При нынешнем положении дел, по его мнению, «равно настоятельны три потребности: улучшение материального быта массы, расширение просвещения и увеличение индивидуальной самостоятельности»¹⁸.

В целом такой подход к исследованию государства является идеалистическим, но в произведениях Чернышевского он используется для критики эксплуататорского государства, в ходе которой мыслитель показывает его антинародный характер.

Так, Чернышевский доказывает, что абсолютная монархия, в том числе и русская абсолютная монархия, вовсе не ставит перед собой тех целей, которые, по его мнению, должны вытекать из сущности государства. «Одни дворяне имеют значение, они одни пользуются покровительством государственной власти»¹⁹.

Мыслитель был близок к пониманию антинародной, антидемократической сущности буржуазного государства. Он утверждал, что «не только в самодержавных государствах, но и в Англии и Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов и распоряжений, независимо от народного жела-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 658.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 597.

¹⁸ Там же, с. 597, 598.

¹⁹ Там же, с. 655.

пия или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословия»²⁰. Чернышевский показывает, что в Англии «великолепный спектакль парламентского правления почти постоянно оказывается чистою комедиею», что члены палаты общин «имеют образ мыслей, далеко отстающий от желания массы»²¹. В буржуазных государствах, отмечал он, «правительство держит войска как опору против врагов не столько внешних, сколько внутренних»²².

Показывая фальшь и лицемерие буржуазной демократии, ученый в то же время не отрицал ее значения в борьбе за социальное освобождение.

Следует отметить, что к пониманию этой проблемы великий демократ пришел далеко не сразу. Так, в 1857 г. он, видимо, полагал, что социалистическое переустройство может быть осуществлено в рамках самых различных форм государства²³. В дальнейшем он меняет свою точку зрения. В 1859—1862 гг. на страницах «Современника» он все чаще и чаще отмечает важное значение политических прав и свобод²⁴. Политические требования последовательно выдвигаются им и в прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

По воспоминаниям С. Г. Стахевича, Чернышевский, будучи на каторге, в беседе с «сотоварищами по тюрьме» говорил: «Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества»²⁵.

Выступая за крестьянскую революцию, Чернышевский не планировал немедленного после ее победы установления социалистического строя. Он признавал необходимость «переходного состояния» на пути от старого общественного строя к новому. Роль государства в этот период представлялась ему весьма значительной.

Одну из закономерностей общественной жизни он видел в том, что «нет ни одной части общественного устройства, которая утвердилась бы без теоретического объяснения и без охранения правительственной власти»²⁶. Эту закономерность он полностью распространял на переходное состояние.

Именно государство, возникшее в ход революции, конфискует землю у помещиков и передает ее крестьянским общинам. Анализ статьи «Капитал и труд» позволяет предположить, что по мысли Чернышевского это государство должно финансировать

²⁰ См.: Там же, с. 265.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 9, 91.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 482.

²³ См., например: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 742.

²⁴ См.: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. К. Чернышевский или Нечаев? М., 1976, с. 11—113.

²⁵ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. 2, с. 73.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 45.

образование промышленно-земледельческих товариществ и первоначально в течение одного года осуществлять управление этими товариществами²⁷. Наряду с товариществами он планирует создание государственных предприятий.

Таким образом, Чернышевский, хотя и в весьма общей форме, намечает контуры экономической деятельности государства в переходный период. Что касается политической деятельности государства во время «переходного состояния», то о ней специально не говорится в работах мыслителя. Однако последовательный демократизм русского мыслителя, стремление передать власть после победы революции «в руки самого низшего и многочисленного класса — земледельцы + поденщики + рабочие»²⁸, устойчивый интерес к истории французской революции XVIII в., в особенности к периоду якобинской диктатуры, — все это позволяет предполагать, что он понимал значение государства как важного политического орудия в руках революционного народа.

Ряд интересных соображений, имеющих отношение к этому вопросу, Чернышевский высказал, комментируя события итальянской революции 1859—1860 гг. Он подчеркивал, что важным условием успеха революционного правительства является энергичное проведение намеченной программы, отсутствие колебаний при избрании мер, действительно необходимых для ее осуществления. «Политические перевороты, — отмечал ученый-революционер, — никогда не совершались без фактов самоуправства, нарушающего формы той юридической справедливости, которая соблюдается в спокойные времена ... Человек, который принимает участие в политическом перевороте, воображая, что не будет при нем много раз нарушаться юридические принципы спокойных времен, должен быть назван идеалистом»²⁹.

Чернышевский уделял известное внимание изучению тенденции развития демократии. Для первобытного общества, утверждал он, характерно последовательное осуществление принципа самоуправления и федерации³⁰, затем эти принципы уничтожаются. Однако, полагал мыслитель, развитие идет по кругу: в наши дни самоуправление и федерация вновь возрождаются в Швейцарии и Северной Америке³¹. Он решительно возражает Б. Н. Чичерину, по мнению которого, демократия похожа на абсолютизм в том отношении, что очень любит бюрократию и централизацию³².

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 58.

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 355.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 414.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 371.

³¹ Там же, с. 372. Заметим, что Чернышевский никогда не одобрял безоговорочно государственный строй указанных стран. В частности, его критика буржуазного государства и буржуазной демократии во многом основывается на изучении и обобщении опыта США. См. статью Е. А. Скрипилева в настоящем сборнике.

³² Там же, с. 652.

Чернышевский показывает, что «по существенному своему характеру демократия противоположна бюрократии; она требует того, чтобы каждый гражданин был независим в делах, касающихся только до него одного; каждое село и каждый город независимы в делах, касающихся его одного; каждая область — в своих делах. Демократия требует полного подчинения администратора жителям того округа, делами которого он занимается»³³. Он выступает как последовательный сторонник федерализма. «Демократия требует самоуправления и доводит его до федерации. Демократическое государство есть союз республик или, лучше сказать, образуется из нескольких постепенных наслоений республиканских союзов, так что каждый довольно значительный союз состоит, в свою очередь, из союза нескольких округов»³⁴, — пишет ученый-революционер.

Федерализм Чернышевского не имел ничего общего с федерализмом Прудона и Бакунина. В этом отношении показательно, что, высказываясь за самостоятельность отдельных частей государства, он в то же время на примере США показывал необходимость достаточно сильной общегосударственной власти, способной регулировать отношения между субъектами федерации и выступать от имени союзного государства³⁵.

Есть все основания полагать, что исследования Чернышевского по вопросам самоуправления и федерации были тесно связаны с его размышлениями о государственности при социализме. Думается, что, по его представлениям, именно эти принципы должны были лечь в основу государственного строя будущего социалистического общества.

Е. А. Скрипилев

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Важной составной частью идейного наследия Н. Г. Чернышевского являются его правовые воззрения. В оценке правовых явлений и в понимании сущности законодательства он ближе всех мыслителей домарковского периода подошел к марксизму. Его правовые взгляды были естественным продолжением критики буржуазного и феодально-крепостнического типов государства. По-

³³ Там же, с. 652—653.

³⁴ Там же, с. 653.

³⁵ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 690—691.

нимание права и законности складывалось у него в ходе разоблачения западноевропейского и русского либерализма, а также осмысления целей и путей освободительного движения в России. Революционный демократизм и социалистические идеалы служили ему верным компасом при рассмотрении государственно-правовых явлений.

В юридической литературе конца 20-х годов встречалось утверждение, будто у Чернышевского нет законченной политико-правовой теории или хотя бы более или менее систематически изложенных государственно-правовых воззрений. Конечно, у него нет столь привлекательного для юриста «систематического изложения» (в виде какого-либо трактата) государственно-правовых воззрений. Но это чисто формальная сторона дела. Перед русским демократом-революционером не могли не возникнуть сложнейшие вопросы о том, что такое право, каково его происхождение и сущность. Заслуга мыслителя состояла в том, что право он рассматривал в теснейшей связи с экономикой, с экономической и всякой иной деятельностью государства.

Объясняя происхождение права, Чернышевский исходил, с одной стороны, из своей антропологической философии, а с другой — из договорной (естественно-правовой) теории, которая восходит к Руссо. При этом следует сделать оговорку, что абстрактно-антропологические взгляды на человека он стал постепенно преодолевать, о чем свидетельствуют его слова: «человек — не отвлеченная юридическая личность»¹.

Столкновение человеческих интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности. Одни правила нужны для государственного устройства, другие — для отношения между частными лицами, третьи — для ограждения тех и других правил.

«Таким образом возникают законы политические, гражданские и уголовные. Дух и размер этих законов могут быть при различных состояниях общества чрезвычайно различны; но без законов, в том или другом духе, в том или другом размере устанавливаемых рассудком и изменяющихся сообразно с обстоятельствами, не может обойтись общество, пока существует несоразмерность между средствами удовлетворения человеческих потребностей и самими потребностями»².

В каждой сфере общественной жизни существуют свои особенные законы: 1) правила, определяющие семейную жизнь (законы о браке, об отношениях мужа и жены, родителей и детей); 2) правила для развития умственной жизни (законы о воспитании и преподавании); 3) правила об отношениях между независимыми людьми и о государственной их деятельности (законы

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 740.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 606—607.

о правах личности и о степени ее участия в государственной жизни); 4) законы для политической деятельности (законы о государственных учреждениях, о формах законодательства и администрации). Особенные законы каждой из этих сфер жизни устанавливаются рассудком. Они зависят от воли общества и изменяются сообразно перемене обстоятельств.

Следовательно, в основе взглядов мыслителя на происхождение права лежали его представления о несоответствии между материальными потребностями человека и средствами к их удовлетворению. Хотя при объяснении происхождения права Чернышевский не исходит из деления общества на классы и классово-вой борьбы, все же он трактует право как историческое, т. е. переходящее, явление. Рассматривая вопрос о соотношении общественного и личного интересов, он приходит к выводу о праве общества вмешиваться во все дела индивида.

В своих работах Чернышевский нанес сокрушительный удар по теории «laissez faire, laissez passer», проповедовавшейся отсталыми экономистами, согласно которой государство не вправе вмешиваться в экономические отношения, так что его задача сводится лишь к ограждению безопасности частных лиц. Он решительно несогласен, что верховным принципом общества является безусловная свобода для деятельности частного лица. Нет, государство (общество) должно вмешиваться, так как потребности общества и частных лиц не ограничиваются одной безопасностью. Есть также потребности материального и духовного благосостояния³.

Чернышевский показал, что теория «laissez faire» не только не согласуется с действительностью, но и вредна практически. Почти все стеснительные меры, принимаемые западными правительствами, оправдываются ими ссылками на общественную безопасность. Но если большинство частных лиц все же думает о своих экономических делах, то оно не имеет никакого влияния на административные, судебные, вообще политические дела. Теория «laissez faire», ограничивая деятельность государства одной заботой о безопасности, оборачивается произволом, подавлением личности.

Чернышевского постоянно занимал вопрос о том, какова степень «возможного влияния законодательных мер на понятия и обычаи общества»⁴. Правительство, с точки зрения мыслителя, составляет одну из форм общественной силы и деятельности. Правительственная деятельность повсюду господствует и над всеми другими формами общественной деятельности, и над индивидуальной жизнью. Всякий акт экономической деятельности общества, если только он достигает серьезного значения, «принимает правительственную форму». Хотя в Англии индивидуальная деятельность, по его мнению, менее подчинена правительствен-

³ Там же, т. V, с. 589.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 813.

ному влиянию, но и здесь такая зависимость довольно значительна. «Например, никакой контракт не имеет силы без предъявления правительству, которое рассматривает его условия и может воспретить его, если он не соответствует правительственным требованиям»⁵.

В заметках на полях книги Бокля «История цивилизации в Англии» Чернышевский высказал свое несогласие по поводу общей оценки развития английского законодательства. По мнению Бокля, наиболее ценными улучшениями в законодательстве являются те, которые отменяют прежнее законодательство. Поэтому следует выразить признательность отдельным законодателям, но не всему классу законодателей. Самыми ценными были те узаконения, которыми разрушалось предыдущее законодательство. Чернышевский нашел, что мысли Бокля заняты исключительно законодательством в пользу свободной торговли. Поэтому он и вывел из одного этого класса законов общую теорию прогрессивного законодательства⁶. Чернышевский возразил Боклю указанием на билль о парламентской реформе 1832 г., которым ведь не только уничтожались гнилые местечки, но и вводились новые депутаты⁷. Боклю дело представлялось в таком виде. Невежеством предыдущего законодательства вещи были отвращены от своего естественного русла. Поэтому вся цель и тенденция современного законодательства заключаются в том, чтобы вернуться к прежнему руслу. Чернышевский возразил: «Не только. Нужны также положительные определения, например, *Sanitary bills* (санитарные законы). Отмена закона может быть полезна, хотя и установление его было полезно в свое время. И в законодательстве есть новые открытия, как в точных науках, и польза астрономии не в одном разрушении астрологии»⁸.

Обращаясь к сфере законодательства, Чернышевский проводит различие между «экономической регламентацией» и «дельным (разумным) законодательством». Регламентация имела место в период Средних веков, осталась она и в Новое время. Она не достигает той цели, ради которой вводится; опутывает жизнь мелочным надзором; развивает в людях качества, делающие нужным усиление административного контроля; обременяет администрацию и убыточна для казны.

Разумное законодательство, напротив того, доставляет администрации меньше хлопот, а казне — меньше расходов; оно прямо достигает цели, к которой стремится; надзор за исполнением дельных законов легок, так как при них администрации меньше дела. Следовательно, такие законы уменьшают зависимость частного лица и содействуют развитию в нем самостоятельности⁹.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 658.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 560—561.

⁷ Там же, с. 561.

⁸ Там же.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 612—613.

Чернышевский обосновывает идею, что при проведении каких бы то ни было государственных (законодательных) мер необходимо учитывать общественное мнение. «Требование известных законодательных мер со стороны общественного мнения очень важно в том смысле, что служит ручательством за успешное их осуществление»¹⁰. Но правительство не должно только идти позади общественного мнения. Важно, чтобы правительство действовало благоразумным и полезным для общества образом. Если оно когда-нибудь по благоприятному случаю становится впереди общественного мнения, тем лучше для общества. Правительство не должно ожидать той поры, пока общественное мнение настолько созреет, что само, по своей инициативе потребует проведения в жизнь реформы. Так, не следует отлагать учреждение школы в каком-нибудь селе до той поры, пока общественное мнение жителей этого села потребует учредить школу. Некоторые слои населения в силу грубости своих нравов и низких понятий могут не находить ничего вредного в телесном наказании. Однако правительство не может отлагать уничтожение телесного наказания до той поры, пока мнение этих слоев потребует такой реформы.

Чернышевский, далее, рассматривает и вопрос о том, могут ли законодательные меры опережать потребности общества. По его словам, «благоразумие не дозволяет никому слишком далеко опережать своими действиями степень развития лиц, для которых предпринимаются действия. Этому условию подлежат и законодательные меры...». Однако гораздо чаще встречаются случаи, когда законодательная мера «остаётся безуспешна не потому, чтобы далеко собою опережала потребности общества, а только потому, что, провозглашая известную цель, не предлагает необходимых способов к ее достижению или забывает об устранении фактов, препятствующих тому». Дело часто сводится к тому, что закон ограничивается установлением наказаний за его нарушение. А важно «устроить обстановку, нужную для его исполнения»¹¹.

Большой заслугой Чернышевского была постановка вопроса о соотношении революции и старой законности, «принципа легальности». Его вывод был таков: чтобы добиться улучшения своего положения, реализовать свои требования, народная масса должна выйти за рамки легальности, преступив существующую законность.

Он упрекал либералов, «правителей Центральной Италии», которые не умеют вести дело как следует, ибо не понимают его сущности, боятся тех мер, которых оно требует. «Их дело — революционное, а они воображают придать ему характер законности; принцип, осуществления которого они хотят, принцип верховной власти народа — смертельно враждебен принципу леги-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 814.

¹¹ Там же, с. 815.

тимности, а они хотят приобрести помощь континентальной дипломатии, которая держится договорного права и династического принципа». Итак, «революционное дело надо вести революционным путем»¹².

«Не только в самодержавных государствах, но и в Англии и в Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов и распоряжений, независимо от народного желанья или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословия»¹³.

Когда народ придет к власти, он сумеет издать такие законы, которые изменят условия жизни и характер нации. До того тщетно ожидать, чтобы законы отвечали интересам трудящихся. Правда, царское правительство отменило крепостное право. Но в этом случае «власть принимала на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, несогласных с характером самой власти», почему реформа и была проведена с максимальным учетом интересов крепостников.

Так как Чернышевский не мог прямо употребить слова «произвол», «беззаконие», царившие в России, то он употреблял выражение «неопределенность законных отношений»¹⁴. Главная причина и источник беззакония и произвола — крепостное право. «По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и, какими законами ни определилось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом».

В трудах Чернышевского дана характеристика не только права и законодательства в целом, но и отдельных отраслей права — гражданского, уголовного, административного и пр.

Главным институтом гражданского права является право собственности. Русский мыслитель был принципиальным противником частной собственности. Всякое недвижимое имущество, даже не очень значительное, и всякое значительное движимое имущество дают собственнику власть над судьбой других людей подобно той власти, какую дает должность: «собственник непременно имеет патронатство над окружающими его». Зависимость «простолюдина» от полиции, как бы ни была велика, все-таки не так велика, как зависимость от хозяина. Всякую же недвижимую собственность ученый рассматривал как монополию¹⁵. Он пришел к выводу, что движением собственности управляют несколько принципов, а именно наследство, приданое, духовное завещание, дарение, продажа и покупка. Перечисленные принципы действуют «по тенденции сосредоточения». Принцип продажи и покупки действует различно в разные эпохи: «...иногда большие недвижимые имущества распродаются по мелким частям, иногда малые скупаются в одну массу». Преобладание ломки

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 418.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 265.

¹⁴ Там же, с. 769.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 838.

больших имуществ посредством распродажи свойственно эпохам экономических кризисов, когда класс больших землевладельцев терпит коммерческое или общественное банкротство. Итак, постоянно и быстро поземельная собственность сосредоточивается все в меньшем числе рук, во все больших размерах¹⁶. Однако на пути действия этого закона существуют препятствия, «коррективные средства против абсолютного соединения поземельной собственности» — война и пачилия, пороки и болезни. Самым же сильным, но в то же время болезненным средством являются и экономические кризисы. Тем более драгоценны учреждения, которые, не имея стеснительности, представляют гарантию против безграничного действия слепых агломерирующих принципов. К числу таковых революционер-демократ относит общину.

При сопоставлении общинного владения и частной собственности Чернышевский отдавал предпочтение первому. По общинному владению возникает несравненно меньше юридических споров, нежели по частной собственности. Над частной собственностью, хотя она и в достаточной степени ограждена законом, постоянно нависает опасность вмешательства в права собственника. Эти права оспариваются. Отсюда и беспрестанные тяжбы или административные разбирательства. Юридическая безопасность общинного владения неизмеримо выше. Совершенная бесспорность общинного имущества влечет за собой ряд важных последствий: 1) создает независимость частного лица; 2) служит преградой постороннему вмешательству в его жизнь; удаляет предлоги для мелочного контроля и стеснения жизни.

Будучи противником капиталистической системы хозяйства, Чернышевский отрицательно относится к договору о найме рабочей силы, к трудовому договору. Он ставит вопрос: следует ли труду быть товаром, следует ли ему иметь меновую ценность? И отвечает отрицательно. Продажа и покупка труда есть продажа и покупка человека.

Законодательство некоторых стран, отвергавших невольничество, запрещает человеку продавать себя. Но покупка труда отличается от покупки человека только двумя обстоятельствами: 1) продолжительностью времени, на которое совершается продажа; 2) степенью власти, какую дает над собою продающийся покупателю. Но здесь различие только количественное, а не качественное, только по степени, а не по основному характеру¹⁷.

Договор о продаже труда может не отличаться от договора о кабале на срок (кабальный может продавать себя и не на всю жизнь, а на известный срок). Но между ними существует очень значительное различие по размеру власти, какую дает над собою первый и второй.

Кроме права требовать от невольника исполнения работы, невольничество (рабство) обыкновенно дает господину право судить

¹⁶ Там же, с. 389, 390.

¹⁷ Там же, с. 537—538.

самому, исполняет ли невольник свои обязанности, и взыскивать за их неисполнение. В смягченных формах невольничества судебная и исполнительная власть господина постепенно уменьшается. Бывает, что господину предоставляется право только жаловаться на невольника. Но и в тех формах, где господин сам бывает судьей и исполнителем, эта власть присваивается ему только как второстепенная принадлежность главного права — права требовать труда; присваивается лишь для облегчения положения постоянных судей и администраторов. Если же они берут на себя из рук господина разбор его требований, то, облегчая положение невольника, вместе с тем облегчают и господина, который все-таки остается господином. Сущность невольничества не в этой судебной и административной власти, а, собственно, в праве на труд¹⁸. Нечего и говорить, что ни один современный Чернышевскому юрист-цивилист не рассматривал вопросы гражданского права так глубоко. В лучшем случае юристы методом формального анализа разбирали куплю-продажу, права и обязанности сторон и т. п.

Вопросы гражданского права были теснейшим образом связаны с природой общинной собственности, сущностью крепостного права, взаимоотношениями между помещиками и крестьянами. А так как подобные вопросы регулировались Сводом законов, то Чернышевскому приходилось нередко обращаться к тем или иным статьям этого кодекса, давая им по возможности благоприятное для крестьян толкование¹⁹ в противоположность сторонникам крепостного права, толкующим те же статьи в пользу помещиков.

Огромное внимание в произведениях Чернышевского уделено браку и семейным отношениям. Когда ученый вел речь о семье, то употреблял выражения «семейная жизнь», «семейный быт». К нормам или правилам, определяющим семейную жизнь, он относил законы о браке, об отношениях мужа и жены, родителей и детей; сюда же он относил и приданое как принадлежность брака²⁰, а также и наследство.

Чернышевский отрицал брак «в том виде, как он теперь существует»²¹. Он резко критиковал брак в буржуазном обществе. «Самый брак стал просто коммерческой сделкою, денежным расчетом: жених продает себя, невесту продают... едва умирает человек, над его трупом начинаются ссоры и процессы из-за наследства»²².

Чернышевский ратовал за раскрепощение женщины, за полное уравнение в правах женщины с мужчиной. Он проводил мысль, что вопрос о равенстве женщины с мужчиной не есть

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 538.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 867.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 388—389.

²¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. 2, с. 76.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 158.

только юридический вопрос. Уравнение в правах — гражданских и имущественных — лишь условие для достижения фактического равенства. Но как избавить женщину от семейного гнета? Условием для этого является ее освобождение от гнета социально-экономического и политического. А такое освобождение возможно лишь вследствие народной, т. е. крестьянской, революции.

Уголовно-правовые взгляды Н. Г. Чернышевского противоположны взглядам официальной юридической науки, которой было чуждо понимание истинных причин преступности и действенных средств к ее преодолению.

Исходя из положения о том, что преступления причинно обусловлены внешними формами, он опровергал мнение тех, кто считал преступные качества врожденными²³. Преступниками не рождаются, таковыми их делает социальная среда. Он резко критиковал мальтузианские теории («человекоубийственную систему Мальтуса») «о необходимости порока и нищеты в массе для счастья избранных судьбы, нашедших себе место на пиру жизни». Революционер-демократ показал несостоятельность утверждений, будто преступники рекрутируются только из угнетенных классов, пролетариев. В каждом сословии «есть люди нравственно дурные, люди, которым дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурным страстям: тщеславию, самовластию, лени, низким порокам и т. п. . . .»²⁴.

Отмечая рост пролетариата в Европе, он писал в марте 1857 г., что главным источником нищеты и бедствий надо считать не недостаточность средств к быстрому и коренному улучшению народного быта, а дурное и несправедливое распределение этих средств или недоброжелательство к улучшению народного быта со стороны людей, держащих в руках эти средства и по своекорыстному расчету не применяющих их к делу.

«Бедность . . . главный источник невежества, пороков и преступлений»²⁵. На личность человека, на его деятельность оказывают отрицательное влияние пороки эксплуататорского общества. Вы вините человека, писал Чернышевский, всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а беда.

Великий русский мыслитель видел, что современные ему государства борются с преступлениями только путем применения уголовных наказаний. По его словам, «нужно не наказание отдельного лица, а изменение в условиях быта для целого сословия»²⁶. Он писал: «. . . само наказание есть зло»²⁷. Есть только

²³ Там же, т. IV, с. 287—288; т. X, с. 916.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 146.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 256.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 165.

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 496.

один способ борьбы с преступлениями — искоренить причины, порождающие преступность.

Государство не может свои задачи сводить только к применению уголовной кары против преступников, но должно улучшить материальные условия жизни народа, уничтожить самую экономическую основу преступности²⁸.

Чернышевский возвышал голос и против телесных наказаний, заявляя, что телесное наказание противоречит «здравому смыслу и политической расчетливости, не говоря уже о гуманных принципах»²⁹. Он связывал телесные наказания с крепостной системой, унижающей человеческое достоинство.

Чернышевский уделял значительное внимание вопросам судопроизводства и судопроизводства в различных человеческих обществах.

По мнению Чернышевского, судебная система в современных ему государствах отвечает лишь интересам богатых, так как «хорошее отправление правосудия стоит очень дорого, и нет ни одной страны, в которой небогатые люди могли бы вполне пользоваться его выгодами»³⁰. Он непрестанно проводил мысль, что царившая в России продажность суда и администрации есть ближайшее следствие крепостнических порядков.

Произвол и беззаконие администрации и суда, отмечал Чернышевский, могут порой затрагивать и самих дворян. Но дворянство готово мириться с мелкими нарушениями законности, ибо само кривно заинтересовано в сохранении своей власти над крепостными. Более высокой формой суда он считал суд присяжных, а потому и критиковал тех, кто, как Ив. Аксаков, твердил: «Нам не нужно суда присяжных»³¹. Однако он вовсе не идеализировал и суд присяжных. В романе «Пролог» мы читаем: «... суд присяжных. Тоже важная вещь, когда находится не под влиянием такого общего национального устройства, при котором никакие судебные формы не могут действовать много хуже суда присяжных!.. Какие судебные формы могут иметь какую-нибудь серьезную важность, пока общий характер национального устройства не охраняет правду и защитников ее? — Все вздор»³².

В беседе с С. Г. Стахевичем, т. е. уже во время пребывания на каторге, Чернышевский высказал глубокие и оригинальные мысли о причинах проведения судебной реформы 1864 г. «Во всей общественной жизни России тон задает дворянство. Пока существовало крепостное право, дворянство не могло допустить новых судов с их гласностью, состязательностью, равноправием сторон. Почему? Засекание людей на барских конюшнях, поругание женщин в барских гаремах, ужасающая жестокость

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 589.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 698.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 494.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 63.

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 242—243.

крестьян в тех случаях, когда они теряли терпение и становились бунтовщиками, — все это вышывало бы паружу, вызывало бы широко распространенные разговоры и рассуждения, подрывало бы основу государственного строя — крепостное право. Этого дворянство не могло допустить. Но, после того как крепостное право пало, суды нового устройства перестали быть страшными для дворянству — и они были введены»³³.

Значительный интерес представляют высказывания Чернышевского по проблемам международного права. Современное ему международное право покоилось на реакционных началах легитимности и «политического равновесия», провозглашенных и закрепленных в 1815 г. Венским конгрессом, узаконившим раздел Польши и раздробленность Италии и Германии. Принцип легитимности означал «право» крупнейших европейских держав вмешиваться во внутренние дела всякого государства, когда в нем будет низложено «законное правительство», т. е. царствующая династия. Русский ученый был решительным противником этого «права» на интервенцию в целях подавления революционных движений и восстановления старых, феодально-абсолютистских порядков. Он отстаивал суверенитет народов, больших и малых, «цивилизованных» и колониальных. Исходя из принципа «верховной власти народа»³⁴, мыслитель считал, что каждая национальность вправе независимо управлять всеми своими делами³⁵.

Чернышевский отмечал, что абсолютистские и буржуазные государства часто нарушают договоры, преступают трактаты и конвенции, если находят это выгодным для себя, нарушают «дипломатический обычай и европейское право», правила «международных европейских отношений»³⁶. Условия и оговорки трактатов «перетолковываются так или иначе, исполняются или не исполняются сообразно с отношениями и событиями»³⁷. Политика крупных государств такова, что сущность дела «при договоре и без договора и при всякой форме договора остается одна и та же» Так, на бумаге может быть заключен союз оборонительный и наступательный или только оборонительный. Но если будет выгодно подать помощь, «то и наступательная война окажется оборонительной, а если невыгодно, то и в оборонительной войне окажутся обстоятельство, уничтожающие приложимость договора»³⁸. Одним словом, договор соблюдается лишь в том случае, если соответствует выгодам и расчетам заключившего его государства или если слабое государство принуждают с помощью силы соблюдать договор. В связи с политикой Наполе-

³³ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2, с. 74.

³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 418.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 333.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 391.

³⁷ Там же, с. 163.

³⁸ Там же.

она III, жонглировавшего словами о войне «оборонительной» и «наступательной», Чернышевский заметил: «Если так истолковываются формальные условия трактатов, то не все ли равно, как если бы не существовало никаких условий и никаких трактатов, а действия сообразовались бы только с отношениями и выгодами? В сущности оно так и бывает»³⁹.

Правовые взгляды великого русского ученого не утратили своей научной ценности и актуальности и в условиях современной идеологической борьбы. Идеологи антикоммунизма безудержно восхваляют буржуазные свободы, поднимают па щит «демократию свобод» мира капитализма. Они ведут шумную пропагандистскую кампанию в «защиту прав человека», якобы нарушаемых в СССР и других странах социализма, кричат «об ущемлении гражданских свобод».

Для буржуазных и социал-реформистских концепций прав и свобод, если брать методологическую сторону дела, характерна абстрактная постановка вопроса о правах человека. Между тем Чернышевский уже более 100 лет назад заметил: «... человек не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, в жизни и счастья которого материальная сторона (экономическая база) имеет великую важность»⁴⁰.

В своей критике буржуазного либерализма Чернышевский едва ли не главное внимание уделял разоблачению мифа о «свободах» и «равенстве» всех перед законом. В буржуазном обществе за каждым человеком провозглашаются одинаковые права. Но нет возможности воспользоваться этими правами тем, кто не обладает собственностью, не принадлежит и имущим верхам. Русский революционер-демократ бичевал буржуазных либералов, злоупотреблявших словом «свобода». Либеральное понятие о свободе как простое, отвлеченное отсутствие юридического запрещения он называл теоретически узким. Масса народа ничуть не дорожит правами, воспользоваться которыми она не может по недостатку средств. Либерализм хлопочет об отвлеченных правах, но не заботится о житейском благосостоянии масс, которое только одно способно обеспечить реальное осуществление права⁴¹. Для либерализма, понимающего свободу чисто формальным образом, она «состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средства для удовлетворения этой изящной идеи, потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своим

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 163.

⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 740.

⁴¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 217—218.

правом иметь золотой сервиз и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле».

Для того чтобы показать бесплодность либеральных упований на право, как таковое, Чернышевский ссылался на пример Тюрго, министра Людовика XVI, проведшего ряд реформ в 1774—1776 гг., но потерпевшего полную неудачу в этом деле. Тюрго провозгласил «право работать», но, говорит русский мыслитель, он никогда не достигал того, чтобы признать за человеком право иметь работу. Он допускал «право искать работу, а не право иметь ее — различие существенное»⁴². Таким образом, право в том смысле, как определяли его экономисты XVIII в., как понимал и провозглашал его Тюрго, могло, по Чернышевскому, служить только маскировкой несправедливости, которая должна была возникнуть из господства индивидуализма.

Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право», надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом⁴³.

Чисто юридическое, т. е. формальное, разрешение буржуазией вопроса о правах личности при отрыве экономики от права вызывает резкую критику со стороны Чернышевского. Права граждан только тогда перестают быть фикцией, когда человек материально независим. Они «на самом деле обеспечиваются только исполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость». Именно так обстоит дело и в области политических прав. От чего зависит участие лица или сословия в государственной власти, чем определяется их влияние на общественные дела? Оно зависит не от предоставления права формального участия в формальных актах управления, а от того, находятся ли эти лица или это сословие в таком положении среди общественной жизни, чтобы иметь в ней реальное значение⁴⁴.

Ныне, как и во времена Чернышевского, лозунги «свободы личности», «народного суверенитета», «разделения властей», хотя они и записаны в буржуазных конституциях, декларируются во многих государственно-правовых документах и ученых трактатах, на поверку оказываются лишенными реального содержания, остаются чистой формальностью.

Таким образом, и в наши дни правовые воззрения Чернышевского могут послужить хорошим подспорьем в той идеологической борьбе, которую ведут марксисты против буржуазных и социал-реформистских концепций о свободах и правах человека.

---

⁴² Там же, с. 302.

⁴³ Там же, с. 302—303.

⁴⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 402—403.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
<i>П. Н. Федосеев.</i> Н. Г. Чернышевский — великий русский мыслитель и революционер	5
<i>Г. М. Марков.</i> Живут традиции Н. Г. Чернышевского	37
<i>В. К. Гусев.</i> Наша слава и гордость	40
<i>В. И. Шинкарук.</i> Н. Г. Чернышевский и антифеодальное национально-освободительное движение в России в середине XIX в.	43

I

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

<i>М. Т. Иовчук.</i> Революционный демократизм и научное мировоззрение Н. Г. Чернышевского, его наследие и советская наука	47
<i>А. Ф. Смирнов.</i> Революционная деятельность и политическая программа Н. Г. Чернышевского	68
<i>Е. Л. Рудницкая.</i> Революционная деятельность соратников Н. Г. Чернышевского и «Колокол»	86
<i>В. А. Родионов.</i> Н. Г. Чернышевский и саратовский край	98
<u>И. М. Романов</u> , <i>Г. Г. Макаров.</i> Борьба Н. Г. Чернышевского против царизма и реакции в период вилуйского заточения	106
<i>В. Н. Иванов.</i> Н. Г. Чернышевский о социально-экономическом развитии Якутии второй половины XIX в.	111
<i>С. А. Троицкий.</i> Попытки освобождения Н. Г. Чернышевского	117
<i>Н. Н. Новикова.</i> Источники информации В. И. Ленина о Н. Г. Чернышевском и его эпохе	122
<i>Е. С. Шаблювский.</i> Н. Г. Чернышевский и украинская культура	132
<i>В. Я. Гросул.</i> Н. Г. Чернышевский и балканский вопрос	144
<i>В. Е. Невлер.</i> Н. Г. Чернышевский и национально-освободительное движение в Италии	150

II

НАСЛЕДИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ФИЛОСОФИИ, ЭТИКЕ, ПСИХОЛОГИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

<i>Ю. С. Мелентьев.</i> Философские взгляды Н. Г. Чернышевского и некоторые вопросы современной идеологической борьбы	158
<i>В. С. Кружков.</i> Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов	180
<i>И. Я. Щипанов.</i> Диалектика Н. Г. Чернышевского	188
<i>Я. Ф. Аскин.</i> Развитие Н. Г. Чернышевским теории детерминизма	201
<i>И. Я. Левяш.</i> Проблемы социального прогресса в философском наследии Н. Г. Чернышевского	207
<i>В. В. Соколов.</i> Проблемы истории западноевропейской философии в трудах Н. Г. Чернышевского	214
<i>П. С. Шкуринов.</i> Н. Г. Чернышевский и критика современной буржуазной антропологии	220
<i>А. И. Новиков.</i> Критика буржуазной фальсификации идейно-теоретического наследия Н. Г. Чернышевского (К характеристике историко-философских истоков)	229
<i>Е. А. Будилова.</i> И. М. Сеченов и Н. Г. Чернышевский	236
<i>С. С. Волк, В. С. Никоенко.</i> Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский	242
<i>Б. М. Шахматов.</i> Н. Г. Чернышевский и П. Н. Ткачев (К постановке вопроса)	248

III

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>В. Р. Щербина.</i> Н. Г. Чернышевский: эстетическая и литературно-критическая деятельность	259
<i>Г. Коновалов.</i> Слава России	275
<i>А. А. Баженова.</i> Чернышевский и русская эстетическая мысль	277
<i>И. И. Квасова.</i> Н. Г. Чернышевский и некоторые вопросы нравственного содержания искусства	288
<i>А. Л. Андреев, М. А. Маслин.</i> Некоторые аспекты материалистической эстетики Чернышевского и современная борьба идей	294

IV

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Н. А. Цаголов.</i> Крупнейший экономист домарковского периода	303
<i>А. Д. Косичев.</i> Великий социалист домарковского периода	319
<i>Р. П. Конюшая.</i> К. Маркс за изучением трудов Н. Г. Чернышевского	328
<i>А. И. Владовин.</i> Чернышевский и Энгельс	340
<i>В. С. Афанасьев.</i> Н. Г. Чернышевский о кризисе буржуазной политической экономики и современность	347

<i>В. Н. Гинев.</i> Критика Н. Г. Чернышевским капитализма	354
<i>П. В. Хессин.</i> Н. Г. Чернышевский о путях экономического развития России	358
<i>П. Г. Рындзюнский, [В. М. Жуков].</i> Община и трудовая артель в системе взглядов Н. Г. Чернышевского	367
<i>А. Г. Назаров, В. В. Орешкин.</i> Обоснование Н. Г. Чернышевским первой программы развития политической экономии	374
<i>П. М. Рогачев, М. А. Свердлин.</i> Вопросы патриотизма и национальных отношений в трудах Н. Г. Чернышевского	384
<i>П. С. Грацианский.</i> Н. Г. Чернышевский о происхождении, сущности и исторических судьбах государства	395
<i>Е. А. Скрипилев.</i> Правовые воззрения Н. Г. Чернышевского и их значение в современной идеологической борьбе	401

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Утверждено к печати Научным Советом по истории общественной мысли АН СССР

Редактор *Н. И. Кондаков.* Художник *Г. А. Астафьева.*
Художественный редактор *С. А. Литвак.*
Технический редактор *О. М. Гуськова.*
Корректоры *Ф. А. Дебабов, К. П. Лосева*

ИБ № 18325

Сдано в набор 5.12.79. Подписано к печати 27.05.80. Т-05289. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 29,6. Тираж 4300 экз. Тип. зак. 956. Цена 3 р. 20 к.

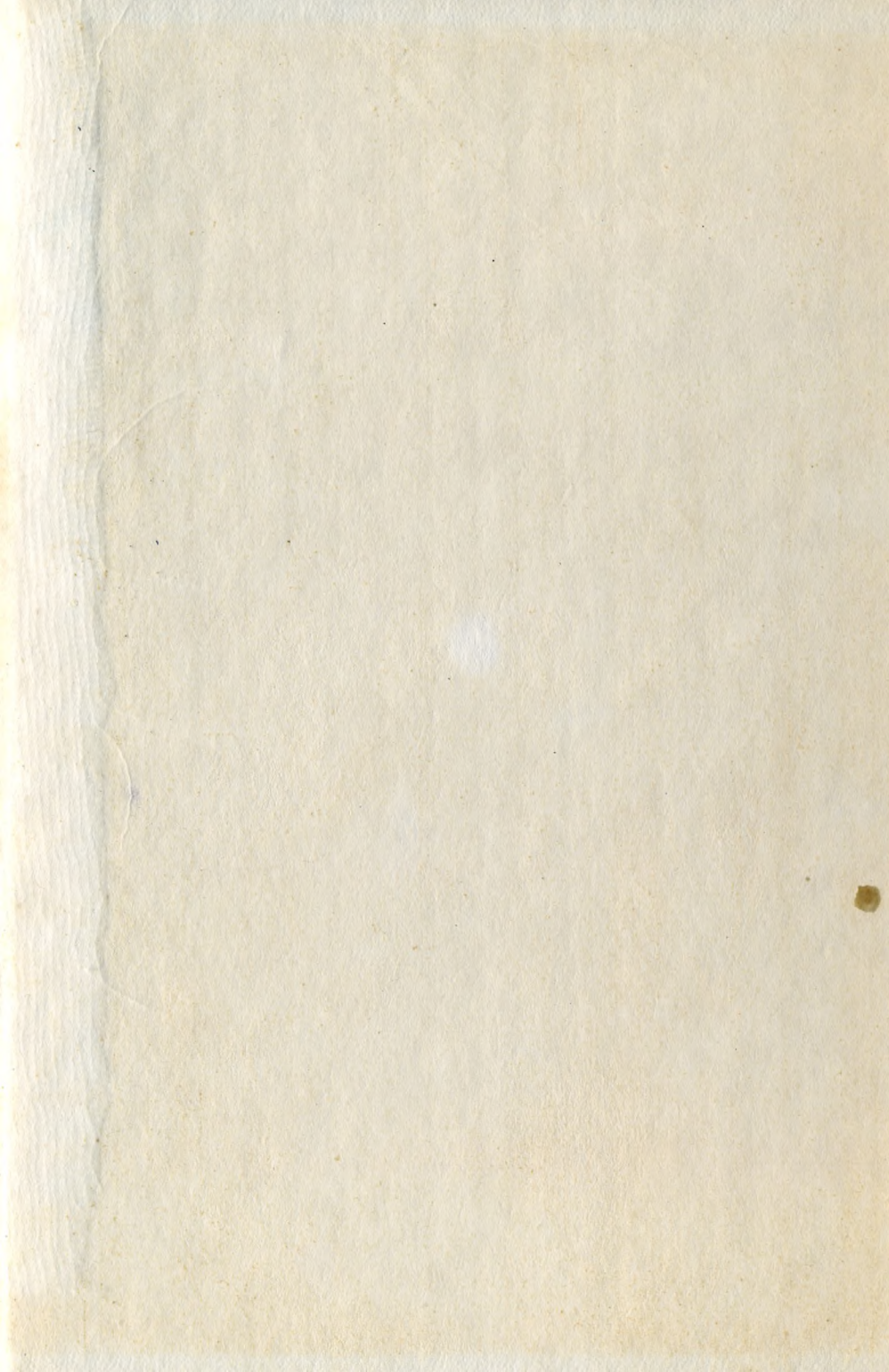
Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485. Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

35.206

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ